

ВУЗАНТИНА.

ОЧЕРКИ, МАТЕРІАЛЫ И ЗАМѢТКИ ПО ВИЗАНТІЙСКИМЪ
ДРЕВНОСТЯМЪ

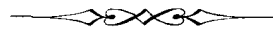
Д. О. БЪЛЯЕВА.

КНИГА III.

Посмертное изданіе.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1906.

БОГОМОЛЬНЫЕ ВЫХОДЫ

ВИЗАНТИЙСКИХЪ ЦАРЕЙ

въ городскіе и пригородные храмы Константинополя.

Съ портретомъ автора, двумя таблицами и 27 рисунками въ текстъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1906.

Напечатано по постановленію Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.

1 сентября 1906 г.

Секретарь *Б. Фармаковский.*

Изъ IV тома „Записокъ Классическаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества“, стр. 1—189.

Типографія И. Н. Скороходова (Наеждиная, 43).

A stylized, cursive signature in black ink, enclosed within a thin oval border. The signature is highly decorative and difficult to decipher, but it appears to be a personal name or title.

ОТЪ РЕДАКЦИИ.

«Если бы послѣ Д. Θ. Бѣляева остались только двѣ книги его «Byzantina», то и этого наслѣдія было бы съ избыткомъ достаточно для того, чтобы признать его заслуги для византиновѣдѣнія незабвенными». Такъ писалъ я въ некрологѣ покойнаго, помѣщенномъ въ VIII т. «Византійскаго Временника», не зная въ то время, что Д. Θ. Бѣляевымъ, еще до постигшей его тяжелой болѣзни, составлена была отчасти и III книга «Byzantina». Рукопись этой III книги доставлена была, послѣ смерти Д. Θ. Бѣляева († 10 марта 1901 г.), въ Императорское Русское Археологическое Общество Ю. А. Кулаковскимъ съ предложеніемъ напечатать его въ «Запискахъ» Общества. Редакція «Записокъ», въ которыхъ помѣщены были двѣ первыя книги «Byzantina» (Новая серія, тт. V и VI), разумѣется, съ большою благодарностью приняла предложеніе Ю. А. Кулаковскаго.

На оберткѣ, въ которой доставлена была рукопись III книги «Byzantina», Д. Θ. Бѣляевымъ помѣчено «Казань, 1892—»¹⁾. Ясно, покойный предполагалъ не ограничиться четырьмя тѣми главами, которыя теперь напечатаны; это видно и изъ содержанія особенно послѣднихъ двухъ главъ, гдѣ имѣются указанія на дальнѣйшія предположенія автора, къ сожалѣнію, оставшіяся невыполненными. Ясно также и то, что четыре главы, входящія въ составъ III книги «Byzantina», не были окончательно проредактированы авторомъ. На поляхъ руко-

---

¹⁾ Изъ содержанія I и II главъ видно, что онѣ были написаны или дополнены Д. Θ. Бѣляевымъ послѣ поѣздки его въ 1894 г. въ Константинополь; отсутствіе же упоминаній о поэмѣ Родія въ IV главѣ показываетъ, что эта глава была закончена, вѣроятно, ранѣе 1896 года.

II

писи сохранились замѣтки Д. О. Бѣляева, сдѣланныя карандашомъ, изъ которыхъ слѣдуетъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ авторъ предполагалъ кое-что дополнить; а, быть можетъ, кое-что и измѣнить. Все же и въ томъ видѣ, въ какомъ оставлены были Д. О. Бѣляевымъ эти четыре главы III книги «Byzantina», оказалось вполне возможнымъ ихъ напечатать и украсить, такимъ образомъ, этимъ наслѣдіемъ покойнаго члена Общества «Записки» послѣдняго.

Тѣ незначительныя дополненія и измѣненія исключительно редакціоннаго характера, которыя пришлось сдѣлать, отмѣчены [ ]. Во всемъ остальномъ рукопись печаталась безъ измѣненій, въ томъ видѣ, въ какомъ она сохранилась. На нѣкоторые изъ рисунковъ, иллюстрирующихъ текстъ, имѣются указанія и въ рукописи Д. О. Бѣляева; другіе рисунки, равно какъ и планъ Константинополя Буондельмонте, воспроизведенный на табл. I и II по книгѣ Mordtmann'a, ¹⁾ присоединены по указанію Я. И. Смирнова, щедро помогавшаго мнѣ при редакціи и корректурѣ.

Приложенный портретъ Д. О. Бѣляева исполненъ по фотографическому снимку, любезно доставленному мнѣ вдовою покойнаго З. В. Бѣляевой.

Августъ 1906.

С. Жебелевъ.

---

¹⁾ Esquisse topographique de Constantinople (Lille, 1892), стр. 44, 73. [отд. отд. изъ Revue de l'art chrétien, 4 série, II (1891)]. Рисунки 19—23, 27 въ текстѣ исполнены по фотографіямъ, рис. 1, 2 и 6 заимствованы у van Millingen, Byzantine Constantinople (London, 1899), стр. 106—107; рис. 3—5, 7—16—у Strzykowski, Jahrb. d. k. d. arch. Inst. VIII (1893), стр. 6, 8, 7, 13, 15, 20, 22, 23, 27, 9, 232, 233; рис. 17 и 18 у Barth'a, Konstantinopel (Berühmte Kunststätten, № 11), стр. 113, 116; относительно рис. 24—26 см. соотвѣтствующія указанія на стр. 166 (прим.), 169 (прим. 1).

BYZANTINA.

Очерки, матеріалы и замѣтки по византійскимъ древностямъ.

КНИГА III.

Богомольные выходы византійскихъ царей въ городскіе и пригородные храмы Константинополя.

ГЛАВА I.

Средневѣковой Константинополь и Средняя улица въ немъ.

Исторія Константинополя начинается со времени основанія мегарскими выходцами греческой колоніи Византіи (Βυζάντιον) въ 658 году, названной такъ по имени ея миѳическаго основателя Византа (Βύζας)¹⁾. Безъ всякаго сомнѣнія, туземныя поселенія были здѣсь гораздо раньше, такъ какъ трудно допустить, чтобы такое превосходное и удобное для поселенія мѣсто такъ долго оставалось безъ всякаго населенія и нужно было специальное указаніе на его удобства Дельфійскаго оракула для того, чтобы привлечь туда первыхъ поселенцевъ. Но исторія не знаетъ этихъ древнѣйшихъ обитателей Золотаго Рога, которымъ, по всей вѣ-

---

¹⁾ Литература по исторіи Византіи [указана въ статьяхъ J. Miller'a, Kubitschek'a и Oberhummer'a у Pauly-Wissowa, Real-Encyclopädie, III, 1116 сл.; IV, 963 сл. Обзоръіе старой литературы дано было Г. С. Дестунисомъ въ статьяхъ „Топографія средневѣковаго Константинополя“. Журн. Мин. Нар. Просв. 1882, ч. ССХІХ, 1—32; 1883, ч. ССХХV, 1—29, 229—263. Указанія на позднѣйшія работы см. у Grumbacher'a, Gesch. d. byz. Litteratur², München, 1897, 1111—1112 и 1118. Изъ общихъ обзоръіи Константинополя и его памятниковъ наиболѣе обстоятельнымъ является сочиненіе Н. П. Кондакова „Византійскіе церкви и памятники Константинополя“ въ Трудахъ VI Археологическаго съѣзда въ Одессѣ (1884), III, Одесса, 1887. Новѣйшимъ и наилучшимъ описаніемъ Константинополя служитъ книга E. A. Grosvenor'a, Constantinople, London, 1898, 2 тт. Ср. также новѣйшій путеводитель по Константинополю Bädcker'a (1905 г.). О работѣ Mordmann'a, Esquisse topographique de Constantinople (Revue de l'art chrétien, IX, 1891 и отдѣльно Lille, 1892), см. рецензію Д. Ѳ. Бѣляева въ Визант. Врем. I].

роятности, Византія обязана и своимъ названіемъ, и мегарскіе колонисты являются, такимъ образомъ, первыми историческими обитателями и основателями города, которому суждено было превратиться со временемъ въ столицу Римской имперіи и играть въ исторіи выдающуюся, первенствующую роль.

Маленькая греческая колонія, благодаря чрезвычайно выгодному торговому положенію, плодородію окружающей страны и необыкновенному обилію рыбы въ омывающихъ ее водахъ, быстро начала разрастаться, богатѣть и увеличиваться новыми переселенцами, хотя и должна была долго вести упорную борьбу съ окружающимъ туземнымъ населеніемъ. Находясь на перепутьѣ между Средиземнымъ и Чернымъ морями, между Европою и Азіею, и занимая такой пунктъ, изъ котораго всегда можно и удобно было отрѣзать путь идущимъ изъ Азіи въ Европу, изъ Чернаго моря въ Средиземное, Византія, естественно, привлекала къ себѣ вниманіе всѣхъ народовъ и государствъ, искавшихъ преобладанія и господства въ восточной части Средиземнаго моря и въ прилегающихъ къ нему областяхъ. Сильныя государства, получавшія преобладанія въ этой области Средиземнаго моря, для укрѣпленія своего могущества и для упроченія своего преобладанія, всегда стремились имѣть на своей сторонѣ, а если оказывалось возможнымъ, то и въ своей власти, Византію, какъ ключъ отъ коммерческихъ и военныхъ путей. Потому, когда въ Малой Азіи и прилегающихъ къ ней моряхъ утвердили свое господство персы, Византія подпала подъ власть персовъ и принуждена была пустить въ свои стѣны персидскій гарнизонъ. Послѣ разбитія персидскаго флота при Саламинѣ, когда преобладаніе персидскаго государства въ Средиземномъ морѣ было сломлено, въ Византіи былъ собранъ побѣдоносный греческій флотъ, и, съ образованіемъ морского союза іонійскихъ городовъ, Византія сдѣлалась членомъ этого союза и оставалась имъ до Пелопоннесской войны, во время которой Византія переходила во власть того, кто преобладалъ на морѣ, и была сначала союзницею афинянъ, а потомъ спартацевъ.

Съ возстановленіемъ афинскаго могущества на морѣ и образованіемъ морского союза, Византія опять вошла въ составъ афинской симмахіи (394) и оставалась членомъ ея до Союзнической войны, когда, благодаря раздорамъ съ афинянами изъ-за провозной пошлины (*δικαῶγυιον*) съ проходящихъ чрезъ Босфоръ товаровъ, Византія возстала противъ Афинъ въ союзѣ съ Родосомъ, Хиосомъ и Косомъ и, по мирному договору 355 г., добилась полной независимости, сдѣлавшись самостоятельной второстепенною морскою силою, благодаря своему выгодному геогра-

фическому положенію и значительному флоту. Съ этого времени, все усиливаясь и возрастая, несмотря на временныя неудачи и несчастія, Византія удачно лавировала между вновь возникавшими вокругъ нея политическими силами и сохранила свою независимость во время македонскаго владычества до распространенія римскаго владычества въ восточной части Средиземнаго моря.

Съ появленіемъ римлянъ на этой сценѣ, Византія очень удачно приняла сторону этой новой всепокоряющей силы и, благодаря своей прозорливости, оставаясь вѣрною союзницею римлянъ, сумѣла сохранить свою автономію и во время римскаго владычества. Въ составъ Римской имперіи Византія вошла въ качествѣ *civitas libera*, наравнѣ съ другими самостоятельными городами; но и въ этотъ періодъ, когда возгорались междоусобныя войны между нѣсколькими претендентами на императорскій престолъ, Византіи приходилось лавировать между борющимися силами и при неудачѣ стороны, на которой была Византія, сильно страдать отъ побѣдителя. Въ такомъ положеніи оказалась Византія при Септиміи Северѣ. Принявъ сторону его противника, Песценнія Нигра, Византія была осаждена Септиміемъ Северомъ и такъ упорно защищалась, при помощи своихъ крѣпкихъ стѣнъ, что войска римскаго императора должны были цѣлыхъ три года держать въ осадѣ этотъ крѣпкій и стойкій городъ, который вынужденъ былъ къ сдачѣ не силою римскаго оружія, а голодомъ. За это упрямое сопротивленіе Византія была жестоко наказана раздраженнымъ побѣдителемъ: городъ былъ не только лишенъ своей относительной свободы и самостоятельности, но и почти весь разрушенъ и отданъ со всѣми своими владѣніями во власть Перинѳа-Иракліи (теперь Эски-Эрегли). Отъ этого страшнаго погрома Византія оправилась нескоро, хотя римскій владыка, въ гнѣвѣ чуть не уничтожившій городъ, скоро самъ понялъ, что Византія со своими крѣпкими стѣнами пужна была и для Римской имперіи, какъ оплотъ противъ азіатскихъ и европейскихъ варваровъ, и потому самъ началъ возстановлять ея стѣны и общественныя зданія, въ томъ числѣ ипподромъ, переименовавъ возстановленный городъ въ *Antonina Byzantiorum Augusta*. При сынѣ Септимія Севера, Антонинѣ Каракаллѣ, Византіи возвращены были политическія права, хотя и не всѣ, и возстановленный городъ опять началъ возрастать и оправляться отъ погрома. Это было тѣмъ болѣе кстати, что скоро начались частыя нападенія варваровъ на Византію и открылся длинный рядъ попытокъ овладѣть важнымъ городомъ; попытки эти продолжались послѣ превращенія Византіи въ столицу Римской имперіи и окончились завоеваніемъ города турками.

Превращенію въ столицу, какъ извѣстно, предшествовала осада Византіи Константиномъ Великимъ, который, послѣ побѣды при Адрианополѣ, осадилъ въ Византіи бѣжавшаго и укрывшагося здѣсь своего послѣдняго соперника Лицинія. Происшедшее во время этой осады пораженіе войскъ Лицинія войсками Константина при Хрисополѣ, на азіатскомъ берегу Босфора, почти противъ Византіи, положило конецъ осадѣ: какъ Халкидонъ, такъ и Византія открыли свои ворота Константину, а Лициній бѣжалъ въ Никомидію, откуда чрезъ свою жену Констанцію, сестру Константина, просилъ о дарованіи ему жизни (сентябрь 324). Константинъ Великій, сдѣлавшись послѣ низверженія Лицинія, единодержавнымъ владыкою Римской имперіи, довольно долго оставался въ Византіи и отсюда наблюдалъ за ходомъ дѣлъ на Никейскомъ соборѣ и, только послѣ его закрытія, отправился въ Римъ для торжественнаго празднованія двадцатилѣтія своего царствованія (*vicennalia*). Это послѣднее пребываніе въ Римѣ побѣдоноснаго императора продолжалось около трехъ мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ Константинъ убѣдился, что старый Римъ не можетъ быть его резиденціею, что для новыхъ порядковъ и новаго строя жизни, которые замышлялъ Константинъ, нужна новая столица, новый Римъ.

Какъ извѣстно, свою молодость Константинъ, *volens nolens*, провелъ на востокѣ и хорошо изучилъ восточную половину имперіи. Хорошо зналъ онъ и восточныхъ враговъ имперіи, въ войнѣ съ которыми онъ прошелъ строгую, но въ высшей степени полезную для него военную практическую школу. Она выработала изъ него побѣдоноснаго полководца и дальновиднаго политика, который лучше, нежели кто другой, могъ оцѣнить стратегическое и политическое положеніе извѣстнаго пункта, извѣстнаго города, и выбрать мѣсто для Новаго Рима, долженствовавшаго если не замѣнить, то соперничать со старымъ Римомъ, и въ то же время быть оплотомъ восточной половины имперіи противъ азіатскихъ и европейскихъ варваровъ, напиравшихъ на восточныя окраины громадной имперіи съ сѣвера и юга. Отъ зоркаго ока дальновиднаго политика и полководца не могло ускользнуть несравненное превосходство мѣстоположенія Византіи въ военномъ, административномъ и коммерческомъ отношеніяхъ. Никакой другой пунктъ хорошо знакомаго Константину римскаго востока не соединялъ такъ много удобствъ и выгодъ, какъ Византія, съ преимуществами которой императоръ близко познакомился во время осады этого города и послѣ нея и которая во время долгаго пребыванія въ Византіи предъ послѣднею поѣздкою въ Римъ онъ имѣлъ время зрѣло обсудить и сравнить

съ удобствами и недостатками другихъ пунктовъ и городовъ восточнаго побережья Средиземнаго моря, давно сдѣлавшагося внутреннимъ римскимъ моремъ.

Весьма возможно, что Константинъ, желая провѣрить правильность своихъ соображеній, сообщалъ свои мнѣнія относительно другихъ пунктовъ и городовъ своимъ ближайшимъ друзьямъ и совѣтникамъ и вмѣстѣ съ ними обсуждалъ сравнительныя удобства и выгоды разныхъ городовъ, что и могло послужить основаніемъ для позднѣе возникшихъ сказаній о колебаніяхъ Константина и божественномъ указаніи, рѣшившемъ судьбу Византіи. Подобныя сказанія существовали въ древности относительно почти всѣхъ знаменитыхъ городовъ, и такой славный въ исторіи Европы и Азіи городъ, какъ Византія-Константинополь, не могъ не вызвать такихъ сказаній, тѣмъ болѣе, что его славная судьба тѣсно связана съ торжествомъ христіанства и превращеніемъ языческой имперіи въ христіанскую. Новый Римъ сдѣлался столицей какъ бы новой, христіанской, имперіи, а историческій фактъ такой громадной важности, естественно, совершился не безъ воли Божества новой религіи.

Рѣшившись превратить Византію въ Новый Римъ, Константинъ Великій навсегда разстался со старымъ Римомъ и, возвратившись въ Византію, въ 326 [или 328] г. приступилъ къ перестройкѣ сравнительно небольшого провинціального города въ столицу всемірной имперіи, громадныя ресурсы которой позволяли римскому владыкѣ исполнить это колоссальное предпріятіе очень скоро. Черезъ четыре [или два] года, 11-го мая 330 года, Константинъ уже могъ совершить освященіе (*ἐγκαίνια*) новой столицы, такъ что самъ строитель еще могъ нѣсколько лѣтъ наслаждаться плодомъ рукъ своихъ и жить въ новой столицѣ, которая сначала называлась *Nova Roma*—Новымъ Римомъ, а потомъ, по имени основателя, стала называться Константинополемъ (*Κωνσταντινούπολις*, *Constantinopolis*). День рожденія (*γενέθλια*) или освященія новой христіанской столицы римской имперіи церковь внесла въ число своихъ радостныхъ праздниковъ, и память этого важнаго историческаго событія ежегодно праздновалась торжественнымъ крестнымъ ходомъ изъ храма св. Софіи на форумъ (*forum*) Константина.

Въ настоящее время, при огромной массѣ центральныхъ управленій и учреждений въ болѣе или менѣе обширномъ и могущественномъ государствѣ, превращеніе провинціального города въ столицу потребовало бы гораздо больше времени и денегъ, чѣмъ тогда, во времена Константина Великаго, но и ему необходимо было сдѣлать очень много,

и, очевидно, только при его необыкновенной настойчивости и неограниченных средствах, которыми онъ располагалъ, возможно было такое быстрое превращеніе Византіи въ Новый Римъ.

Прежде всего необходимо было расширить городъ, т.-е. обнести его новыми, гораздо болѣе обширными стѣнами, чтобы можно было въ ихъ предѣлахъ построить не только многочисленныя общественныя и правительственныя зданія и дворцы, но и дать достаточно мѣста для частныхъ построекъ ожидавшагося многочисленнаго населенія чиновнаго, военнаго, промышленнаго и торговаго.

Хотя Византія была сравнительно съ провинціальными городами очень важнымъ, значительнымъ и большимъ городомъ, но для той великой роли, которая ей предназначалась, она была очень мала и впослѣдствіи, когда Новый Римъ достигъ своего полнаго роста, старая Византія составляла сравнительно небольшую, хоть и важную часть Константинополя.

Принимая во вниманіе постоянныя опасенія колонистовъ и желаніе по возможности оградить и обезпечить себя отъ нападеній съ суши и съ моря, можно думать, что греки заняли такой пунктъ, который, находясь у самаго моря и хорошей гавани, въ то же время представлялъ всѣ удобства для укрѣпленія съ суши и огражденія отъ набѣговъ и грабежей варварскихъ сосѣдей-туземцевъ. Такой пунктъ представлялъ собою мысъ, выступающій въ море при устьѣ Золотаго Рога и соответствующій болѣе или менѣе I холму, на которомъ теперь находятся Старый Сарай (дворецъ) и св. Софія.

Теперь этотъ холмъ не представляетъ тѣхъ удобствъ, которыя онъ имѣлъ прежде, для отдѣленія и укрѣпленія стѣною отъ прилегающихъ къ нему мѣстностей; но и до сихъ поръ еще сохранились слѣды того, что между I холмомъ и II проходила довольно глубокая долина, къ которой I холмъ спускался гораздо круче, чѣмъ ко II, гдѣ былъ Forum Constantini. Крутой спускъ въ эту долину, доходившую до спуска къ Мраморному морю, доставлялъ большія удобства для постройки на его гребнѣ стѣны. Судя по очертанію мѣстности въ древнѣйшемъ ея видѣ, насколько можно возстановить его, можно думать, что древнѣйшія византійскія стѣны съ западной стороны проходили приблизительно тамъ, гдѣ были потомъ стѣны Большаго дворца, обращенныя къ Ипподрому, затѣмъ пересѣкали Большую улицу въ ея началѣ, гдѣ былъ впослѣдствіи Милій, т.-е. первый милевой столбъ, и, пройдя по западной сторонѣ двора (atrium) св. Софіи, поворачивали направо, къ Золотому Рогу, къ которому онъ, вѣроятно, примыкали южнѣе теперешняго Га-

латскаго моста т.-е., ближе къ устью ¹⁾). Хотя теперь, послѣ безчисленныхъ построекъ и перестроекъ въ окрестностяхъ древнихъ византійскихъ стѣнъ, оврагъ, отдѣлявшій I холмъ отъ II, не только заваленъ, но на югъ отъ св. Софіи совершенно сравненъ, тѣмъ не менѣе и теперь еще можно наблюдать на западъ отъ св. Софіи, за полотномъ конно-железной дороги, для которой была скрыта западная часть двора св. Софіи, очень значительное углубленіе почвы, широкую яму, окруженную засыпанными развалинами. Это углубленіе, вѣроятно, шло чрезъ весь ипподромъ и кончалось въ концѣ его глубокимъ выходомъ къ низменному берегу моря, какъ видно изъ высокой массивной субструкціи, на которой теперь стоитъ музей янычаръ, занимающій мѣсто прежняго полу-кругія ипподрома. Провести точную линію древнѣйшихъ византійскихъ стѣнъ, несмотря на указанія нѣкоторыхъ позднихъ византійскихъ писателей, [едва ли возможно]. Только раскопки, случайныя или нарочитыя, могутъ дать вполнѣ точныя и несомнѣнныя указанія относительно линіи древнихъ, собственно византійскихъ, стѣнъ, а пока приходится ограничиться тѣмъ общимъ положеніемъ, что стѣны древней, до-христіанской, Византіи обнимали только первый холмъ и ограждали его съ суши и съ моря, причѣмъ морскія стѣны были ниже и слабѣе сухопутныхъ, прочность и необыкновенная крѣпость которыхъ вызывала удивленіе пытавшихся ихъ разрушить: стойкость и храбрость обитателей заставляла иногда даже колоссальныя силы Римской имперіи со всѣми ея громадными средствами и военнымъ

---

¹⁾ Древніе писатели, видѣвшіе древнюю Византію, но, конечно, не предвидѣвшіе ея славы, говорятъ только о крѣпости и высотѣ стѣнъ, но ничего не говорятъ объ ихъ протяженіи и положеніи. Извѣстія о линіи древнихъ византійскихъ стѣнъ находятся у позднѣйшихъ средневѣковыхъ писателей и точнѣе всего у Анонима-Кодина: начиналась стѣна при Византѣ отъ башни Акрополя и проходила до башни Евгенія, а затѣмъ поднималась къ Стратигію и проходила къ банямъ Ахилла. Находящаяся здѣсь апсида, такъ называемая Урвикіева, была сухопутными воротами византійцевъ. Отсюда стѣна доходила до Милія, гдѣ также были ворота у византійцевъ. Отсюда стѣна шла до витыхъ колоннъ цикаларіевъ (*Τζικαλαρίων*, горшечниковъ) и спускалась въ Топы (*Τόπος*), а оттуда, загибая чрезъ Манганы и Аркадіевы бани, достигала Акрополя (*Vandugl, Imp. Orient., Antiqu. lib. I, 1*). Всѣ названныя мѣстности, кромѣ витыхъ колоннъ горшечниковъ, извѣстны и позволяютъ въ общихъ чертахъ представить себѣ направленіе византійскихъ стѣнъ, за исключеніемъ участка отъ Милія до Топовъ, за неизвѣстностью положенія колоннъ горшечниковъ. Въ пользу того, что на западѣ стѣны не доходили дальше Милія, говоритъ и преданіе о томъ, что палатка Константина Великаго, во время стоянки предъ Византією, находилась на томъ мѣстѣ, гдѣ впослѣдствіи былъ *forum* Константина, въ центрѣ котораго стояла и стоитъ еще колонна Константина, называемая теперь обоженной или обгорѣлою колонною (*Codini Origines, 41*).

Извѣстіе Зосимы (II, 304) о томъ, что *forum Constantini* былъ построенъ на мѣстѣ древнихъ воротъ, едва ли заслуживаетъ довѣрія, если принять во вниманіе очертаніе мѣстности.

искусством отчаяваться въ возможности взять ихъ силою и переходить къ продолжительной и утомительной осадѣ, чтобы голодомъ принудить стойкихъ защитниковъ неприступныхъ стѣнъ сдать ихъ добровольно. Крѣпость стѣнъ и храбрость жителей испыталъ и самъ Константинъ Великій.

Превращая этотъ маленькій, хотя и крѣпкій, городокъ въ столицу всемірной имперіи, Константинъ могъ, конечно, предвидѣть, что Новый Римъ будетъ гораздо обширнѣе греческой Византіи, и окружилъ новыми стѣнами такое пространство, которое, по его мнѣнію, достаточно было для населенія столицы: въ нѣсколько разъ это пространство превосходило старый городъ и, какъ Старый Римъ, заключало въ себѣ 7 холмовъ. Точно опредѣлить границы константиновскаго Новаго Рима мы такъ же не можемъ, какъ и древней Византіи, такъ какъ современные историки не опредѣляютъ точно линіи стѣнъ Константина, и мы знаемъ о направленіи ихъ и точкахъ соприкосновенія съ моремъ по извѣстіямъ того же компилятора, который говоритъ о стѣнахъ древней Византіи. По его свѣдѣніямъ, городъ Константина былъ хотя и значительно меньше позднѣйшаго, тѣмъ не менѣе онъ былъ очень обширенъ, и позднѣйшимъ поколѣніямъ нужно было прибавить гораздо меньше, чѣмъ прибавилъ Константинъ къ старой Византіи. По свидѣтельству Анонима-Кодина, сухопутная стѣна, начинаясь на берегу Мраморнаго моря возлѣ храма пресв. Богородицы Жезла, шла чрезъ Троадовскій портикъ до Эксакіонія и, пройдя около нѣкоторыхъ позднѣйшихъ монастырей и кварталъ Вона на сѣверѣ, поворачивала къ Золотому Рогу, котораго достигала около храма св. Антонія и моста того же имени. По Мраморному морю и Золотому Рогу Константинъ продолжилъ византійскія стѣны и довелъ ихъ до новыхъ сухопутныхъ. Примѣнительно къ настоящей топографіи Константинополя, стѣны на берегу Мраморнаго моря начинались тамъ, гдѣ теперь кварталъ Этъ-емезъ, и, направляясь отсюда къ сѣверу, достигали Большой улицы (Средней) въ томъ пунктѣ, гдѣ теперь Исакапу и гдѣ были Золотыя ворота Константиновскихъ стѣнъ, которыя отсюда шли мимо (на востокъ) Чукур-Бостана (цистерна св. Мокія) въ долину рѣчки Лика; поворачивая къ востоку отъ Лика, стѣны проходили нѣсколько сѣвернѣе мечети султана Мехмета, стоящей на мѣстѣ храма св. Апостоловъ, и нѣсколько южнѣе мечети султана Селима спускались къ Золотому Рогу, къ которому подходили и примыкали къ морской стѣнѣ около второго моста чрезъ Золотой Рогъ. Само собою разумѣется, что линія стѣны зависѣла много отъ очертація мѣстности и стратегическихъ соображеній строителя.

За стѣною были расположены лагеря и квартиры гарнизона, когорты котораго дали цифровыя названія позднѣйшимъ кварталамъ, образовавшимся за стѣнами Константинова города. Изъ этихъ названій очень часто упоминаются кварталы: Второй (Δεύτερον), Третій (Τρίτον), Пятый (Πέμπτον), напоминающіе собою роты Измайловскаго полка, давшія имена соотвѣтствующимъ кварталамъ Петербурга.

Хотя Константину Великому впоследствии приписывали многія постройки, которыя воздвигнуты были его преемниками, тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что Константинъ старался возможно роскошнѣе обстроить и украсить свою новую столицу и употребилъ для этого богатые средства и неограниченное могущество властителя всемирной имперіи. Благодаря власти и богатству Константинъ могъ не только построить множество замѣчательныхъ общественныхъ и частныхъ зданій, но и украсить свой городъ, Новый Римъ, многочисленными художественными произведениями, которыми изобилуеалъ древній міръ и которыя римскій владыка могъ брать безпрепятственно для украшенія новой столицы. Масса чиновнаго и промышленнаго люда со всѣхъ концовъ обширной имперіи устремилась на зовъ императора въ новую резиденцію, которая раздѣлена была на регионы и получила организацію и управленіе, подобныя существовавшимъ въ древнемъ Римѣ. Во главѣ городского управленія стояли, какъ и въ старомъ Римѣ, свои praefecti urbi, на обязанности которыхъ было не только смотрѣть за порядкомъ, но и заботиться о благоустройствѣ Новаго Рима и его безопасности отъ внѣшнихъ враговъ.

Несмотря на большое пространство, обнесенное стѣнами, городъ Константина скоро былъ заселенъ; даже за его стѣнами, въ мѣстахъ расположенія гарнизонныхъ когортъ, образовались сплошные кварталы. Черезъ сто лѣтъ слишкомъ эти загородныя поселенія стали настолько важны и многочисленны, что при Θεодосіи II Младшемъ потребовались новыя стѣны, которыя и были воздвигнуты тогдашними префектами Анѳеміемъ и Киромъ-Константиномъ. Дальше этихъ стѣнъ городъ не пошелъ и, за исключеніемъ сѣверной, Влахернской, части, остался въ тѣхъ предѣлахъ, которые получилъ при Θεодосіи II. Тѣ стѣны, которыя построены были вышеназванными префектами, съ разными починками и поправками защищали городъ тысячу лѣтъ, и не мало враговъ должны были обратиться вспять предъ этою твердынею. Старыхъ средневѣковыхъ средствъ было недостаточно для взятія и форсированія этихъ крѣпкихъ стѣнъ. Только новое орудіе, порохъ и пушки, могли разбить эту твердыню и проложить дуть въ городъ. Но [и] при новомъ орудіи потребны были цѣлыя полчища противъ небольшой горсти защитниковъ, чтобы

взять силою этот оплот восточно-римской имперіи, потерявшей все, кромѣ этого оплота. Простоявъ тысячу лѣтъ, до взятія Константинополя турками, Θεодосіевы стѣны, рѣдко поправляемыя, но чаще разрушаемыя, стоятъ и теперь, какъ неопровержимый и наглядный памятникъ былого величія, какъ историческое украшеніе многострадальнаго города (рис. 1 и 2).

Сравнительно недавно мѣстное ученое общество занялось изученіемъ сухопутныхъ стѣнъ и составило обстоятельную карту ихъ съ указаніемъ тѣхъ названій, которыя приурочиваются къ разнымъ частямъ этихъ стѣнъ. Еще раньше изучалъ эти стѣны во всѣхъ подробностяхъ покойный Паспати, изложившій результаты своихъ изслѣдованій въ особомъ трудѣ, съ которымъ русскую публику познакомилъ покойный Г. С. Дестунисъ ¹⁾.

По этимъ изслѣдованіямъ, основаннымъ на детальномъ изученіи сохранившихся стѣнъ и средневѣковыхъ свидѣтельствъ о нихъ, стѣны, построенныя при Θεодосіи Младшемъ, простирались отъ Мраморнаго моря до Золотого Рога и соединялись съ приморскою стѣною по Золотому Рогу нѣсколько южнѣе Влахернскаго квартала, который при Θεодосіи не былъ включенъ въ предѣлы стѣнъ, а составлялъ загородный кварталъ и вошелъ въ предѣлы города при императорѣ Иракліи. Чтобы огородить стѣною этотъ кварталъ съ знаменитымъ храмомъ въ немъ, Ираклій обвелъ его особою стѣною, которая, по имени этого царя, называется Иракліевою, въ отличіе отъ Θεодосіевой.

Θеодосіевская стѣна на всемъ своемъ протяженіи, отъ Мраморнаго моря до Золотого Рога, имѣла въ длину около 7 верствъ (6.806 метровъ), а послѣ постройки Иракліевой стѣны около 5 верствъ (4.950 метровъ). Съ позднѣйшими добавками и усовершенствованіями, какъ можно видѣть до сихъ поръ, Θεодосіевскія укрѣпленія состояли изъ двойного ряда стѣнъ и рва: первая, внутренняя, стѣна гораздо выше второй, наружной, и отдѣляется отъ нея промежуточнымъ пространствомъ около 9 сажень шириною, которое значительно выше уровня земли за стѣною внутри города и за малою стѣною внѣ города. Это такъ называемый периволь (περίβολος). За этимъ периволемъ, параллельно внутренней стѣнѣ, идетъ вторая, малая или внѣшняя, стѣна, отдѣленная отъ рва (τάφρος) пространствомъ около 17 метровъ, которое значительно ниже перивола, но выше почвы за рвомъ. Ровъ, шириною около 10 сажень (19—21 метръ),

---

¹⁾ [Указанія на литературу см. у Oberhammer'a, Paul-Wissowa, Real-Encyclopädie, IV, 968. См. также A. I. van Millingen, Byzantine Constantinople, the walls of the city and adjoining historical sites, London, 1899. Статьи Г. С. Дестуниса по „Топографіи средневѣковаго Константинополя“ помѣщены въ Журн. Мин. Нар. Просв. за 1882—3 г.].

тянется параллельно стѣнамъ, отъ Мраморнаго моря до Иракліевой стѣны, и раздѣленъ на нѣсколько частей поперечными перегородками (*διαταφρίσματα* у Паспати, *διαφράγματα* на археологической картѣ), которыя, начинаясь внизу рва довольно широкимъ основаніемъ, суживаются къверху настолько, что по нимъ можно пройти одному съ трудомъ. Ровъ обложенъ какъ съ внутренней, такъ и внѣшней стороны каменными стѣнками, которыя съ внѣшней стороны доходятъ до прилегающей къ нему почвы, а съ внутренней гораздо выше, какъ и прилегающая къ ней почва, и снабжены были бойницами. Это—*escarpe* (τὸ ἔσω πτερόν) и *contre - escarpe* (τὸ ἔξω πτερόν). Какая была глубина рва, теперь не видно, потому что ровъ заваленъ мусоромъ и землею, такъ что мѣстами, гдѣ имѣется по близости вода для поливки, въ немъ разведены сады и огороды; по все-таки онъ вездѣ ниже прилегающей къ нему почвы.

Полагаютъ, что перемычки во рвѣ сдѣланы были для того, чтобы задерживать ими воду, которою наполнялся ровъ и которая безъ этихъ преградъ, благодаря разности уровня рва, стала бы стекать, такъ какъ долина, по которой идетъ ровъ, представляетъ значительные уклоны на протяженіи стѣпъ. Всѣхъ преградъ или перемычекъ во рву теперь насчитываютъ до 18, а прежде, быть можетъ, ихъ было и больше. Кромѣ этой цѣли перемычки служили для водопроводовъ, и по трубамъ, проложеннымъ въ верхнихъ частяхъ перемычекъ, протекала въ городъ вода изъ загородныхъ источниковъ, которая, въ случаѣ надобности, могла служить и для наполненія рвовъ. Такимъ образомъ Θεодосіевскія стѣны или укрѣпленія представляли для непріятеля четыре преграды: большая стѣна, малая стѣна, эскарпъ и ровъ, съ крутыми отвѣсными стѣнками.

Кромѣ тѣхъ препятствій для непріятеля, которыя представляли стѣны и ровъ, большая и малая стѣна укрѣплены были многочисленными башнями, съ которыхъ можно было обстрѣливать междустѣнные и застѣнные пространства. Большая стѣна на разстояніи около 24 сажень снабжена башнями, которыхъ было до 120, а малая имѣла около 70, которыя приходились приблизительно въ среднѣ между башнями большой стѣны, такъ что пространство между башнями не превышало 12 сажень и, въ случаѣ надобности, могло быть въ достаточной степени защищено и обстрѣливаемо съ башенъ большой и малой стѣнъ. Но, находясь возлѣ стѣнъ и примыкая къ нимъ, башни, однако же, не составляли одной постройки со стѣнами, а представляли собой самостоятельныя зданія. Потому паденіе башенъ не влекло за собою разрушенія стѣнъ и наоборотъ: обрушившаяся стѣна не влекла за собою паденія башни, стоящей возлѣ обвалившейся стѣны. Башни служили мѣстомъ

APPROXIMATE ELEVATION AND RESTORATION OF
THE WALLS OF THE ODOSIS THE SECOND

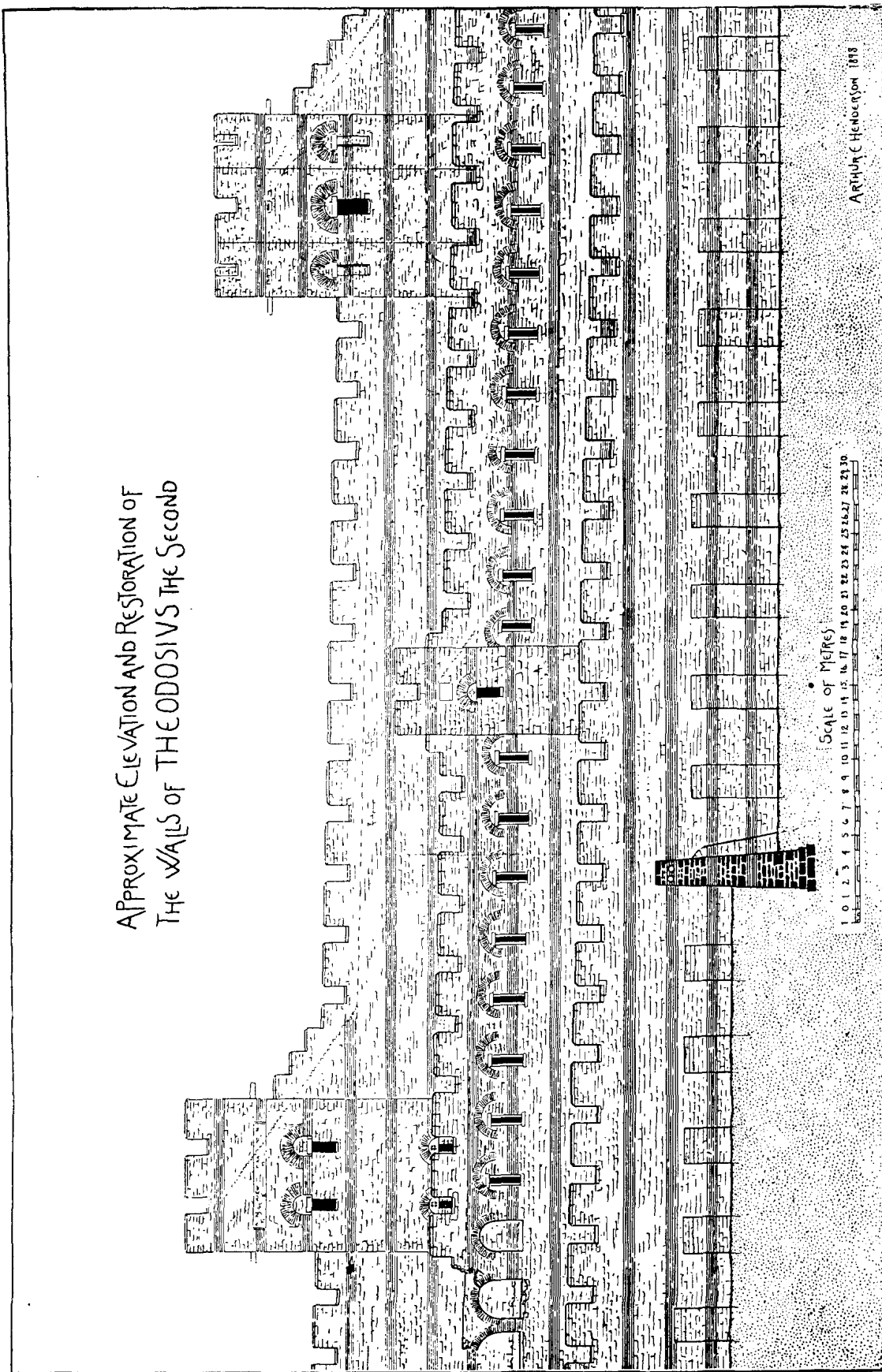

Рис. 1. Стѣны Θεοδοσία II.

пробыванія сторожевыхъ постовъ и защитниковъ стѣнъ во время осады, тѣмъ болѣе, что вершины стѣнъ не представляли удобнаго мѣста для стоянки воиновъ, особенно внутренняя, большая, стѣна, которая вверху хотя и была толщиною въ $2\frac{1}{2}$ метра, но изъ нихъ 1 метръ занимали бойницы, такъ что для людей, стоявшихъ за бойницами, на стѣнѣ оставалось $1\frac{1}{2}$ метра неогороженнаго со стороны города пространства, при высотѣ стѣнъ въ 20—10 метровъ. Хотя въ случаѣ надобности можно было дѣйствовать и съ этой площадки, но нахожденіе на ней и особенно передвиженія сопряжены были съ большою опасностью, такъ какъ съ нея легко можно было упасть въ городъ и разбиться до смерти. Въ этомъ отношеніи гораздо больше удобствъ для защитниковъ стѣнъ представляла внѣшняя, малая, стѣна, которая со стороны перивола, т.-е. междустѣнія, возвышалась только метра на 3 и снабжена была входными лѣстницами, между тѣмъ какъ на внутреннюю стѣну изъ города лѣстницъ нѣтъ и на нее нужно было, повидимому, входить чрезъ башни или по наружнымъ приставнымъ лѣстницамъ. Башни какъ внутренней, такъ и внѣшней стѣны имѣютъ различную форму; однѣ изъ нихъ круглыя, другія четырехугольныя, а есть и восьмиугольныя, какъ видно изъ прилагаемыхъ рисунковъ. Паспати измѣрялъ ихъ окружность и вмѣстимость и полагалъ, что каждая башня большой стѣны при внутренней площади въ 70 кв. метровъ могла вмѣстить до 60 человѣкъ, между тѣмъ какъ несравненно меньшія башни внѣшней стѣны могли вмѣщать только 5—6 человѣкъ. Какъ тѣ, такъ и другія башни снабжены были, какъ и стѣны, бойницами, изъ-за которыхъ и стрѣляли стоявшіе на башняхъ, покрытыхъ вверху сводами, составлявшими полъ башенъ. Толщина башенныхъ стѣнъ была отъ $\frac{1}{2}$ до 2 метровъ, а наружный фасадъ башенъ большой стѣны отъ 10 до 12 метровъ ширины; слѣдовательно, башни представляютъ собою весьма прочныя и устойчивыя зданія, способныя противостоятъ не только непріятельскимъ ударамъ, но и не особенно сильнымъ землетрясеніямъ, благодаря чему бѣольшая часть изъ нихъ величаво высятся и до сихъ поръ, хотя и покрыты растительностью.

Послѣ постройки стѣнъ при Θεодосіи II за сѣвернымъ концомъ ихъ, упиравшимся въ приморскія стѣны Золотоу Рогоу, въ скоромъ времени возникъ весьма важный городской кварталъ Влахерны (*Βλαχέρναι*), въ которомъ уже при преемникахъ Θεодосіа II, Маркіанѣ и Пульхеріи, строится дворецъ и возникаетъ знаменитый впоследствии храмъ Влахернской Богоматери, куда благочестивая царица помѣщаетъ одну изъ самыхъ драгоценныхъ и высокочтимыхъ святынь Цареграда—ризъ Богоматери и гдѣ находился цѣлебный и священный источникъ (*ἀγίασμα*). Въ слѣдую-

ція десятилѣтія кварталъ этотъ все разросался и сдѣлался однимъ изъ важнѣйшихъ участковъ Константинополя, такъ что чрезъ 1½ столѣтія послѣ постройки Θεодосіевскихъ стѣнъ императоръ Ираклій счелъ нужнымъ обнести его стѣною и такимъ образомъ оградить этотъ драгоцѣнный кварталъ отъ разграбленія и опустошенія варваровъ, грозившихъ и дѣйствительно подходившихъ къ столицѣ. Такъ возникла стоящая и до сихъ Иракліева стѣна (τὸ Ἰρακλειῶν τεῖχος).

Направо отъ Адрианопольскихъ воротъ, если идти къ нимъ изъ города, гдѣ стѣны Θεодосія идутъ къ востоку, стоятъ развалины загадочнаго дворца, такъ называемаго Текфуръ Сарая, занимающаго одинъ изъ самыхъ возвышенныхъ пунктовъ Константинополя и упирающагося однимъ своимъ концомъ въ малую стѣну Θεодосія, такъ что второй этажъ этого дворца виситъ надъ этою стѣною и окна дворца открываютъ видъ на поля, лѣса и долины за городомъ. Не доходя нѣсколько шаговъ до этого дворца, большая стѣна вдругъ прерывается и посредствомъ поперечной стѣны соединяется съ малою подъ прямымъ угломъ. Эта поперечная стѣна закрываетъ собою доступъ изъ города въ периволь и, наоборотъ, изъ перивола въ городъ. За Текфуръ Сараемъ далѣе къ Золотому Рогу прерывается вдругъ и малая Θεодосіева стѣна и подъ прямымъ угломъ къ ней стоитъ гораздо болѣе высокая и толстая (3,70 метр.) Иракліева стѣна, которая сначала идетъ на сѣверъ, а чрезъ нѣсколько сажень поворачиваетъ на востокъ къ Золотому Рогу, обхватывая собою Влахерскій кварталъ. Иракліева стѣна, превосходя значительно Θεодосіеву стѣну, даже большую или внутреннюю, своею высотой и толщиной, отличается тѣмъ, что предъ нею нѣтъ ни другой стѣны, за исключеніемъ Львовой, ни рва, почему Иракліева стѣна уже въ средніе вѣка называлась *μονότειχος*, одностѣпокъ. Такъ какъ за стѣною мѣстность ровная и частью овражистая, то рва, быть можетъ, и нельзя было провести; но зато стѣна, кромѣ своей высоты и толщины, охранялась огромными массивными башнями, которыхъ насчитывается до 20 и которыя и теперь стоятъ въ своемъ грозномъ величїи и поражаютъ своею солидностью и прочностью, которой не могли преодолѣть даже землетрясенія, а враги даже и не пытались одолѣть эту твердыню, охранявшую не только городъ, но и царскій дворецъ съ его сокровищами и святынями. Со стѣнъ и башенъ открывается великолѣпный видъ на холмистую, поросшую лѣсомъ мѣстность, окружающую конецъ Золотого Рога, около котораго былъ и есть загородный кварталъ.

Въ первой четверти IX в. Левъ Арменинъ, отецъ царя Теофила, передъ частью Иракліевой стѣны, въ томъ ея концѣ, который подходитъ

къ Золотому Рогу, построилъ другую меньшую стѣну длиною около 50 сажень (100 метровъ). Эта стѣна, по имени строителя, называется Львовскою стѣною (*Λεόντιον τεῖχος*).

Такимъ образомъ сухопутныя укрѣпленія Константинополя слагаются изъ Θεодосіевыхъ, Иракліевой и Львовской стѣнъ. Морскія стѣны, въ свою очередь, по мѣрѣ расширенія города, удлинялись какъ по Мраморному морю, такъ и по Золотому Рогу, до соединенія съ новою городской стѣною, по онѣ никогда не были двойными и такими крѣпкими, какъ сухопутныя, потому что византійцы не столько боялись и подвергались нападеніямъ съ моря, сколько съ суши. Второю морскою стѣною имъ служилъ флотъ, долгое время не имѣвшій соперниковъ.

Какъ приморскія, такъ и сухопутныя стѣны отъ времени и землетрясеній подверглись разрушенію и требовали исправленія. Какъ видно изъ надписей на каменныхъ плитахъ, вдѣланныхъ въ стѣнахъ, ихъ особенно много исправляли первый и послѣдній цари-иконоборцы.

Какъ морскія, такъ и сухопутныя стѣны Константинополя, закрывавшія городъ со всѣхъ сторонъ, пробиты были воротами, чрезъ которыя жители имѣли выходъ къ морю и на долину, примыкавшую къ сѣверо-западнымъ сухопутнымъ стѣнамъ. Не считая пужнымъ для нашихъ цѣлей заниматься воротами въ морскихъ стѣнахъ, мы остановимъ вниманіе читателей на нѣкоторыхъ, немногихъ, воротахъ сухопутныхъ стѣнъ Θεодосіевскихъ, которыя представляли собою главные выходы и, замыкая наиболѣе важныя и многолюдныя артеріи города, вели къ главнымъ загороднымъ дорогамъ, тѣмъ болѣе, что съ этими воротами и ведущими къ нимъ центральными улицами намъ придется встрѣтиться при изложеніи тѣхъ церковныхъ церемоній, которыя составляютъ предметъ настоящей книги. Къ тому же и свѣдѣнія наши относительно улицъ средневѣковаго Цареграда очень и очень ограничены, такъ что Мордманнъ въ своемъ послѣднемъ планѣ счелъ возможнымъ обозначить только двѣ улицы: такъ называемую Среднюю или Большую улицу и Адрианопольскую, т.-е. ту, которая вела къ Золотымъ воротамъ, и ту, которая вела къ теперешнимъ Адрианопольскимъ, составляющимъ и теперь предметъ спора относительно средневѣковаго названія своего. Но и относительно Золотыхъ воротъ, столь прославленныхъ въ средніе вѣка, не все обстоитъ благополучно: и относительно ихъ имѣются нѣкоторыя сомнѣнія и разногласія, которыя затронуты покойнымъ Г. С. Дестунисомъ, но не разрѣшены окончательно, а частью даже увеличены. Кромѣ тѣхъ отступленій и противорѣчій, которыя высказаны были относительно Золотыхъ воротъ Скарлатомъ Византіемъ и Детьеромъ и кото-

рья опровергаетъ Г. С. Дестунисъ, покойный нашъ византологъ допускаетъ существованіе Золотыхъ воротъ на самомъ берегу моря, у пристани, называемой теперь Ташискелеси, кромѣ общеизвѣстныхъ Золотыхъ воротъ въ Θεодосіевой стѣнѣ.

Поводомъ къ появленію этихъ новыхъ Золотыхъ воротъ послужило сообщеніе о вѣздѣ въ столицу Никифора Фоки, находящееся въ Придворномъ уставѣ Константина Багрянороднаго (I, 90). Провозглашенный царемъ во время похода, Никифоръ Фока 16 августа 963 года дѣлалъ триумфальный вѣздъ въ Цареградъ для коронованія и освященія своего узурпаторства и для этого переѣхалъ изъ загороднаго дворца Ιερία (Ιέρεια), лежавшаго противъ Константинополя на азіатскомъ берегу, раннимъ утромъ въ царской лодкѣ (дромонѣ), переѣхалъ на европейскій берегъ и высадился у Золотыхъ воротъ (προσέβαλεν ἐν τῇ χρυσῇ πύρτι I, p. 438 Вонп.). Встрѣченный здѣсь всѣмъ городомъ со свѣчами и оиміомомъ, Никифоръ вышелъ изъ лодки и верхомъ на конѣ поѣхалъ предъ стѣною (διὰ τοῦ ἕξω παρατειχίου) и, доѣхавъ до мощеной дороги, повернулъ (διὰ τῆς πλακωτῆς στραφείς) по ней въ монастырь Богородицы Абрамитовъ. Помолившись здѣсь и облачившись въ кастановый скарамангій, Никифоръ снова сѣлъ верхомъ на коня и вѣхалъ въ большія Золотыя ворота (ἦλθεν εἰς τὴν μεγάλην χρυσὴν πύρταν), гдѣ, остановившись на лошади верхомъ, слушалъ привѣтствія и славословія димовъ Ипподрома.

Едва ли можно сомнѣваться, что въ этомъ случаѣ покойный византологъ нашъ ошибался, предположивъ существованіе какихъ-то Золотыхъ воротъ у самой пристани. Упомянутое Золотыхъ воротъ при обозначеніи пристани, въ которой Никифоръ Фока присталъ къ европейскому берегу, нужно было для отличенія этой пристани отъ другихъ пристаней какъ въ городѣ, такъ и внѣ его, по европейскому берегу Мраморнаго моря, такъ какъ цари, переѣзжавшіе изъ Ιερία на европейскій берегъ, далеко не всегда причаливали у пристани, находившейся за стѣною близъ Золотыхъ воротъ. Такъ, напр., Василій Македонянинъ въ такомъ же случаѣ переѣхалъ прямо въ Евдомъ, слѣдовательно, гораздо западнѣе Константинополя и его Золотыхъ воротъ, а Θεοφίλ, напротивъ, присталъ къ европейскому берегу у св. Маманта, а оттуда переѣхалъ Золотой рогъ около Влахерцъ и затѣмъ за стѣною верхомъ проѣхалъ къ Золотымъ воротамъ ¹⁾.

---

¹⁾ Cerim. I, p. 498 и 504, гдѣ описаны триумфальные вѣзды Василія Македонянина съ ѡгномъ и Θεοφίла съ кесаремъ.

Та пристань, которая въ обрядѣ въѣзда Никифора Фоки обозначается Золотыми воротами, въ другомъ обрядѣ, въ которомъ описывается въѣздъ царя въ Вознесеніе въ храмъ Богородицы Источника изъ Большого дворца, обозначается врахиоліемъ Золотыхъ воротъ ¹⁾. Какъ здѣсь упоминаніе Золотыхъ воротъ не значитъ, что на пристани стояли Золотыя ворота, такъ и въ обрядѣ въѣзда Никифора, на основаніи упоминанія Золотыхъ воротъ, нельзя заключать о существованіи ихъ у самой пристани. Упоминаніе далѣе опять большихъ Золотыхъ воротъ (*μεγάλη Χρυσῆ πόρτα*) указываетъ не на другія какія-нибудь ворота, отличныя отъ первыхъ, а показываетъ только, что царь въѣзжалъ въ большое среднее отверстіе, а не въ меньшее боковое. Это отмѣчается и въ другихъ вышеприведенныхъ обрядахъ, а въ одномъ отмѣчено, что большія ворота были открыты для въѣзда царя, между тѣмъ въ обыкновенное время они были закрыты, и простые смертные ходили и ѣздили чрезъ боковыя малыя ворота ²⁾.

Такъ какъ недалеко отъ Золотыхъ воротъ находились ворота и дорога, ведшія изъ города къ храму Богородицы Источника (*τῶν Πηγῶν*), и ѣхавшіе къ этому храму по морю высаживались въ пристани у Золотыхъ воротъ, то пристань эта называется иногда пристанью источниковъ (*ἀποβάθρα τῶν Πηγῶν*) и подъ этимъ названіемъ значится на картѣ археологическаго общества, причемъ о Золотыхъ воротахъ у самой пристани нѣтъ и не могло быть рѣчи, потому что Золотыя ворота были одни, несмотря на убѣжденіе покойнаго Г. С. Дестуниса, что «существовали въ Константинополѣ двоякія Золотыя ворота» ³⁾.

Прежде покойнаго нашего византолога предполагалъ въ Константинополѣ двое Золотыхъ воротъ Детье, который почему-то настоящія и до

¹⁾ Cerim. I, p. 108: ἀπέρχεται μέχρι τοῦ βραχιολίου τῆς χρυσῆς πόρτης.

²⁾ Cerim. I, p. 500: διήλθον ἐν τῇ μέσῃ θριαμβουόμενα ἀπὸ τῆς χρυσῆς πόρτης ἕως τῆς χαλκῆς τοῦ παλατίου, ἀνοίγεισθαι τότε τῆς μέσης καὶ μεγάλης χρυσῆς πόρτης. Ср. p. 506. Къ сожалѣнію, изобрѣтатели другихъ Золотыхъ воротъ, кромѣ существующихъ, вовсе не обратили вниманія на это мѣсто или не знали его, а между тѣмъ, здѣсь прибавка при *μεγάλη* и *μέσῃ* исключаетъ всякую возможность объяснять *μεγάλη* иначе, какъ въ смыслѣ двернаго отверстія, а не другого сооруженія. Упуская это изъ виду, Мордманъ (Esquisse, 13), на основаніи извѣстія Кедрина (II, p. 475), что Βασίλειος διὰ τῶν μεγάλων πόλων τῆς χρυσῆς πόρτης ἐθριάμβευσεν, думалъ, что большими воротами назывались настоящія Золотыя ворота, а, въ противоположность имъ, тѣ ворота, которыя стоятъ рядомъ съ Золотыми и называются теперь Едн-Куле-Капусси, назывались *μικρὰ πόλη* (?), хотя самая фраза Кедрина показываетъ, что подъ *μεγάλα πόλα* разумѣется часть Золотыхъ воротъ (*πόρτης*), которыя большими не называются, между тѣмъ, какъ *πόλα*, дверныя отверстія, называются большими, въ отличіе отъ малыхъ, боковыхъ.

³⁾ Очеркъ сухопутныхъ стѣнъ, 15.

сихъ поръ существующія Золотыя ворота считаетъ малыми, а истинными Золотыми воротами тѣ, которыя стояли вблизи Сулу - монастыря ¹⁾). Хотя это категорическое, но ничѣмъ не подкрѣпленное заявленіе Детье покойный Г. С. Дестунисъ считалъ совершенно неосновательнымъ, тѣмъ не менѣе въ новѣйшемъ трудѣ по топографіи Константинополя, принадлежащемъ первостепенному знатоку Константинополя, д-ру Мордтманну, эта мысль съ видоизмѣненіемъ является снова и, какъ у Детье, воспроизводится на планѣ, приложенномъ къ очерку Константинополя ²⁾). Къ счастью, д-ръ Мордтманнъ приводитъ и основанія, которыя заставили его послѣдовать мнѣнію Детье. По словамъ почтеннаго изслѣдователя Константинополя, въ известной Noticia Золотыя ворота не совпадаютъ съ Золотыми воротами Θεодосіевыхъ стѣнъ, но съ воротами, обозначенными на планѣ Буондельмонте подъ именемъ Porta antiquissima Pulchra. Но, на мой взглядъ, Noticia, которая упоминаетъ только Porta aurea въ 12 регионѣ, не давая ни малѣйшаго указанія на мѣсто нахождения, не даетъ никакихъ основаній допускать существованіе другихъ Золотыхъ воротъ, кромѣ существующихъ со временъ Θεодосія Великаго, а малыя Золотыя ворота явились у Детье, очевидно, по той причинѣ, что у византійскихъ писателей, когда говорится о триумфальномъ вѣздѣ царя, отмѣчается, что онъ вѣхалъ въ большія Золотыя ворота, а не въ малыя; но это вовсе не значитъ, что эти малыя ворота стояли въ другомъ мѣстѣ, а значитъ только, что цари при торжественныхъ вѣздахъ вѣхали чрезъ большія ворота, среднія, а не боковыя, малыя, которыя обыкновенно были открыты для всѣхъ смертныхъ. Д-ръ Мордтманнъ и его предшественникъ Детье упустили изъ виду, что царь и въ церковь входилъ въ среднія, большія (μεγάλη), двери, а не въ боковыя, меньшія, предназначенныя для публики и всегда открытыя. Это обозначается и въ обрядахъ церковныхъ выходовъ, но изъ этого однако же никто не

---

¹⁾ Das erste Militärthor wie alle Militärthore vermauert, hat aber als goldenes Thor zwei marmorne corinthische Säulen, als einzige Unterscheidung, weil es nur das kleine goldene Thor, verschieden von dem wahren goldenen Triumphthore, das in der Nähe von Sulu-Monastir war. Dethier, Der Bosphor und Constantinopel, 2 Aufl. Wien, 1876, 51. Такимъ образомъ, Детье считаетъ Золотыя ворота за военныя первыя, за которыми слѣдовали вторыя, третьи и т. д.; но такъ какъ чрезъ нихъ шли торжественныя процессіи, то ихъ украсили коринтскими мраморными колоннами, чтобы хоть сколько-нибудь отличить отъ простыхъ военныхъ воротъ. Какъ мы увидимъ ниже, такое мнѣніе явилось отъ плохого знакомства съ Золотыми воротами настоящими и теперь стоящими.

²⁾ Разница заключается въ томъ, что Детье считаетъ настоящія Золотыя ворота малыми, а большія ставитъ гораздо восточнѣе, въ старой стѣнѣ Константина; Мордтманнъ считаетъ малыми теперешнія Еди-Куле-Капусси, а придуманныя Детьеромъ называетъ Porta Antiquissima Pulchra.

станеть заключать, что малыя двери находятся въ какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ, а не рядомъ съ большими, средними или красными (*ῥαία πύλη*).

Упуская изъ вниманія это совмѣстное нахожденіе большихъ и малыхъ Золотыхъ воротъ Детье и Мордманнъ стали искать ихъ въ другихъ мѣстахъ и нашли на планѣ позднѣйшаго путешественника какія-то «весьма древнія красивыя ворота», но почему эти красивыя ворота нужно считать большими, а не всѣмъ извѣстныя Θεодосіевскія, этого они не объясняютъ и едва ли могутъ объяснить, такъ какъ «древнѣйшихъ

Рис. 3. Золотыя ворота въ Константинополѣ.

воротъ» этихъ никто не описалъ, а, слѣдовательно, никто и не знаетъ, больше ли они Θεодосіевскихъ или меньше, какъ никто не знаетъ, что это были за ворота, составляли они дѣйствительно метопонъ Константиновой городской стѣны или были аркой, замыкавшей какой-нибудь базаръ или площадь, въ родѣ тѣхъ арокъ, которыми замыкался форъ Константина, какъ мы увидимъ ниже. Такая арка должна была быть красивою, но красота не давала права называть эти ворота Золотыми ни Буондельмонте, который не называетъ ихъ такъ, ни новѣйшимъ ученымъ, которые собственное недоразумѣніе стараются прикрыть ссылками на Буондельмонте и, не разрѣшая своихъ выдуманныхъ затрудненій, дѣлаютъ совершенно ненужныя ложныя догадки; не разрѣшая вопроса, они

еще болѣе запутываютъ его, вмѣсто того, чтобы посмотрѣть хорошенько на существующія Золотыя ворота и убѣдиться, что другихъ никогда не было и нигдѣ въ Константинополѣ нѣтъ.

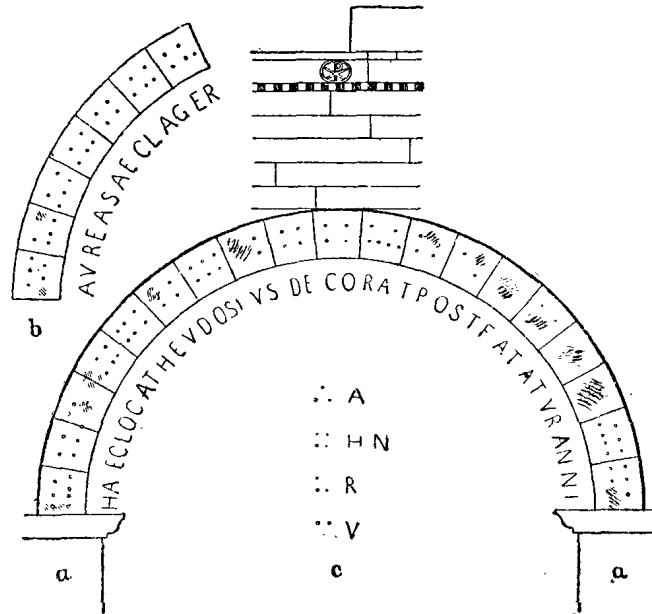

Рис. 4. Золотыя ворота въ Константинополѣ. Центральная арка.

Эту задачу взялъ на себя Стржиговскій и пришелъ къ столь же важнымъ, сколько несомнѣннымъ результатамъ, которые исключаютъ всякіе поиски и предположенія относительно другихъ Золотыхъ воротъ въ Константинополѣ¹⁾. Дѣло въ томъ, что Золотыя ворота, какъ видно изъ сохранившейся частью до сихъ поръ надписи, построены были гораздо раньше Θεодосіевскихъ стѣнъ, въ которыхъ они стоятъ теперь. Между тѣмъ какъ стѣны были построены при Θεодосіи II, Золотыя ворота существовали уже при его великомъ дѣдѣ и возведены были въ честь его, для его триумфальнаго въѣзда въ качествѣ триумфальной арки послѣ 388 г. Подобно аркѣ Константина въ Римѣ, арка въ честь Θεодосія, поставленная предъ стѣнами, представляла собою три дверныхъ отверстія и состояла изъ трехъ арокъ, причѣмъ средняя была гораздо больше, чѣмъ боковыя, какъ это видно и до сихъ поръ, несмотря на всѣ превратности судьбы, испытанныя аркою Θεодосія въ Константинополѣ (рис. 3).

На камняхъ, изъ которыхъ сложена средняя арка, была металлическая надпись; буквы которой прикрѣплены были выходившими изъ нихъ гвоздями. Хотя буквы теперь исчезли, но слѣды буквъ остались на кам-

¹⁾ [Strzygowski, Jahrb. d. k. d. arch. Inst. (VIII) 1893, 1—39].

пяхъ въ видѣ дырочекъ для гвоздей буквъ и показываютъ, что надпись, изданная еще въ XVII в., была сдѣлана на той и другой сторонѣ арки, т. е. на западной и восточной, другими словами, на сторонѣ, обращенной къ полю, и на сторонѣ, обращенной къ городу. Этою надписью съ несомнѣнностью констатируется какъ время первой постройки Золотыхъ воротъ, такъ и объясняется причина названія ихъ (рис. 4).

*Haec loca Theodosius decorat post fata tyranni,
Aurea saecula gerit qui portam construit auro,*

гласила надпись, показывающая, по мнѣнію ученыхъ, что арка построена послѣ побѣды надъ Максимомъ и низверженія его въ 388 году предъ вѣздомъ въ Константинополь въ 391 году.

Изъ этихъ стиховъ, говорить Дюканжъ, видно, почему ворота назывались Золотыми: очевидно, потому, что ворота эти были украшены золочеными орнаментами.

Вслѣдствіе этого послѣдующіе императоры, когда хотѣли дѣлать торжественный вѣздъ въ столицу, шли чрезъ эти ворота по такъ называемой Средней улицѣ ко двору.

Рис. 5. Золотыя ворота въ Константинополь. Западный фасадъ (реставрація).

Такъ какъ арка Θεодосія, назначенная для его триумфальнаго вѣзда, была обращена фасадомъ къ западу, т.-е. на ту сторону, откуда царь и процессія должны слѣдовать, то западная сторона была отдѣлана гораздо роскошнѣе и богаче задней, обращенной къ городу: и до сихъ поръ еще видно, что арки Золотыхъ воротъ опирались на изящныя мраморныя колонны съ коринтскими капителями, хотя онѣ теперь частью исчезли, а частью замурованы въ стѣны вслѣдствіе разныхъ передѣлокъ и сокращеній, которымъ подвергалась эта столь же знаменитая, сколько и несчастная арка, теперь совсѣмъ замурованная, кромѣ небольшой дверки, оставленной для прохода въ пространство между первою и второю стѣною (рис. 5).

строители западнѣ этой арки не считали нужнымъ отодвигать новую стѣну. Быть можетъ, она и выстроена была въ началѣ фактическаго города, на краю городскихъ, застѣнныхъ построекъ, которыя, вѣроятно, двигались прежде всего по берегу Мраморнаго моря и Золотому рогу. Какъ бы то ни было, но это обстоятельство подтверждаетъ свидѣтельство надписи и доказываетъ существованіе арки Θεοδοσία, а, слѣдовательно, и Золотыхъ воротъ, ранѣ стѣнъ Θεοδοσία, благодаря которымъ арка превратилась въ ворота.

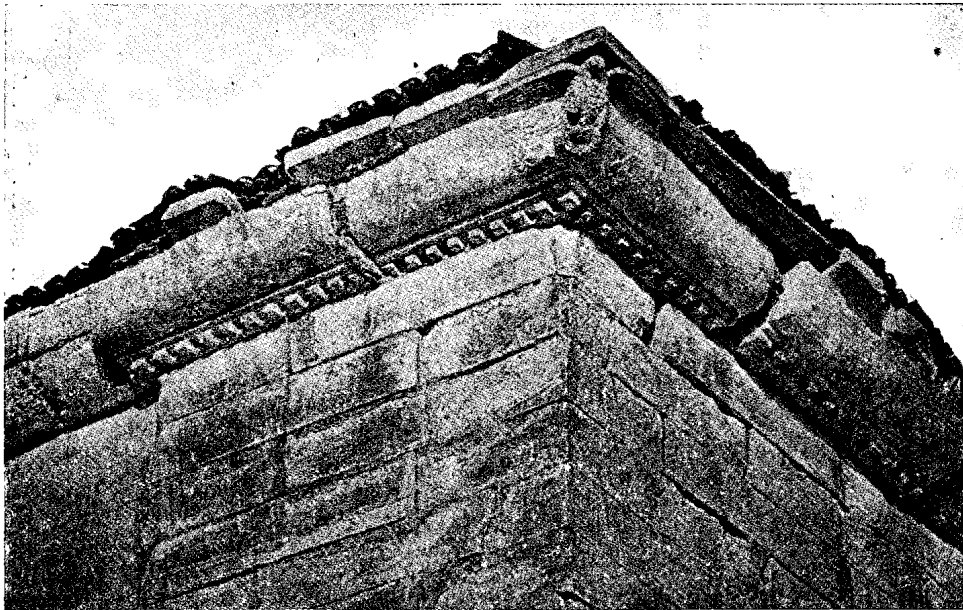

Рис. 7. Золотыя ворота въ Константинополѣ. Часть сѣверной башни.

Получивъ другое значеніе и назначеніе, арка Θεοδοσία получила разныя пристройки и прибавки, которыя превратили ее въ крѣпкія и недоступныя ворота, а затѣмъ и въ несокрушимую крѣпость (рис. 6).

Прежде всего изъ мраморныхъ, плотно и крѣпко прилаженныхъ четырехугольныхъ плитъ по бокамъ воротъ поставлены были огромныя четырехугольныя башни, которыя и до сихъ поръ поражаютъ своею массивностью и прочностью. Вверху они украшены красивымъ, хотя и простымъ карнизомъ, съ орлами по угламъ. Башни прилегаютъ плотно къ стѣнамъ и, по словамъ царя Іоанна Кантакузина, представляютъ совершенно недоступную и при тогдашнихъ средствахъ разрушенія несокрушимую твердыню; плиты огромнаго размѣра были такъ прилажены одна къ другой и такъ прочно скрѣплены желѣзными скобами, что, казалось, сдѣланы были изъ одного цѣльнаго камня (*αὐτόλιθος*). Время, однако же, значительно ихъ испортило, и Кантакузинъ, съ восторгомъ

говорившій объ ихъ прочности и испытавшій ихъ несокрушимость, долженъ былъ, когда сдѣлался царемъ, покрасить ихъ и реставрировать, чтобы потомъ обратить ихъ въ крѣпость и недоступную твердыню столицы (*ἀκρόπολις*).

Такъ какъ Золотыя ворота укрѣплены двумя башнями, совершенно согласно общему плану укрѣпленія воротъ, то нужно думать, что они были построены въ одно время со стѣнами. Въ пользу этого мнѣнія говорятъ и разныя другія соображенія, между прочимъ, и характеръ постройки и орнамента, который соотвѣтствуетъ времени Θεодосія Младшаго и который приводитъ Стржиговскаго къ убѣжденію въ томъ, что башни, которыя онъ называетъ пилонами, современны стѣнамъ (стр. 7 и 8).

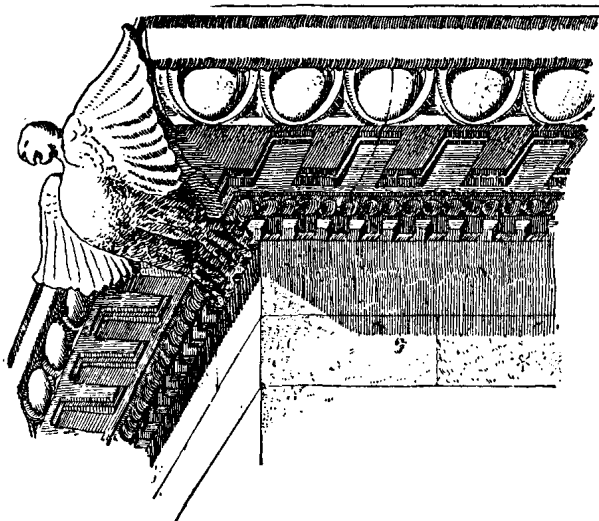

Рис. 8. Золотыя ворота въ Константинополѣ.
Часть сѣверной башни (реставрація).

Такого же мнѣнія и по тѣмъ же соображеніямъ Стржиговскій держится и относительно воротъ въ малой стѣнѣ, соотвѣтствующихъ Золотымъ воротамъ. Такъ какъ ворота малой стѣны укрѣплялись вездѣ двумя башнями, то и предъ Золотыми воротами ворота въ малой стѣнѣ укрѣплены ими, причемъ онѣ поставлены такъ, что закрываютъ Золотыя ворота и могутъ быть вдвинуты въ пространство между башнями Золотыхъ воротъ большой, внутренней, стѣны.

Такая постройка башенъ въ лѣвой стѣнѣ указываетъ на преднамѣренность архитектора, строившаго Золотыя ворота во всей ихъ совокупности, т. - е. превращавшаго арку въ крѣпостныя и вмѣстѣ съ тѣмъ триумфальныя ворота.

Въ отличіе отъ Золотыхъ воротъ собственно, ворота въ малой стѣнѣ имѣютъ не три дверныхъ отверстія, а только одно, соотвѣтствующее большому, среднему, отверстию Золотыхъ воротъ, между тѣмъ, какъ противъ малыхъ отверстій стоятъ башни малой стѣны. Отверстіе это сдѣлано, по обыкновенію, въ видѣ арки, опирающейся на двѣ коринскія колонны изъ разноцвѣтнаго мрамора, значительно пострадавшія отъ времени.

По бокамъ арки, вмѣсто боковыхъ дверей или арокъ, были сдѣ-

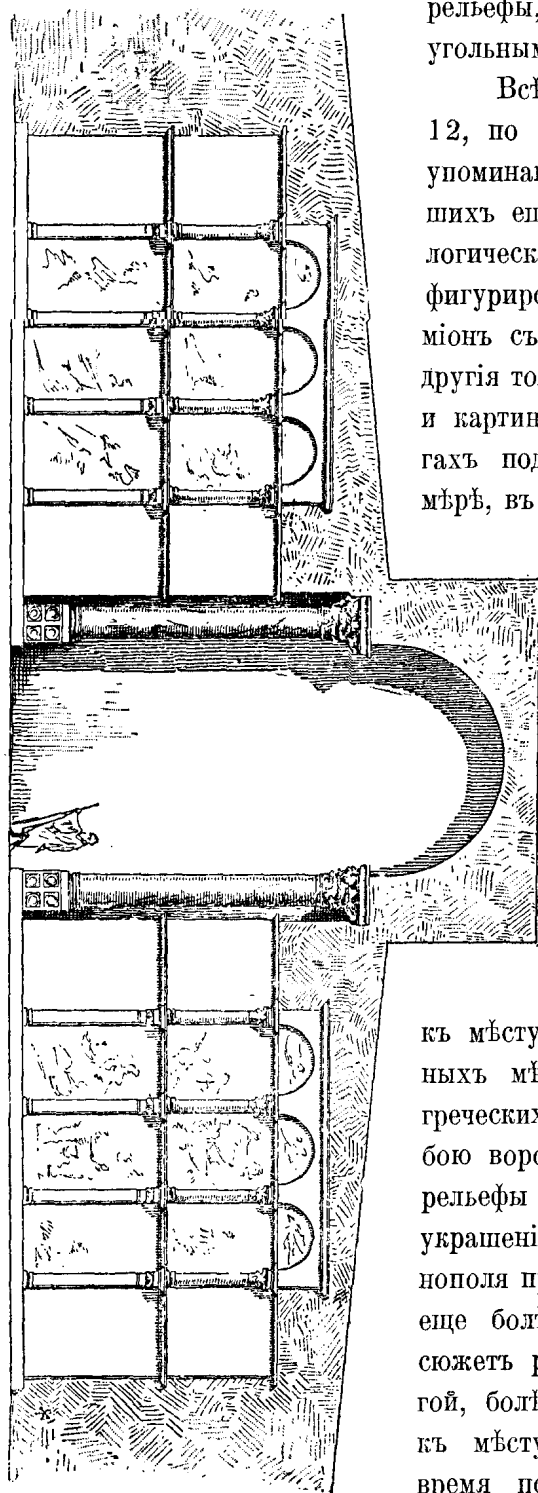
ланы, по всей вѣроятности съ самаго начала, интересныя и оригинальныя украшенія: направо и налѣво отъ арки были разнообразныя барельефы, раздѣленные круглыми и четырехугольными колонками (рис. 9—14).

Всѣхъ рельефовъ, повидимому, было 12, по 6 на каждой сторонѣ, и, судя по упоминаніямъ путешественниковъ, видѣвшихъ еще рельефы, всѣ они были мифологическаго, языческаго, содержанія: здѣсь фигурировали Иракль, Проміеѳей, Эндиміонъ съ Селиной, Пигасъ съ нимфами и другія тому подобныя мифическія личности и картины. Въ самомъ верху въ полукругахъ подъ самыми арками, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ рамахъ были летающіе амуры, такъ какъ сюжеты нѣ-

которыхъ картинъ были не только языческаго, но и эротическаго характера. Хотя исторія искусства въ греко-римскомъ мѣрѣ позволяетъ относить содержаніе рельефовъ къ эпохѣ постройки Золотыхъ воротъ, тѣмъ не менѣе вѣрнѣе, кажется, будетъ то мнѣніе, по которому эти рельефы, столь разнообразнаго и столь мало подходящаго

къ мѣсту содержанія, привезены изъ разныхъ мѣстъ и сняты съ разныхъ зданій греческихъ городовъ, чтобы украсить собою ворота Новаго Рима. Если бы эти рельефы сдѣланы были специально для украшенія Золотыхъ воротъ Константинополя при благочестивомъ Θεодосіи II и еще болѣе благочестивой Пульхеріи, то сюжетъ рельефовъ былъ бы навѣрно другой, болѣе подходящій и ко времени, и къ мѣсту. Въ пользу обычнаго въ то время похищенія предметовъ искусствъ

Рис. 9. Золотыя ворота въ Константинополѣ. Фасадъ пропигей (реставрація Стржиговскаго).

для украшенія столицы говоритъ и удивленіе путешественниковъ красотѣ рельефовъ, тонкости и необыкновенному изяществу нѣкоторыхъ фигуръ, — качества, приводившія нѣкоторыхъ англичанъ до попытокъ вынуть ихъ и стащить въ Англію. Въ числѣ лицъ, принимавшихъ участіе въ этихъ попыткахъ, былъ и знаменитый похититель парононскихъ мраморовъ, лордъ Арундель. Какъ ни прискорбны такія эгоистическія попытки и привычки англичанъ, но приходится пожалѣть, что ихъ попытки относительно константинопольскихъ мраморовъ — рельефовъ не удались. Тогда, безъ сомнѣнія, любители античнаго искусства могли бы изучать и наслаждаться константинопольскими мраморами, какъ теперь наслаждаются изученіемъ афинскихъ. Къ сожалѣнію, покупка не состоялась, мраморные рельефы остались и мало-помалу были уничтожены ненавистниками всякаго искусства, особенно пластики и живописи, грубыми и невѣжественными турками. Чѣмъ позднѣе извѣстіе, тѣмъ меньше оказывается рельефовъ, и теперь остались только слѣды тѣхъ рамокъ изъ мраморныхъ колоннъ, которыя позволили Стржиговскому составить и возстановить схему расположенія рельефовъ. Слѣды этихъ колоннъ и рамокъ такъ мало замѣтны, что огромное

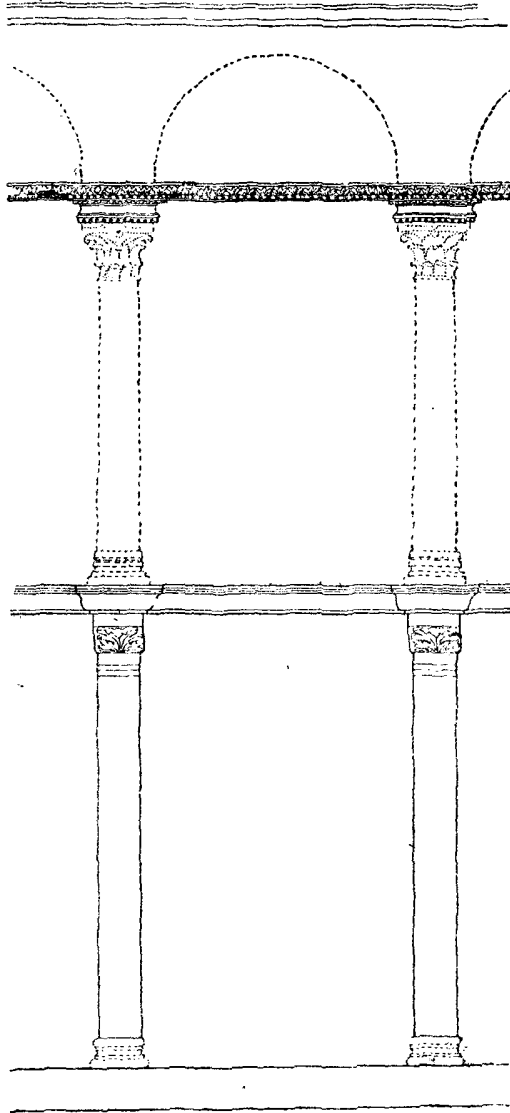

Рис. 10. Золотыя ворота въ Константинополь.
Часть пропилей (реставрація).

большинство туристовъ проходитъ мимо этихъ воротъ, не замѣчая слѣдовъ древнихъ украшеній и не подозрѣвая, что когда-то здѣсь были памятники высокой художественности, услаждавшіе взоры всѣхъ тѣхъ,

которые входили въ Золотыя ворота или проходили мимо нихъ съ внѣшней стороны стѣны.

Несмотря на всѣ превратности судьбы, несмотря на всѣ осады, выдержанныя константинопольскими стѣнами, эти рельефы оставались въ сравнительной цѣлости до паденія Константинополя и исчезаютъ мало-по-малу при господствѣ турокъ, истреблявшихъ всякія изображенія и продолжающихъ уничтожать памятники искусства, несмотря на всѣ свои музеи и картинныя галереи, которые они теперь заводятъ.

Рис. 11. Золотыя ворота въ Константинополѣ. Часть пропилей.

Кромѣ этихъ рельефовъ, украшавшихъ ворота въ малой стѣнѣ, самыя Золотыя ворота украшены были нѣсколькими статуями, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занимали изображенія обоихъ Θεодосіевъ; изъ нихъ о статуѣ Θεодосія Великаго мы знаемъ изъ извѣстія о паденіи ея во время страшнаго землетрясенія въ 740 году, а о статуѣ Θεодосія Младшаго сообщаетъ апоимъ въ древностяхъ Константинополя и прибавляетъ при этомъ интересныя сообщенія: 1) что статуя Θεодосія Младшаго поставлена была позади слоновъ, взятыхъ изъ храма Арея въ Аоніяхъ; 2) что, кромѣ этихъ статуй, стояли еще другія, поставленныя про-тоасиритомъ Вигиліемъ, который, кромѣ своей статуи, водрузилъ и портретъ своей жены. Кромѣ всего этого, были, вѣроятно, и другія изображенія,

меньшаго размѣра, стоявшія на выступахъ или въ нишахъ, какъ въ видѣ отдѣльныхъ статуй, такъ и въ видѣ рельефовъ, которыми обыкновенно изобилуютъ какъ арки триумфальныя, такъ и колонны въ честь царей. Словомъ, Золотыя ворота были построены съ подобающею римлянамъ времямъ Θεодосія роскошью и великолѣпиемъ и потому долго служили для парадныхъ, торжественныхъ въѣздовъ. Теперь эти ворота давнымъ-давно замурованы и входятъ въ составъ знаменитой турецкой крѣпости Еди-Куле, т.-е. Семибашеннаго замка, гдѣ сидѣли и гибли не только

Рис. 12. Золотыя ворота въ Константинополь. Часть пропилей.

турецкіе паши, но и европейскіе саповники, а въ томъ числѣ и паши посланники. Башни нѣкогда отъ входа испещрены надписями на разныхъ европейскихъ языкахъ, сдѣланныя заключенными тамъ узниками за вины свои и своихъ государствъ или правительствъ. Калитка или небольшая дверь въ Золотыхъ воротахъ приводитъ на дворъ Семибашеннаго замка, довольно обширный и просторный, съ развалившеюся маленькою мечетью по срединѣ. На противоположной Золотымъ воротамъ стѣнѣ имѣются ворота, чрезъ которыя теперь входятъ изъ города, съ прилегающей площади, въ страшный нѣкогда Семибашенный замокъ. Выйдя изъ этихъ воротъ и повернувъ нѣкогда къ городской стѣнѣ, приходишь къ такъ называемымъ Еди - Куле - Капу, т.-е. воротамъ Семибашеннаго замка, открытымъ и замѣняющимъ давно закрытыя и заложен-

пня Золотыя ворота. Къ воротамъ Семибашеннаго замка, стоящимъ рядомъ съ Золотыми, приводитъ и конная желѣзная дорога.

Въ средніе вѣка на мѣстѣ теперешней площади Семибашеннаго замка была довольно большая площадь, на которой собирались официальные лица и простые обыватели для встрѣчи въѣзжающаго царя, и партіи ипподрома привѣтствовали здѣсь триумфатора своими славословіями, послѣ которыхъ процессія двигалась далѣе для выслушанія но-

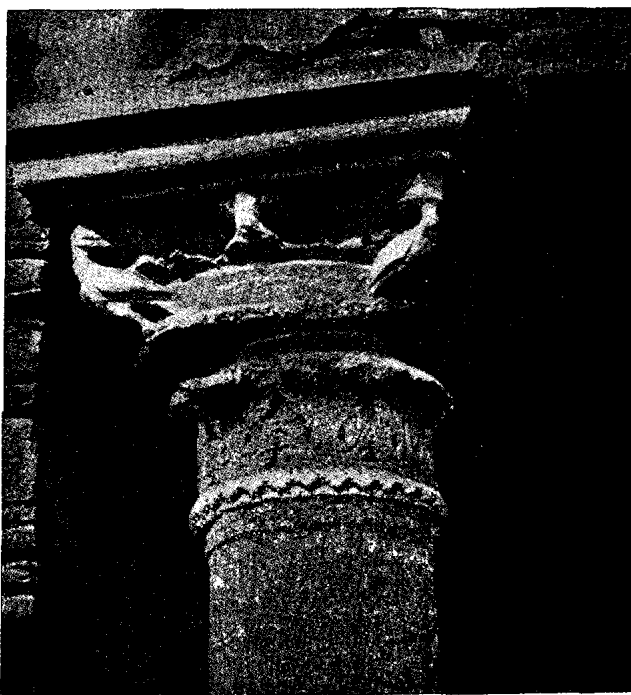

Рис. 13. Золотыя ворота въ Константинополѣ.
Капитель у новыхъ воротъ въ пропилеяхъ.

выхъ привѣтствій, поздравленій и прославленій, происходившихъ на всемъ протяженіи длинной и роскошной, такъ называемой Средней или Большой, улицы. Указаніе на мѣсто этихъ славословій, которыя до Большаго Дворца и св. Софіи повторялись болѣе 10 разъ, можетъ служить для опредѣленія направленія этой улицы. Такія указанія даетъ, какъ извѣстно, сборникъ церемоніаловъ, составленный по инициативѣ Константина Багрянороднаго. Эти церемоніалы тѣмъ болѣе цѣнны, что они составлялись современными церемоніймейстерами, знавшими городъ и особенно Среднюю улицу, какъ свои пять пальцевъ, а не писавшіе по слухамъ или по книжкамъ, безъ хорошаго знакомства съ городомъ и его памятниками, какъ это случается иногда у византійскихъ хронистовъ

мало или почти вовсе не знавших города. Указаніями церемоніаловъ и мы воспользуемся для опредѣленія Средней улицы и остановимся на тѣхъ ея памятникахъ, которые будутъ встрѣчаться въ нижеизложенныхъ церемоніалахъ и обрядахъ, тѣмъ болѣе, что въ послѣднее время явилось мнѣніе, что Средняя улица была не одна, а, по крайней мѣрѣ, двѣ, изъ которыхъ одна шла къ Золотымъ воротамъ, а другая къ Адрианопольскимъ.

Поводомъ къ возникновенію такого мнѣнія о наличности двухъ среднихъ улицъ явилось то обстоятельство, что названіе Средней улицы *ἡ Μέση (ὁδός)* означаетъ не только Среднюю улицу, но и средину улицы, площади, дома, храма и т. п., и употребляется въ обоихъ этихъ смыслахъ въ Обрядахъ Константина Багрянороднаго. Даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ, несомнѣнно, о Большой или Средней улицѣ, не всегда можно и нужно понимать *ἡ Μέση* въ смыслѣ названія улицы, а

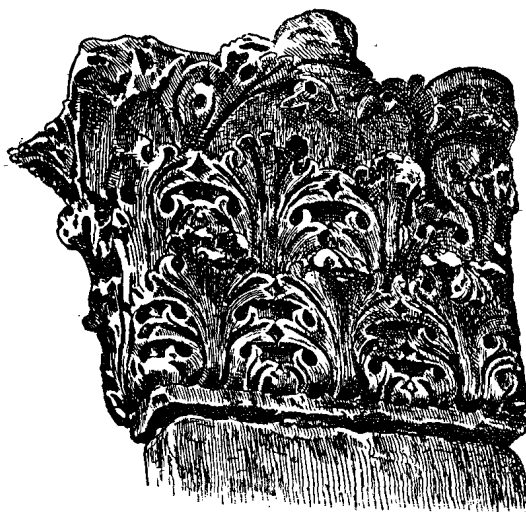

Рис. 14. Золотыя ворота въ Константинополѣ. Капитель.

слѣдуетъ разумѣть средину этой улицы, въ отличіе отъ стороны ея, тротуара или, точнѣе, быть можетъ, портика, окаймлявшаго улицу. Дѣло въ томъ, что въ Константинополѣ было много портиковъ по бокамъ улицъ и они по нѣкоторымъ улицамъ тянулись на значительномъ ихъ протяженіи, по нѣкоторымъ, быть можетъ, непрерывно отъ начала до конца ¹⁾.

Мы не можемъ себѣ представить такой улицы, потому что въ нашихъ городахъ, сколько мнѣ извѣстно, такихъ улицъ не бываетъ ²⁾ и, по условіямъ нашего климата, въ нихъ нѣтъ надобности. Въ странахъ южныхъ, гдѣ солнце лѣтомъ немилосердно жжетъ, такія улицы составляютъ не рѣдкость, а въ Болоньѣ, напр., много такихъ улицъ, такъ что можно исходить городъ въ разныхъ направленіяхъ, не подвергаясь дѣйствию лучей солнца или каплямъ дождя.

¹⁾ Свидѣтельства [важнѣйшія] о [такихъ] портикахъ [сопоставлены у Unger'a, Quellen d. byzant. Kunstgesch. 127 сл.].

²⁾ [На полѣ карандашомъ авторомъ прибавлено: „за исключеніемъ гостиныхъ дворовъ и тому подобныхъ построекъ; предъ домами такія галереи у насъ считаются рѣдкостью“].

Подобныя улицы были и въ Константинополѣ, и такую была въ значительной части, если не вся, такъ называемая Средняя или Большая улица¹⁾. Во всякомъ случаѣ, въ своемъ концѣ отъ фора Константина до Милія эта улица шла между двумя портиками и цари, когда имъ приходилось шествовать изъ св. Софіи къ фору Константина въ дурную погоду, могли проходить это пространство и проходили не по срединѣ улицы, а по портикамъ, между тѣмъ какъ въ другое время они шествовали по срединѣ улицы. Въ виду такой возможности шествовать не по срединѣ, въ церемоніалахъ обозначается, что царь идетъ тамъ или здѣсь по срединѣ улицы или площади, а не по краю или подъ портикомъ. Такой смыслъ иногда имѣетъ терминъ *ἡ μέση* какъ въ церемоніалахъ торжественныхъ шествій по Средней или Большой улицѣ, ведущей отъ Золотыхъ воротъ къ св. Софіи и Большому Дворцу, такъ и въ другихъ церемоніалахъ. Одинъ разъ этотъ терминъ встрѣчается и въ церемоніалѣ шествія въ храмъ св. Апостоловъ, для обозначенія той части пути, которая простиралась отъ храма св. Поліевкта до храма св. Апостоловъ. Сколько мнѣ извѣстно, это мѣсто и было причиною появленія второй Средней улицы, ведущей къ храму св. Апостоловъ и далѣе къ Адрианопольскимъ воротамъ (Эдирнекапу). Но предполагать, что передъ храмомъ св. Апостоловъ вдругъ появлялась опять Средняя улица, съ которой царь уже свернулъ вправо какъ замѣчено въ церемоніалѣ, нѣтъ никакого разумнаго основанія, между тѣмъ, какъ замѣчаніе относительно шествія царя по срединѣ улицы или площади здѣсь вполне умѣстно и понятно.

Устранивъ такимъ образомъ вопросъ о двухъ среднихъ улицахъ, какъ совершенно праздный и явившійся вслѣдствіе недоразумѣнія, мы займемся опредѣленіемъ направленія Средней или Большой улицы примѣнительно къ современному Константинополю. Твердымъ основаніемъ для опредѣленія направленія могутъ и должны служить памятники, упоминаемые въ церемоніалахъ и существующіе или въ цѣлости или въ видѣ остатковъ развалинъ на своихъ исконныхъ мѣстахъ до настоящаго времени. Исходныя точки или начало и конецъ улицы этой, къ счастью, сохранились: это—св. Софія и Золотыя ворота.

Къ сожалѣнію, направленіе улицы можно указать далеко не на всемъ протяженіи ея, потому что изъ упоминаемыхъ въ церемоніалахъ памятниковъ сохранились, хотя бы въ развалинахъ и незначительныхъ остаткахъ, сравнительно очень немногіе. Такъ, упоминаемая послѣ Золотыхъ воротъ непосредственно какая-то Сигма теперь представляетъ

---

¹⁾ [Unger, Quellen d. byz. Kunstgesch. 128].

загадку, какую Сигму здѣсь нужно разумѣть. Сигмою въ Константинополѣ назывался портикъ, имѣвній форму полукруга, тогдашней уставной сигмы (С); портиковъ такой формы было довольно много въ разныхъ частяхъ города, такъ какъ эта форма портика принадлежала къ числу любимыхъ тогда архитектурныхъ формъ.

При обзорѣннн частей Большого Дворца мы видѣли, что такой портикъ былъ въ той части дворца, которая была построена Теофиломъ и съ которой цари принимали и привѣтствовали собравшихся въ фіалѣ Тригонха димотовъ, т.-е. представителей партій Ипподрома¹⁾. Какъ зданія дворца и множество другихъ общественныхъ зданій, интересующій насъ портикъ Сигма исчезъ, и теперь нѣтъ не только слѣдовъ его, но даже неизвѣстно и его мѣсто. Можно сказать только, что онъ находился недалеко отъ Золотыхъ воротъ и былъ послѣ нихъ первымъ пунктомъ, гдѣ, быть можетъ, цари останавливались для выслушанія словословіи и откуда цари поворачивали влѣво, т. е. на сѣверо-востокъ, къ Ексакионію.

Но, къ сожалѣнію, это имя говоритъ намъ не болѣе того, что мы знаемъ о Сигмѣ, т.-е. относительно Ексакионія, или Нехакионіон, ничего достовѣрнаго мы сказать не можемъ. Правда, относительно этого топографическаго термина имѣется нѣсколько позднѣйшихъ извѣстій, которыя какъ будто что-то объясняютъ, но они такъ сбивчивы, такъ неопредѣленны и отчасти носятъ такіе явные слѣды позднѣйшихъ комбинацій и выдумокъ, что вывести изъ нихъ ничего опредѣленнаго и положительнаго нельзя, а повторять ихъ вслѣдъ за Дюканжемъ и его повѣйшими послѣдователями едва ли нужно.

Достаточно сказать, что мы не узнаемъ изъ этихъ извѣстій, что называлось Ексакионіемъ: какая-нибудь мѣстность, т.-е. кварталъ, часть города, или кака-нибудь постройка и ближайшая къ ней площадь. Потому мы не знаемъ даже и того, какъ нужно писать и произносить названіе этой мѣстности: Ἐξακιόνιον или Ἐξακιόνιον. При такомъ положеніи вопроса и характерѣ извѣстій каждый могъ думать по своему и помѣщать этотъ топографическій терминъ тамъ, гдѣ казалось удобнѣе и согласнѣе съ тѣми извѣстіями, которыя казались наиболѣе вѣроятными и заслуживающими довѣрія.

Не придавая потому особенно важнаго значенія этимъ комбинаціямъ, я считаю нужнымъ указать, что Ексакионій упоминается въ церемоніалахъ и приходится въ процессіяхъ на пути къ св. Мокію и къ

¹⁾ Byzantina, I, 91 сл.

Золотымъ воротамъ, хотя эти топографическіе пункты отстояли довольно далеко одинъ отъ другого, и Средняя улица, продолженная въ прямомъ направленіи до стѣны, прошла бы между ними. Шедшему по Средней улицѣ отъ св. Софіи, съ востока на западъ, приходилось сворачивать къ св. Мокію направо, къ Золотымъ воротамъ налѣво. Однако же и въ томъ и другомъ случаѣ, т.-е. шелъ ли кто-нибудь къ св. Мокію или къ Золотымъ воротамъ, онъ проходилъ чрезъ Ексакіоній; изъ чего я позволяю себѣ заключить, что Ексакіоній находился на прямомъ продолженіи Средней улицы и былъ недалеко отъ Ксиролофа и колонны Аркадія, представляя собою промежуточный пунктъ между Золотыми воротами и колонною Аркадія (теперь Авреть-базарь), такой пунктъ, отъ котораго уже шла болѣе или менѣе прямая улица къ колоннѣ Аркадія. Во всякомъ случаѣ относить Ексакіоній западнѣе св. Мокія, къ самой стѣнѣ, какъ дѣлаетъ д-ръ Мордтманнъ совершенно не позволяють указанія церемоналовъ Придворнаго устава, который, къ тому, же называетъ обыкновенно этотъ топографическій пунктъ не *ἑξωκίονιον*, а *ἑξακίονιον*, а это названіе (шестистолбіе), образованное подобно другимъ словамъ, сложнымъ съ *ἕξ*—шесть, указываетъ на присутствіе въ этомъ пунктѣ шести колоннъ, или стоявшихъ отдѣльно, или входившихъ въ составъ какого-нибудь зданія или портика. Нѣкоторыя извѣстія объ Ексакіоніи позволяютъ, повидимому, склоняться въ пользу того, что «шестистолбіемъ» площадь и, быть можетъ, окружающая мѣстность стала называться отъ шести колоннъ со статуями на нихъ, украшавшихъ небольшую площадь ¹⁾).

На твердую почву и на не подлежащій никакому сомнѣнію топографическій пунктъ мы попадаемъ, когда доходимъ до Ксиролофа, упоминаемаго обыкновенно при перечисленіи пройденныхъ въ торжественной процессіи пунктовъ послѣ Ексакіонія. Ксиролофомъ (*Ξηρόλοφος*) назывался въ средніе вѣка тотъ холмъ, который въ видѣ довольно большаго треугольника составляетъ юго-западную оконечность города. Ручей или рѣчка Ликъ (*Λίκος*) ограничиваетъ его съ сѣвера, какъ бы отрѣзывая его отъ остальнаго города, протекая между Ксиролофомъ и городомъ отъ сухопутной стѣны до Мраморнаго моря, такъ что всѣ вышеназванные топографическіе пункты, составляющіе разныя части Средней улицы, начиная отъ Золотыхъ воротъ, расположены на Ксиролофѣ (Сухомъ холмѣ), находившемся, очевидно, до постройки Θεодосіевскихъ стѣнъ

¹⁾ [На полѣ карандашомъ прибавлено: „можно сказать предположительно, что стояли статуи не Константина Великаго, а Константина, сына Ирины, и др. современниковъ“].

большою частью внѣ городскихъ Константиновскихъ стѣнъ. Только острый уголь этого холма, обращенный на востокъ, къ городу, былъ, повидимому, захваченъ стѣною Константина. Недалеко отъ этой стѣны Аркадій устроилъ forum своего имени съ колонною въ свою честь по образцу колонны въ честь его отца, Θεодосія I, стоявшей на площади Тавра или Θεодосія (Forum Theodosianum). Сынъ Аркадія, Θεодосій II, поставилъ на колонну статую Аркадія, такъ что forum Arcadianum, устроенный Аркадіемъ, нѣкоторое время называли также forum Theodosianum. Съ теченіемъ времени оба эти имени были забыты и замѣнены названіемъ того холма, на которомъ былъ построенъ forum, такъ что у составителей обрядовъ Придворнаго устава и другихъ писателей того времени Ксиролофъ означаетъ и forum Arcadianum и его колонну. Колонну и forum Аркадій устроилъ въ 403 г., а статую его Θεодосій поставилъ въ 421 г., но въ 542 г. статуя уже потеряла правую руку, а въ 740 г. и совсѣмъ свалилась отъ землетрясеній. Пострадала отъ времени и непогоды и самая колонна, но стояла до 1719 г., когда отъ землетрясенія она свалилась и была разобрана и свезена. Устоялъ и остался на мѣстѣ только постаментъ до начала самой колонны. Вотъ этотъ-то постаментъ, который стоитъ и до сихъ поръ на своемъ мѣстѣ, и служить яснымъ и несомнѣннымъ указателемъ того мѣста, гдѣ была Средняя улица на Ксиролофѣ и какая изъ теперешнихъ улицъ съ большею вѣроятностью можетъ быть принята за Триумфальную.

Дѣло въ томъ, что въ томъ направленіи, въ которомъ шла Средняя улица, идетъ теперь нѣсколько улицъ, а двѣ идутъ параллельно почти на всемъ разстояніи отъ долины Лика до Западныхъ (сухопутныхъ) стѣнъ. Конно-желѣзная дорога, идущая отъ Галатскаго моста мимо св. Софійи чрезъ forum Constantini, вѣроятно, по прежней Средней улицѣ, предъ подъемомъ на Ксиролофъ къ Авретъ-Базару и Авретъ-Таши (forum и columna Arcadii) развѣтвляется: одна вѣтвь идетъ, немного подаваясь вправо къ сѣверу, къ Пшечнымъ воротамъ, а другая, круто поворачивая налѣво, къ берегу Пропонтиды, идетъ близко къ берегу моря и, проходя, между прочимъ, мимо Студійскаго монастыря, приходитъ къ Семибашенному замку и открытымъ съ сѣверной его стороны воротамъ (Еди-куле-капу). Въ пунктѣ развѣтвленія конно-желѣзной дороги начинается третья улица, которая, въ видѣ довольно прямой и широкой улицы, доходитъ до площади, средину которой занимаетъ мечеть Коджа-Мустафа, бывшая греческая церковь.

Отсюда эта улица развѣтвляется на нѣсколько кривыхъ улицъ и переулковъ, изъ которыхъ нѣкоторые ведутъ болѣе или менѣе прямо къ

Золотымъ воротамъ, влѣво отъ прямой до сихъ поръ улицы, а нѣкоторые переулки приводятъ къ улицѣ, ведущей къ Спливри-капу и почти все время идущей почти параллельно съ той, которая начинается у развѣтвленія конно-желѣзныхъ дорогъ.

Когда изъ долины Лика вы подниметесь по этой улицѣ, идя отъ св. Софїи къ Золотымъ воротамъ, или, доѣхавъ до развѣтвленія по конно-желѣзной дорогѣ, пойдете по той улицѣ, по которой конно-желѣзная дорога не идетъ, то, перейдя по этой улицѣ долину Лика и поднявшись къ Авреть-Базару, вы напрасно будете искать глазами колонну Аркадія, остатки которой здѣсь находятся: ихъ съ улицы не видно; вамъ представляются съ одной стороны дома, а съ другой—рядъ деревянныхъ лавокъ или деревянный длинный сарай, раздѣленный на нѣсколько отдѣленій. Въ этихъ лавкахъ или на ихъ мѣстѣ производилась еще не такъ давно торговля же п с е и мъ живымъ товаромъ, привозимымъ изъ разныхъ странъ и въ томъ числѣ изъ Россїи. Здѣсь богатые турки покупали себѣ и служанокъ и красивыхъ женъ, которыя тутъ держались подъ надлежащимъ присмотромъ и осматривались покупателями, какъ осматривается скотъ. Теперь открыто такой позорной торговли не производится и она принуждена прятаться по темнымъ угламъ въ частныхъ домахъ, гдѣ и до сихъ поръ, говорятъ, можно найти не мало разнообразнаго живого женскаго товара. Отъ прежняго центра этой торговли осталось только названіе: Авреть-Базаръ-женскій рынокъ, отъ котораго и украшавшая его колонна Аркадія стала называться Авреть-Ташъ.

Мы должны были завернуть направо въ переулокъ, чтобы увидѣть этотъ Авреть-Ташъ. Жалкіе остатки колоссальной колонны едва видны были изъ турецкихъ лачугъ, которыми постаментъ колонны былъ облѣпленъ (рис. 14).

Справа на углу Большой улицы стоитъ какой-то невзрачный домишко, отдѣляющій колонну отъ улицы и скрывающій ее отъ идущихъ по улицѣ. Онъ закрываетъ колонну съ запада, но не примыкаетъ къ колоннѣ плотно: между нимъ и колонной оставался проходъ, чрезъ который и проникъ Стржиговскій для осмотра колонны съ тѣхъ сторонъ, которыя были доступны обозрѣнію.

Съ запада постаментъ былъ во время обозрѣнія ея Стржиговскимъ открытъ на переулокъ и колонна была видна хоть съ одной стороны. Съ тѣхъ поръ хоть и немного прошло годовъ до нашего визита колоннѣ, но любовь турокъ къ искусству съ тѣхъ поръ сдѣлала большіе успѣхи: постаментъ колонны огороженъ и съ западной стороны. Какой-то, очевидно, просвѣщенный и прогрессивный турокъ между угло-

вымъ домомъ, стоящимъ съ южной стороны колонны, на углу улицы и переулка, и слѣдующимъ по переулку домомъ, примыкающимъ къ колоннѣ съ сѣверной стороны, подъ одну линію съ вышними стѣнами домовъ провелъ заборъ, покрылъ его кое-какъ, а снаружи сдѣлалъ маленькую дверь. Подорвавши немного подъ колонной съ этой же стороны, съ которой проходила заборъ, мудрый турокъ устроилъ тутъ (что вы думаете?)... складъ для угля. Безполезно стоявшая много вѣковъ колонна пріютила, наконецъ, полезное учрежденіе: турецкую лавченку съ углемъ. Жалкій обломокъ старины съдой и величавой отъ этого сосѣдства, понятно, не сдѣлался сохраннѣе, а сталъ грязнѣе и жалче. Какъ жѣ, однако, осмотрѣть остатки униженнаго и оскорбленнаго до послѣдней степени величія?

Колонна и доступъ къ ней загорожены со всѣхъ сторонъ; а нашъ проводникъ, молодой грекъ, обучавшійся въ русскомъ университетѣ, не зная, къ кому и какъ обратиться, чтобы про-

никнуть къ колоннѣ. Постояли мы, постояли и, въ отчаяніи, опять пошли на большую улицу, чтобы возвратиться сюда въ другой разъ. Но въ это время вдругъ явился благодѣтельный гений въ видѣ молодого человѣка, въ формѣ воспитанника военной школы, и предложилъ намъ пройти во дворъ дома съ сѣверной стороны отъ колонны и не только осмотрѣть ее снаружи, но и въ срединѣ. Понятно, мы изъявили желаніе, выразили нашему неожиданному гению благодарность и обѣщали на чайъ хозяину дома, на дворѣ котораго находится колонна. Благодѣтель нашъ немедленно устроилъ для насъ проходъ черезъ турецкій домъ, т.-е. испросилъ надлежащее разрѣшеніе на удаленіе жителей и жительницъ изъ комнатъ, такъ какъ намъ приходилось проходить черезъ жилища ком-

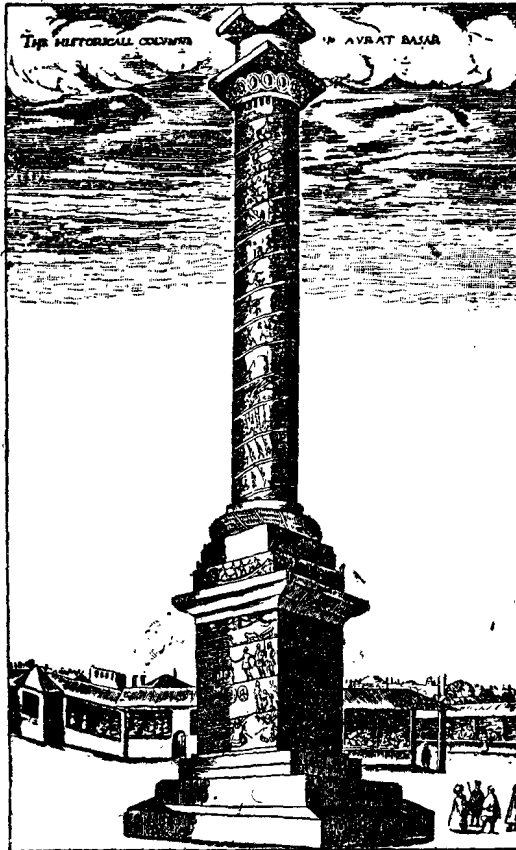

Рис. 14. Аркадіева колонна въ Константинополѣ (по рисунку Sandys'a).

наты довольно бѣднаго турецкаго дома, но довольно чистаго и приличнаго, устланнаго старинными коврами и потертыми низкими диванами. Пройдя домикъ, мы вышли на маленькій дворикъ, на который обращена была сѣверная сторона колонны съ дверью изъ нея. Дверь вела въ колонну на винтовую лѣстницу, устроенную въ колоннѣ.

Войдя въ дверь, посѣтитель оказывается въ небольшой и невысокой комнаткѣ, служащей какъ бы передней для лѣстницы, которая скоро начинается и сохранилась довольно исправно. Потолокъ передней комнаты украшенъ барельефнымъ орнаментомъ съ монограммою Христа по срединѣ съ буквами А и Ш и двумя звѣздочками (рис. 15).

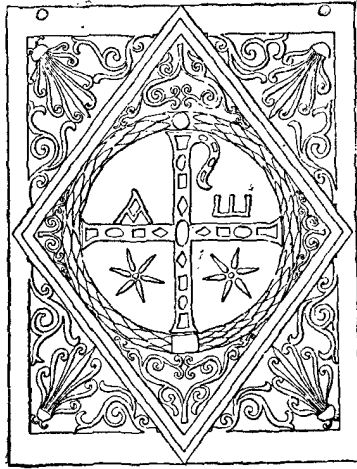

Рис. 15. Потолокъ комнаты подъ Аркадіевою колонной въ Константинополѣ.

Обогнувши постаментъ колонны по внутренней витой лѣстницѣ, высѣченной въ тѣхъ же мраморныхъ массивныхъ плитахъ, которыя составляютъ стѣны и стержень стиловата колонны, посѣтитель выходитъ наверхъ постамента къ обломку перваго слоя самой колонны. На этомъ обломкѣ еще ясны остатки изображенія какой-то процессіи, въ которой участвуютъ конные, пѣшіе и стоящіе на колесницахъ, везомыхъ 4-мя лошадьми. Къ сожалѣнію, остатки изображеній слишкомъ ничтожны для того, чтобы составить себѣ какое-нибудь опредѣленное понятіе о процессіи, и предположеніе Стржиговскаго о томъ,

что здѣсь изображено перевезеніе какихъ-то царскихъ инсигній, ни на чемъ не основано и мнѣ кажется мало вѣроятнымъ.

Въ дальнѣйшихъ спиральныхъ оборотахъ колонны, которые шли слѣва направо, изображены были подвиги и побѣды императора Аркадія, почему Жиль называетъ колонну *pignis varis scalptus*, что напоминаетъ названіе Никифора патріарха, который въ своей хроникѣ называетъ колонну *κίων γλύφαιος*. Эти изображенія сдѣланы были съ такимъ расчетомъ, чтобы снизу казаться одинаковой величины, для чего каменные полосы спирали увеличивались по мѣрѣ ихъ высоты. Чѣмъ выше стояла полоса, тѣмъ она была шире, а скульптурныя изображенія выше. Вся колонна, вмѣстѣ съ стиловатомъ достигала огромной высоты въ 47 метровъ, между тѣмъ какъ сохранившіяся римскія колонны - Марка Аврелія достигаетъ только 41,15 метровъ, а Траянова не доходитъ до 39. Жиль насчиталъ внутри колонны 233 ступени и 56 оконъ. Лѣстница имѣла въ ширину

0,85 метра, причемъ толщина стѣнъ равнялась 0,61 метра, а толщина внутренняго компактнаго столба, вокругъ котораго шла лѣстница, была въ 1,05 метра, такъ что толщина всей колонны у основанія ея составляла почти 4 метра (3,97).

Прочность и солидность постройки этой колоссальной колонны доказаны временемъ: несмотря на частыя землетрясенія и другія (климатическія) разрушительныя вліянія колонна простояла, хотя и значительно поврежденная, до 1719 г. Болѣе 1000 лѣтъ она украшала собою площадь Аркадія и составляла одно изъ чудесъ Константинополя. Турки, попирающіе и разрушающіе все изящное и великое, не только застроили площадь своими лачугами, но и болѣе или менѣе измѣнили улицу, давши ей нѣсколько боковое направленіе: вмѣсто того, чтобы приводить прямо къ колоннѣ, улица ведетъ мимо ея, а колонна оказывается на дворѣ 2-го отъ угла домика. Почти то же случилось и съ Константиновою колонною, занимавшею средину площади Константина. Теперь улица отъ бывшаго Августеона до колонны Константина также идетъ на нѣсколько шаговъ мимо колонны, которая остается вправо отъ прямого продолженія улицы. Колонна Константина стоитъ, правда, еще на площади, но, благодаря тому, что она примыкаетъ къ оградѣ мечети, а не къ частнымъ домамъ. Прилегай она къ частнымъ постройкамъ, быть можетъ, ее постигла бы такая же судьба, какъ колонну Аркадія или Маркіана, оказавшуюся на заднемъ дворѣ какой-то турецкой бани, по крышѣ которой мы пробирались къ колоннѣ, стоящей на заднемъ мусорномъ дворѣ. Дикая орда, поселившаяся въ Царьградѣ, бережетъ только собакъ, которыя, вѣроятно, исчезнутъ изъ Константинополя только вмѣстѣ съ турками. По этимъ образцамъ можно судить, какъ турки обращались съ площадями и стоявшими на нихъ памятниками. Такъ же безцеремонно поступали турки и съ улицами, по улицы представляли, благодаря домамъ и владѣльцамъ ихъ, болѣе сопротивленія произволу обладателей города и въ общемъ и главномъ сохранили, по крайней мѣрѣ многія, свое прежнее направленіе. Позволительно думать, что къ нимъ принадлежитъ и та артерія, которая вела и ведетъ отъ св. Софіи къ Золотымъ воротамъ и особенно тотъ ея участокъ, который начинается съ Авретъ-Базара и доходитъ до колонны Константина, т.-е. на большей долѣ всего пути. Быть можетъ, улица была прямѣе и шире, но, во всякомъ случаѣ, шла приблизительно въ томъ же направленіи.

Громадная разница теперешней грязной и жалкой улицы состояла въ томъ, что средневѣковая Большая улица Константинополя украшена была не только роскошными площадями, портиками и колоссальными

колоннами, но и массою скульптурныхъ произведеній искусства изъ лучшихъ эпохъ. Но средневѣковые суевѣрные люди мало понимали эти произведенія, особенно историческаго характера, и видѣли не исторію прошедшаго, а предсказанія будущаго въ тѣхъ сценахъ и памятникахъ, которые достались имъ отъ прежнихъ, отдаленныхъ и забытыхъ, эпохъ. Точно также и на скульптуры колонны Аркадія они смотрѣли, какъ на предсказанія будущей судьбы Константинополя и всего царства и таинственный смыслъ этихъ произведеній старались втолковать еще болѣе суевѣрнымъ нашимъ посѣтителямъ Константинополя. Многѣ такихъ толкованій слышалъ и передаетъ Антоній Новгородскій, а еще больше наши позднѣйшіе паломники, когда судьба царствующаго града и царства стала дѣйствительно вопросомъ времени и занимала умы всѣхъ, видящихъ униженіе и уменьшеніе силы и значеніе самаго царства.

Ближайшимъ къ площади Аркадія замѣчательнымъ пунктомъ, у котораго цари обыкновенно остаивались для выслушиванія словесній партій Ипподрома, была площадь быка (βόες), которая чаще всего называется просто быкомъ (βός), отъ стоявшаго тамъ большого бронзоваго быка, который служилъ печью для сожженія преступниковъ. Преданіе гласитъ, что этотъ быкъ привезенъ былъ изъ Пергама. Такое употребленіе печки-быка, вѣроятно, явилось случайно, и едва ли можно вѣрить тому, что этотъ быкъ былъ специально привезенъ и поставленъ для сожженія въ немъ преступниковъ, потому что, сколько мнѣ извѣстно, ни у римлянъ, ни у грековъ, взявшихъ римскіе законы, казни сожженія не существовало, а если она и примѣнялась въ Византіи и Константинополѣ, то, по всей вѣроятности, только въ незначительныхъ случаяхъ, въ родѣ указанныхъ византійскими писателями.

Площадь быка (forum bovis, βόες ἀγορά) находилась въ XI регионѣ, какъ свидѣтельствуешь древняя опись Константинополя, по приблизительно определѣнію повѣйшихъ ученыхъ въ долину Лика, около того мѣста, гдѣ одна улица раздѣляется на три, въ мѣстности, извѣстной теперь подъ именемъ Аксерая.

За площадью быка мѣстомъ, гдѣ происходила смѣна партій Ипподрома, былъ кварталъ или площадь Амастрійская (τὰ Ἀμαστρίανά). Названіе этой площади по городу Амастридѣ, лежавшему на сѣверномъ берегу Черпаго моря, приблизительно противъ Одессы, подало поводъ къ разнымъ измышленіямъ, которыя основаны на дурной славѣ пафлагонцевъ; но эти выдумки до того нелѣпы, что ихъ и повторять не стоитъ. Почему площадь не могла быть названа по весьма близкому къ Константинополю торговому и не разъ прославленному городу, я не совѣмъ

понимаю. Въ этой мѣстности по какимъ-нибудь обстоятельствамъ могли преимущественно останавливаться амастридцы, могли торговать на этой площади и т. п. Такие случаи бывають и теперь, а еще чаще были тогда, когда земляки охотно селились и торговали въ городѣ въ какомъ-нибудь опредѣленномъ, излюбленномъ почему-либо, кварталѣ.

Относительно положенія этой площади мы знаемъ только то, что она находилась между «Быкомъ» и Капитоліемъ или Филадельфіемъ, о которыхъ рѣчь будетъ ниже; но поднимать эту площадь на сѣверъ изъ теперешней прямой улицы и отъ этой площади вести улицу опять внизъ, какъ дѣлаетъ Мордтманнъ, я совершенно не вижу оснований и полагаю, что Амастрийская площадь была на той же прямой улицѣ, которая теперь ведетъ отъ Фора Константина до вышеуказаннаго развѣтвленія на три улицы, какъ это и показано на планѣ Stolpe. Такое отступленіе отъ прямого пути мало понятно и трудно допустить, что оно дѣйствительно было.

Не болѣе, къ сожалѣнію, извѣстно и о положеніи такого громкаго по названію топографическаго пункта, какъ Капитолій. Изъ древняго описанія города (*Descriptio* [=Unger, *Quellen d. byz. Kunstgesch.* 101—103]) видно только, что онъ находился въ VIII регионѣ; а изъ обряда вѣзда Василія видно, что Капитолій былъ между Амастрийскою площадью и Филадельфіемъ. Древнее описаніе вѣзда Юстиніана показываетъ, что Капитолій находился на Средней улицѣ и представлялъ собою, повидимому, послѣдній пунктъ по Адрианопольской улицѣ по направленію къ Средней: доѣхавъ до Капитолія отъ храма св. Апостоловъ, который стоялъ на дорогѣ отъ Средней улицы къ Адрианопольскимъ воротамъ, Юстиніанъ былъ уже на Средней. Но что называлось Капитоліемъ, доподлинно неизвѣстно: предположеніе Дюканжа, которому слѣдуетъ Бандури, что Капитолій тождественъ съ Василикою, едва ли вѣроятно и ни на чемъ не основано. Едва ли Капитоліемъ называлось зданіе, а скорѣе мѣстность или площадь, чѣмъ-либо напоминавшая римскій Капитолій. Во всякомъ случаѣ, то положеніе, которое отводитъ Капитолію Мордтманнъ на своемъ планѣ, едва ли можетъ быть признано правильнымъ, такъ какъ оно противорѣчитъ показаніямъ какъ *Descriptio*, такъ и Обрядника, а это такіе свидѣтели, которыми пренебрегать нельзя.

Къ сожалѣнію, Капитолій упоминается въ обрядахъ довольно рѣдко, а большею частью пропускается, и послѣ Амастрийской площади слѣдуетъ прямо Филадельфій, какъ пунктъ, до котораго та или другая партія Ипподрома провозжала славословіями царя или отъ котораго она начинала ихъ, чтобы дойти до другого пункта. Филадельфіемъ, по сло-

вамъ средневѣковыхъ топографовъ, называлось мѣсто или площадь, на которой была статуя обнимающихся братьевъ, изображавшихъ, будто бы, Константа и Констанція, въ память ихъ встрѣчи послѣ смерти Константина Великаго. Другіе прибавляютъ, что здѣсь именно произошла встрѣча двухъ братьевъ, прибывшихъ одинъ съ запада, другой съ востока.

За Филадельфіемъ слѣдуетъ одинъ изъ самыхъ важнѣйшихъ пунктовъ Константинополя, расположенныхъ на Средней улицѣ, такъ называемый *forum Theodosii* или площадь Тавра, въ центрѣ которой находилась знаменитая колонна Феодосія Великаго, поставленная имъ самимъ въ память своихъ побѣдъ надъ готами и скинами.

Колонна Феодосія была сдѣлана наподобіе сохранившихся доселѣ римскихъ и послужила прототипомъ для колонны Аркадія, вкратцѣ выше описанной, т.-е. она состояла изъ барельефовъ, поднимавшихся спирально, и внутри имѣла лѣстницу. Поставленная въ 386 г., чрезъ 8 лѣтъ (394) колонна была украшена статуею императора и, несмотря на разныя невзгоды, стояла болѣе 1000 лѣтъ, пока одинъ изъ султановъ не снесъ ее для постройки банъ и мечети въ 1500 г. Благодаря такому продолжительному существованію, колонна Феодосія была осмотрѣна и срисована нѣкоторыми путешественниками, посѣтившими Константинополь до 1500 г. и оставившими намъ ея изображеніе.

По древнему описанію Константинополя по регіонамъ *forum Theodosii*, который уже при Феодосіи II назывался и площадью Тавра, находился частью въ VII, частью въ VIII регионѣ, что соответствуетъ южной части, обращенной къ улицѣ съ конно-желѣзной дорогой, теперешней площади сераскирата.

Мѣстоположеніе площади, а, слѣдовательно, и колонны не подлежитъ сомнѣнію и, въ свою очередь, указываетъ на прохожденіе здѣсь средневѣковой Большой улицы, на протяженіи которой *forum Theodosii* отдѣлялся отъ *forum Constantini* лишь хлѣбнымъ базаромъ, Артополіями, и соединялся съ послѣднимъ портиками. Такъ какъ названіе площади Феодосія именемъ Тавра встрѣчается уже въ древнемъ описаніи, то едва ли можно искать объясненіе названія въ томъ обстоятельстве, что Константинъ Копронимъ обратилъ площадь Феодосія въ рынокъ для крупнаго скота. Достовернѣе, кажется, объясненіе Дюканжа, который производитъ это названіе отъ сановниковъ Тавровъ, изъ которыхъ одинъ жилъ и былъ префектомъ преторіи при Константинѣ Великомъ (другой при Феодосіи II), и владѣлъ, вѣроятно, мѣстомъ и домомъ въ томъ кварталѣ, который потомъ занялъ былъ площадью Феодосія I.

Въ виду того, что, несмотря на постройку здѣсь *forum* съ колон-

ною въ память побѣдъ такого знаменитаго императора, какъ Θεодосίη I, мѣстность и площадь съ колоною назывались какъ въ послѣдствіи, такъ и при Θεодосίη II (въ Descriptio), по имени Тавра, а не Θεодосία, позволительно думать, что за этою мѣстностью еще до постройки forum'a Θεодосίη I уже утвердилось названіе по имени Тавра до такой степени, что даже измѣненіе роли квартала не измѣнило его названія; какъ масса другихъ кварталовъ, такъ и этотъ продолжали называться по имени сановника Тавромъ, подобно тому, какъ площадь Аркадія съ колоною же продолжала называться по имени холма, на которомъ forumъ былъ построенъ. Имя Θεодосία едва ли было бы вытѣснено, если бы оно было господствующимъ раньше, чѣмъ поселился здѣсь Тавръ времяъ Θεодосία II.

Гораздо важнѣе недоумѣніе относительно содержанія барельефовъ, украшавшихъ колону Θεодосία. Издаваемые Menestrier'омъ и переизданные у Бандури въ качествѣ рельефовъ колонны Θεодосία они въ настоящее время вызываютъ сомнѣнія и колебанія: одни принимаютъ эти интересные рисунки за копіи съ барельефовъ колонны Тавра, другіе склонны скорѣе видѣть въ нихъ рисунки барельефовъ колонны Аркадія или Ксиролофа. Судя по рисунку всей колонны, данной Дюкашжемъ, дѣйствительно можно сомнѣваться въ принадлежности этихъ таблицъ къ снимкамъ съ колонны Θεодосία I, хотя таблицы, несомнѣнно, принадлежатъ тому времени и представляютъ для насъ огромный интересъ, такъ какъ на нихъ, кромѣ разныхъ сценъ изъ жизни покореннаго племени, изображается триумфальный въѣздъ въ Константинополь римскаго императора начала Византийскаго исторіи и города Константинополя, какъ столицы Римской имперіи.

За forum'омъ Theodosii или такъ называемымъ Тавромъ на востокъ, по направленію къ св. Софіи и Дворцамъ Большимъ, слѣдовалъ Хлѣбный базаръ или рынокъ (Артополій, 'Αρτοπόλιον). Хотя въ такомъ большомъ городѣ, какъ Константинополь, было, конечно, нѣсколько хлѣбныхъ базаровъ въ разныхъ частяхъ, но такъ называемый Артополій пользовался, очевидно, особенною извѣстностью, и его нарицательное имя сдѣлалось собственнымъ: безъ другихъ прибавленій и обозначеній онъ называется обыкновенно однимъ нарицательнымъ. Говорятъ, что на этомъ рынокѣ Константинъ Великій водрузилъ на мраморной колоннѣ одинъ изъ трехъ крестовъ, которые онъ приказалъ сдѣлать наподобіе видѣннаго имъ на небѣ креста. Въ числѣ прочихъ архитектурныхъ особенностей и украшеній на Артополіи была арка или апсида, у которой обыкновенно смѣнялись партіи Ипподрома, провожавшія и прославляв-

пія царя во время торжественныхъ процессій. Та партія, которая начинала славословія здѣсь, провожала царя до слѣдующей станціи, до *forum Constantini*, — одной изъ самыхъ важныхъ и знаменитыхъ площадей Константинополя. Римскіе императоры въ разныхъ городахъ имперіи имѣли прекрасный обычай строить въ свою честь и память базары съ площадями, такъ называемые *fora*. Константинъ Великій, построивъ такой *forum* въ Новомъ Римѣ, своей новой столицѣ, украсилъ его со всевозможнымъ великолѣпіемъ и роскошью, а въ срединѣ его водрузилъ знаменитую порфировую колонну, которая стоитъ на своемъ мѣстѣ и до сихъ поръ и представляетъ собою одинъ изъ несомнѣнныхъ памятниковъ времени самого Константина. Такимъ образомъ, своимъ присутвіемъ на своемъ прежнемъ мѣстѣ знаменитая колонна точно и ясно указываетъ и мѣсто не менѣ знаменитой нѣкогда площади и многихъ окружавшихъ ее замѣчательныхъ зданій и сооружений.

По единогласному преданію, *forum* Константина, называвшійся у византійцевъ обыкновенно просто *форомъ* (*φόρος*), былъ круглый и построенъ былъ такимъ будто бы въ подражаніе и на мѣстѣ палатки, въ которой Константинъ жилъ во время осады. Но такъ какъ тѣ же преданія прибавляютъ, что *форъ* Константина находился у самыхъ воротъ древней Византіи, то является сомнительнымъ, чтобы эта палатка была у самыхъ воротъ непріятельскихъ. Палатка императора (*cohors praetoria*) не могла быть на краю военнаго лагеря, стоявшаго предъ Византіею, а имѣла свое определенное мѣсто въ римскомъ военномъ лагерѣ, и не было никакихъ основаній отступать отъ этого твердо установившагося обычая, созданнаго военною римскою практикою. Допустить, что *форъ* былъ построенъ на мѣстѣ военной палатки Константина можно только въ такомъ случаѣ, если стѣны Византіи были довольно далеко отъ *фора*, примѣрно около того оврага или долины, которая проходила мимо св. Софіи и около которой, по нашему мнѣнію, проходила стѣна древней Византіи. Какъ бы то ни было, *форъ* Константина былъ круглый и состоялъ изъ двухъ половинъ, полукруговъ, раздѣленныхъ двумя огромными арками, стоявшими одна противъ другой и ведшими одна на Артополій, а другая — къ св. Софіи и старому, до-константиновскому, городу. Полукруги, ограничивавшіе *форъ*, состояли изъ великолѣпныхъ мраморныхъ двухэтажныхъ портиковъ, въ изобиліи снабженныхъ и украшенныхъ массою скульптурныхъ произведеній лучшихъ древнихъ мастеровъ. Арки, открывавшія выходы на улицу, были также украшены статуями, и въ томъ числѣ статуями самого Константина и Елены, державшими кресты. Такъ была украшена арка, выходившая съ *фора* на во-

стокъ къ св. Софіи и Большому Дворцу. Очень можетъ быть, что статуи Константина и Елены съ крестомъ поставлены были послѣ Константина, но наши извѣстія знаютъ восточную арку фора уже съ этими статуями.

Средину круга, ограниченнаго двуэтажными портиками, занимала вышеупомянутая зѣаменитая порфировая колонна, стоящая и теперь на своемъ мѣстѣ, хотя и въ обезображенномъ, искалѣченномъ видѣ. Многое могла бы разсказать эта колонна, видѣвшая всю исторію христіанскаго Константинополя. Многое испытала она сама и отразила на себѣ исторію города, такъ же обезображеннаго, искалѣченнаго, какъ и «обоженная» Константинова колонна. Теперь она стоитъ прямымъ укоромъ христіанскому міру, своимъ видомъ калѣки напоминая ему, до какого униженія дошелъ этотъ христіанскій міръ, допускающій поруганіе памятника, столь будто бы дорогого для христіанъ и цивилизацій. А было время, когда этотъ колоссъ былъ дѣйствительно дорогъ для жителей христіанской столицы и много надеждъ и ожиданій соединялось съ нимъ въ сердцахъ жителей православной столицы: они издавна привыкли видѣть въ колоннѣ Константина охрану, палладіумъ столицы.

Говорятъ, что уже самъ Константинъ желалъ сдѣлать изъ своей колонны такой предметъ, который служилъ бы охраною, обладалъ бы талисманомъ города. Для этого онъ взялъ палладіумъ Рима (по однимъ извѣстіямъ въ Римѣ, по другимъ даже въ Троѣ) и тѣ корзины, въ которыхъ раздавались чудесные хлѣбы, послужившія для насыщенія цѣлыхъ тысячъ слушателей Спасителя міра, и положилъ ихъ подъ основаніе своей колонны. Самую колошну онъ привезъ изъ Фригіи и составилъ ее изъ отдѣльныхъ кусковъ, связавши и вмѣстѣ прикрывши ихъ соединеніе бронзовыми вѣнками. Все это было увѣнчано надлежащею капителью и затѣмъ украшено статуею Аполлона, увѣнчаннаго лучезарнымъ вѣнцомъ.

Впослѣдствіи, когда Константинъ сдѣлался первымъ христіанскимъ императоромъ и предъ самою смертію крестился, всему, связанному съ именемъ Константина, былъ приданъ христіанскій характеръ и христіанское религіозное толкованіе и значеніе. Такъ какъ Константинъ Великій съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе получалъ значеніе и почитаніе, какъ первый христіанскій царь, какъ основатель христіанской столицы и покровитель христіанства, какъ государственной религіи, то его фортъ и его колонна получили не только государственно-историческое, но и большое религіозное значеніе. Занимая такое мѣсто въ городѣ, откуда можно по болѣе или менѣе прямымъ и широкимъ улицамъ идти въ разныя стороны и кварталы города, фортъ Константина былъ весьма и весьма часто мѣстомъ, гдѣ проходили и останавливались для

совершенія молебствій религиозныя и политическія процессіи. Не говоря уже о такихъ процессіяхъ, которыя шли по Большой улицѣ отъ Золотыхъ воротъ или сосѣднихъ кварталовъ къ св. Софіи и обратно, чрезъ площадь Константина проходило каждый годъ много крестныхъ ходовъ въ боковые кварталы, такъ что въ недавно открытыхъ церковныхъ уставахъ мы постоянно встрѣчаемся съ литіями, идущими чрезъ форъ Константина. Такъ какъ св. Софія, откуда или куда направлялись обыкновенно крестные ходы (литіи), стоитъ почти на краю одного изъ угловъ треугольника, составляющаго собственно Константинополь, то почти весь городъ приходится на западъ отъ св. Софіи и почти во всѣ пункты города нужно было идти отъ св. Софіи чрезъ форъ Константина. Поэтому крестные ходы чрезъ него и молебны на немъ въ церковныхъ уставахъ считаются десятками. Если память святого, освященіе храма или какой-нибудь праздникъ сопровождался крестнымъ ходомъ изъ св. Софіи къ мѣсту празднованія, то почти всегда упоминается форъ Константина и на немъ непременно совершается молебенъ (δοξάζουσι ἐκεῖ). Такое значеніе фора Константина, быть можетъ, привело къ тому, что къ стиловату колонны Константина была пристроена маленькая часовня или молебеня (ἐκκληρίον)¹⁾, въ которомъ такія молебствія на форѣ Константина и совершались, если не всегда, то, по крайней мѣрѣ, часто, какъ показываютъ придворные уставы, въ которыхъ, какъ мы увидимъ, описывалось нѣсколько такихъ молебствій, совершавшихся въ часовнѣ въ честь св. Константина около колонны Константина на форѣ его имени. По церковнымъ уставамъ, такія молебствія можно считать десятками, съ участіемъ патріарха и безъ него. Колонна Константина получила такимъ образомъ большое церковное значеніе, а сдѣлавшись священнымъ предметомъ, она мало-по-малу получила церковную окраску и въ своей исторіи: ей стали приписывать христіанскій, церковный характеръ въ самомъ основаніи и старались связать съ разными христіанскими святынями, о которыхъ не было помину при основаніи колонны. Аполлонъ или Илій (Ἰλιός), котораго изображала статуя, превратился или въ основателя христіанства или, по крайней мѣрѣ, въ самого Константина, а лучезарное сіяніе въ гвозди, которыми пригвождено было тѣло распятаго Богочеловѣка. Скоро явилась и соотвѣтствующая надпись, которая, несомнѣнно, была и о которой имѣются неопровержимыя свидѣтельства.

Когда и гдѣмъ сдѣлана была надпись на капители колонны, надпись, въ которой Христу, Царю и Владыкѣ міра, посвящается не только городъ,

¹⁾ Юней см. статью Д. Ф. Вѣляева въ Лѣтописи И-Ф. Общ. при Новоросс. унив. IV].

но и вся римская держава съ молитвою о сохраненіи ея и спасеніи, неизвѣстно, по крайней мѣрѣ мнѣ; но мнѣ кажется несомнѣннымъ, что такая надпись могла быть сдѣлана только послѣ Константина, при его дѣтяхъ или слѣдующихъ преемникахъ, когда принадлежность императорской фамиліи къ христіанству не была официальнымъ секретомъ, а признавалась открыто и официально. Подобная судьба постигла и храмъ св. Апостоловъ, который изъ императорскаго мавзолея при дѣтяхъ Константина превратился въ христіанскій храмъ св. Апостоловъ. Можно съ большею или меньшею увѣренностью утверждать, что храмы Божественной Премудрости (*ἀγία Σοφίας*) и Силы (*Δύναμις*) христіанское значеніе храмовъ получили также послѣ Константина, хотя построены были въ видѣ храмовъ Премудрости и Силы Божественной вообще, а не Второго лица Пресвятой Троицы.

Составленная изъ немногихъ цѣльныхъ порфировыхъ круглыхъ плитъ въ 10 футовъ толщины, плотно пригнанныхъ и связанныхъ металлическими скрѣпами, порфировая колонна Константина и украшавшая ее статуя благополучно стояли до Алексѣя Комнина, когда необыкновенно сильная буря сбросила и разбила статую, повредивъ и колонну съ капителью. Царь Алексѣй Комнинъ поправилъ, по возможности, поврежденную колонну, но не возобновилъ статуи, а, вмѣсто статуи, поставилъ туда большой крестъ, приписывавшійся Константину и стоявшій во дворцѣ. При этомъ Алексѣй Комнинъ приказалъ на капители увѣковѣчить свою починку надписью, которая уцѣлѣла и до сихъ поръ читается на капители «Обожженной колонны», стиловатъ которой ободранъ и, лишенный всякихъ украшеній, обитый и обезображенный, въ миниатюрѣ представляетъ олицетвореніе разореннаго, обезображеннаго, униженнаго и загаженнаго города Константина. Отъ бывшаго пѣкогда здѣсь великолѣннаго фора нѣтъ и слѣда, хотя площадь тутъ есть, но не на срединѣ ея стоитъ колонна, а въ углу, въ сторонѣ, прилегая къ какой-то оградѣ. Улица, приводившая отъ св. Софіи къ срединѣ фора, къ самой колоннѣ, очевидно, значительно подалась, по крайней мѣрѣ, одною сторопою къ другой сторонѣ, такъ что колонна оказалась не противъ середины улицы, а противъ лѣвой ея стороны, если смотрѣть отъ колонны къ св. Софіи. Пренная старинная улица, быть можетъ, начиналась въ томъ мѣстѣ, гдѣ начинается какое-то громадное старинное зданіе, теперь передѣланное въ склады и торговые помѣщенія. Очень можетъ быть, ближайшее изслѣдованіе этого зданія привело бы къ какимъ-нибудь интереснымъ результатамъ относительно фора Константина и прилегавшихъ къ нему зданій, въ родѣ сената на форѣ, который особо

описывается въ поэмѣ, недавно обнародованной, Константина Родія, описывающаго сенать въ числѣ семи чудесъ Константинополя. Съ церемоніальной точки зрѣнія зданіе сената на форѣ, которое этою прибавкою отличается отъ сената на Августеонѣ, возлѣ св. Софіи, замѣчательно тѣмъ, что въ дурную погоду царь съ своею свитою въ нѣкоторые праздники приходилъ въ сенать слушать молебенъ, вмѣсто молельни св. Константина. Сюда же, въ зданіе сената, приходилъ патріархъ съ духовенствомъ служить литію, послѣ которой сначала царь, а потомъ патріархъ уходили туда, куда имъ нужно было по уставу для торжественной службы празднику.

Съ художественной точки зрѣнія сенать на форѣ замѣчательнѣе былъ многими произведеніями скульптуры, взятыми изъ античнаго, языческаго, міра, а между прочимъ и рельефными литыми дверьми, принадлежавшими нѣкогда храму Діаны въ Ефесѣ и замѣчательными по художественному содержанію своему, которое вкратцѣ передается Константиномъ Родіемъ.

Въ церемоніальномъ отношеніи важна также церковь во имя Богоматери, построенная на форѣ Василиемъ Македоняниномъ для массы народа, имѣвшаго дѣла на форѣ, но не имѣвшаго тамъ до Василия I храма, въ которомъ бы народъ могъ помолиться. Этотъ храмъ Богоматери на форѣ, со времени Василия, служилъ мѣстомъ переоблаченія царей, когда, при триумфальномъ вѣздѣ, отъ фора Константина шли до св. Софіи пѣшкомъ въ полномъ царскомъ облаченіи, между тѣмъ какъ до фора они ѣхали на лошадяхъ въ военномъ парадномъ облаченіи. Для переоблаченія, доѣхавъ до фора, цари сходили съ лошадей, входили въ храмъ Богородицы на форѣ и тамъ въ мутаторіи переоблачались, послѣ чего въ полномъ облаченіи шли уже пѣшкомъ совершенно такимъ же порядкомъ и съ тѣми церемоніями, которые соблюдались при выходахъ царей изъ Хрисотриклина Большого Дворца въ св. Софію въ Большіе Господніе праздники, какъ это описано въ I кн. моихъ *Byzantina*.

Съ фора Константина чрезъ восточную его арку и антифоръ, точное описаніе котораго мнѣ неизвѣстно, входили на Большую улицу или Среднюю, окаймлявшуюся съ обѣихъ сторонъ портиками до Милія и слѣдующей большой и важной площади, раздѣлявшей Большой дворецъ отъ св. Софіи, до Августеона. Большая улица на этомъ небольшомъ пространствѣ, повидимому, была самою красивою и бойкою частію города. Кромѣ богато устроенныхъ и роскошно убранныхъ портиковъ, быть можетъ, одною стороною примыкавшихъ къ южной сторонѣ св. Софіи, а другою къ сѣверной сторонѣ Большого дворца, конецъ улицы,

примыкавшій къ Большому дворцу, отличался важными и великолѣпными зданіями, общественными и частными. Здѣсь, между прочимъ, часто упоминаются въ Придворномъ уставѣ зданія: дворець Лавза, библіотека, преторій на лѣвой сторонѣ, если идти съ фора къ св. Софіи, бани Зевксиппа, сѣверныя постройки Ипподрома и нѣкоторыя другія постройки, дѣлавшія изъ этой части Большой улицы одинъ изъ лучшихъ кварталовъ города. И теперь на мѣстѣ этой улицы идетъ сравнительно довольно широкая и порядочная улица, опять-таки сравнительно; по она гораздо уже прежней улицы, а о портикахъ и роскошныхъ зданіяхъ тутъ нѣтъ и помину: время и дикая орда, поселившаяся въ Константинополь, все снесли и уничтожили, ничего не возстановивши и ничего не возобновивши. Улица все-таки, вѣроятно, осталась въ силу историческихъ обстоятельствъ, которыя обыкновенно заставляютъ послѣдующія поколѣнія держаться прежняго направленія улицъ въ старомъ городѣ: старая улица только значительно сузилась; домишки вылѣзли на пустое пространство улицы, которая вмѣстѣ съ этимъ могла измѣнить нѣсколько и свое направленіе; особенно это могло случиться въ концѣ, примыкающемъ къ площади Ипподрома и св. Софіи, гдѣ вообще очень многое измѣнилось и скрыто до основанія.

Первенствующее значеніе Средней или Большой улицы съ самаго начала, со времени перестройки Византіи въ Константинополь, видно изъ того, что на этой именно улицѣ, по примѣру основателя города, строили свои площади (фора) и ставили свои колонны слѣдующіе за Константиномъ императоры, всячески украшая эту излюбленную улицу. Почему именно она стала центральной и самою бойкою и сдѣлалась вмѣстѣ съ тѣмъ триумфальною? На этотъ вопросъ отвѣчаетъ, мнѣ кажется, лучше всего топографія Константинополя собственно и особенно Большой улицы. Проходя по хребтамъ холмовъ, прилегающихъ къ Мраморному морю, и проходя отъ старой Византіи и дворца къ самой большой дорогѣ, расположенной по берегу Мраморнаго моря, Средняя или Большая улица, хотя и не была среднею улицею въ собственномъ смыслѣ, проходила чрезъ большую часть и лучшіе кварталы города, непрерывно продолжаясь на всемъ почти протяженіи города съ запада на востокъ. Хотя отъ Золотыхъ воротъ путь нѣсколько варьировался, и на Большую улицу собственно отъ Золотыхъ воротъ вели разные пути, тѣмъ не менѣе предпочитались, безъ сомнѣнія, тѣ улицы, которыя были просторнѣе и прямѣе и скорѣе выводили на прямую большую улицу. Къ сожалѣнію, этой улицы мы не знаемъ, а изъ описанія въѣздовъ царей можно заключить, что въ началѣ пути цари ѣхали разнo,

какъ установлено церемоніаломъ, составленнымъ церемоніймейстеромъ, подъ руководствомъ препозита, и утвержденнымъ царемъ. Само собою разумѣется, что тѣ религіозные выходы и крестные ходы, которые направлялись въ храмы, лежавшіе въ сторонѣ отъ Золотыхъ воротъ, не проходили участка, ближайшаго къ Золотымъ воротамъ, а въ концѣ Большой улицы сворачивали къ этому пункту, къ которому шли. Поэтому не пужно удивляться и смущаться тѣмъ, что крестный ходъ, идущій по Большой улицѣ, мимо тѣхъ самыхъ пунктовъ, которые упоминаются при триумфальныхъ въѣздахъ, не проходилъ черезъ Золотыя ворота и ближайшіе къ нимъ топографическіе пункты: какъ показываетъ планъ, процессіи поворачивали раньше, нежели достигали Золотыхъ воротъ и прилегающихъ къ нимъ улицъ. Такъ, когда шли къ храму пресв. Богородицы Источника или отъ него, то шли не черезъ Золотыя ворота, а черезъ ворота Источника, которыя и до сихъ поръ сохранили свое имя, и потому съ Большой улицы не поворачивали на югъ, къ Мраморному морю, а шли прямо. Когда шли къ св. Мокію, то крестный ходъ долженъ былъ, значительно не доходя до стѣны, повернуть направо, такъ какъ храмъ св. Мокія находился направо отъ Большой улицы, на сѣверъ отъ нея, слѣдовательно, въ сторонѣ, противоположной Золотымъ воротамъ и значительно ближе ихъ для идущихъ отъ св. Софіи.

Несравненно раньше сворачивали съ Большой улицы, когда шли въ какой-нибудь храмъ, лежавшій ближе къ св. Софіи, или въ сторонѣ отъ Большой улицы. Такъ ходившіе въ храмъ св. Апостоловъ должны были по Большой улицѣ идти только до Капитолія, а отъ него продолжать путь, по улицѣ, ведшей къ храму св. Апостоловъ и дальше къ Адрианопольскимъ воротамъ. Точно также крестные ходы во Влахернскій храмъ и другіе, находившіеся въ той же части (сѣверо-восточной) Константинополя, сворачивали съ Большой улицы въ началѣ ея (считая отъ св. Софіи), смотря по тому, какія улицы были ближе и удобнѣе для достиженія того храма, въ который крестный ходъ шелъ. Въ церковныхъ уставахъ IX и X в., недавно открытыхъ, такихъ случаевъ можно найти очень много, такъ какъ изъ многочисленныхъ крестныхъ ходовъ, совершавшихся въ теченіе года, большая часть исходила изъ св. Софіи и шла сначала по Большой или Средней улицѣ, по крайней мѣрѣ, до *forum Constantini*.

Не считая возможнымъ и нужнымъ входить здѣсь въ изложеніе всѣхъ выходовъ и процессій, которые совершались по Средней или Большой улицѣ, я считаю достаточнымъ указать на тѣ триумфальныя и

религіозныя процессіи, которые отмѣчены и записаны въ Привдворномъ уставѣ и которыя могутъ дать понятіе и объ остальныхъ, тѣмъ болѣе, что мы имѣемъ въ виду, главнымъ образомъ, не церковныя процессіи и крестныя ходы, которые мы предоставляемъ нашимъ литургистамъ, а преимущественно свѣтскіе и тѣ церковныя, въ которыхъ принимали участіе цари. Такъ какъ церковныя процессіи совершались, очевидно, по подобію свѣтскихъ процессій, то естественнѣе начать съ первыхъ.

Въ Константинополѣ свѣтскія торжественныя процессіи, двигавшіяся по Средней улицѣ, были двоякаго рода: одни триумфальныя, которыя дѣлали цари-побѣдители, подобно тому, какъ древніе римскіе консулы-триумфаторы совершали свои триумфальные вѣзды, послѣ того, какъ сенатъ признавалъ ихъ достойными триумфа. Въ императорскій періодъ, особенно позднѣйшій, византійскій, императору не было надобности одерживать какія-нибудь блестящія побѣды и совершать геркулесовскіе подвиги для совершенія триумфальнаго вѣзда. Все зависѣло отъ воли самого царя и отъ его охоты играть роль триумфатора: если онъ считалъ триумфальный вѣздъ нужнымъ и пріятнымъ для своего тщеславія дѣломъ, то достаточно было номинальнаго участія въ какомъ-нибудь военномъ дѣлѣ или походѣ, кончившемся не совсѣмъ плачевно, чтобы совершить въ качествѣ побѣдителя торжественный и великолѣпный вѣздъ, который былъ тѣмъ богаче и роскошнѣе обставленъ, чѣмъ больше этого желалъ дѣйствительный или мнимый царь-побѣдитель: въ охотникахъ угодить царю-триумфатору недостатка никогда не было.

Такъ какъ присужденіе триумфа тому или другому полководцу соединялось иногда съ присужденіемъ ему короны, побѣднаго вѣнца или вѣника, съ коронаціею, то впоследствии, въ императорскій періодъ, коронація, хотя бы ей и не предшествовалъ никакой походъ и вообще какое-нибудь участіе въ войнѣ, сопровождалась большею частью триумфальнымъ вѣздомъ или, по крайпей мѣрѣ, шествіемъ, если коронація совершалась въ городѣ. Императорская корона составляла одинъ изъ отличительныхъ знаковъ царскаго достоинства, и триумфальный вѣздъ въ коронѣ въ первый разъ былъ въ то же время торжественнымъ вѣздомъ поваго императора. Въ первые вѣка византійской имперіи такіе вѣзды вновь коронованныхъ императоровъ совершались довольно часто, когда коронація или, по крайпей мѣрѣ, выборы и провозглашенія императоровъ совершались не въ Константинополѣ, а за его стѣнами, въ его окрестностяхъ или въ провинціи.

Это — второй родъ триумфальныхъ вѣздовъ, совершавшихся по Большой улицѣ. Нави коронаціонныя вѣзды, явившіеся благодаря пе-

ренессансу резиденции в Петербургъ, можно причислить или уподобить этимъ триумфальнымъ въздамъ, хотя у насъ царь не только въѣзжаетъ безъ короны, но даже и въ день въѣзда не коронуется въ столицѣ, а возлагаетъ на себя корону чрезъ нѣсколько дней, послѣ говѣнія, подобнаго великопостному, такъ какъ коронація съ теченіемъ времени получала все болѣе и болѣе значенія и блеска, а въ церковномъ отношеніи все болѣе осложнялась и развилась въ цѣлый, довольно длинный обрядъ, соединенный съ миропомазаніемъ и причащеніемъ и тѣсно переплетенный съ литургіею. Въ то старое время, когда вновь коронованные византійскіе цари въѣзжали съ триумфомъ въ столицу, церковный элементъ коронаціи только зарождался и состоялъ изъ краткой молитвы, читавшейся константинопольскимъ епископомъ надъ короною, и благословеніемъ ея предъ надѣваніемъ на голову царю.

Кромѣ царскихъ триумфальныхъ въздовъ послѣ болѣе или менѣе удачныхъ экспедицій, бывали иногда, хотя и рѣдко, въѣзды полководцевъ, одержавшихъ какую-нибудь блестящую побѣду и не возбуждавшихъ въ царѣ подозрѣній, такъ какъ въ византійское время на триумфальный въѣздъ давалъ разрѣшеніе единственно царь, который, понятно, соглашался на такое отличіе только для тѣхъ, на вѣрность которыхъ онъ могъ рѣшительно считать и которымъ триумфъ, по мнѣнію царей, не вскружить головы. Эти въѣзды совершались также по Большой улицѣ.

Подобно царскимъ триумфальнымъ въздамъ, по Большой улицѣ совершались по нѣсколько разъ въ году церковныя процессіи или крестные ходы отъ св. Софіи въ какой-нибудь изъ храмовъ, лежавшихъ за городомъ или въ городѣ въ концѣ Большой улицы или около нея. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ крестныхъ ходовъ принималъ участіе царь, который на возвратномъ пути обыкновенно ѣхалъ верхомъ почти въ такомъ же костюмѣ, какъ и во время триумфальныхъ въздовъ. Встрѣчи и пріемы димовъ ишподрома производились такъ же, какъ и во время триумфальныхъ въздовъ, только нѣсногнѣнія, конечно, были другія.

Но сходство этихъ церковныхъ ходовъ и въздовъ съ триумфальными, само собою разумѣется, не говоритъ еще въ пользу происхожденія религиозныхъ процессій изъ триумфальныхъ въздовъ. Участіе царей въ церковныхъ выходахъ, будучи аналогично участію императоровъ въ нѣкоторыхъ языческихъ процессіяхъ и церемоніяхъ, въ то же время нельзя считать продолженіемъ языческихъ обычаевъ, а скорѣе—желаніемъ царей свидѣтельствовать о своемъ благочестіи и правотѣ, своей приверженности и преданности церкви и ея православнымъ обрядамъ. Царь былъ не только первый и вѣрный сынъ православія, но и

покровитель, защитникъ и охранитель православной церкви и, какъ таковой, долженъ былъ принимать участіе въ ея главнѣйшихъ обрядахъ и церемоніяхъ, крестныхъ ходахъ и религиозныхъ процессіяхъ.

Предполагая въ послѣдующихъ главахъ дать образцы церковныхъ процессій, совершавшихся съ участіемъ царя, и представить изложеніе одного триумфальнаго въѣзда, какъ излагаетъ ихъ уставъ Константина Багрянороднаго, я считаю достаточнымъ въ настоящее время ограничиться указаніемъ тѣхъ обрядовъ, которые имѣютъ своимъ предметомъ изложеніе въѣздовъ и выѣздовъ, происходившихъ въ Константинополѣ ежегодно и совершавшихся на Большой улицѣ. Эти обряды важны не потому только, что они воспроизводятъ дѣйствія царя и чиновъ во время такихъ выходовъ, но и потому, что они являются однимъ изъ самыхъ надежныхъ топографическихъ источниковъ, документально и официально свидѣтельствующихъ о положеніи того или другого памятника или мѣста: нигдѣ нѣтъ такъ много данныхъ, собранныхъ въ одномъ памятникѣ о Средней улицѣ, какъ въ обрядахъ Константина Багрянороднаго, и они могутъ служить лучшимъ критеріемъ для оцѣнки мнѣній Дюканжа и другихъ ученыхъ по топографическимъ вопросамъ.

Между тѣмъ какъ у другихъ писателей памятники, стоявшіе на Большой улицѣ, или упоминаются и даже описываются отдѣльно или хотя и въ порядкѣ, но не всѣ и не до конца улицы, какъ, напр., у Кедрина и Константина Родія, въ Придворномъ уставѣ памятники, стоявшіе на Средней улицѣ, упоминаются сподрядъ и въ нѣсколькихъ обрядахъ нѣсколько разъ и притомъ иногда сначала въ одномъ порядкѣ, а потомъ въ обратномъ, такъ что въ одномъ и томъ же обрядѣ иногда находится критерій для провѣрки перечней и названій. Трудно желать что-нибудь болѣе точное и систематическое, тѣмъ болѣе, что эти перечни исходятъ изъ оффиціального источника и писаны современниками, продѣлывавшими всѣ эти обряды.

Изъ обрядовъ, въ которыхъ излагаются триумфальные въѣзды собственно, въ Придворномъ уставѣ дошли до насъ только три, да и тѣ изъ сравнительно поздняго времени, но они сохранили довольно много чертъ болѣе древнихъ временъ. Первый по времени описываетъ въѣздъ царя Теофила, послѣдняго иконоборца, устроенный имъ послѣ не всѣмъ удачнаго похода въ Киликію [Сегім. I, р. 503 sq.].

Какъ мы увидимъ ниже, Теофиль подъѣхалъ къ городу по Золотому рогу, къ Иракліевой стѣнѣ, объѣхалъ вглубь стѣны всю сухопутную границу города до самыхъ Золотыхъ воротъ и, въѣхавъ черезъ нихъ, доѣхалъ до св. Софіи, въ которую и вошелъ черезъ св. Кладезь, т.-е.

через южную боковую дверь, сойдя съ лошади предъ этою дверью. Теофилъ совершалъ свой въѣздъ съ цезаремъ Вардою, братомъ царицы Теодоры. Процессія была устроена и участники ея разставлены въ такомъ порядкѣ, который, очевидно, практиковался тогда въ подобныхъ случаяхъ. *Mutatis mutandis*, порядокъ этотъ напоминаетъ ту триумфальную процессію, которая изображена была на Теодосіевой или Аркадіевой колоннѣ: сначала везли военную добычу и вели плѣнныхъ, а потомъ уже шли побѣдители.

Но съ подробностями этихъ въѣздовъ мы познакомимся въ слѣдующей главѣ, гдѣ будетъ дано обстоятельное описаніе одного византійскаго триумфальнаго въѣзда, а теперь считаю достаточнымъ обратить вниманіе читателя только на топографическія особенности въѣзда Теофила, особенно на начальную стадію его въ самомъ городѣ: Теофилъ ѣхалъ отъ Золотыхъ воротъ, черезъ которыя онъ, по обыкновенію, въѣхалъ въ городъ, черезъ Сигму, а потомъ по дорогѣ, ведущей къ св. Мокію до Милія (*διὰ τῆς πρὸς τὸν ἁγ. Μώκιον μέγρι τοῦ Μιλίου*). Дорога Теофила указана такимъ образомъ въ самыхъ общихъ чертахъ. Не видно даже, разумѣетъ ли авторъ подъ *ἡ πρὸς τὸν ἁγ. Μώκιον* дорогу отъ Золотыхъ воротъ до Мокія или дальнѣйшій путь по Средней улицѣ, такъ какъ Средняя улица вела отъ св. Софіи къ св. Мокію и по ней ходилъ, какъ мы скоро увидимъ, крестный ходъ изъ св. Софіи къ св. Мокію и обратно.

Гораздо подробнѣе указанъ путь при описаніи въѣзда Василия Македонянина, но мы пока оставимъ его, такъ какъ думаемъ обстоятельно познакомить съ нимъ читателя въ слѣдующей главѣ, а теперь перейдемъ ко второму роду въѣздовъ, такъ называемымъ коронаціоннымъ.

Такіе въѣзды въ началѣ Византійской имперіи дѣлались, повидимому, довольно часто, такъ какъ въ древнее время провозглашенія часто происходили въ Евдомѣ, послѣ чего совершался торжественный въѣздъ черезъ Золотыя ворота, лежавшія на прямомъ пути отъ Евдома къ св. Софіи и Большому дворцу, куда обыкновенно ѣхалъ вновь коронованный императоръ.

Изъ такихъ въѣздовъ описать въ Придворномъ уставѣ одинъ въ числѣ такъ называемыхъ провозглашеній, какъ образецъ «провозглашенія», совершившагося за городомъ, въ «Евдомѣ», гдѣ такія провозглашенія совершались довольно часто и представляли явленіе болѣе или менѣе обычное [Сегім. I, p. 410 sq.].

По смерти императора Маркіана, синклитъ, т.-е. всѣ высшіе чины

имперіи избрали преемникомъ Маркіана Льва. Министромъ двора (*magister officiorum*) былъ тогда Марціалъ, а Константинопольскимъ архіепископомъ Анатолій. Для провозглашенія новаго императора всѣ чины (*οἱ ἄρχοντες*), гвардія (*αἱ σχολαί*) и войско (*οἱ στρατιῶται*) собрались въ Трибуналъ въ Евдомѣ. Лавары и другія знамена и значки положены были на землю и всѣ собравшіеся, съ архіепископомъ и магистромъ во главѣ, начали восклицать: «Услыши Боже, Тебя призываемъ. Услыши, Боже! Льву жизнь, услыши, Боже! Левъ будетъ царствовать. Боже челолюбивый, государство (*τὸ πρᾶγμα δημόσιον* = *res publica*) просить въ цари Льва. Льва въ цари просить и войско. Льва принимаютъ законы. Льва принимаетъ дворець. Таковы мольбы Двора; таковы рѣшенія войска; таковы желанія синклита; таковы мольбы народа. Льва ожидаетъ мѣръ; Льва принимаетъ войско. Общественная краса, Левъ, пусть выйдетъ. Общественное благо, Левъ, будетъ царствовать. Услыши, Боже, Тебя призываемъ!»

Послѣ этихъ возгласовъ Левъ, бывший тогда комитомъ (*comes* = *conte*) и трибуномъ Маттіаріевъ, былъ приведенъ въ Трибуналъ и, какъ только онъ явился въ Трибуналъ, кампидукторъ Вусамъ надѣлъ ему на голову манаікій, а другой кампидукторъ, Олимпій, далъ ему такой же манаікій въ правую руку. Какъ только собравшіеся увидали Льва въ такомъ украшеніи, т.-е. съ манаікіемъ, замѣнявшемъ собою вѣнецъ, діадиму, на головѣ, знамена и значки, лежавшіе до сихъ поръ на землѣ, были подняты и всѣ собравшіеся закричали: «Августѣйшій Левъ, ты побѣждаешь, ты благочестивый, ты священный. Богъ намъ тебя даровалъ; Богъ будетъ хранить тебя. Почитая Христа, всегда побѣждаешь. Многія лѣта Левъ будешь царствовать. Христіанское царство Богъ да хранить».

Сейчасъ же вслѣдъ за этимъ кандидаты окружили царя въ самомъ Трибуналѣ и царь, облачившись въ царскую одежду, надѣлъ діадиму и въ такомъ облаченіи показался народу, взявъ щитъ и копье. Всѣ чины отъ высшихъ до низшихъ въ извѣстномъ нисходящемъ порядкѣ приносили поздравленія и поклонялись новому царю, а народъ и войска словословили царя въ такихъ выраженіяхъ: «и могучій и побѣдоносный и священный. Счастливо, счастливо, счастливо. Многія лѣта. Августѣйшій Левъ, царствуй! Это царство Богъ да сохранить! Христіанское царство Богъ да сохранить!» и т. п. Въ отвѣтъ на это, царь чрезъ ливелларія обратился къ народу и воинамъ съ такою рѣчью: «Самодержецъ Левъ побѣдоносный и священный. Богъ всемогущій и ваше рѣшеніе, могучіе воины, на счастье выбрали меня самодержцемъ Римскаго государства».

Всѣ закричали: «Августѣйшій Левъ, ты побѣдишь. Избравшій тебя да сохранить тебя! Свое избраніе Богъ да сохранить. Благочестивое царство Богъ да охранить. И благочестивъ и могучъ». Въ отвѣтъ на это, отъ имени царя было сказано: будете имѣть во мнѣ такого полновластнаго начальника, который будетъ сотоварищемъ вашимъ въ трудахъ. Я научился ихъ переносить еще въ то время, когда вмѣстѣ съ вами несъ военную службу. Всѣ закричали: «Счастливо. Войско тебя царемъ, побѣдитель. Войско тебя царемъ, счастливымъ. Всѣ мы тебя желаемъ». Августѣйшій отвѣчалъ: я рѣшилъ, какіе дома я обязанъ доставить своимъ силамъ (войскамъ). Всѣ закричали: «и благочестивъ и могучъ и уменъ». Августѣйшій приказалъ объявить: «за ваше рѣшеніе и за мое счастливое царство дамъ вамъ по 5 золотыхъ и фунту серебра на человѣка». Это заявленіе встрѣчено было общимъ крикомъ солдатъ: и благочестивъ и щедръ. Отъ тебя почести, отъ тебя богатства. Да будетъ царство твое для насъ счастливымъ золотымъ вѣкомъ! На прощаніе самодержецъ кесарь августѣйшій приказалъ сказать: «Богъ съ вами!» и ушелъ, сопровождаемый высшими сановниками имперіи въ мутаторіи, куда собрались и представители (по три отъ каждаго гвардейскаго отряда) гвардейскихъ отрядовъ. Царь даетъ этимъ послѣднимъ спеціальныя порученія относительно денегъ, дѣлается расчетъ и выдаются деньги. Изъ мутаторіи царь пѣшкомъ отправляется въ военную походную церковь, сдѣланную въ палаткѣ и потому называемую бабочкою.

Въ мутаторіи, т.-е. особомъ небольшомъ отдѣленіи этой церкви, царь снялъ вѣнецъ, вошелъ въ церковь, помолился и, выйдя изъ церкви, снова надѣлъ вѣнецъ, а потомъ сѣлъ верхомъ на бѣлаго коня и дозволилъ сѣсть на коней и сановникамъ, которые на коняхъ сопровождали царя до храма св. Іоанна Крестителя, гдѣ въ мутаторіи царь снимаетъ опять вѣнецъ и отдаетъ препозиту. Препозитъ несетъ вѣнецъ за царемъ въ алтарь, гдѣ царь беретъ его у препозита и кладетъ на св. престоль. Взявши вѣнецъ съ престола, царь отдалъ опять препозиту и кладетъ на престоль припошеніе, доставленное управляющимъ частныхъ царскихъ имуществъ. Войдя на возвратномъ пути въ мутаторіи, царь надѣваетъ вѣнецъ и ѣдетъ опять на бѣломъ конѣ къ Золотымъ воротамъ и чрезъ нихъ по Большой улицѣ до дворца Елены, гдѣ царь сходилъ съ лошади и входилъ во дворецъ. Завѣдующій этимъ дворцомъ встрѣчалъ его и поклонялся ему до земли, если это было не въ воскресный день. Если завѣдующій дворцомъ Елены былъ чиновникъ, то царь отвѣчалъ ему поцѣлуемъ.

Г л а в а II.

Евдомъ.

Въ исторической и частной жизни обитателей Константинополя игралъ очень видную роль такъ называемый Евдомъ, одно изъ предмѣстій столицы Восточно-Римской имперіи. Здѣсь перѣдко была главная квартира непріятелей, осаждавшихъ Константинополь; здѣсь принимались владѣтельные или вообще знатные гости царей предъ вѣздомъ въ самую столицу; здѣсь въ старину провозглашались и выбирались вновь избранные цари и оттуда совершали торжественные вѣзды въ городъ для коронаціи въ св. Софіи и вступленія въ Большой дворецъ; отсюда же иногда дѣлали цари—побѣдители свои триумфальные вѣзды, возвратившись изъ побѣдоноснаго похода. Въ Евдомъ изъ города, отъ св. Софіи или Большого дворца, ежегодно нѣсколько разъ совершались торжественныя религиозныя процессіи, крестные ходы съ царемъ и патріархомъ во главѣ въ воспоминаніе какихъ-нибудь горестныхъ или радостныхъ событій, которыя, по воззрѣніямъ современниковъ, служили проявленіемъ гнѣва и милосердія Божія и память о которыхъ современники желали сохранить въ послѣдующихъ поколѣніяхъ. Къ такого рода событіямъ принадлежатъ грозныя осады непріятеля, землетрясенія и т. п. бѣды, имѣвшія какую-нибудь связь съ Евдомомъ.

Во всѣхъ означенныхъ вѣздахъ и процессіяхъ принимали участіе не только оффиціальныи чиновныи мѣръ, но и простые обыватели, любившіе наслаждаться этими зрѣлищами и, по возможности, участвовать въ подобныхъ процессіяхъ. Въ виду такого значенія Евдома, естественно опъ часто упоминается у византійскихъ историковъ и вообще писателей, такъ что для пониманія многихъ и важныхъ мѣстъ въ ихъ трудахъ необходимо знать, гдѣ находился Евдомъ, и отвести ему какое-нибудь точное и опредѣленное мѣсто, которое бы объясняло извѣстія и сообщенія византійскихъ писателей. Къ сожалѣнію, сами они не даютъ точныхъ топографическихъ данныхъ о хорошо имъ извѣстномъ и не требующемъ никакихъ поясненій и описаній столичномъ предмѣстьѣ, въ которомъ каждый изъ современниковъ много разъ бывалъ и о которомъ еще чаще слыхалъ.

Въ виду такого значенія Евдома, съ одной стороны, и молчанія писателей о его топографіи, съ другой, возникли между повыми и повѣйшими изслѣдователями топографіи Константинополя разногласія относительно мѣстоположенія Евдома, которыхъ нельзя считать исчезнув-

шими и до настоящего времени. Такъ какъ мнѣ приходилось раньше и придется говорить въ этой книгѣ о церемоніяхъ, начинавшихся или окончивавшихся въ Евдомѣ, то считаю себя обязаннымъ сказать нѣсколько словъ по этому вопросу, въ надеждѣ, по возможности, содѣйствовать усвоенію правильнаго рѣшенія вопроса. По моему убѣжденію, онъ уже рѣшенъ правильно, но это рѣшеніе недостаточно подробно обосновано и потому, быть можетъ, кажется недостаточно убѣдительнымъ, тѣмъ болѣе, что противъ такого рѣшенія, которое я считаю, вмѣстѣ съ другими новѣйшими учеными, правильнымъ и единственно возможнымъ, уже давно рѣшительно высказался знаменитый Дюканжъ, который посвятилъ этому вопросу даже особое изслѣдованіе, написанное со свойственною одному Дюканжу эрудиціею.

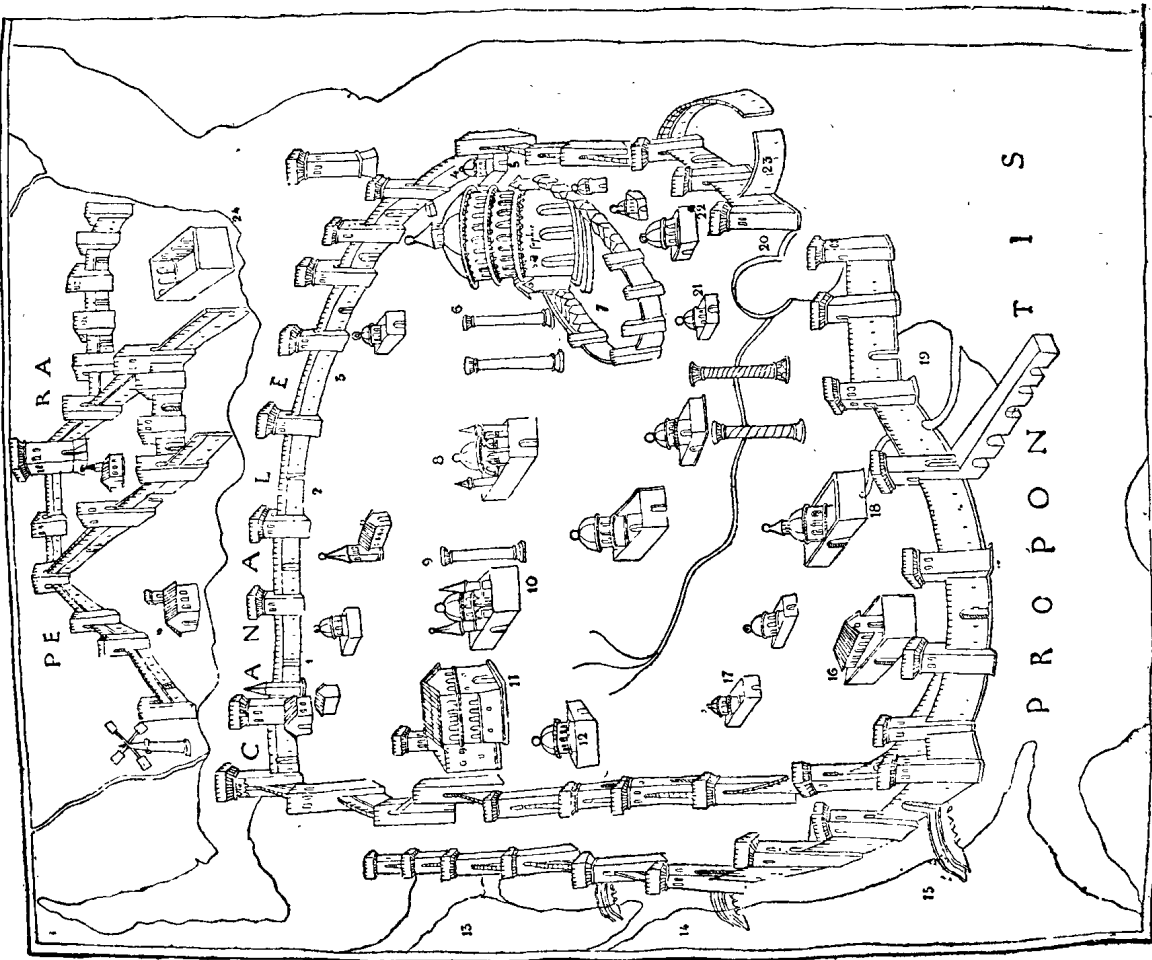
Основатель константинопольской топографіи, какъ особой научной дисциплины, Петръ Жилль, въ своей *Topographia Constantinopoleos*, въ особой главѣ (lib. IV, cap. IV), посвященной Евдому, говоритъ, что Евдомъ, предмѣстье или пригородъ Константинополя (*προάστειον*, suburbium), находился внутри стѣнъ на 6-мъ холмѣ въ 14-мъ регионѣ, около цистерны Бона, и заключалъ въ себѣ дворецъ, теперь извѣстный подъ именемъ дворца Константина, и храмъ Іоанна Предтечи (Продрома), который былъ построенъ Θεодосіемъ Великимъ, перенесшимъ въ этотъ храмъ главу Іоанна Предтечи. Къ этому Евдому Жилль относитъ всѣ тѣ многочисленные свидѣтельства и упоминанія объ Евдомѣ, которыя находятся у византійскихъ писателей. Такъ какъ въ этихъ извѣстіяхъ упоминается и портъ, то Жилль находитъ портъ Евдома у Охотничьихъ воротъ въ Золотомъ рогѣ. Названіе Евдомъ (*Septimum*) Жилль объясняетъ тѣмъ, что имъ обозначалось число или номеръ, подъ которымъ извѣстно было это предмѣстье (Седьмое). Къ сожалѣнію, никакихъ доказательствъ въ пользу своихъ положеній Жилль не приводитъ, и вся эта глава, очевидно, основана на догадкахъ самаго Жилля, а не на свидѣтельствахъ средневѣковыхъ писателей.

Мнѣніе Жилля относительно мѣстоположенія Евдома оспаривалъ Адрианъ Валезій [*Hadrianus Valesius, Disput. de Basilicis, quas primi Francorum reges condiderunt, Paris. 1658 — 1660, cap. VIII*], братъ извѣстнаго издателя греческихъ церковныхъ историковъ Генриха Валезія (Valois), и доказывалъ, что Евдомъ, какъ показываетъ самое названіе въ полной формѣ: *Septimum milliarium* ("Εβδομον μίλιον), находился около милевого столба по дорогѣ, которая около Константинополя шла по берегу Мраморнаго моря и вела во Фракію и далѣе въ другія провинціи Восточно-Римской имперіи. Въ пользу своего мнѣнія Адр. Валезій ссылался на тексты и древнія свидѣтельства, объясняя ихъ въ томъ смыслѣ, ко-

Таблица II.

Планъ Константинополя Бу-
ондельмонте (по ватиканской
рукописи).

1. P. dellecorne.
2. P. pr. messe
3. Per piscariam.
4. St. Georgius.
5. St. Demetrius.
6. In hoc visus imp(erator) Feo-
d(osius) equo sedens.
7. Hippodromo.
8. Pandecratoros.
9. Hic est Constantinus genu-
flexus.
10. St. Johannis de Petra.
11. Palatium imperatoris.
12. St. Marcus (?).

13. Porta Sti Johannis.
14. Porta comidi (?).
15. Porta cresca cesarea.
16. St. Johannes Studio.
17. St. Andreas.
18. Perleptos.
19. Portus magnus.
20. Consile.
21. Domus Justiniani.
22. Domus Papae.
23. Portos divi Palatii imperialis.
24. Arsena.

торый ему казался несомнѣнно вѣрнымъ и не опровержимымъ, и по которому всѣ древнія свидѣтельства говорятъ противъ Жилля и за него, Вalezia.

Такъ какъ Дюканжъ усвоилъ мнѣнiе Жилля и проводилъ его въ своихъ трактатахъ объ Евдомѣ и принадлежащихъ къ нему зданiяхъ и пунктахъ, то, естественно, возраженiе Вalezia не могло быть оставлено безъ вниманiя, и Дюканжъ, кромѣ статей въ разныхъ частяхъ Constantinopolis Christiana, посвятилъ вопросу о мѣстонахожденiи Евдома особый полемическiй трактатъ, который перепечатывался потомъ нѣсколько разъ въ приложенiи къ его Constantinopolis Christiana. Въ этомъ трактатѣ знаменитый византологъ со всею ученостью, ему только свойственною, благодаря его феноменальной начитанности въ источникахъ, старается опровергнуть доводы противника и доказать, что Евдомъ паходился именно тамъ, гдѣ помѣщалъ его Жилль, и на Мраморномъ морѣ быть не могъ. Трактатъ этотъ имѣлъ огромное значенiе, и выводы Дюканжа усвоились, повторялись и теперь повторяются византологами, даже спеціально занимавшимися топографiею Константинополя, въ томъ числѣ мѣстными константинопольскими учеными, которые могли все, сказанное Дюканжемъ о мѣстоположенiи Поля, провѣрить на мѣстѣ и увидать собственными глазами ошибки Дюканжа, не выдавшаго Константинополя. Въ виду такого значенiя экскурса Дюканжа, я считаю необходимымъ подробнѣе остановиться на доказательствахъ Дюканжа, обстоятельнѣе познакомить читателей съ его содержанiемъ.

Прежде всего Дюканжъ считаетъ нужнымъ заявить, что Евдомъ называется такъ отъ седьмого милевого столба, у котораго онъ находился на Золотомъ рогѣ ¹⁾. Здѣсь же было, а не на Мраморномъ морѣ, Марсово поле (Campus, Κᾶμπος), Трибуналъ, царскiй дворецъ, храмъ Юанна Крестителя (Продрома) и другiя зданiя, находившiяся въ Евдомѣ и упоминаемыя у византiйскихъ писателей. Нельзя, однако же, думать, что всѣ эти зданiя были именно у седьмого милевого столба; напротивъ, здѣсь не было ни одного, а всѣ они были на Полѣ, которое тянулось отъ седьмого столба до города, потому что Евдомомъ назывался не одинъ только столбъ, но и все Поле, которое распростиралось между седьмымъ столбомъ и городомъ Константинополемъ ²⁾,

---

¹⁾ De hebdomo C-no disquisitio topographica, cap. 2: in confesso debere esse agnoscimus, Hebdomum ita appellatum quod Septimo (vetere scilicet Byzantio ad Promontorium Ceratinum) milliari distaret.

²⁾ "Εβδομον appellationem habuisse etiam inter Septimum istud milliare et urbem Constantinopolitanam interjectum Campum, in quo aedificia omnia, quorum meminerint Byzantini scriptores, nullaque in ipso milliari septimo stetisse ausim omnino contentere. Ibid. cap. 3.

и которое потому само называется Евдомомъ или Полемъ Евдома, какъ это видно изъ приводимыхъ мѣстъ изъ средневѣковыхъ писателей. Эти мѣста доказываютъ въ то же время, что Поле было близъ Константинополя и даже прилегало къ нему, лежало предъ его воротами и было въ виду его (πρὸ τῆς πόλεως), чего нельзя было бы сказать, если бы это поле было у седьмого столба отъ города; да и жители во время землетрясеній не побѣжали бы къ седьмому столбу, а остановилось бы и раскинули бы свои палатки раньше.

Не только Марсово Поле, но и Трибуналъ съ дворцомъ отождествляются съ Евдомомъ и называются его именемъ, а о нихъ говорится, что они находились не только на Марсовомъ полѣ, но и въ самомъ городѣ: относительно нѣсколькихъ императоровъ сказано, что они провозглашены были въ Константинополь въ Трибуналъ или въ Евдомъ, изъ чего видно, что эти пункты находились не только близъ города, но и въ самомъ городѣ, какъ и дворецъ Константина или Юстиніана, часто упоминаемый вмѣстѣ съ Полемъ и Трибуналомъ.

Весьма убѣдительнымъ доказательствомъ этого служитъ извѣстіе Теофана объ осадѣ саракинами Константинополя съ моря, отъ западной возвышенности или Магнавра Евдома до Кикловія.

Дюканжъ думаетъ, что это извѣстіе можно понимать только въ томъ смыслѣ, что саракины добрались до Евдома чрезъ Золотой рогъ и держали въ осадѣ Константинополь отъ крайнихъ пунктовъ Золотого рога до Семибашеннаго замка, т. е. стояли подъ морскими стѣнами города на всемъ ихъ протяженіи. Понимать извѣстіе Теофана иначе, полагать, что саракины осадили городъ отъ седьмого милевого столба по берегу Мраморнаго моря до Семибашеннаго замка, по мнѣнію Дюканжа, такъ же нелѣпо, какъ говорить, что враги окружили Парижъ отъ Версаля до Лувра.

Потому и подъ портомъ Евдома, который въ извѣстіи упоминается, нужно разумѣть не иной какой-нибудь, а Влахернскій заливъ, и подъ приморскими берегами Евдома нужно разумѣть берега Золотого рога, а не Мраморнаго моря ¹⁾. Точно также и дворецъ Евдома былъ около Влахернъ и Золотого рога и построенъ былъ Константиномъ Великимъ, имя котораго онъ удерживаетъ до сихъ поръ, сначала за городомъ, а потомъ вошелъ въ его составъ и стоитъ у самыхъ стѣнъ (Текфуръ-Сарай). Здѣсь былъ консисторій Граціана и Юстиніана, который иногда

---

¹⁾ Ibid. cap. XI—XII... ex locis allatis evidenter patet per sinum Ceratinum saracenos in Hebdomum, seu in Campum, urbi proximum pervenisse, a quo ad Cyclobium usque mari urbem obsidere.

называется novum Consistorium Justiniani и помѣщается in Septimo milliario ab urbe. Но это не значитъ, что дворецъ былъ за семь миль отъ города; онъ былъ у самаго города или въ городѣ, а это только locutionis forma. Потому и у писателей часто вмѣсто названія дворца употребляется слово Евдомъ, напр., когда говорятъ, что царь или царица отправились въ Евдомъ, то это значитъ отправились во дворецъ Евдома. Возлѣ дворца находился Трибуналъ, который былъ построенъ на открытомъ воздухѣ и назывался то Трибуналомъ Евдома, то Трибуналомъ дворца, то просто Евдомомъ, какъ и дворецъ ¹⁾).

Если говорится, что Евдомъ былъ пригородъ, предмѣстіе Константинополя и находился предъ городомъ (προάστειον, πρὸ τῆς πόλεως), то это не значитъ, что онъ былъ далеко. Напротивъ, этимъ словомъ обозначаютъ мѣстности очень близкія къ городу, какъ Сики (Συκαί, Галата), которыя отдѣляются только Золотымъ рогомъ отъ города, какъ дворецъ источника, который находится у Золотыхъ воротъ и смеженъ съ ними. Мало того, предмѣстьями часто называются отдаленныя части города, гдѣ важныя особы часто имѣютъ сады и виноградники, которые они называютъ предмѣстьями. Да и въ законѣ сказано, что suburbanum ab urbanis non loco, sed qualitate discernitur ²⁾).

Такъ какъ Евдомъ или поле Евдома (Campus) простирался до седьмого милевого столба, то на этомъ пространствѣ находилось немало зданій и церквей, изъ которыхъ упоминаются храмы св. Θεοδοτίου, Ιωάννα Κρηστού, Μηνῆς καὶ Μηνείας καὶ Ιωάννα Θεολόγου. Къ сожалѣнію, византійскіе писатели не говорятъ, ближе ли они были къ милевому столбу или къ городу. Относительно церкви св. Ιωάννα Προέχου хотя и сказано, что она стояла отъ города на седьмомъ милевомъ столбѣ, но этимъ обозначается только пространство Евдома, а сама церковь находилась недалеко отъ дворца и, вѣроятно, въ самомъ городѣ, хотя относительно ея, въ виду свидѣтельства Константина Багрянороднаго, и возникаетъ нѣкоторое сомнѣніе, которое Дюканжъ старается успокоить тѣмъ, что предполагаетъ существованіе другого храма. Во всякомъ случаѣ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что слово Евдомъ различно употреблялось византійскими писателями: 1) для обозначенія мѣста, на которомъ стоялъ седьмой столбъ, гдѣ никакихъ зданій, упоминаемыхъ у писателей, не было; 2) для обозначенія промежуточнаго пространства между седьмымъ камнемъ и Константинополемъ, пространства, на ко-

¹⁾ Cap. XIV.

²⁾ Cap. XVIII: Neque vero proxima dumtaxat civitatibus loca aut Palatia προάστειον nomine donata, sed etiam intra ipsam urbem.

торомъ стояли всѣ эти зданія, какъ дворець, Трибуналъ, находившіеся въ стѣнахъ города, затѣмъ храмы св. Іоанна Крестителя и Іоанна Богослова, каковыя зданія у писателей обыкновенно и обозначаются именемъ Евдома.

Разсужденіе Дюканжа имѣло огромное значеніе для рѣшенія вопроса, и никто не смель возможнымъ выступить противъ такого высокаго авторитета, какимъ былъ Дюканжъ. Вопросъ считался рѣшеннымъ окончательно и такъ обстоятельно и основательно, что, по словамъ знатока топографіи Константинополя, Бандури, говорить объ Евдомѣ можно было только такъ, какъ говорилъ Дюканжъ. Потому Бандури ничего и не говоритъ объ Евдомѣ и находящихся тамъ топографическихъ пунктахъ, а желающихъ узнать объ нихъ что-нибудь обстоятельнѣе и доказательнѣе, отсылаетъ къ изложенному выше разсужденію Дюканжа и соответствующимъ трактатамъ въ Constantinopolis Christiana. Какъ въ самомъ дѣлѣ могъ ошибаться по вопросу объ Евдомѣ такой знатокъ константинопольскихъ древностей, знатокъ глубочайшій и всесторонній, какого еще не было, да, быть можетъ, и не будетъ? Трудно не преклоняться предъ такимъ подавляющимъ авторитетомъ. Авторитетъ Дюканжа въ этомъ вопросѣ признавался не подлежащимъ сомнѣнію и послѣ Бандури. Византологи XIX столѣтія также большею частью держались, а многіе и теперь крѣпко держатся мнѣній и выводовъ Дюканжа, и трудно убѣдить ихъ въ противномъ.

Сами греки, живущіе въ Константинополѣ, и тѣ усвоили взглядъ Дюканжа и потому въ ихъ сочиненіяхъ, въ ихъ планахъ и картахъ средневѣковаго Константинополя Евдомъ стоитъ около Влахернскаго квартала и стояція теперь извѣстныя подъ именемъ дворца Константина или Текфуръ-Сарая развалины, ничтоже сумняся, обозначаются именемъ Евдома. Даже Мордманнъ въ своемъ планѣ средневѣковаго Константинополя слѣдовалъ этой традиціи, хотя въ Очеркѣ средневѣковаго Константинополя высказываетъ мнѣніе противоположное и считаетъ болѣе вѣроятнымъ мнѣніе противниковъ Дюканжа, какъ объ этомъ мною замѣчено въ разборѣ работы Мордманна, помѣщенномъ въ Византійскомъ Временникѣ за 1894 годъ [стр. 389—402].

Въ ряду этихъ безусловныхъ послѣдователей Дюканжа мы встрѣтимъ почти всѣ имена новѣйшихъ византологовъ, занимавшихся топографіею Константинополя: патріархъ Константиій, баронъ Гаммеръ, Паспати, археологи Константинопольскаго Силлога, Детье ¹⁾ и другіе

¹⁾ [Κωνσταντινιάς, Παλαιά τε και νεώτερα ἤτοι περιγραφή Κωνσταντινουπόλεως... συνταχθεῖσα παρὰ ἀνδρὸς φιλολόγου καὶ φιλαρχαιολόγου, Βενετία, 1824, 38. N a m e r, Constan-

археологи повторяют мнѣніе Дюканжа, не подвергая его ни малѣйшему сомнѣнію. Одинъ только Унгеръ осмѣлился не только не признать рѣшеніе и выводы знаменитаго византолога но и высказать свое мнѣніе или, лучше сказать, защищать мнѣніе Адр. Валезія, о томъ, что Евдомъ слѣдуетъ искать на Мраморномъ морѣ, безъ указанія, впрочемъ, мѣста Евдома и безъ ссылки на Адр. Валезія ¹⁾. Ему слѣдуетъ проф. Н. П. Кондаковъ, который подкрѣпилъ свое мнѣніе разборомъ главнѣйшихъ доводовъ Дюканжа и опроверженіемъ ихъ ²⁾. Писавшій въ одно время съ Н. П. Кондаковымъ по тому же вопросу покойный Г. С. Дестуцисъ, хотя и слѣдовалъ мнѣнію Дюканжа и повѣйшихъ греческихъ археологовъ, но высказалъ уже нѣсколько сомнѣній въ непреложности этого рѣшенія ³⁾.

Рѣшительно высказался противъ общепринятаго мнѣнія проф. van Millingen, который въ особой статьѣ, напечатанной въ трудахъ Константинопольскаго Сидлога, старается доказать справедливость мнѣнія Адр. Валезія и ошибочность мнѣнія Жилля-Дюканжа указаніемъ на ясныя и несомнѣнныя свидѣтельства, приводимыя Валезіемъ, хорошо извѣстныя Дюканжу, но превратно имъ перетолкованныя ⁴⁾. Въ дополненіе къ сказанному уже раньше Унгеромъ и Н. П. Кондаковымъ, проф. van Millingen высказалъ мнѣніе, что Евдомъ былъ около теперешняго города Макри-кѣй, лежащаго на Мраморномъ морѣ, между Константинополемъ и Санъ-Стефано, причемъ за портъ Евдома van Millingen принималъ небольшую излучину въ берегу, находящуюся между Макри-кѣй и пороховымъ казеннымъ заводомъ. Сколько мнѣ извѣстно, послѣ van Millingen'а никто больше не интересовался вопросомъ объ Евдомѣ, кромѣ Мордтманна, который въ Очеркѣ слѣдовалъ Millingen'у, а въ планѣ Дюканжу и его послѣдователямъ, какъ сказано выше.

Кромѣ изслѣдователей вопроса топографіи, нѣкоторые византологи, занимавшіеся другими вопросами, но имѣвшіе возможность и надобность попутно высказаться о положеніи Евдома, въ послѣднее время

---

tinopolis und der Bosphoros, Pesth, 1822, I, 196 сл. Παπατήρ, Βυζαντινὰ μελέται τοπογραφικαὶ καὶ ἱστορικαί, Κ—πόλις, 1887, 2. 5. 19. 61. 63. 84. Dethier, Der Bosphor und Konstantinopel, Wien, 1873, 25. Ὁ ἐν Κ—πόλει Φιλολογικὸς Σὺλλογος. Παράρτημα τοῦ ΙΔ' τόμου ἀρχαιολογικὸς χάρτης τῶν χειρῶν τειχῶν Κ—πόλεως. 1884].

¹⁾ [Ersch-Gruber, Allgem. Encyclopädie. I Section. Bd. LXXXIV, 297—298. Quellen d. byz. Kunstgesch. I, 113 сл. 188 сл.].

²⁾ [Труды VI Археологическаго Съѣзда въ Одессѣ (1884), III (1887), 198. 201].

³⁾ [Труды VI Археологическаго Съѣзда, III, 263—264].

⁴⁾ [The Levant Herald, 10/22 April 1891. Ὁ ἐν Κ—πόλει Φιλολογικὸς Σὺλλογος. Παράρτημα τοῦ ΚΑ' καὶ ΚΒ' τόμου].

также присоединились къ мнѣнію Адр. Валезія и Унгера, какъ, напр., Шлумбергеръ въ своемъ Никифорѣ Фокѣ ¹⁾ и Стржиговскій въ своей прекрасной статьѣ о Золотыхъ воротахъ, съ которой мы познакомили читателей выше. Быть можетъ, и нѣкоторые другіе ученые, какъ современные намъ, такъ и жившіе до насъ, высказывались въ смыслѣ Адр. Валезія, а не Дюканжа, но мнѣ, къ сожалѣнію, они остались неизвѣстны, да и неособенно важны случайно высказанныя мнѣнія не спеціалистовъ по вопросамъ топографіи въ виду рѣшительнаго сужденія и обстоятельнаго изслѣдованія такого авторитетнаго спеціалиста, какъ Дюканжъ, и ряда спеціалистовъ-археологовъ, не только занимавшихся топографіею Новаго Рима изъ-далека, но изучившихъ ее на мѣстѣ и имѣвшихъ возможность представлять себѣ разсматриваемые пункты.

Подобно и Стржиговскому и Шлумбергеру, мнѣ также приходилось высказываться относительно мѣстоположенія Евдома и я ни мало не затруднился опредѣлить его мѣсто на Мраморномъ морѣ, а не у Влахернѣ. Въ рецензіи на трудъ Мордманна ²⁾ я выразилъ то же мнѣніе и развилъ его нѣсколько подробнѣе, но не говорилъ объ основаніяхъ, которыя побудили меня не слѣдовать такому вѣскому авторитету, какъ знаменитый Дюканжъ, отложивъ это до болѣе удобнаго случая, т.-е. до возможности посвятить этому вопросу особый трактатъ, который въ настоящее время и представляется.

Начну съ того, что побудило меня вступить въ число противниковъ Дюканжа въ этомъ вопросѣ, когда я еще не только не видалъ Константинополя и окрестностей, но недостаточно ознакомился и съ вопросомъ. Занимаясь чтеніемъ Придворнаго Устава, который Дюканжу не былъ извѣстенъ, я нѣсколько разъ встрѣчался съ вопросомъ объ Евдомѣ и ни разу не видѣлъ необходимости искать его въ другомъ мѣстѣ, т.-е. не на Мраморномъ морѣ. Мало того, нерѣдко я поставленъ былъ бы въ большое затрудненіе, если бы вмѣстѣ съ Дюканжемъ предполагалъ, что Евдомъ находится возлѣ Влахернскаго квартала и ѣхать къ Евдому по морю нужно черезъ Золотой рогъ къ Влахернскому порту. Дѣло въ томъ, что въ числѣ обрядовъ имѣется въ Придворномъ уставѣ нѣсколько записей о торжественныхъ вѣздахъ царей изъ Евдома въ Константинополь черезъ Золотыя ворота для коронаціи въ храмъ св. Софіи, а затѣмъ для занятія Большого дворца, стоявшаго на югѣ отъ св. Софіи.

---

¹⁾ [Schlumberger, Un empereur byzantin au X siècle, Paris, 1890].

²⁾ [Византійскій Временникъ, I (1894), 398—399].

Не менѣе, если не болѣе, важенъ для насъ одинъ триумфальный вѣздъ, начинавшійся не изъ Евдома, а прямо отъ Золотыхъ воротъ, къ которымъ царь доѣхалъ по предстѣпью, т.-е. за стѣною города отъ Влахернскаго квартала. Этотъ вѣздъ, сдѣланный Теофиломъ, важенъ именно, какъ противоположность тѣмъ вѣздамъ, которые дѣлались изъ Евдома. Разница въ описаніи вѣзда показываетъ, какіе пункты должны мы встрѣтить въ описаніи вѣздовъ изъ Евдома, если бы онъ былъ около Влахернъ, а не на Мраморномъ морѣ.

Извѣстно, что римскіе императоры провозглашались обыкновенно войсками въ лагерѣ не только въ военное время, но и въ мирное; въ Константинополѣ, въ Новомъ Римѣ, подобно Старому, было также возлѣ города мѣсто для собранія войскъ, упражненій ихъ и парадовъ, называвшееся такъ же, какъ и въ Римѣ, *Сампус*, *Κάμπος*. Здѣсь въ древнее время и происходили выборы императоровъ войсками, когда въ этомъ была надобность и не оказывалось прямого наслѣдника.

Вмѣсто Марсова поля (*Сампус*) выборы происходили иногда и въ Константинополѣ и въ Ипподромѣ, находившемся возлѣ Большого дворца и представлявшемъ большія удобства для собранія массы народа. Наконецъ, въ случаѣ болѣзни императора, желавшаго провозгласить новаго императора соправителемъ, провозглашеніе дѣлалось въ одной изъ залъ Большого дворца. Образцы всѣхъ этихъ провозглашеній и записаны были въ свое время церемоніальныхъ дѣлъ чиновниками, а потомъ вошли въ сборникъ Константина Багрянороднаго ¹⁾.

Одинъ изъ обрядовъ стариннаго сборника представляетъ собою записку о провозглашеніи Льва I (457 г.) на Марсовомъ полѣ (*ἐν τῷ κάμπῳ*) ²⁾. Послѣ провозглашенія, Льва ввели на трибуналъ и надѣли на голову золотую цѣпь или гривну, а другую дали въ правую руку. Знамена, лежавшія доселѣ на землѣ, поднялись, и Льва облачили въ царскія одежды тутъ же, на трибуналѣ, и надѣли діадему, т.-е. настоящій царскій вѣнецъ. Послѣ обычныхъ привѣтствій со стороны народа и войска и объявленія милостей и подарковъ со стороны новаго императора, Левъ пошелъ пѣшкомъ въ походную церковь — пададку, гдѣ, снявши предварительно вѣнецъ, Левъ помолился, а потомъ, выйдя изъ церкви и падѣвъ вѣнецъ, Левъ сѣлъ на благаго коня и доѣхавъ на немъ до храма Іоанна Крестителя, гдѣ также молился у св. престола, на который онъ клалъ царскій вѣнецъ. Положивши на св. престолъ свое припошеніе, Левъ

¹⁾ [См. *Byzantina*, II, стр. XXVII сл.].

²⁾ [*Cerim.* I, p. 410 sq.].

вышелъ изъ храма и, надѣвъ вѣнецъ, поѣхалъ въ городъ, сначала верхомъ, а отъ дворца Елены, гдѣ онъ облачился въ еще болѣе драгоценныя царскія одежды, Левъ ѣдетъ въ колесницѣ до св. Софіи, гдѣ корона также кладется на св. престоль, а потомъ при выходѣ надѣвается епископомъ.

Въ другомъ обрядѣ вѣзда изъ Евдома мы имѣемъ описаніе триумфальнаго вступленія въ столицу царя Василія I Македонянина съ сыномъ Константиномъ по возвращеніи изъ побѣдоноснаго похода [Сегим. I, р. 498].

Василій съ сыномъ и свитою, возвратившись изъ похода, остановились сначала по обыкновенію въ загородномъ дворцѣ, на азіатскомъ берегу, въ Іерии (теперешній Кади-кѣй противъ самаго Стамбула), а оттуда переѣхали въ Евдомъ, гдѣ встрѣчены были народомъ и синклитомъ, бывшимъ въ то время въ Константинополѣ. Прибывшіе цари отправились прежде всего въ храмъ Іоанна Предтечи, что въ Евдомѣ (ἐν τῷ τοῦ Προδρόμου καὶ τῷ ἐν τῷ Ἐβδόμῳ). Помолившись здѣсь и потомъ переодѣвшись, Василій съ Константиномъ сѣли на коней и предшествуемые и сопровождаемые синклитомъ и народомъ поѣхали къ Золотымъ воротамъ. Доѣхавъ до монастыря Аврамитовъ, находившагося предъ Золотыми воротами, цари сошли съ лошадей для того, чтобы войти въ храмъ Богородицы Аврамитовъ (такъ называемой Нерукотворной, Ἀχειροποιήτου); помолившись и переодѣвшись, цари сѣли на бѣлыхъ коней и послѣ приѣма и славословій партій ипподрома, поѣхали къ Золотымъ воротамъ, передъ которыми были встрѣчены епархомъ города, послѣ чего вѣхали въ среднія большія двери Золотыхъ воротъ и прослѣдовали къ св. Софіи по Средней или Большой улицѣ, въ слѣдъ за процессіею плѣнныхъ и предметовъ военной добычи, которые, предварительно собранныя и разставленные на лугу (ἐν τῷ λιβαδίῳ) предъ Золотыми воротами, пропущены были чрезъ Золотыя ворота, пока царь былъ въ храмѣ Богородицы Аврамитовъ.

Въ обоихъ обрядахъ указаны немногіе пункты въ такомъ порядкѣ, что сначала мы встрѣчаемъ трибуналъ въ Полѣ, потомъ храмъ Іоанна Предтечи, затѣмъ монастырь Аврамитовъ предъ Золотыми воротами и лугъ предъ ними же и, наконецъ, Золотыя ворота, ведущія чрезъ Среднюю или Большую улицу къ св. Софіи и дворцу. Никакихъ другихъ извѣстныхъ намъ и даже неизвѣстныхъ топографическихъ пунктовъ на пути не упоминается.

Имѣя это въ виду и принимая во вниманіе, что, по приведеннымъ самимъ же Дюканжемъ свидѣтельствамъ, Евдомъ, представляя собою примор-

скій пунктъ (*παρθαλάσσιος τόπος*), получилъ свое названіе отъ того, что онъ отстоитъ отъ города на семь милевыхъ столбовъ (*ἀπέχει δὲ τοῦτο ἑπτὰ σημείους τῆς πόλεως*) или точнѣе стоитъ у седьмого милевого столба (*Septimo milliario*), мы поищемъ Евдомъ, согласно съ мнѣніемъ Адр. Вalezія и новѣйшихъ его послѣдователей, на берегу Мраморнаго моря, тѣмъ болѣе, что тутъ шла отъ Золотыхъ воротъ знаменитая *Via Egnatia*, на которой, какъ и на другихъ большихъ римскихъ дорогахъ, были поставлены милевые столбы. Эти столбы считались не отъ города въ тѣсномъ смыслѣ, а отъ перваго милевого столба въ Константинополѣ, т.-е. отъ такъ называемаго Милія, который, какъ мы видѣли, стоялъ у юго-западнаго угла двора св. Софіи и отъ котораго начиналась Средняя или Большая улица, ведшая къ Золотымъ воротамъ и далѣе переходившая въ *Via Egnatia*.

Такъ какъ римская миля равна около $1\frac{2}{5}$ версты или километра, то 7 миль составляетъ около 10 верстъ или километровъ. Беремъ циркуль и прикидываемъ на планѣ окрестностей Константинополя, изд. Штольпе (*Stolpe*), отъ св. Софіи до берегу Мраморнаго моря. Выходитъ, что седьмой милевой столбъ, или Евдомъ, находился тамъ, гдѣ теперь стоитъ городокъ Макри-кѣй, какъ предполагалъ фан-Миллингенъ, который нашелъ и портъ Евдома въ маленькомъ заливѣ, находящемся между Макри-кѣемъ и Золотыми воротами. Отъ города въ строгомъ смыслѣ, т. е. отъ городскихъ стѣнъ или Золотыхъ воротъ Макри-кѣй отстоитъ на 5 верстъ или километровъ, т.-е. на $3\frac{1}{2}$ римскихъ мили, а это очень важно въ виду того, что Дюканжъ придаетъ большое значеніе удаленію Евдома отъ города на 7 миль и между прочимъ видитъ въ этомъ разстояніи значительныя препятствія для признанія мнѣнія Адр. Вalezія болѣе или менѣе вѣроятнымъ, если не справедливымъ.

Въ источникахъ онъ находитъ, что Поле и весь Евдомъ были въ виду города, слѣдовательно, были весьма близки къ нему. Евдомъ вполне удовлетворяетъ этому условію: изъ него виденъ Константинополь, такъ же какъ изъ Константинополя виденъ Макри-кѣй, тѣмъ болѣе что берегъ Мраморнаго моря отъ Константинополя до Макри-кѣя и даже до Санъ-Стефано представляетъ плоскую равнину, не пересѣченную болѣе или менѣе значительными горами и оврагами, которые бы мѣшали видѣть на значительное разстояніе. И это опять-таки очень важное обстоятельство, такъ какъ для Марсова поля, требовавшаго довольно значительнаго ровнаго пространства, удобнаго не только для маршировки и маневрированія пѣхоты, но и для упражненій и ѣзды кавалеріи трудно было выбрать мѣсто болѣе удобное, чѣмъ берегъ Мраморнаго моря, между тѣмъ какъ чѣмъ больше мы будемъ удаляться отъ берега Мраморнаго

моря и приближаться къ Золотому рогу, тѣмъ мѣстность становится болѣе ровною, овражистою и лѣсистою, а за Адрианопольскими воротами и дорогою къ Западу, противъ стѣнъ Ираклія, словомъ тамъ, гдѣ предполагается Евдомъ, окрестности Константинополя до такой степени покрыты невысокими лѣсистыми горками и оврагами, что тамъ даже нѣкоторымъ послѣдователямъ Дюканжа казалось неудобнымъ устроить Марсово поле. Эта мѣстность скорѣе удобна была и есть для прогулокъ и охоты, для чего она и служила дѣйствительно въ средніе вѣка. Да и большой дороги тутъ не было и нѣтъ, а слѣдовательно и милевыхъ столбовъ не было надобности выставлять въ этомъ направленіи, а не было столбовъ не могло быть и мѣстности, названной по милевому столбу. Тѣмъ болѣе не могло быть здѣсь поля, виднаго изъ города на семь миль,—десять верстъ.

Хотя со стѣны, къ которой примыкаетъ Текфурь-Сарай, пожалованный въ званіе Евдома и Влахернскаго дворца, видъ былъ очень красивъ и разнообразенъ, но именно потому, что съ этой стороны нѣтъ болѣе или менѣе обширной равнины, которая могла бы служить Марсовымъ полемъ для средневѣковыхъ войскъ.

Но забудемъ все это и представимъ, что Евдомъ съ простирающимся предъ нимъ на 10 верстъ полемъ находился дѣйствительно тамъ, гдѣ его и предполагали Жилль, Дюканжъ и ихъ послѣдователи. Льву I и всѣмъ царямъ, ѣхавшимъ изъ Евдома чрезъ Золотыя ворота въ городъ, приходилось бы сначала проѣзжать мимо почти всей сухопутной стѣны со всѣми воротами и дорогами. Ничего подобнаго на пути ихъ, однако же, не упоминается и никогда объ этой дорогѣ за стѣнами или внутри стѣнъ къ Золотымъ воротамъ изъ Евдома не говорится. Василій Македонянинъ, переѣхавшій въ Евдомъ съ азіатскаго берега, могъ доѣхать до Евдома или мимо Золотыхъ воротъ и всей стѣны Θεодосія II или чрезъ Золотой рогъ и Влахернскій кварталъ или около него за стѣной, а потомъ изъ Евдома ѣхать мимо стѣны къ Золотымъ воротамъ. Ничего подобнаго въ обрядѣ, однако же, нѣтъ, а говорится, что Василій прямо переѣхалъ въ Евдомъ (*διεπέρασεν*) по морю и вошелъ въ храмъ Іоанна Предтечи, который стоялъ гдѣ-нибудь близко отъ пристани, а между тѣмъ, по Жиллю и Дюканжу, онъ былъ въ городѣ, и шествіе отъ него къ храму Богородицы Аврамитовъ было по городу или изъ города за городскія стѣны и мимо ихъ къ Золотымъ воротамъ. Какъ же о всемъ этомъ ничего не сказано въ обрядѣ, который именно и долженъ отмѣтить, гдѣ и какъ шель царь: топографическая точность составляетъ задачу и отличительную черту современнаго событію составителя описа-

ня вѣзда, а между тѣмъ онъ ничего не говоритъ о какихъ-нибудь посредствующихъ топографическихъ пунктахъ. Но относительно Василя Македонянина могло быть сомнѣніе: какъ онъ доѣхалъ до Евдома, чрезъ Золотой рогъ или чрезъ пристань у Золотыхъ воротъ и мимо всей стѣны Θεодосіевской до Иракліевой? Да и зачѣмъ ему нужно было ѣхать въ Евдомъ, когда онъ изъ него сейчасъ должепъ былъ опять ѣхать къ Золотымъ воротамъ, если онъ высадился у нихъ? Такіе и тому подобныя вопросы возникаютъ сами собою, если мы предположимъ, что Евдомъ дѣйствительно находился между Адрианопольскими воротами и Влахернскимъ дворцомъ. Но всѣ такіе вопросы разрѣшаются просто и даже вовсе не возникаютъ, если мы предположимъ, что Евдомъ находился, гдѣ теперь лежитъ Макри-кѣй. Мало того. Эти соображенія находятъ полное подтвержденіе въ обрядахъ, въ которыхъ описывается вѣздъ не чрезъ Евдомъ. Сюда принадлежитъ прежде всего вышеназванный обрядъ, въ которомъ описывается вѣздъ царя Θεοφιλα [Сегім. I, р. 503 sq.], который до Золотыхъ воротъ ѣхалъ такъ, что должепъ былъ ѣхать чрезъ Жилль-Дюканжевскій Евдомъ, а между тѣмъ онъ въ обрядѣ вовсе не упоминается, тогда какъ другіе топографическіе пункты, которые дѣйствительно лежали на пути Θεοφιλα, упоминаются. Кромѣ вѣзда Θεοφιла сюда можно отнести и вѣздъ Юстиніана [Сегім. I, р. 497], который вѣзжалъ чрезъ Адрианопольскія ворота, былъ, такъ сказать, совсѣмъ возлѣ Жилль-Дюканжевскаго Евдома, но въ него не заѣхалъ.

Царь Θεοφιλъ, послѣдній иконоборецъ (829—842), возвратившись изъ похода остановился на азіатскомъ берегу какъ и Василій, по синклитъ и народъ встрѣчалъ его не на европейскомъ берегу, въ Евдомѣ, какъ потомъ Василя, или у Золотыхъ воротъ, какъ встрѣчалъ еще значительно послѣ Никифора Фоку, а въ Іеріи, куда явилась и царица Θεοдора привѣтствовать мужа. Пробывъ здѣсь 7 дней въ ожиданіи прихода плѣнныхъ и добычи, которые должны были принять участіе во вѣздѣ въ городъ, Θεοφилъ переправился въ монастырь св. Мамапта, гдѣ пробылъ 3 дня вмѣстѣ съ синклитомъ. Отсюда онъ переплылъ во Влахерны и, выйдя изъ лодки (дромона), сѣлъ верхомъ на коня, но поѣхалъ не по Влахернскому кварталу внутри городскихъ стѣнъ, а внѣ стѣны, и этимъ путемъ доѣхалъ до луга, гдѣ была приготовлена для него палатка предъ Золотыми воротами. Къ этому времени на лодкахъ перевезены были сюда же добыча и плѣнные (*βλάβοντας αὐτοῦς εἰς πλοῖα διαπέρασσαν*) и начался торжественный вѣздъ. Θεοφилъ съ кесаремъ Вардоу, выйдя изъ палатки, сѣли на коней и вѣехали въ Золотыя ворота. Ни въ монастырь Аврамитовъ, ни въ храмъ св. Іоанна Предтечи Θεο-

филь не заходилъ и не заѣзжалъ; о нихъ обрядъ не говоритъ ни слова, какъ не говоритъ и объ Евдомѣ, а между тѣмъ, если бы Евдомъ былъ тамъ, гдѣ предполагають его Жилль-Дюканжъ, то проѣхать черезъ Евдомъ, по крайней мѣрѣ черезъ поле Евдома, мимо самаго дворца и трибунала, Теофилу было необходимо, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ непременно былъ бы упомянутъ въ обрядѣ. Въдъ пристань Евдома, по словамъ Дюканжа, и есть собственно Влахернская пристань, къ которой нужно было ѣхать по Золотому рогу. Путь Теофила къ Золотымъ воротамъ черезъ Золотой рогъ и есть собственно тотъ путь, которымъ нужно было ѣхать къ Жилль-Дюканжевскому Евдому, а между тѣмъ, ни Евдомъ, ни церковь Иоанна Предтечи, ни походная церковь-палатка, которыя упоминаются въ Евдомѣ, на этомъ пути не встрѣчаются и не упоминаются. А они пропущены въ обрядѣ быть не могли, если бы эти топографическіе пункты дѣйствительно были на пути Теофила. Ясно, что ихъ тутъ не было, и Теофиль не заходилъ въ названные храмы, потому что они находятся въ Евдомѣ, а Евдома тутъ не было.

Точно также Юстиніанъ Великій, совершая въѣздъ черезъ ворота Харисія, которыя теперь называются Адрианопольскими, проѣзжалъ очень близко отъ Евдома и Поля, но ни въ Евдомѣ, ни въ тѣхъ храмахъ, которые упоминаются обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ, не былъ. Если бы Евдомъ былъ дѣйствительно тамъ, гдѣ его предполагаетъ Дюканжъ, то Юстиніанъ, навѣрно, ѣхалъ черезъ него или, по крайней мѣрѣ, заѣхалъ въ него. Ничего подобнаго, однако же, не было: Юстиніанъ проѣхалъ изъ воротъ Харисія прямо въ храмъ Апостоловъ для поклоненія праху царицы Теодоры, а оттуда проѣхалъ въ Большой дворецъ. Объ Евдомѣ во всемъ церемониальнѣ въѣзда Юстиніана ни слова.

Напротивъ, въ общемъ обрядѣ въѣздовъ царей въ Константинополъ съ разныхъ сторонъ, когда рѣчь идетъ о въѣздѣ изъ городовъ, лежавшихъ на Мраморномъ морѣ, въ числѣ такихъ городовъ нерѣдко упоминается Евдомъ, между тѣмъ какъ на другихъ путяхъ объ Евдомѣ рѣчи нѣтъ, по той простой причинѣ, что Евдомъ приходилось проходить только на пути въ столицу съ юго-запада или запада по *via Egnatia*, начинавшейся у Золотыхъ воротъ, если царь, подобно Василию Македонянину, не желалъ начать въѣзда изъ Евдома, даже возвращаясь изъ Азіи.

По общему обряду въѣздовъ царя, когда онъ возвращается съ запада, извѣстные чины обязаны встрѣчать его въ Ригиіи, а если желаютъ, даже и въ Иракліи, но синклитики встрѣчаютъ царя въ Евдомѣ и, если царь подѣзжаетъ сюда сухимъ путемъ, а не по морю, встрѣчаютъ царя передъ храмомъ отроковъ (τῶν Νηπίων), причемъ царь сходитъ съ ло-

шади и, поцѣловавшись съ чиновниками, входитъ въ храмъ и молится. Царь послѣ этого вѣзжаетъ въ Евдомъ, а синклитики уходятъ, куда кому угодно. Если же царь прибываетъ въ Евдомъ по морю на лодкѣ (дромонѣ), то синклитики встрѣчаютъ его на берегу и, по выходѣ царя изъ дромона, цѣлуются съ нимъ, а потомъ провожаютъ его до воротъ Золотыхъ, а не воротъ Трибунала, придуманныхъ переводчикомъ, примѣняясь къ мнѣнію Жилля и Дюканжа относительно Евдома, хотя въ текстѣ греческомъ никакого трибунала тутъ не упоминается.

Какъ видитъ читатель, въ обрядѣ вѣзда царя съ запада чрезъ Евдомъ сухимъ путемъ или моремъ ни одного намека нѣтъ на какіе-нибудь топографическіе пункты, лежащіе въ области такъ называемаго Текфуръ-Сарая ни на сушѣ, ни на морѣ, какъ это было въ обрядѣ вѣзда Теофила, который проѣхалъ именно чрезъ тѣ мѣста, гдѣ нужно было ѣхать въ мнимый Евдомъ, и чрезъ него, какъ видно изъ названныхъ топографическихъ пунктовъ. Потому и нельзя видѣть никакихъ основаній въ обрядѣ въ пользу теоріи Дюканжа: онъ, напротивъ, говоритъ, въ пользу теоріи Адр. Вalezія, въ пользу того, что Евдомъ находился на Мраморномъ морѣ, такъ какъ до него можно изъ западныхъ городовъ доѣхать и сухимъ путемъ и по морю, не проходя и не проѣзжая при этомъ какіе-нибудь общественные и важные пункты, которые, навѣрно, были бы названы, если бы проходили чрезъ нихъ или мимо ихъ. Изъ приведеннаго почти цѣликомъ обряда можно только вывести, что на западномъ краю пригорода Евдома стоялъ храмъ въ честь О тр о к о в ѣ, у котораго царя встрѣчали синклитики и изъ котораго царь уѣзжалъ въ Евдомъ.

Если данныя Придворнаго устава не только противорѣчатъ помѣщенію Евдома на Мраморномъ морѣ, но скорѣе подтверждаетъ это, то Церковный уставъ въ древнѣйшихъ редакціяхъ еще яснѣе говоритъ въ пользу мнѣнія Адриана Вalezія. Дѣло въ томъ, что въ церковныхъ уставахъ, имѣющихъ въ виду собственно Константинополь, указывалось не только имя святого на извѣстный день, но часто и храмы, гдѣ праздновалась память, и способъ, какимъ отличалось празднованіе памяти святого или какого-нибудь замѣчательнаго событія. Наши византологи, Н. О. Красносельцевъ и А. А. Дмитриевскій, какъ извѣстно, познакомили ученый міръ въ древнѣйшимъ такимъ уставомъ, принадлежащимъ IX вѣку ¹⁾, а въ скоромъ времени будутъ изданы извлеченія изъ Цер-

---

¹⁾ [Н. Ф. Красносельцевъ, Типикъ св. Софіи въ Константинополѣ IX в., Одесса, 1892 == Лѣтопись Историко-Филологическаго Общества

ковнаго устава, составленнаго въ X в. по инициативѣ Константина Багрянороднаго, того самаго, по почину котораго составленъ и увидѣлъ свѣтъ Придворный уставъ.

Въ обоихъ уставахъ, особенно во второмъ много и часто говорится о крестныхъ ходахъ, совершавшихся въ Константинополѣ по разнымъ случаямъ, между прочимъ въ воспоминаніе событій и бѣдствій, постигшихъ городъ. Въ числѣ такихъ событій видное мѣсто занимаютъ довольно нерѣдкія въ Константинополѣ землетрясенія, если они сопровождались какими-нибудь сильными, потрясающими и поразившими современниковъ бѣдствіями и разрушеніями зданій, стѣнъ, храмовъ, памятниковъ и т. п.

Въ память такихъ землетрясеній, какъ и другихъ бѣдствій, въ родѣ нашествія непріятелей, установлены были крестные ходы въ тѣ именно мѣста, гдѣ это бѣдствіе было особенно замѣтно и ощутительно и куда крестные ходы совершались иногда во время землетрясеній, продолжавшихся иногда по нѣскольку дней, недѣль и даже мѣсяцевъ, такъ что установленный на послѣдующія времена крестный ходъ бывалъ иногда только ежегоднымъ воспоминаніемъ тѣхъ молитвословій и крестныхъ ходовъ, которые совершались во время самаго бѣдствія для умиловленія Бога, наказавшаго жителей столицы за какія-нибудь преступленія.

Изъ многихъ «трусовъ», постигшихъ Константинополь, самый сильный и продолжительный трусъ былъ, повидимому, въ царствованіе Θεодосія II Младшаго, когда страшное землетрясеніе продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ и когда совершались всевозможныя молебствія и крестные ходы для смягченія праведнаго гнѣва Божія и когда было услышано младенцемъ Трисвятое (*τρισάγιον*) во время одного крестнаго хода за городъ, въ которомъ участвовалъ самъ царь въ траурной одеждѣ съ босыми ногами. Не говоря уже о массѣ зданій, разрушенныхъ землетрясеніемъ, самыя стѣны городскія пали и открыли Новый Римъ врагамъ, если бы таковыя явились. Въ воспоминаніе этого ужаснаго землетрясенія установленъ былъ крестный ходъ въ Евдомъ изъ св. Софіи, который настолько подробно описанъ въ одномъ изъ древнѣйшихъ Церковныхъ уставовъ, что позволяетъ судить о направленіи крестнаго хода не только до стѣнъ города, но и за ними, и свидѣтельствуетъ о томъ, что было за стѣнами въ направленіи крестнаго хода.

при Новороссійскомъ университетѣ. II. Визант. отд. I, 156--254. А. А. Дмитриевскій, Описаніе литургическихъ рукописей, хранящихся въ бібліотекахъ Православнаго Востока. I. Тѣхн. I. Кіевъ, 1895, V—VIII, 1—16].

Я разумѣю Иерусалимскій списокъ устава Великой Церкви, гдѣ подъ 25 сентября, когда началось землетрясеніе, окончившееся въ концѣ января, указанъ крестный ходъ изъ Великой Церкви въ Трибуналъ Евдома ¹⁾. Литія, по обыкновенію, начинается въ св. Софїи и совершается такъ же, какъ и другія торжественныя литїи. Во главѣ крестнаго хода шествуетъ самъ патріархъ чрезъ форъ Константина и далѣе по Средней или Большой улицѣ до Золотыхъ воротъ, причемъ въ главнѣйшихъ пунктахъ, какъ форъ Константина, Золотыя ворота, совершаются молебствїя (*δοξάζουσι*). Отъ Золотыхъ воротъ крестный ходъ съ пѣніемъ три-святого двигается къ Марсову полю и Трибуналу, гдѣ совершалось послѣднее молебствїе и читается евангелїе съ апостоломъ. Евангелїе читаетъ патріархъ, діаконъ за патріархомъ громкимъ голосомъ повторяетъ его, чтобы слышали всѣ присутствующіе. Послѣ евангелїя діаконъ возглашалъ во всеуслышанїе, что литургія, по принятому обычаю, будетъ совершаться въ храмѣ св. Іоанна Богослова близъ Евдома, куда патріархъ тотчасъ же и уходитъ съ клиромъ.

Существенными, важными для насъ, чертами въ этомъ описанїи являются тѣ важныя указанїя, которыя свидѣтельствуютъ о направленїи крестнаго хода и послѣдовательности топографическихъ пунктовъ, здѣсь названныхъ. Крестный ходъ идетъ по Средней улицѣ къ Золотымъ воротамъ, а отъ нихъ къ Полю и Трибуналу. Это какъ нельзя болѣе согласно съ тѣмъ положенїемъ Евдома, который предполагалъ Адр. Валезій и его сторонники, но совершенно и безусловно противорѣчить предположенїю Дюканжа. Если Евдомъ на сѣверной сторонѣ, около Влахерпскаго квартала, то зачѣмъ литія идетъ чрезъ Золотыя ворота на югъ, вмѣсто того, чтобы идти на сѣверъ, зачѣмъ въ этомъ случаѣ крестный ходъ удаляется отъ Евдома вмѣсто того чтобы прямо съ фора Константина идти къ сѣверу, какъ бываетъ обыкновенно въ другихъ литїяхъ, имѣвшихъ своею цѣлью какой-нибудь сѣверный храмъ? Если 25 сентября крестный ходъ изъ Золотыхъ воротъ направлялся къ Дюканжевскому Евдому у Влахерпскаго квартала и къ Полю у Золотого рога, то ему приходилось идти вдоль всей сухопутной стѣны и пройти много воротъ и интересныхъ пунктовъ, которыя, навѣрно, были бы названы, если бы дѣйствительно литія шла мимо ихъ. На пути слѣдованїя, по минованїи всѣхъ главныхъ воротъ, было бы не Поле, которое простиралось на семь миль отъ города, а Трибуналъ

---

¹⁾ [Д. О. Вѣляевъ, Новый списокъ древняго устава Константинопольскихъ церквей. Византійскій Временникъ, III (1896), 426 сл., особ. 455. Ср. А. А. Дмитриевскій, *Толкѣ*, I, 155].

или дворець, а между тѣмъ сначала является Поле, потомъ Трибуналъ. Да и патриарху, о которомъ такъ много беспокоится Дюканжъ, опасаясь за его силы, пришлось бы идти гораздо больше, нежели ему въ дѣйствительности приходилось идти по берегу Мраморнаго моря отъ Золотыхъ воротъ до Евдома, тѣмъ болѣе что мѣстность тутъ ровная и гладкая, между тѣмъ какъ къ Дюканжевскому Евдому отъ Золотыхъ воротъ нужно идти по дорогѣ неровной, съ спусками и подъемами, хотя и довольно отлогими.

Такимъ образомъ какъ Придворный, такъ и Церковный уставы своими указаніями даютъ полныя основанія искать Евдома на Мраморномъ морѣ, а не у Влахерискаго квартала. Всѣ указанія Придворнаго и Церковнаго уставовъ совершенно попятны и легко объяснимы только въ этомъ смыслѣ; напротивъ, они представляютъ большія затрудненія и нужно дѣлать большія натяжки для объясненія разныхъ мѣстъ у средне-вѣковыхъ писателей, если мы будемъ слѣдовать Жиллю-Дюканжу, который принужденъ былъ для поддержанія разъ принятой имъ невѣрной точки зрѣнія Жилля, дѣлать такія объясненія и комбинаціи, которыя онъ не допустилъ бы никогда безъ предвзятой мысли.

Оставивъ безъ защиты совершенно невозможное мнѣніе Жилля о томъ, что Евдомъ былъ седьмымъ кварталомъ въ Константинополѣ, Дюканжъ принужденъ прибѣгнуть для объясненія названія также къ невѣроятной догадкѣ, что Поле (*Κάμπος*, Campus), Трибуналъ и дворець (Магнавра) назывались Евдомомъ по той причинѣ, что это поле простиралось на семь миль, т. е. на десять верстъ, хотя упомянутыя постройки, какъ и храмы, находились въ городѣ, внутри стѣнъ. Кому придетъ въ голову называть седьмымъ т. е. столбомъ то, что только простиралась до него, или оканчивалось у него, между тѣмъ какъ главная часть Поля и его зданія находились въ городѣ? Кто скажетъ и могъ говорить, что храмъ Іоанна Предтечи находится у седьмого столба, если бы онъ былъ за 7 столбовъ отъ него, въ городѣ Константинополѣ? А между тѣмъ указанія средне-вѣковыхъ писателей на то, что Поле, Трибуналъ и дворець находились у седьмого столба, такъ точны что не оставляютъ никакого сомнѣнія, и нужны большія усилія и самыя смѣлыя предположенія, чтобы перетолковать ихъ. Всѣ эти усилія даже такого авторитета, какъ знаменитый Дюканжъ, разбиваются однако же совершенно тѣми двумя обстоятельствами, неопровержимыми и неоспоримыми, что въ томъ мѣстѣ, гдѣ Жилль-Дюканжъ помѣщаютъ свой Евдомъ никакого Поля на десять верстъ быть не могло, потому что предъ Текфурь-Сараемъ, на востокъ отъ Адрианопольскихъ воротъ до

Золотого рога, нѣтъ и не было мѣста для Марсова поля. Какъ уже было замѣчено, мѣстность на сѣверъ отъ Текфуръ-Сарая настолько изрыта лѣсистыми горами и оврагами, что никому не могло придти въ голову дѣлать здѣсь Марсово поле, которое, кромѣ того, не было бы видно изъ города, если бы оно тутъ было, а было бы почти на семь протяженіи скрыто за возвышенностями. А между тѣмъ Дюканжъ часто говоритъ о томъ, что *Κάρπος* было видно изъ города, было въ виду города, но при этомъ, къ сожалѣнію, не указываетъ, по какой дорогѣ лежало это Поле, на какой дорогѣ былъ этотъ милевой столбъ, по которому названо Поле и всѣ примыкающія къ нему постройки. Тутъ, на западъ отъ Адрианопольскихъ воротъ, никакой большой дороги не было и быть не могло, потому что въ ближайшей къ Золотому рогу области западнѣе Адрианополя никакихъ большихъ городовъ и важныхъ областей, нуждавшихся въ прямомъ сообщеніи, не было, какъ нѣтъ и теперь. Всѣмъ этимъ условіямъ вполне соотвѣтствуетъ теперешній Макри-кѣй: онъ лежитъ въ ровной, прилегающей къ морю мѣстности, находящейся въ виду Константинополя, при большой дорогѣ, ведущей на западъ въ главные европейскіе города и области Восточно-Римской имперіи, около 7-го милевого столба. Въ немъ находился дворецъ съ большою тронною залою (консистерій) и Трибуналъ, выходившій на Марсово поле, которое тянулось отсюда, по крайней мѣрѣ могло тянуться, до самаго Константинополя или до прилегавшихъ къ нему съ юго-западной стороны монастырей. Исходнымъ пунктомъ или центромъ этого поля служили не зданія, находившіяся въ Константинополѣ, а стоявшія у седьмого милевого столба, потому и называются они находящимися въ Евдомѣ, у седьмого милліарія и т. п. Къ этому мѣсту можно прибыть изъ Азіи и Европы по морю, а изъ Европы и сухимъ путемъ, какъ сказано въ обрядѣ, не проходя никакихъ важныхъ пунктовъ, въ родѣ Золотого рога и Влахернскаго квартала.

Опасенія Дюканжа, что жители во время землетрясенія не побѣжали бы такъ далеко, къ 7-му милевому столбу, а раскинули бы свои палатки раньше, являются совершенно излишними, такъ какъ Евдомъ былъ у седьмого милевого столба, считая не отъ городской Θεодосіевской стѣны, а отъ Милія, да кромѣ того Поле (*Camprus*), на которое жители спасались, лежало между Евдомомъ и городомъ, слѣдовательно еще ближе отъ города, чѣмъ Евдомъ.

Принимая во вниманіе то обстоятельство, что на половину, т. е. на $3\frac{1}{2}$ мили тянулся городъ отъ начальнаго милевого столба, такъ называемаго Милія, легко убѣдиться, что Марсово поле, какъ мы замѣтили, могло под-

ходить очень близко къ городу, почти доходить до него, а слѣдовательно и жителямъ не было надобности далеко бѣжать, а стоило только выбратъся изъ городскихъ стѣнъ и сосѣднихъ съ ними монастырей, чтобы очутиться на открытомъ ровномъ полѣ, на Марсовомъ полѣ Новаго Рима, которое тянулось далѣе до Евдома.

Потому нѣтъ ничего особенно труднаго и невозможнаго въ томъ, что во время землетрясеній и другихъ бѣдствій устанавливались частые крестные ходы на Марсово поле, и сравненіе Евдома съ Версалемъ, которое часто дѣлаетъ въ своей статьѣ Дюканжъ, не можетъ имѣть мѣста. Версаль отстоитъ отъ Парижа несравненно дальше, чѣмъ Евдомъ отъ Константинополя. Въ этомъ случаѣ больше, чѣмъ когда-нибудь, *comparaison n'est pas raison*. Потому нѣтъ ничего невѣроятнаго и въ томъ, что на Поле ходили не только пѣшкомъ, но и босикомъ (*ἀυτοπόδοι*) сами императоры и шли съ патриархами, какъ представлено въ Минологіи Василія подъ 26 января (рис. см. ниже) и какъ пишутъ византійскіе хронисты.

Но изъ этой близости Поля къ городу, которую желаетъ доказать Дюканжъ, не слѣдуетъ однако же, что дворецъ, Трибуналъ и церкви Поля были въ городѣ Константинополь, какъ доказываетъ Дюканжъ на основаніи такихъ указаній и свидѣтельствъ, которыя вовсе не даютъ для этого хоть какихъ-нибудь основаній.

Что Трибуналъ, дворецъ Евдома и самый Евдомъ находился въ самомъ городѣ Константинополь, Дюканжъ заключаетъ изъ такихъ выраженій, въ которыхъ авторы, желая дать читателямъ понятіе о томъ, гдѣ находится Евдомъ и зданія, въ немъ находящіяся: въ Римѣ, Миланѣ, Константинополь или другомъ какомъ-либо большомъ городѣ, — называютъ Константинополь, какъ мы теперь говоримъ, что нашъ посоль живетъ въ Константинополь, зимой въ Перѣ, а лѣтомъ въ Буюкъ-дере, хотя ни та, ни другая мѣстность не находится собственно въ Константинополь, а близъ него, такъ какъ собственно Константинополемъ, по-турецки Стамбуломъ, называлась и называется та часть Константинополя въ широкомъ смыслѣ, которая огорожена стѣнами и представляетъ собою древнюю Византію, въ нѣсколько разъ увеличенную Константиномъ Великимъ и значительно распространенную еще Θεодосіемъ II Младшимъ. У современныхъ намъ и прежнихъ писателей мы часто можемъ встрѣтить выраженія: въ Сокольникахъ въ Москвѣ, на Озеркахъ или въ Лѣсномъ Институтѣ въ Петербургѣ, въ Сень-Клу въ Парижѣ и т. п., когда природная мѣстность не составляетъ самостоятельной единицы и можетъ подать поводъ къ сомнѣнію или неясности, тѣмъ болѣе, что

собственно Евдомъ означалъ седьмой столбъ и часто назывался полнымъ именемъ: τὸ ἑβδόμον σημεῖον, *Septimum milliarium*, а слѣдовательно могъ быть и въ другомъ мѣстѣ, особенно около Рима, въ которомъ также былъ центральный милевой столбъ, исходная точка для счета милей и милевыхъ столбовъ по главнымъ дорогамъ, шедшимъ изъ Рима. Потому изъ выраженій историковъ, приведенныхъ Дюканжемъ, въ родѣ такихъ, какъ: Валентъ провозглашается императоромъ ἐν τῷ ἑβδόμῳ εἰς Κωνσταντινούπολιν или *Constantinopoli in Milliaro VII in Tribunali* никакъ нельзя заключать, что Евдомъ съ Трибуналомъ находились въ самомъ Константинополѣ, т. е. внутри его стѣнъ. Но высокопочтенный Дюканжъ, увлекшись мыслью опровергнуть Валезія, дошелъ до того, что защищаетъ мысль Жилля даже вопреки яснымъ свидѣтельствамъ источниковъ ¹⁾. Такъ объ Аркадіи говорится, что онъ былъ провозглашенъ императоромъ ἐν Κωνσταντινουπόλει ἐν τῷ Τριβουναλίῳ τοῦ ἑβδόμου (*Chron. Alex.*), in *Milliaro Septimo Constantinopoli* (*Marc. cell.*), но въ извѣстїи о Гонорїи объяснено подробнѣе: *Honorium pater suus Theodosius in eodem loco, quo fratrem eius Arcadium, Caesarem fecit, id est foras septimo ab urbe milliario*. Ясно и точно обозначено мѣсто Евдома: за городомъ, внѣ города, у седьмого столба.

Трудно, кажется, понять это мѣсто въ смыслѣ доказательства, что Евдомъ находился внутри стѣнъ Константинополя и, однако же, это мѣсто приводилось въ доказательство того, что Евдомъ и вышеназванныя зданія находились *in ipsa urbe*. Трудно даже вѣрить такому толкованію, не прочитавши собственными глазами въ статьѣ Дюканжа. Въ такомъ же родѣ приводятся и другія доказательства: Θεодосίῳ Μладшій былъ провозглашенъ также ἐν Κωνσταντινουπόλει εἰς τὸ ἑβδόμον ἐν τῷ Τριβουναλίῳ, Василискъ ἐν Κάμπῳ, Фока въ храмѣ св. Іоанна Предтечи въ Евдомѣ, Константинъ Копронимъ ἐν τῷ Τριβουναλίῳ, Левъ Армянинъ ἐν τῷ πρὸ τῆς πόλεως Τριβουναλίῳ и т. д.

Всякій безпристрастный читатель въ этихъ извѣстїяхъ усмотритъ только, что, съ перенесеніемъ резиденціи императорской въ Константинополѣ, императоры весьма часто, особенно въ древнѣйшія времена, когда еще живы были римскія традиціи, провозглашались и представлялись народу и войску съ Трибунала на Марсовомъ полѣ, точно такъ же, какъ это дѣлалось въ Римѣ. Самъ Дюканжъ приводитъ немало такихъ извѣстїй, гдѣ говорится о провозглашенїяхъ въ Римѣ на Марсовомъ полѣ или въ Трибуналѣ, хотя Марсово поле въ Римѣ было

¹⁾ [Источники эти сопоставлены Дюканжемъ].

также не въ городѣ, а близъ него, и провозглашенные въ Трибуналѣ Марсова поля императоры торжественно въѣзжали въ городъ и занимали *Palatium*, какъ впоследствии происходило въ Константинополѣ.

Такимъ образомъ извѣстія о провозглашеніи императоровъ ни мало не говорятъ въ пользу того, что Евдомъ, дворецъ и Трибуналъ находились въ самомъ Константинополѣ. Посмотримъ теперь другія извѣстія, главныя доказательства Дюканжа, которыя онъ самъ признаетъ наиболѣе вѣскими и неопровержимыми.

Такими доказательствами въ пользу своего мнѣнія Дюканжъ считаетъ извѣстія объ осадѣ Константинополя саракинами при царяхъ Иракліевомъ сынѣ Константинѣ Погонатѣ и первомъ иконоборцѣ Львѣ Исаврѣ. Въ обоихъ случаяхъ саракины прибыли къ Константинополю на корабляхъ и потому должны были пристать къ какому-нибудь приморскому пункту. Въ обоихъ случаяхъ, по свидѣтельству Теофана [I, p. 353 de Boog] и другихъ хронистовъ, они пристали къ берегу и растянулись отъ (крайняго западнаго пункта) Евдома до (крайняго восточнаго пункта) Кикловія. Отъ врахалія у Золотыхъ воротъ до Кикловія происходили съ утра до вечера столкновенія и битвы.

Изъ этихъ ясныхъ и простыхъ словъ Дюканжъ дѣлаетъ совершенно превратныя заключенія и притомъ съ такою увѣренностію, которая не допускаетъ никакихъ возраженій; возможности предполагать, что саракины пристали къ берегу и осаждали Константинополь отъ Евдома на Мраморномъ морѣ до Кикловія тамъ же около Золотыхъ воротъ, Дюканжъ совершенно не допускаетъ; признать это возможнымъ значило бы, по мнѣнію Дюканжа, допустить, что можно осадить Парижъ, занявши линію отъ Версаля до Луврскаго дворца. Признавши такимъ образомъ мысль Адр. Валезія нелѣпностію, Дюканжъ видитъ въ извѣстіи, что саракинскій флотъ занималъ пространство отъ западной возвышенности (*promontorium*, *ἀκρότης*) Евдома или Магнавры до Кикловія, полное и неопровержимое подтвержденіе своего мнѣнія: какъ возвышенность Евдома можетъ находиться у 7-го столба, когда сказано, что тутъ находился дворецъ Магнавры, который находился въ городѣ (Текфурь-Сарай)?

Какъ Кикловіи находился у сухопутныхъ стѣнъ къ востоку у Мраморнаго моря, такъ Магнавра находилась у тѣхъ же стѣнъ, даже въ самомъ городѣ, къ западу у возвышенности Евдома. Только самый упрямый (*pervicax*) человекъ можетъ отрицать эти истины, къ которымъ далѣе Дюканжъ присоединяетъ и то, что саракины подошли къ Евдому, т. е. къ Полю, по Золотому рогу и такимъ образомъ осаж-

дали городъ на всемъ протяженіи приморскихъ стѣпъ отъ крайняго пункта Золотого рога до конца стѣпны по Мраморному морю, какъ мы уже сказали выше.

Но, принадлежа къ упрямымъ отрицателямъ совершенно невѣрнаго взгляда Дюканжа на Евдомъ, мы должны прежде всего сказать, что тожество Текфуръ-Сарая и Магнавры Евдома принадлежитъ къ выдумкамъ Жилля и потому не можетъ быть исходнымъ пунктомъ какого-нибудь доказательства, серьезнаго и основаннаго на источникахъ. Неосновательность этой выдумки видна уже изъ того, что Дюканжъ, принявъ ее, впадаетъ въ явное противорѣчіе, туманность и допускаетъ крайнія натяжки; согласно съ извѣстіемъ Теофана, Дюканжъ вынужденъ говорить, чтоево Магнавра Евдома (Текфуръ-Сарай) находится на Западѣ, а Кикловій на востокѣ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ Текфуръ-Сарай гораздо восточнѣе Кикловія. Съ какой точки зрѣнія мы ни будемъ смотрѣть на эти пункты, о нихъ нельзя такъ выразиться, какъ выражается (Теофанъ и) Дюканжъ, принужденный держаться Теофана. Если смотрѣть отъ Золотого рога, то Текфуръ-Сарай окажется дѣйствительно къ западу, но Кикловій будетъ еще западнѣе, а не будетъ лежать на востокѣ, какъ сказано у Теофана. Если мы будемъ смотрѣть съ западной стороны Константинополя, то оба пункта: Текфуръ-Сарай и Кикловій будутъ лежать на востокъ и притомъ Текфуръ-Сарай гораздо восточнѣе, чѣмъ Кикловій.

Значить ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ, при отождествленіи Магнавры съ Текфуръ-Сараемъ, понять выраженія Теофана и представить себѣ его ориентировку нельзя.

Въ этомъ легко убѣдиться, взявши самый простой планъ Константинополя и его окрестностей. Въ этомъ случаѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, знаменитый Дюканжъ какъ бы намѣренно не желаетъ понять простого смысла текста Теофана и даетъ ему превратное толкованіе, тѣмъ болѣе что указанная Теофаномъ обстоятельства второй осады, бывшей при Львѣ Исаврѣ, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что саракины пристали къ сѣверному берегу Пропонтиды, а не въ Золотомъ рогѣ, а въ Золотой рогъ, напр., вовсе не попали, да и попасть имъ было нельзя, потому что, какъ хорошо извѣстно Дюканжу, входъ въ Золотой рогъ крѣпко запирался и оберегался знаменитою въ исторіи города цѣпью и флотомъ, который, при всей своей слабости для борьбы въ открытомъ морѣ могъ съ успѣхомъ отразить всякія попытки прорваться въ Золотой рогъ. Да и возможно ли предположить, что Теофанъ и другіе хронисты умолчали о прорывѣ непріятельскаго

флота въ Золотой рогъ и объ осадѣ Константинополя по всей линіи морскихъ стѣнъ, линіи, которая при всѣхъ осадахъ оставалась свободною и давала возможность ви́шнихъ сношеній? Дюканжъ и его послѣдователи забыли, что саракины, высадивъ десантъ и отрѣзавъ защитникамъ Константинополя путь на западъ, могли бы легко принудить городъ къ сдачѣ, если бы они дѣйствительно могли окружить городъ своимъ флотомъ и осадить его по всей морской линіи стѣнъ по Пропонтидѣ и Золотому рогу.

Константинополь былъ взятъ силою два раза и въ обоихъ случаяхъ непріятельскій флотъ былъ въ Золотомъ рогу, а во всѣхъ другихъ довольно частыхъ и многочисленныхъ случаяхъ осадъ этого не было и не могло быть, благодаря трудности прорваться непріятельскому флоту въ Золотой рогъ. Стоитъ только вспомнить взятіе Константинополя латинянами, чтобы убѣдиться въ важности этого обстоятельства и значенія Золотого рога и запиравшей его цѣпи.

Можно ли послѣ всего этого думать, что вторженіе непріятельскаго флота въ Золотой рогъ и полная осада Константинополя, которая составляла небывало рѣдкое явленіе, не было замѣчено и отмѣчено лѣтописцемъ?

Полагаю, что допустить этого нельзя въ виду того, что отмѣчаются гораздо менѣе важныя подробности и мѣстности. Какъ въѣздъ Теофила сравнительно съ въездомъ Василя Македонянина, изложенный выше, свидѣтельствуетъ, что Теофилъ чрезъ Евдомъ не ѣхалъ, хотя и долженъ былъ ѣхать, и что Евдома на пути Теофила не было, такъ и молчаніе о входѣ непріятельскаго флота въ Золотой рогъ чрезъ цѣпь и о высадкѣ у Влахернъ ясно говорятъ, что этихъ весьма важныхъ обстоятельствъ вовсе не было, какъ предполагаетъ Дюканжъ, а если не было, то и Евдома тутъ не было, а его нужно искать въ другомъ мѣстѣ, положеніе котораго позволяетъ объяснить извѣстія Теофана, не прибѣгая къ такимъ предположеніямъ, которыя не только не оправдываются, но даже противорѣчатъ источникамъ.

Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ только прочесть все извѣстіе Теофана [I, p. 395 sq. de Boor.] о второмъ изъ приведенныхъ Дюканжемъ случаевъ осады Константинополя арабами, имѣвшемъ мѣсто при Левѣ Исаврѣ, чтобы убѣдиться въ томъ, что саракины и не думали проникать въ Золотой рогъ и осаждаютъ Константинополь отъ Влахернскаго квартала до Кикловія по линіи морскихъ стѣнъ. Теофанъ рассказываетъ, что Сулейманъ присталъ сначала отъ Магнавры до Кикловія со своимъ огромнымъ флотомъ; пробывъ здѣсь два дня, когда подулъ южный вѣтеръ

(ὑῶτος), Сулейманъ съ своимъ флотомъ поплылъ мимо города (παρέπλευσαν τὴν πόλιν), и часть его войска и флота приплыла къ азіатскому берегу противъ Галаты, а часть пристала къ европейскому берегу отъ Галаты до Клидійскаго монастыря. Тяжелыя корабли, съ прекращеніемъ южнаго вѣтра, находясь на теченіи изъ Босфора, были снесены и сдѣлались жертвою греческаго огня, пущеннаго на нихъ огнепосными кораблями, вышедшими отъ береговъ Акрополя, и частью унесены были еще дальше до острововъ Остраго и Широкаго, частью разбились о берега, частью потонули. Въ эту же ночь царь тайно собралъ цѣпь, запиравшую портъ у Галаты. Но непріатели, думая, что царь хочетъ ихъ заманить, снявши цѣпь, не вошли въ портъ и не пристали къ Галатѣ, а поплыли въ заливъ Сосоенія и тамъ укрыли свой флотъ.

Изъ этого описанія дѣйствій и гибели саракинскаго флота видно, что саракинскій флотъ не только не осаждалъ Константинополя вдоль всѣхъ морскихъ стѣнъ, до самой вершины Золотого Рога, но даже не посмѣлъ войти въ пристань у Галаты, въ самомъ началѣ Золотого Рога; сначала онъ не могъ войти, потому что мѣшала цѣпь, а потомъ, когда у Галаты цѣпь была убрана, не осмѣдился, опасаясь ловушки со стороны грековъ. Стало быть, въ Золотомъ Рогѣ саракинскій флотъ не только не остановился, но и не посмѣлъ войти даже въ его устье. А между тѣмъ, по Дюканжу, онъ не только долженъ былъ войти въ Золотой Рогъ, но и достигнуть его вершины, лежавшей за предѣлами города, чтобы пристать къ мнимому Полю Евдома, будто бы прилегавшему здѣсь къ Золотому Рогу. Интересно знать, куда бы находившіеся здѣсь корабли саракинскіе поплыли при южномъ вѣтрѣ, о которомъ говоритъ Теофанъ? Очевидно, всего этого не было и не могло быть, а было то, что Дюканжъ считаетъ нелѣпостью, т.-е., что саракинскій флотъ въ обоихъ случаяхъ присталъ къ берегу Мраморнаго моря отъ Евдома до Кикловія и во второмъ случаѣ продѣлалъ то, что сообщаетъ Теофанъ и что въ главныхъ чертахъ сообщено выше. Плыть при южномъ или юго-западномъ вѣтрѣ отъ Евдома къ городу можно только въ томъ случаѣ, если находишься въ Мраморномъ морѣ, а если бы флотъ находился въ Золотомъ Рогѣ — у воображаемаго Жилль-Дюканжевскаго Евдома, то ему пришлось бы выѣхать на берегъ Галаты и Перы и еще выше послѣдней на сѣверный берегъ Золотого Рога, а никакъ не попасть въ Босфоръ.

Но если Евдомъ, у котораго присталъ саракинскій флотъ и Василій Македонянинъ, находился дѣйствительно на берегу Мраморнаго моря у седьмого милевого столба, а не предъ Текфуръ-Сараемъ, не у

Золотого Рога, какъ думалъ Жиль-Дюканжъ, то какъ же намъ быть съ осадой, которую Дюканжъ, знаменитый Дюканжъ, столь всеми византологами уважаемый и почитаемый авторъ Constantinopolis christiana, признаетъ большою нелѣпостью и сравниваетъ съ осадой Парижа посредствомъ занятія линіи отъ Версаля до Луврскаго дворца? Какъ глупо и нелѣпо думать, что такимъ занятіемъ можно осадить Парижъ, такъ нелѣпо думать, что, занявъ линію по берегу Мраморнаго моря отъ Евдома до Кикловія, т. е. до начала приморскихъ стѣнъ, саракины осаждали, могли держать въ осадѣ Константинополь. Въ самомъ дѣлѣ вѣдь очень незначительная, ничтожная часть приморскихъ стѣнъ отъ Золотыхъ воротъ до Кикловія осаждалась саракинскимъ флотомъ, а остальные стѣны какъ морскія, такъ и сухопутныя были свободны. Развѣ это можно назвать осадой?

Если бы дѣло упрямыхъ противниковъ Дюканжа было такъ плохо и они ничего не могли сказать противъ его возраженій и обвиненій, то и тогда не было бы достаточнаго основанія переносить Евдомъ туда, гдѣ онъ быть не могъ. Но наше дѣло не такъ плохо и безнадежно: за насъ говоритъ вся исторія осадъ Константинополя до самой послѣдней, турецкой, включительно.

Константинополь осаждался много разъ и чужими и своими, и за исключеніемъ двухъ осадъ, кончившихся взятіемъ Константинополя, осаждался съ суши, а не съ моря. Море, благодаря греческому огню и флоту, оставалось свободнымъ; по крайней мѣрѣ Золотой Рогъ, запертый цѣпью и защищаемый даже очень слабымъ флотомъ, оставался всегда въ рукахъ защитниковъ Константинополя, и непріятельскій флотъ, за исключеніемъ латинскаго (1204 г.) и турецкаго (1453 г.), въ Золотой Рогъ не проникалъ: ихъ удерживала знаменитая цѣпь, протянутая отъ Акрополя, т. е. отъ угла, образуемаго Мраморнымъ моремъ и устьемъ Золотого Рога, къ Галатской башнѣ. Потому благочестивые крестоносцы, чтобы осадить Константинополь съ моря и въ Золотомъ Рогѣ, должны были сперва взять Галатскую башню, въ которой укрѣплялся конецъ этой цѣпи, а затѣмъ уже, отрѣзавши конецъ цѣпи, войти въ Золотой Рогъ. Турки, благодаря этой цѣпи и защищавшему Золотой Рогъ флоту, и вовсе не могли пробраться въ Золотой Рогъ съ кораблями, а принуждены были перетаскивать корабли изъ Босфора въ Золотой Рогъ черезъ Перу. Если даже турки, благодаря цѣпи, не могли прорваться, то во времена большого процвѣтанія Восточно-Римской имперіи прорваться туда чрезъ цѣпь и вовсе было трудно. Саракины при Львѣ Исаврѣ пытались было прорваться, но неудачно, какъ мы

видѣли, а когда Левъ спустилъ цѣпь и, повидимому, открылъ портъ, саракины сами не попли, какъ было уже сказано.

Если такимъ образомъ осадить Константинополь со всѣхъ сторонъ было нельзя, то приходилось брать т. е. постараться взять его съ суши. Такъ дѣлали саракины: они приставали къ берегу Мраморнаго моря не для того только, чтобы осаждать берегъ и часть стѣны, у которой происходили постоянныя стычки, но и для того, чтобы высадить десантъ, который могъ вести правильную осаду и занимать долины и холмы въ окрестностяхъ Константинополя отъ Золотыхъ воротъ до Золотого Рога и впадающихъ въ него рѣчекъ.

По словамъ Теофана [I, p. 395 sq. de Boor], Масалма, перезимовавши въ Азіи, присталъ къ Авиду (Ἄβιδος) и переправилъ достаточное количество войска во Фракію и двинулся противъ столицы, грабя и разоряя Фракію. Подойдя къ стѣнамъ города, саракины вырыли вокругъ стѣны (сухопутной) большой ровъ, а надъ нимъ возвели стѣну до груди вышиною.

Ясно, что саракины осаждали не только берега Пропонтиды, но всѣ сухопутныя стѣны и притомъ не только грабили окрестности, но вели правильную осаду города съ суши, какъ дѣлали большею частію непріатели, пытавшіеся взять городъ. Подобнымъ образомъ, вѣроятно, осаждали саракины и при Константинѣ Погонатѣ, а не ограничивались стычками около Кикловія и стояніемъ у береговъ Пропонтиды.

Подобнымъ образомъ осаждали Константинополь и болгаре подъ предводительствомъ Симеона, который занималъ и опустошалъ окрестности Константинополя, а въ концѣ концовъ, послѣ неудачныхъ попытокъ взять городъ, удалился въ Евдомъ, гдѣ, вѣроятно, была главная квартира, и велъ переговоры о мирѣ. Примѣровъ такихъ и подобныхъ осадъ можно было бы привести много, если бы была въ этомъ надобность и если бы эти случаи не были извѣстны каждому, болѣе или менѣе знакомому съ византійскою исторіею. Дюканжу, конечно, все это было извѣстно, но онъ, какъ бы нарочно, закрывалъ глаза на противорѣчащія его мнѣнію факты или перетолковывалъ ихъ по своему. Онъ самъ приводитъ въ XIII гл. своей статьи этотъ фактъ и говоритъ, что Симеонъ вырылъ ровъ отъ Влахернъ до Золотыхъ воротъ. При этомъ, конечно, Симеонъ долженъ былъ проводить ровъ и чрезъ Евдомъ, если бы онъ находился у Влахернъ, но объ Евдомѣ ни слова во время осады: о немъ говорится только тогда, когда Симеонъ отчаявается взять Константинополь. Да и какъ Симеонъ могъ съ своимъ штабомъ помѣститься въ Евдомѣ, т. е. въ его дворцѣ и прилегающихъ къ

нему зданіяхъ, если этотъ дворець (Текфурь-Сарай) въ городѣ, за его стѣнами. Но Дюканжъ всѣ эти обстоятельства благоразумно замалчиваетъ, какъ противорѣчащія его теоріи, а такихъ обстоятельствъ во время набѣговъ Симеона на Константинополь было очень много, и это упрямые противники Дюканжа не могутъ опустить безъ вниманія.

Во всякомъ случаѣ, какъ мы видѣли, въ осадѣ саракинами Константинополя, приставшими къ берегу Мраморнаго моря отъ Евдома до Кикловія, ничего нелѣпаго нѣтъ, а напротивъ, большая нелѣпость допускать, что они заняли Золотой Рогъ до самаго его начала, когда они боялись войти даже въ его устье, какъ объ этомъ точно и ясно сообщается въ хронографіи у Теофана и у другихъ хронистовъ.

Если главное возраженіе Дюканжа, его главные доводы въ пользу помѣщенія Евдома у Влахернскаго квартала оказываются въ сущности недоразумѣніемъ, совершенно неожиданнымъ и мало вѣроятнымъ со стороны такого авторитета, какъ авторъ *Constantinopolis Christiana*,—то остальные его толкованія и доказательства имѣютъ еще менѣе значенія, такъ какъ отличаются еще большими натяжками. Прямое свидѣтельство источниковъ, что дворець Евдома, консисторій Граціана или Юстиніана находится *in Septimo ab urbe milliario*, Дюканжъ считаетъ за простую *locutionis forma* и утверждаетъ, что дворець этотъ находился даже не за городомъ, а въ самомъ городѣ. Объявивъ такимъ образомъ несогласныя съ его мнѣніемъ свидѣтельства средневѣковыхъ писателей только за *locutionis formae*, Дюканжъ объявляетъ, что, хотя Евдомъ и называется *πρόαστειον*, хотя и говорится въ источникахъ, что онъ находился *πρὸ τῆς πόλεως*, но это не значитъ, что Евдомъ дѣйствительно былъ на нѣкоторомъ разстояніи отъ города, онъ могъ быть и въ самомъ городѣ, такъ какъ *πρόαστεια* назывались не только ближайшія къ городу поселенія, но части города, лежащія на окраинахъ. Послѣ этого все можно утверждать и не стѣсняться никакими свидѣтельствами источниковъ, какъ бы ясны и точны они ни были. И дѣйствительно знаменитый византологъ оказался вынужденнымъ дойти до того, что сталъ совершенно превратно толковать показанія источниковъ, которые въ другихъ вопросахъ Дюканжъ не заподозриваетъ въ такой превратности и неточности, какъ будто они не умѣли выразиться болѣе точно. Церковный историкъ Сократъ сообщаетъ [*Hist. eccles.* VI, 6], что храмъ Іоанна Предтечи въ Евдомѣ отстоитъ отъ города на 7 миль (это замѣчаніе Сократа повторяется у него два раза [ср. VI, 11]), а Дюканжъ говоритъ, что на семь миль тянулось Поле, а храмъ Іоанна Крестителя нисколько не отстоялъ отъ города, а былъ внутри самаго города, недалеко отъ дворца (Магнавры), который также находится въ

городѣ, въ стѣнахъ его, хотя и былъ въ Евдомѣ. По толкованію Дюканжа, дѣйствительность оказывается какъ разъ противоположною тому, что говорится въ источникахъ. Въ заключеніе своего разсужденія Дюканжъ дѣлаетъ выводы прямо противоположные тому, что нужно ожидать на основаніи источниковъ: всѣ тѣ зданія и топографическіе пункты, которые въ источникахъ называются стоящими въ Евдомѣ или у седьмого милевого столба, вовсе тамъ не находились. Тамъ, напротивъ, ничего не было, а все, что было въ Евдомѣ по словамъ историковъ и другихъ писателей, было не въ Евдомѣ, а частью на пространствѣ отъ этого Евдома до города, а большею частью самыя важныя зданія—въ самомъ городѣ, т.-е. на семь миль отъ Евдома.

Если бы подобныя, явно противорѣчащія источникамъ соображенія стали доказывать кто-нибудь другой, а не Дюканжъ, то на подобныя словоизверженія никто бы не обратилъ вниманія: до такой степени они невѣроятны и явно ложны. Нужно допустить, что всѣ средневѣковые писатели сговорились морочить читателей и намѣренно вводить ихъ въ заблужденіе: не говорить того и такъ, что и какъ было, а говорить то, чего не было и быть не могло.

Ради чего же Дюканжъ приписываетъ писателямъ такія злыя намѣренія? Единственно для того, чтобы доказать, что Евдомъ былъ тамъ, гдѣ его не было и быть не могло, и не былъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ дѣйствительно былъ. Для чего ему нужно было это, для чего ему нужно было опровергать справедливое мнѣніе Адр. Валезія, я не понимаю. Неужели для того, чтобы доказать, что онъ, Дюканжъ, ошибаться въ вопросахъ топографіи Константинополя не можетъ, и Адр. Валезій напрасно суется съ своими поправками? Этому не хочется вѣрить!

Какъ бы то ни было, но для меня совершенно ясны и несомнѣнны ошибки и ложныя толкованія Дюканжа. Думаю, что они будутъ еще яснѣе, если мы выяснимъ себѣ положительную сторону вопроса и постараемся опредѣлить, что такое былъ Евдомъ и что въ немъ было, при этомъ строго держась источниковъ.

Евдомомъ, какъ уже было много разъ сказано, называлось предмѣстіе Константинополя (*προάστειον*, *suburbanum*), лежавшее на берегу Мраморнаго моря по дорогѣ (*via Egnatia*), шедшей отъ Золотыхъ воротъ у седьмого милевого столба (*ἐπὶ τῷ Ἑβδόμῳ μιλίῳ*, *in septimo miliario*), считая отъ начальнаго милевого столба, такъ называемаго Милія, находившагося у юго-восточнаго угла двора (*atrium*) св. Софійи и служившаго исходнымъ пунктомъ для всѣхъ дорогъ, шедшихъ отъ Константинополя. По милевому столбу, у котораго оно стояло, предмѣстие и

называлось Седьмымъ столбомъ или просто Седьмымъ (*Ἑβδόμων, Septimium*). Далѣе у 12-го столба по той же дорогѣ былъ городокъ Ригій, еще далѣе Силимврія, Ираклія и т. д.

Было ли въ томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ Евдомъ какое-нибудь поселеніе до обращенія Византіи въ Константинополь, неизвѣстно, но Константинъ Великій, превративши Византію въ Новый Римъ, долженъ былъ позаботиться о пріисканіи удобнаго мѣста для Марсова поля, необходимой принадлежности каждаго большаго города, а тѣмъ болѣе столицы, гдѣ стояло всегда много войска, охранявшаго новую столицу и императора. Самымъ удобнымъ и подходящимъ мѣстомъ для такого поля былъ отлогій и ровный берегъ Мраморнаго моря близъ Константинополя, и Константинъ Великій естественно выбралъ его, такъ какъ далѣе отъ берега мѣстность дѣлалась волнистою и еще далѣе на сѣверо-востокъ, около Золотоу Рогоу, она становится овражистою, гористою и лѣсистою. Такая мѣстность очень красива и удобна для охоты, а не для Марсова поля. И теперь еще окрестности Константинополя у Золотоу Рогоу, на сѣверъ отъ бывшаго Влахернскаго квартала, невольно приковываютъ вниманіе своимъ разнообразіемъ, долинами, небольшими оврагами, холмами и лѣсистыми горками, которыя и въ средніе вѣка привлекали вниманіе царей, строившихъ тамъ дворцы съ видомъ на эту красивую и веселую мѣстность.

Совсѣмъ другимъ характеромъ отличается однообразный берегъ Мраморнаго моря, благодаря чему, какъ теперь, такъ и въ средніе вѣка онъ былъ очень мало заселенъ, между тѣмъ какъ восточное продолженіе Константинополя, берегъ Босфора и въ средніе вѣка и теперь были очень густо заселены, благодаря красивому разнообразію гористыхъ береговъ извилистаго Босфора. Но именно благодаря ровности и плоскости береговъ Мраморнаго моря съ европейской, сѣверной, стороны, особенно у теперешняго Макри-кѣя, гдѣ этотъ характеръ мѣста, эта плоскость далеко уходитъ и по берегу и въ глубь материка, берега эти болѣе всего годились для военныхъ упражненій, смотровъ, маневровъ и другихъ большихъ военныхъ дѣйствій и лѣтнихъ стоянокъ въ лагеряхъ. Близость ея къ берегу и возможность морского подвоза провіанта, военныхъ припасовъ и предметовъ вооруженія, какъ и самыхъ войскъ, еще болѣе увеличивала удобства этой мѣстности для Марсова поля изъ всѣхъ окрестностей Новаго Рима. Van Millingen, указавшій на Макри-кѣй, какъ на мѣсто прежняго Евдома, говоритъ, что портомъ Евдома, который упоминается у писателей и который подвергался исправленію между прочимъ при Юстиніанѣ, служилъ или

могъ служить заливъ Зейтанъ-бурну, находящійся между Макри-кеемъ и Константинополемъ.

Сдѣлавъ нарочно поѣздку для осмотра Макри-кѳя, я пришелъ къ тому заключенію, что не этотъ заливчикъ былъ портомъ, такъ какъ это собственно не заливъ, а просто излучина берега съ очень незначительнымъ уклономъ отъ прямой линіи, который не могъ укрывать ни отъ вѣтра, ни отъ волненія. А Евдомъ дѣйствительно былъ портъ, слѣды котораго сохраняются и до сихъ поръ. Дѣло въ томъ, что, пріѣхавъ въ Макри-кѳй и сойдя съ поѣзда, мои спутники и я пошли по улицамъ Макри-кѳя къ морю и вездѣ, на улицахъ и площадяхъ, видѣли остатки и обломки мраморныхъ колоннъ, капителей, разбиваемыхъ на куски, очевидно, на известъ, устои мраморной цистерны съ надписью, которую трудно было разобрать. Такое обиліе архитектурныхъ остатковъ большихъ и дорогихъ построекъ подтверждало и укрѣпляло предположеніе, что Макри-кѳй былъ нѣкогда мѣстомъ, изобиловавшимъ дорогими и великолѣпными зданіями, украшенными мраморными колоннами и орнаментами. Выйдя на площадку къ морю, я пораженъ былъ тѣмъ, что одна часть ея была усыпана мелкимъ мусоромъ и отъ другой отдѣлялась фундаментомъ какой-то стѣны, шедшей отъ городка прямо къ морю, вдоль нашего пути, налѣво отъ насъ. За этимъ фундаментомъ какой-то стѣны была также площадь нѣсколько пониже и на довольно большое пространство она занята была садомъ (ближе къ городу) и огородомъ, шедшимъ до самаго моря и все понижавшимся къ нему. Я обратилъ на это вниманіе своихъ спутниковъ, и мы, идя вдоль этой стѣны, дошли до берега, очертанія котораго и развалины построекъ на немъ еще болѣе убѣдили насъ, что садъ и огородъ за фундаментомъ занимаютъ и заполняютъ какое-то большое углубленіе въ почвѣ, оканчивающееся каменною стѣною у самаго моря, которая, однако же, построена недавно и доходитъ только до половины огорода, замыкая его и не позволяя насыпной почвѣ осыпаться, между тѣмъ какъ другая половина углубленія, занятаго огородами, оканчивается насыпью, почти омываемою въ нижней части волнами моря.

По дощечкамъ и камнямъ можно пройти за стѣною и у подошвы насыпи съ одного берега долинки до другого и дойти до каменнаго помоста, омываемаго волнами моря и переходящаго въ каменную лѣстницу, сложенную изъ крупныхъ каменныхъ плитъ, хорошо обтесанныхъ и прилаженныхъ, но теперь значительно поврежденныхъ временемъ и волнами. Эта лѣстница выводитъ 10—15 ступенями на

другой берег углубленія, довольно замѣтно и значительно выступающій въ море сравнительно съ вышеназваннымъ углубленіемъ. Этому возвышенному берегу лѣвой стороны углубленія, если смотрѣть къ морю, соответствуетъ такой же берегъ на правой сторонѣ, который также острымъ угломъ выступаетъ въ море.

На этомъ углу теперь устроена простая деревянная бесѣдка для желающихъ полюбоваться моремъ. Съ этой бесѣдки, прямо подъ нею, на самомъ краю внизу лежатъ развалины какой-то византійской башни, размываемыя теперь морскими волнами. Одинъ изъ моихъ спутниковъ, Г. П. Беглери, спустился къ этимъ развалинамъ и досталъ одинъ камень съ греческими буквами, указывающими на греческое происхожденіе башни. Весьма вѣроятно, что это—остатки одной изъ башенъ, фланкировавшихъ и защищавшихъ небольшой портъ Евдома, который занималъ всю эту, занятую теперь турецкимъ садомъ и огородомъ, долину. Входъ въ него, вѣроятно, былъ у выступающихъ угловъ, прежде увѣчаныхъ башнями, а конецъ, т. е. противоположная входу сторона, у конца сада, около цистерны, находящейся въ саду. Сколько мнѣ помнится, судя по теперешнему углубленію, болѣе или менѣе ясно обозначающемуся среди окружающей мѣстности, древній портъ былъ довольно помѣстительнъ и былъ, по крайней мѣрѣ, вдвое длиннѣе стороны, обращенной къ морю, между двумя башнями.

Обойдя такимъ образомъ все ясно засыпанное углубленіе, мы пришли къ тому заключенію, что по своему объему оно вполне достаточно для небольшого порта и не представляетъ собою небывалаго примѣра засыпаннаго порта. Такихъ примѣровъ не мало по сосѣдству, въ Константинополѣ, гдѣ имѣются палицы и видны остатки нѣсколькихъ маленькихъ портовъ и пристаней на Мраморномъ морѣ, теперь разрушенныхъ, засыпанныхъ и заваленныхъ пескомъ и мусоромъ до такой степени, что они превратились въ низменности, весьма удобныя для садовъ и огородовъ, которые и не замедлили явиться на мѣстѣ старинныхъ портовъ. Тамъ, гдѣ стояли болѣе или менѣе значительныя лодки и корабли, теперь стоятъ роскошно растущія въ насыпной почвѣ деревья, большею частью плодовые, разведены прекрасныя огороды, хорошо поливаемые изъ сосѣднихъ цистернъ, которыхъ немалое количество греки оставили туркамъ въ наслѣдство и которыя открываются и до сихъ поръ.

Кромѣ порта, въ Евдомѣ былъ дворецъ для остановокъ царя и для пребыванія среди войскъ, какъ строятся дворцы въ современныхъ лѣтнихъ лагеряхъ, находящихся возлѣ столицъ. Какъ теперь главы государствъ нерѣдко живутъ по цѣлымъ мѣсяцамъ въ лагеряхъ, особенно

гвардейскихъ, такъ и въ Константинополѣ цари проводили иногда довольно долгое время во дворцѣ Евдома, тѣмъ болѣе, что онъ находился на берегу моря и былъ однимъ изъ пригородныхъ дворцовъ. Юстиніанъ I, повидимому, особенно любилъ Евдомъ и подолгу жилъ тамъ, такъ что тамъ ему докладывались и подносились для подписи нѣкоторые законодательные акты. Тамъ же происходили иногда засѣданія совѣтниковъ Юстиніана, т. е. высшихъ и приближенныхъ сановниковъ, составлявшихъ «консисторію», въ особой залѣ, для этихъ засѣданій выстроенной и по имени строителя называвшейся *consistorium novum Justiniani*.

Дальнѣйшихъ свѣдѣній ни объ этой консисторіи, ни о дворцѣ, какъ нужно думать и какъ увѣряютъ писатели, построенномъ Константиномъ Великимъ въ одно время съ преобразованиемъ Византіи въ Константинополь, когда было выбрано мѣсто для Марсова поля, нѣтъ. Но такъ какъ Макри-кѣй еще совершенно не изслѣдованъ, то нѣтъ никакихъ основаній отчаяваться въ томъ, что найдены будутъ остатки а, быть можетъ, и фундаменты дворца въ Евдомѣ; эти остатки, однако же, будутъ, по всей вѣроятности, носить не тотъ характеръ, которымъ отвѣчаетъ дворецъ, признанный Дюканжемъ за Евдомъ (Текфурь-Сарай). Довольно значительные остатки этого дворца показываютъ, что постройка эта не принадлежитъ времени Константина Великаго, а гораздо позднѣйшей эпохѣ, когда стѣны Иракліи уже были и принимались въ расчетъ при постройкѣ. Какъ длина, такъ и высота Текфурь-Сарая приспособлена къ стѣнамъ Иракліи. Потому, хотя дворецъ этотъ и называется дворцомъ Константина, но подъ этимъ Константиномъ нельзя разумѣть Великаго.

Гораздо чаще, чѣмъ дворецъ Евдома въ извѣстіяхъ средневѣковыхъ писателей фигурируетъ Трибуналъ Евдома, на которомъ провозглашались новые императоры. Трибуналы составляли почти необходимую принадлежность римскихъ и византійскихъ дворцовъ и служили для выходовъ царей въ многолюдныя собранія чиновъ, войска и народа.

Въ виду обширнаго мѣста, занимаемаго трибуналами, особенно тою частью его, которая пазначалась для войска и народа, они были обыкновенно открытые и въ простѣйшемъ видѣ состояли изъ ровной обширной площадки съ эстрадою или возвышеніемъ для представителей власти и высшихъ сановниковъ, которые показывались на этой эстрадѣ собранію и говорили къ собравшимся рѣчь непосредственно или чрезъ какого-нибудь чиповника, какъ бывало обыкновенно. Эстрада эта соотвѣтствовала конхамъ съ возвышеннымъ поломъ въ тропныхъ приѣмныхъ залахъ и базиликахъ, съ которыми мы имѣли уже случай познакомиться при описаніи частей Большого Дворца (ср. рис. 17 и 18).

Въ циркѣ Константинопольскомъ площадку замѣняли мѣста для сидѣнья и бѣганья лошадей, а трибуналъ замѣняла такъ называвшаяся каеизма т. е. зданіе съ трономъ для царя и мѣстами для чиновъ и свиты, которые частью помѣщались рядомъ съ царемъ, частью ниже его на уступахъ и террасахъ эстрады. На Марсовомъ полѣ Трибуналъ могъ состоять изъ каменной эстрады, выходившей на болѣе или менѣе значительную площадь, на которой собирались войска и куда могъ съойдаться и народъ, публика, между тѣмъ какъ чиновники и сановники

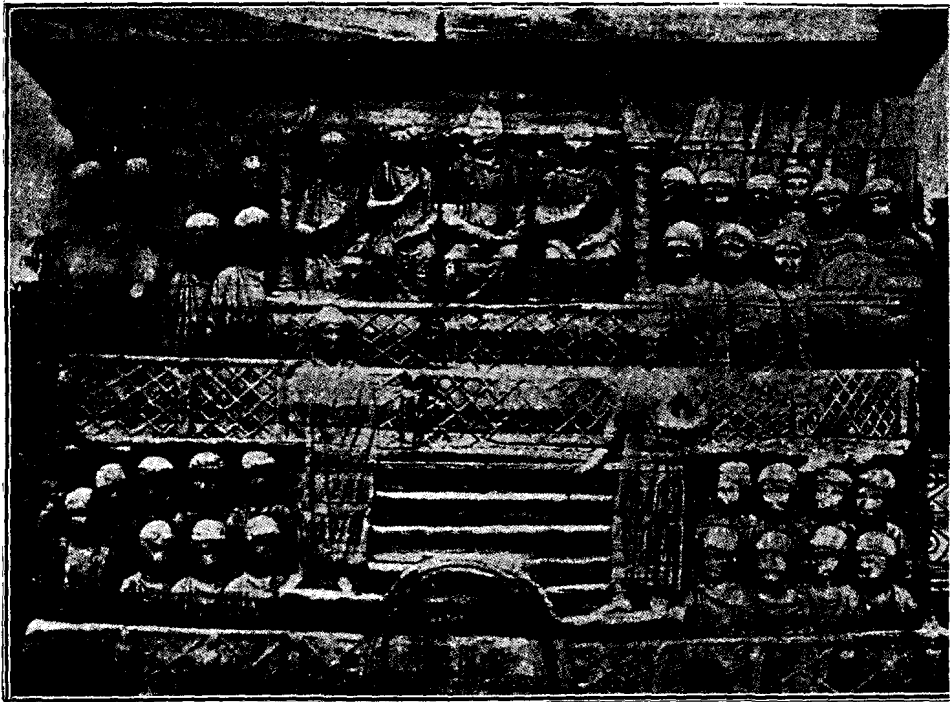

Рис. 17. Скульптурныя украшенія базы колонны Феодосія Великаго (вост. сторона).

размѣщались обыкновенно на эстрадѣ, когда императоръ или полководецъ выходилъ на эстраду для обращенія къ народу. Такой Трибуналъ былъ, очевидно, и въ Евдомѣ и на немъ, какъ было приведено выше, по исконному римскому обычаю, войскамъ предъявлялся и ими утверждался, такъ сказать, новый императоръ, что потомъ иногда дѣлалось въ Инподромѣ или какомъ-нибудь дворцовомъ трибуналѣ или въ обширной залѣ.

Кромѣ этихъ зданій, въ Евдомѣ было нѣсколько церквей, частию построенныхъ императорами и снабженныхъ замѣчательными и весьма чтимыми реликвіями. Особенно видное значеніе имѣла церковь во имя Іоанна Предтечи, которую Феодосій Великій положеніемъ въ ней главы

Іоанна Предтечи поднялъ на степень весьма важной христіанской святыни, тѣмъ болѣе что первоначально въ ней совершалось, повидимому, благословеніе патріархомъ или епископомъ Константинопольскимъ царскихъ регалій, т. е. совершался древнѣйшій и простѣйшій обрядъ коронаціи, который впослѣдствіи съ гораздо большею помпою и церемоніями совершался въ св. Софіи. Храмъ этотъ былъ возобновленъ Юстиніаномъ, который и для Евдома является такимъ же виднымъ строителемъ, какъ для многихъ другихъ мѣстъ имперіи: по его имени

Рис. 18. Скульптурныя украшенія базы колонны Феодосія Великаго (сѣв. сторона).

называлась зала во дворцѣ, устроенная для дѣловыхъ пріемовъ и совѣщаній, онъ очистилъ засорившійся портъ Евдома и вообще, очевидно, заботился о благоустройствѣ этого предмѣстья столицы ¹⁾).

Послѣ храма въ честь Іоанна Предтечи самую важную церковью Евдома считался храмъ Іоанна Богослова, въ которомъ служилась литургія въ день крестнаго хода въ память знаменитыхъ землетрясеній, бывшихъ при Феодосіи II. Почему именно въ этомъ храмѣ соверша-

---

¹⁾ [Свидѣтельства о церкви Іоанна Предтечи—*εἰς τὰς τοῦ Προδρόμου*—сопоставлены у J. P. Richter'a, Quellen d. byz. Kunstgeschichte, стр. 145 сл.].

лась литургія въ этотъ день, сказать довольно трудно. Быть можетъ, этотъ храмъ или самъ сильно пострадалъ отъ землетрясенія или ближайшая къ нему мѣстность подверглась наибольшему разрушенію ¹⁾).

Кромѣ этихъ двухъ храмовъ въ Евдомѣ было нѣсколько другихъ церквей, не евктиріевъ только, но приходскихъ, показывающихъ, что Евдомъ былъ довольно большое и населенное предмѣстье, состоящее изъ нѣсколькихъ слободъ или кварталовъ, къ числу которыхъ безъ сомнѣнія принадлежать и Алусія, гдѣ стоялъ храмъ.

Г л а в а III.

Выходы въ храмъ Халкопратійскій.

Халкопратійскій храмъ во имя пресв. Богородицы, какъ и Влахернскій, принадлежалъ къ числу важнѣйшихъ и наиболѣе чтимыхъ храмовъ христіанскаго Константинополя. Послѣ храмовъ св. Софіи и св. Апостоловъ, Халкопратійскій и Влахернскій храмы, посвященные покровительницѣ и защитницѣ Константинополя, его «взбранной воеводѣ», служатъ чаще другихъ такими религіозными пунктами, куда и откуда совершаются торжественные крестные ходы патріарха съ духовенствомъ и народомъ и царя съ синклитомъ ²⁾). Какъ въ важнѣйшіе Господніе праздники царь совершалъ богомольные выходы въ храмъ Премудрости Божіей, такъ въ важнѣйшіе Богородичные опъ совершалъ крестные ходы и богомольные выѣзды въ Халкопратійскій и Влахернскій храмы. Такое выдающееся значеніе этихъ храмовъ въ значительной степени объясняется тѣмъ, что въ особыхъ придѣлахъ при этихъ храмахъ хранились драгоцѣнныя для христіанъ святыни, связанныя съ жизнью Богородицы: во Влахернскомъ храмѣ одежда или покровъ пресв. Богородицы, а въ Халкопратійскомъ одежда и поясъ ея.

Несмотря, однако же, на первенствующее значеніе Халкопратійскаго храма среди другихъ храмовъ, посвященныхъ Богородицѣ, мы имѣемъ

---

¹⁾ [Свидѣтельства о церкви Іоанна Богослова см. у J. P. Richter'a, ук. соч. 127 сл.].

²⁾ Потому и въ древнѣйшемъ изъ доселѣ пзвѣстныхъ уставовъ Великой церкви Влахернскій и Халкопратійскій храмы упоминаются, послѣ св. Софіи, всего чаще, какъ мѣста церковныхъ празднествъ и торжественныхъ, съ участіемъ патріарха, богослуженій. См. Н. Ф. Красносельцевъ, Типикъ Церкви св. Софіи IX в., Одесса, 1892, 25. Отдѣльный оттискъ изъ 2-го вып. Лѣтописи Истор. Филол. Общества при Новоросс. университетѣ.

очень скудныя и противорѣчивыя извѣстія относительно его исторіи и очень неопредѣленныя свѣдѣнія о его мѣстоположеніи ¹⁾).

Халкопратійскій храмъ пресв. Богородицы назывался такъ отъ того, что построенъ былъ на мѣстѣ еврейской синагоги, находившейся среди «Мѣдныхъ Рядовъ» (τὰ Χαλκοπρατεῖα), въ которыхъ евреи торговали своими издѣліями изъ мѣди ²⁾. Евреи поселились и торговали въ этихъ рядахъ со временъ Константина Великаго, а при Θεодосίи Великомъ, когда онъ былъ на западѣ, подкупивъ ипарха Гонората, по религіи язычника, добыли у него позволеніе построить синагогу среди «Мѣдныхъ Рядовъ», которую и построили съ большою роскошью и великолѣпіемъ. Но народъ византійскій, исповѣдовавшій уже въ огромномъ большинствѣ христіанскую вѣру и ненавидѣвшій евреевъ, возмущенъ былъ этой антихристіанской постройкой и открыто порицалъ ипарха, который, однако же, мало обращалъ вниманія на эти порицанія и продолжалъ покровительствовать евреямъ. Тогда народъ ночью поджегъ синагогу и сжегъ ее. Ипархъ донесъ объ этомъ царю Θεодосίю, а Θεодосίи предписалъ, разыскавши виновныхъ, взыскать съ нихъ причиненные евреямъ убытки и заставить ихъ возстановить сожженную синагогу. Объ этомъ событіи и распоряженіи царя между тѣмъ узналъ св. Амвросій Медиоланскій и, когда Θεодосίи въ одинъ изъ Господнихъ праздниковъ, по обыкновенію, дѣлалъ богомольный выходъ и вошелъ въ каѳедральный храмъ, Амвросій обратился къ нему съ рѣчью, въ которой упрекалъ царя за то, что онъ насильно заставляеть христіанъ строить евреямъ синагогу среди христіанскаго города и, предпочитая враговъ Христа вѣрующимъ въ Него, оскорбляеть Того, который вѣнчалъ его царскою короною и вручилъ его заботамъ Свое стадо, искупленное страданіями и кровію. На эти рѣзкіе упреки Θεодосίи сначала возразилъ: а развѣ можно позволить народу безчинствовать и производить

---

¹⁾ Извѣстія о постройкѣ и его передѣлкахъ собраны Дюканжемъ въ его Constantinopolis Christiana (lib. IV, p. 57 ed. Venet.). Ср. его же in Alexiadem Annae Comnenae notae, II, p. 513 Bonn. Эти извѣстія повторяются и разсматриваются у Vanduri въ Imperium Orientale, tom. II, Comment. in Antiquitates Const. p. 471 sq. (ed. Venet.). Ср. ibid. p. 305. Gyllii de Topogr. Constantinopol. lib. II, c. XXI. Нѣкоторыя извѣстія, приведенныя Дюканжемъ, повторяеть Византій въ Κωνσταντινούπολις, I, 459—460. Эти же извѣстія вкратцѣ разсмотрѣны мною въ статьѣ: Храмъ Богородицы Халкопратійской въ Константинополѣ, помѣщенной въ 2-мъ вып. Лѣтописи Историко-Филол. Общества при Новороссійск. университетѣ (Одесса, 1892). Высказанныя тамъ соображенія частью повторяются здѣсь.

²⁾ Anonymi Antiquit. Constantin. lib. II, p. 23 (у Vanduri въ Imperium Orientale). Codini de aedific. p. 83 Bonn.: εἰς δὲ τὰ Χαλκοπρατεῖα ἀπὸ τοῦ Μεγάλου Κωνσταντίνου Ἰουδαῖοι κατόχων ἑκατὸν καὶ τριάκοντα δύο καὶ ἐπίπρασμον τὰ χαλκώματα.

безпорядки въ благоустроенныхъ городахъ? Но когда Амвросій отвѣтилъ на это царю, что не слѣдуетъ и евреямъ позволять имѣть синагогу въ центрѣ благочестиваго города, Θεодосίη смягчился и, убѣдившись въ справедливости словъ Амвросія, простилъ византійцамъ ихъ преступленіе и запретилъ евреямъ имѣть синагогу внутри города ¹⁾. Если это запрещеніе распространялось и на выстроенную уже синагогу среди «Мѣдныхъ Рядовъ», то самое зданіе синагоги и «Мѣдные Ряды» съ торговцами евреями продолжали стоять до внуковъ Θεодосія Великаго ²⁾. Только въ царствованіе Θεодосія II, имъ самимъ или сестрою его Пульхерією на мѣстѣ еврейской синагоги и «Мѣдныхъ Рядовъ» былъ построенъ храмъ во имя пресв. Богородицы, причемъ синагога и «Мѣдные Ряды» были снесены, мѣсто расчищено и на немъ возведенъ храмъ во имя пресв. Богородицы. Но мѣсто это продолжало носить свое прежнее названіе; потому и вновь построенный христіанскій храмъ въ отличіе отъ другихъ храмовъ во имя пресв. Богородицы назывался Халкопратійскимъ или въ Халкопратіяхъ.

Въ Хронографіи Θεοφана мы имѣемъ два противорѣчивыхъ извѣстія относительно времени постройки и строителей Халкопратійскаго храма. Подъ 5942 г. отъ сотворенія міра = 450 отъ Р. Х., послѣ извѣстія о возвращеніи изъ ссылки Пульхеріи, сказано, что она тотчасъ же перенесла изъ Ефеса мощи св. Флавіана, положила ихъ въ храмъ св. Апостоловъ, а потомъ прибавлено: τότε τὴν τῶν Χαλκοπρατείων ἐκκλησίαν τῇ ἀγίᾳ Θεοτόκῳ ἀνήγειρε συναγωγὴν Ἰουδαίων πρότερον οὖσαν ³⁾, т.-е. «тогда воздвигъ (или воздвигла) Халкопратійскій храмъ св. Богоматери, бывший прежде іудейскою синагогою», смотря потому, къ кому мы будемъ относить ἀνήγειρε, къ Θεодосію II или сестрѣ его Пульхеріи. Дюканжъ относилъ ἀνήγειρε къ Θεодосію и потому видѣлъ въ этой замѣткѣ извѣстіе о постройкѣ Халкопратійскаго храма Θεодосіемъ Младшимъ. Но Рейске не безъ основанія замѣтилъ ⁴⁾, что извѣстіе о постройкѣ Халкопратійскаго храма слѣдуетъ относить не къ Θεодосію, а къ Пульхеріи, о которой идетъ рѣчь въ предыдущемъ періодѣ, заключающемъ въ себѣ извѣстіе о перенесеніи мощей св. Флавіана. Хотя у позднѣй-

¹⁾ Zonar. Epit. Histor. Lib. XIII, c. XVIII, vol. III, p. 228 Dindorf. Cp. Cedreni Histor. Comp. I, p. 571 Bonn.

²⁾ Послѣ вышеприведенныхъ словъ у Анонима-Кодина сказано: ὁ δὲ Μικρὸς Θεοδόσιος ἐξέσωσεν αὐτοὺς (τοὺς Ἰουδαίους) ἐκεῖθεν καὶ ἀνακαθάρισας τοῦτον τὸν τόπον καὶ τῆς Θεομήτορος ἀνήγειρε, συμπτωθέντα δ' ὑπὸ σεισμοῦ Ἰουστίνου ὁ ἀπὸ κουροπαλάτων ἀνήγειρε καὶ κτήματα ἀπεκόρωσεν αὐτῷ ἀκίνητα.

³⁾ Theoph. Chronogr. p. 102, l. 10—11 de Boor.

⁴⁾ Comment. ad Cerim. p. 135 Bonn.

шихъ писателей, какъ Георгій Монахъ (р. 498 ed. Muralt) и Анонимъ-Кодинъ, основаніе Халкопратійскаго храма приписывается Θεодосію II, но церковные историки: Θεодоръ Чтець и Никифоръ Каллистъ относятъ первую постройку этого храма ко времени царствованія Маркіана и Пульхеріи (цитаты приведены у Дюканжа I. с.), такъ что вышеприведенное извѣстіе оеофановой Хронографіи можно вмѣстѣ съ Рейске относить и къ Пульхеріи (Comment. ad Serim. p. 135 Bonn.), тѣмъ болѣе что, по конструкціи, оно можетъ быть отнесено къ тому и другому, т.-е. къ Θεодосію и Пульхеріи. Къ кому бы, впрочемъ, мы ни относили эту замѣтку, во всякомъ случаѣ въ первоначальной редакціи Хронографіи ея не было. Она, очевидно, вставлена послѣ, быть можетъ, на основаніи извѣстій вышеназванныхъ церковныхъ историковъ. Это видно какъ изъ характера этой замѣтки, такъ и изъ того, что въ Хронографіи Θεοφана имѣется другое извѣстіе, по которому первымъ строителемъ Халкопратійскаго храма былъ Юстинъ II. Подъ 6069 г. = 577 отъ Р. X. въ Хронографіи Θεοφана сказано, «въ этомъ году царь Юстинъ, разрушивши еврейскую синагогу въ Халкопратіяхъ, построилъ храмъ Владычицы нашей св. Богородицы, находящейся близъ Великой Церкви» (πλησιάζουσαν τῇ Μεγάλῃ Ἐκκλησίᾳ). Первое извѣстіе, какъ внесенное въ Хронографію въ послѣдствіи, не вошло въ латинскій переводъ Хронографіи, сдѣланный библиотекаремъ Анастасіемъ, между тѣмъ какъ второе находится у него въ буквальномъ переводѣ ¹⁾).

Но если, признавая извѣстіе о постройкѣ Халкопратійскаго храма Пульхеріею или Θεодосіемъ за позднѣйшую вставку, мы устранимъ такимъ образомъ противорѣчіе въ самой Хронографіи Θεοφана, то противорѣчіе между показаніями церковныхъ историковъ, приписывающихъ постройку этого храма Пульхеріи, и вторымъ извѣстіемъ Хронографіи, относящимъ эту постройку по времени Юстина II, все-таки останется. За неимѣніемъ основаній для отрицанія того или другого изъ этихъ извѣстій, можно допустить, вмѣстѣ съ Дюканжемъ, что въ томъ и другомъ извѣстіи мы имѣемъ дѣло съ дѣйствительными фактами, но не одинаковаго характера. Основаніе для такого примирительнаго пониманія противорѣчивыхъ извѣстій дается у Анонима-Кодина.

По словамъ Анонима-Кодина, въ Халкопратіяхъ со временъ Константина Великаго жили іудеи и продавали издѣлія изъ мѣди. Θεодосій Малый выгналъ ихъ отсюда, очистилъ мѣсто и воздвигъ храмъ Богоматери. Когда же храмъ этотъ отъ землетрясеній развалился, Юстинъ-

¹⁾ Theoph. Chronogr. I, p. 102; ср. p. 248 и II, p. 107 и 152.

Куропалата снова его выстроилъ и пожертвовалъ храму недвижимыя имущества. Если это извѣстіе не комбинація Анонима, то, значить, извѣстіе Хронографіи Θεοφана относительно Юстина нужно понимать въ смыслѣ возстановленія имъ прежняго, построеннаго Θεοδοσιемъ или Пульхеріею, храма, но разрушеннаго землетрясеніемъ, поэтому Юстинъ II можетъ въ свою очередь дѣйствительно быть названъ строителемъ Халкопратійскаго храма, тѣмъ съ бѣльшимъ правомъ, что онъ же, по словамъ Анонима-Кодина, построилъ или пристроилъ примыкавшіе къ Халкопратійскому храму съ лѣвой или сѣверной стороны придѣльные храмы св. Раки (τῆς ἁγίας Σοροῦ) и св. апостола Іакова, брата Господня. Халкопратійскій храмъ въ томъ видѣ, въ которомъ онъ былъ извѣстенъ въ слѣдующіе вѣка, съ своими придѣлами, такимъ образомъ вполне можетъ быть названъ постройкою Юстина II. Только изгнаніе евреевъ и разрушеніе синагоги въ первоначальномъ извѣстіи Хронографіи неправильно приписано ему.

Кромѣ одежды и пояса Богоматери въ храмѣ св. Раки на лѣвой сторонѣ хранились въ особыхъ гробницахъ мощи женъ муропосицъ, а на правой сторонѣ волосы Іоанна Предтечи ¹⁾. Придѣлъ св. Раки примыкалъ къ Халкопратійскому храму съ лѣвой, сѣверной, стороны, назначенной для жепскаго пола, какъ это видно изъ того, что царь, при богомольныхъ выходахъ въ Халкопратійскій храмъ, возложивши апокомвій на престоль Халкопратійскаго храма, идетъ въ св. Раку чрезъ лѣвую сторону алтаря и храма ²⁾. Здѣсь въ женскомъ пароицѣ находилось крыльцо (ἡ τροπική), изъ котораго былъ входъ въ южную часть храма св. Раки. Такъ какъ это крыльцо или портикъ служить не только входомъ изъ главнаго храма въ придѣльный, но и мѣстомъ стоянія царя и переоблаченія, то необходимо признать, что значительная часть этого портика представляла собою закрытое помѣщеніе, въ данномъ

¹⁾ Codini de aedif. p. 113: τὴν ἁγίαν Σορὸν τὴν ἐν τοῖς Χαλκοπρατείσις Ἰουστίνος ἀνήγειρεν... ἐν δὲ τῷ δεξιῷ μέρει τῆς ἁγίας Σοροῦ εἰσιφεύμενα τῶν ἁγίων μυροφόρων τὰ σώματα, ἐν δὲ τῷ εὐωνύμῳ αἱ τρίχες τοῦ τιμίου Προδρόμου. Ср. Anonymi antiquit. lib. II, p. 25 (у Banduri)

²⁾ Cerim. I, 1, 31: ἐξέρχονται διὰ τοῦ ἀριστεροῦ μέρους τοῦ Θεοσιστηρίου καὶ διέρχονται διὰ τοῦ γυναικωνίτου τῆς αὐτῆς ἐκκλησίας (Халкопратійскаго храма)... καὶ εἰσέρχονται οἱ δεσπῶται διὰ τῆς τροπικῆς εἰς τὴν ἁγίαν τράπεζαν τῆς ἁγίας Σοροῦ. Ср. 30, 166: καὶ διὰ τῆς πλαγίας τοῦ ἀριστεροῦ μέρους ἐξεληθὼν (ὁ βασιλεὺς), εἰσέρχεται εἰς τὴν ἁγίαν Σορὸν. Подъ гинэконитомъ здѣсь, по всей вѣроятности, разумѣется собственно женскій пароицъ, а не корабль храма, потому что царь чрезъ него выходитъ въ коронѣ изъ храма и здѣсь привѣтствуютъ его высшіе чины многолѣтіемъ (I, 1, 31), а корона надѣвалась на царя патріархомъ уже по выходѣ изъ храма собственно, въ пристройкахъ, непосредственно примыкавшихъ къ храму, подобно св. Кладезю въ св. Софін (ср. Byzantina, II, 182. О гинэконитахъ, см. тамъ же, 141 сл.).

случаѣ замѣнявшее собою мутаторіи и параклитики. въ которыхъ обыкновенно царь стоялъ во время литургіи и переоблачался. А принимая во вниманіе, что въ этомъ помѣщеніи царь стоялъ съ чинами кувуклія и своей военной свитой, можно думать, что это помѣщеніе (тропика) было довольно обширно и раздѣлялось, хотя бы завѣсою, на два отдѣленія по крайней мѣрѣ, въ одномъ изъ которыхъ царь могъ бы въ присутствіи только ближайшихъ чиновъ кувуклія переоблачаться. Къ сожалѣнію, объ устройствѣ самаго храма св. Раки мы ничего не знаемъ, но несомнѣнно, что онъ составлялъ только придѣлъ, тѣсно сливавшійся съ главнымъ храмомъ Халкопратійской Богоматери, который, благодаря этой тѣсной связи съ св. Ракою и важному религіозному значенію хранившихся въ св. Ракѣ святынь, называется иногда храмомъ пресв. Богородицы Агіосоритиссы (Ἀγιοσορίτισσα), т. е. Святорачицы.

Благодаря этимъ святынямъ, храмъ былъ въ такомъ почетѣ, что важнѣйшіе византійскіе сановники не только посѣщали часто этотъ храмъ, но и считали благочестивымъ дѣломъ принимать участіе въ совершавшихся тамъ всенощныхъ бдѣніяхъ и другихъ службахъ и выступали въ качествѣ чтецовъ. Въ числѣ такихъ чтецовъ были между прочимъ куропалата Михаилъ Рангави до своего воцаренія и не менѣе извѣстный кесарь Варда, дядя Михаила III ¹⁾.

Кромѣ св. Раки, царь съ патріархомъ ходилъ въ Благовѣщеніе и Рождество Богородицы въ «лѣвый евктирій», входилъ тамъ въ алтарь и на св. престолъ клалъ апокомвій ²⁾. Изъ обрядовъ Придворнаго устава видно, что этотъ евктирій или маленькій придѣльный храмъ примыкалъ слѣва къ храму св. Раки и входилъ въ составъ зданія Халкопратійскаго храма вмѣстѣ съ св. Ракою; но кому посвященъ былъ этотъ евктирій,

---

¹⁾ Codini de aedific. p. 113: участіе въ чтеніяхъ этихъ „важныхъ сановниковъ“ (μεγάλοι ἄνθρωποι) и многихъ магистровъ мотивируется именно тѣмъ, что здѣсь хранились одежда и покровъ пресв. Богородицы.

²⁾ Въ Благовѣщенскомъ обрядѣ (I, 30, 166), послѣ описанія пребыванія царя и патріарха въ св. Ракѣ, сказано: ὡσαύτως καὶ ἐν τῷ ἐξ ἀριστερᾶς ὄντι εὐκτηρίῳ εὐξάμενος, τῖθησι ἀποκόμβιον ἐν τῇ ἀγίᾳ τραπέζῃ καὶ ἐξέρχεται. Въ обрядѣ Рождества Богородицы (I, 1, 31) объ этомъ же евктирії сказано: καὶ εἶθ' οὕτως ἐν τῷ εὐωνύμῳ εὐκτηρίῳ τῆς αὐτῆς ἐκκλησίας μετὰ τῶν κηρῶν εὐχόμενοι ἀποτιθέασιν ἕτερον ἀποκόμβιον ἐν τῇ ἀγίᾳ Σορῶ. Такъ какъ предъ этимъ описывались такія же дѣйствія въ св. Ракѣ, то подъ тῆς αὐτῆς ἐκκλησίας нужно, по всей вѣроятности, разумѣть храмъ св. Раки, но конечныя слова сейчасть приведенной цитаты ἀποτιθέασιν—Σορῶ представляютъ буквальное повтореніе предыдущаго періода, въ которомъ идетъ рѣчь о дѣйствіяхъ царя въ св. Ракѣ. На основаніи вышеприведенныхъ словъ Благовѣщенскаго обряда можно думать, что въ обрядѣ Рождества Богородицы въ концѣ періода объ евктирії вмѣсто ἐν τῇ ἀγίᾳ Σορῶ слѣдуетъ читать ἐν τῇ ἀγίᾳ τραπέζῃ. Ср. нижеслѣдующее изложеніе обряда выходовъ въ Халкопратійскій храмъ.

т.-е. въ честь кого назывался, въ обрядахъ не сказано. Но можно, однако же, догадываться, не рискуя сдѣлать ошибки, что этотъ евктирій, примыкавшій съ лѣвой стороны къ храму св. Раки, носилъ имя св. Иакова брата Господня, такъ какъ изъ другихъ источниковъ намъ извѣстно, что къ Халкопратійскому храму примыкалъ или въ немъ находился храмъ св. Иакова, построенный тѣмъ же самымъ Юстиномъ II, который возстановилъ Халкопратійскій храмъ и построилъ храмъ св. Раки. Такъ какъ храмъ св. Иакова представлялъ собою небольшой придѣлъ св. Раки, то, очевидно, онъ былъ построенъ въ одно время съ храмомъ св. Раки и возобновленіемъ Халкопратійскаго храма, въ общій комплексъ котораго входили оба эти придѣла.

Кромѣ мощей св. апостола Иакова, въ честь котораго построенъ былъ этотъ придѣлъ, называвшійся потому τὸ ἀποστολεῖον, въ немъ покоились въ особыхъ ракахъ мощи св. отроковъ, Симеона Богопріимца и пророка Захаріи ¹⁾).

Возобновленный Юстиномъ II Халкопратійскій храмъ имѣлъ форму

¹⁾ Codini de aedif. p. 113: τὸν ἅγιον Ἰακώβον τὸν πλησίον αὐτῆς (τῆς ἁγίας Σοροῦ) ὁ αὐτὸς βασιλεὺς (Ἰουστίνος) ἀνήγειρεν, ἔνθα εἰσὶν ἐν σοροῖς λείψανα τῶν ἁγίων νηπίων καὶ τοῦ ἁγίου Σιμεῶν τοῦ θεοδόχου, προφήτου Ζαχαρίου καὶ Ἰακώβου τοῦ ἀδελφοθέου, ἐν δὲ τῷ δεξιῷ μέρει τῆς ἁγίας Σοροῦ εἰσὶ κείμενα τῶν ἁγίων μυροφόρων γυναικῶν τὰ σώματα, ἐν δὲ τῷ εὐωνόμῳ αἱ τρίγες τοῦ τιμίου προδρόμου. Ср. Anonymi Antiquit. lib. II, p. 25 (у Banduri). Ср. Du Cange, Constantin. Christ. lib. IV, p. 76. Дюканжъ приводитъ здѣсь мѣсто изъ мины, гдѣ ἀποστολεῖον св. Иакова называется находящимся ἐν τῷ ἱερασμῷ ναφ τῆς ἁγίας Θεοτόκου, πλησίον τῆς ἁγιωτάτης Μεγάλης Ἐκκλησίας. Дюканжъ совершенно справедливо разумѣетъ подъ упомянутымъ здѣсь храмомъ Богородицы Халкопратійскій храмъ. Послѣ взятія Константинополя мощи, находившіяся въ храмѣ св. Иакова, гдѣ ихъ видѣлъ еще Антоній Новгородскій, были расхищены цѣликомъ или по частямъ и отвезены въ европейскіе храмы и монастыри. См. у графа Riant'a въ указателѣ ко 2-му тому его Exuviae sacrae Constantinopolitanae s. v. Iacobus, Simeon Theophorus, Zacharia, Zona Mariae.

Въ пользу помѣщенія храма св. Иакова въ Халкопратійскомъ храмѣ и отождествленія его съ евктиріемъ, упоминаемъ въ вышеприведенныхъ мѣстахъ Придворнаго устава, говорить недавно открытый Типикъ Великой церкви подъ 23 окт.: въ немъ ἀποστολεῖον св. Иакова названъ находящимся ἐνδον τοῦ σεβασμίου οἴκου τῆς παναγίας Θεοτόκου πλησίον τῆς Μεγάλης Ἐκκλησίας, а въ другомъ мѣстѣ, при обозначеніи службы въ субботу послѣ Пасхи, онъ названъ находящимся ἐνδον τῶν Χалκοπρατείων. причемъ указано утреню совершать въ Халкопратійскомъ храмѣ, а для служенія литургіи переходить въ храмъ св. Иакова, который здѣсь, какъ и въ Придворномъ уставѣ, называется евктиріемъ (εἰσερχόμεθα ἐν τῷ αὐτοῦ εὐκτηρίῳ). Но проф. Кр а с н о с е л ь ц е в ь, который приводитъ эти мѣста въ своей вышеназванной статьѣ о Типикѣ Великой церкви (стр. 40—42), безъ достаточныхъ основаній считая храмъ пресв. Богородицы, построенный царицею Вериною, женою Льва I, за тождественный съ Халкопратійскимъ, неправильно думаетъ, что храмъ св. Иакова и мощи Симеона Богопріимца находились именно въ храмѣ, построенномъ Вериною. Для этого нѣтъ никакихъ основаній, тѣмъ болѣе что, какъ мы увидимъ ниже, храмъ, построенный Вериною, скорѣе можно отождествлять съ храмомъ Богородицы ἐν τοῖς οὐρανοῖς, а не съ Халкопратійскимъ.

базилики и былъ плохо освѣщенъ, быть можетъ, потому, что храмъ не освѣщался сверху, а только съ боковъ. Въ теченіе трехъ послѣдующихъ вѣковъ храмъ опять значительно пострадалъ отъ времени и обстоятельствъ, такъ что Василій I Македонянинъ, поправившій и возстановившій многіе храмы, пришедшіе въ ветхость при его предшественникахъ, поправилъ и Халкопратійскій храмъ, причемъ увеличилъ его высоту и далъ ему лучшее освѣщеніе ¹⁾.

18-го декабря, въ воспоминаніе освященія Халкопратійскаго храма (*τὰ ἐγκαίνια*), совершался крестный ходъ изъ храма св. Софїи въ Халкопратійскій. Къ сожалѣнію, ни въ минеяхъ, ни въ уставѣ Великой церкви не сказано, какое освященіе праздновалось 18-го декабря, первоначальное или второе, бывшее послѣ возобновленія храма Юстиномъ II ²⁾.

Если уже въ исторіи Халкопратійскаго храма есть нѣсколько сомнительныхъ пунктовъ, которые можно рѣшать только предположительно, то въ опредѣленіи мѣстоположенія этого знаменитаго въ свое время храма все основано на гаданіяхъ и предположеніяхъ, такъ какъ прямыхъ и ясныхъ извѣстій и указаній на мѣстоположеніе Халкопратій и Халкопратійскаго храма, давно исчезнушаго, мы не имѣемъ. На основаніи нѣкоторыхъ изъ вышеприведенныхъ свидѣтельствъ можно сказать только, что Халкопратійскій храмъ находился «близъ» св. Софїи, но на сколько близко и съ какой стороны, наши данныя не говорятъ. Затрудненіе еще увеличивается тѣмъ, что «близъ» (*πλησίον*) св. Софїи упоминаются еще два храма во имя Богородицы: одинъ, построенный царицею Вериною (*Verina, Οὐερίνα*, по позднѣйшему написанію *Βερίνα*), супругою Льва I, а другой такъ называемый «въ небесахъ» (*ἐν τοῖς*

---

¹⁾ Кромѣ указанныхъ Дюканжемъ миней, о праздникѣ освященія Халкопратійскаго храма говорится въ уставѣ Великой церкви подъ 18 дек., гдѣ сказано, что изъ Великой церкви литія выходитъ въ Халкопратійскій храмъ около 3-го часа дня (т.-е. въ 9 ч. утра) передъ обѣдней; по прибытіи духовенства и патріарха въ нарѣжкѣ Халкопратійскаго храма происходило, при пѣніи: „Возьмите врата князи ваша“, открытіе дверей (Н. Θ. К р а с н о с е л ь ц е в ѣ, Типикъ Великой церкви, 49, отдѣльный оттискъ).

²⁾ Константинъ Багрянородный причисляетъ Халкопратійскій храмъ къ *ναοὶ δρομικοί*, т.-е. четырехугольнымъ длиннымъ храмамъ, каковы были базилики, имѣвшія по своему плану сходство съ *δρομοί*, мѣстами для бѣга (*de admin. imper. cap. 29 in fine*; ср. Дю кан ж ѣ, Gloss. Gr. s. v. *δρομικά*). Относительно своего дѣда тотъ же Константинъ Багрянородный въ биографіи Василія Македонянина (*cap. 93, p. 339, Bonn.*), сообщаетъ, что Василій Македонянинъ *καὶ τὸν ἕτερον τῆς πανομνήτου Θεοτόκου, τὸν ἐν τοῖς Χалκοπρατείαις θεῖον ναὸν τῆς πανσέπτου καὶ ἁγίας Σοροῦ, ταπεινὸν ἰδὼν καὶ ἀφώτιστον, καὶ φωτοδόχους ἐκατέρωθεν ἀναστήσας ἀψίδας καὶ τὸ τέγος μετεωρίσας εὐπρεπεῖς κατηύρασεν καὶ μαρμαρυγαῖς φωτὸς κατηγάισε.*

οὐρανοῖς) ¹⁾. Въ какомъ отношеніи паходятся эти храмы къ Халкопратійскому, навѣрно неизвѣстно.

Дюканжъ считаетъ возможнымъ признавать храмъ, построенный Вериною въ смежности или сосѣдствѣ съ св. Софіею, за тождественный съ Халкопратійскимъ ²⁾. Проф. Н. Θ. Красносельцевъ считаетъ это тожество не подлежащимъ сомнѣнію и даже храмъ св. Іакова со всѣми находившимися тамъ мощами относить къ этому храму Верины вопреки ясному свидѣтельству Анонима-Кодина, по которому, какъ мы видѣли, храмъ св. Іакова находился близъ Халкопратійскаго храма, и показаніямъ древнѣйшаго устава Великой церкви, по которымъ храмъ св. Іакова находился «внутри Халкопратійскаго храма».

Мнѣ, напротивъ, кажется, что не Халкопратійскій храмъ слѣдуетъ считать тождественнымъ съ храмомъ Верины, а храмъ Богородицы ἐν τοῖς οὐρανοῖς: другими словами, въ названіи этого послѣдняго храма мы имѣемъ только неправильное чтеніе или написаніе названія того же храма Верины ³⁾. Принимая во вниманіе рукописныя разночтенія въ названіи

---

¹⁾ Въ Constantin. Christ. Du Sange'a Халкопратійскій храмъ въ числѣ храмовъ, посвященныхъ Богородицѣ, разсмотрѣнъ подъ № IX (lib. IV, p. 57 ed. Venet.), храмъ, построенный Вериною подъ № XI (p. 58), а храмъ ἐν οὐρανοῖς подъ № XXVIII (p. 62 b).

²⁾ Дюканжъ подъ № 11 приводитъ выписку изъ III новеллы Юстиніана, въ которой въ обязанности клиру св. Софіи ставится совершеніе богослуженій, кромѣ св. Софіи, еще въ храмахъ св. Ирины, св. Θεодора и храмѣ пресв. Богородицы, построенномъ Вериною, причемъ этотъ послѣдній храмъ называется лежащимъ въ сосѣдствѣ или смежности съ храмомъ св. Софіи (ὁ πρὸς τῷ ἀγιωτάτῃ Μεγάλῃ Ἐκκλησίᾳ γειτονήματι καίμενος φηκοδομήθη παρὰ τῆς εὐσεβοῦς τὴν λῆξιν Verίνης). На основаніи этого сосѣдства съ храмомъ св. Софіи, Дюканжъ заключаетъ, что храмъ, построенный Вериною, былъ тождественъ съ Халкопратійскимъ и относитъ къ храму, построенному Вериною, нѣкоторыя другія извѣстія, въ которыхъ говорится о храмѣ Богородицы, близкомъ къ св. Софіи, въ томъ числѣ извѣстіе Андрея Дандоло о перенесеніи мощей св. Симеона въ Венецію, хотя въ этомъ извѣстіи храмъ Богородицы, изъ котораго взяты мощи, называется только сосѣднимъ съ св. Софіею, безъ обозначенія его названія. А такъ какъ, по свидѣтельству Анонима-Кодина, мощи св. Симеона находились въ храмѣ св. Іакова, входившемъ въ составъ Халкопратійскаго храма, то въ извѣстіи Дандоло подъ храмомъ Богородицы нужно разумѣть Халкопратійскій храмъ, если, конечно, извѣстіе Анонима-Кодина вѣрно. Очень возможно, что проф. Н. Θ. Красносельцевъ былъ введенъ въ заблужденіе Дюканжемъ и, признавая храмъ, построенный Вериною, за Халкопратійскій, отнесъ извѣстіе Анонима-Кодина о мощахъ, хранившихся въ Халкопратійскомъ храмѣ (собственно въ храмѣ св. Іакова) къ храму, построенному Вериною, и помѣстилъ всѣ мощи, которыя, по словамъ Анонима-Кодина, находились въ Халкопратійскомъ храмѣ, въ храмѣ Богородицы, построенномъ Вериною, хотя нѣтъ ни одного указанія на то, что означенныя у Анонима-Кодина мощи находились въ храмѣ, построенномъ Вериною.

³⁾ Храмъ пресв. Богородицы „въ небесахъ“ упоминается у Анонима-Кодина и въ греч. минеяхъ. Въ изданіяхъ это мѣсто читается такъ: ὁ Ῥοδανὸς ἔκτισεν οἶκον, ὃς καλεῖται τὴ ἐν οὐρανοῖς: ἐστὶ δὲ τῆς Μαραίνης. Въ рукописи Анонима стоитъ in cod. Reg. 1: ὃς καλεῖται τῆς κοράνης (вѣроятно изъ βοράνης благодаря сходству въ написаніи κ и β);

храма ἐν τοῖς οὐρανοῖς, можно думать, что вмѣсто ἐν τοῖς οὐρανοῖς слѣдуетъ читать ἐν τοῖς Βερίνης, — νοῖς или ἐν τοῖς Οὐβέρinois, — ης, тѣмъ болѣе, что положеніе обоихъ этихъ храмовъ относительно храма св. Софіи одинаково, насколько можно судить по скуднымъ и неяснымъ указаніямъ. Въ пользу этого мнѣнія говорятъ, мнѣ кажется, какъ легкость искаженія непонятнаго для переписчиковъ: ἐν τοῖς Οὐβέρinois въ болѣе понятное: ἐν τοῖς οὐρανοῖς, такъ и то обстоятельство, что храмы въ Константинополѣ довольно часто обозначались подобнымъ образомъ, по именамъ своихъ строителей или владѣльцевъ тѣхъ мѣстъ, на которыхъ они были построены.

Признавая такимъ образомъ храмъ, построенный Веринюю, за тождественный съ храмомъ пресв. Богородицы ἐν τοῖς οὐρανοῖς, а не съ Халкопратійскимъ, мы тѣмъ самымъ исключаемъ изъ подлежащихъ нашему разсмотрѣнію извѣстій о мѣстѣ Халкопратійскаго храма всѣ тѣ, которыя относятся къ храму Верины или храму въ небесахъ и будемъ

---

in cod. Reg. 2 et Colb. ὅς κλειῖται εὐράνης (у В a n d u r i, Imper. Orient., Comment. p. 356). Въ рукописяхъ Кодина это мѣсто читается также различно; кромѣ вышеприведеннаго чтенія, которое, по словамъ Vanduri, Lambecius ex cod. Vat. reformavit, въ другомъ Ватик. кодексѣ читаемъ: ὁ Ροδανὸς ὀπισθεν τῆς ἁγίας σοφίας τὸ νῦν τοῦχρονον, ὅπερ καλεῖται τὰ Αὐγοράνης. Въ греч. мнѣняхъ подъ 9 дек. (зачатіе пресв. Богородицы) говорится, что въ этотъ день τελείται ἡ σύναξις ἐν τῷ σεβασμίῳ οἴκῳ τῆς Θεοτόκου τῷ ὄντι ἐν τοῖς οὐρανοῖς πλησίον τῆς ἁγιωτάτης ἐκκλησίας. Но и въ мнѣняхъ чтеніе ἐν οὐρανοῖς имѣетъ варианты. У Никодима въ Синаксаристѣ подъ 9 же декабря читается: ἐν τῷ σεβασμίῳ οἴκῳ τῆς Θεοτόκου, τῷ ὄντι ἐν τοῖς Εὐράνοῖς παρὰ τὴν ἁγιωτάτην Μεγάλην Ἐκκλησίαν (Н. Θ. К р а с н о с е л ь ц е в ѣ, Типикъ св. Софіи IX в., 43). Къ сожалѣнію, я не имѣю подъ руками Никодимова Синаксариста и не знаю, имѣются ли другія разночтенія въ названіи занимающаго насъ храма. Но и приведенныхъ разночтеній, полагаю, достаточно для того, чтобы чтеніе ἐν οὐρανοῖς считать довольно сомнительнымъ. Принимая во вниманіе, что храмъ Богоматери, построенный Веринюю, нигдѣ, кромѣ III повеллы Юстиніана, не упоминается, можно думать, что въ вышеприведенныхъ, очевидно, испорченныхъ рукописныхъ чтеніяхъ мы имѣемъ упоминанія объ этомъ храмѣ и что вмѣсто этихъ чтеній слѣдуетъ читать не ἐν οὐρανοῖς, какъ читалъ Ламбецій, а ἐν Οὐβέρinois или ἐν τοῖς Οὐβέρίνης, каковымъ способомъ часто обозначаются мѣста храмовъ и другихъ зданій какъ у Анонима-Кодина, такъ и въ Церковномъ уставѣ св. Софіи IX в. (ср. Н. Θ. К р а с н о с е л ь ц е в ѣ, ibid. 28 сл.).

Тождество этихъ храмовъ, кажется мнѣ, подтверждается и указаніями на мѣсто этихъ храмовъ. По III-й повеллѣ Юстиніана храмъ, построенный Веринюю, находился въ смежности съ св. Софіею, по Никодимову Синаксаристу онъ находился у (παρὰ) храма св. Софіи, а по Типику IX в. храмъ ἐν τοῖς οὐρανοῖς былъ ἐν τῷ ἐξαέρῳ св. Софіи, т.-е. на одной изъ площадокъ или дворовъ, окружавшихъ храмъ св. Софіи. По Ватик. рукописи домъ Родана, на мѣстѣ котораго былъ храмъ, находился ὀπισθεν τῆς ἁγίας Σοφίας, а такъ какъ переднюю часть храма св. Софіи можетъ считаться западный или южный фасадъ, обращенный на Августеонъ, то выраженіе „сзади“ можно понимать только въ смыслѣ сѣверной или восточной стороны храма св. Софіи, гдѣ, вѣроятно, и находился храмъ пресв. Богородицы, построенный Веринюю, т.-е. между св. Софіею и св. Ириною (Древнею).

принимать во вниманіе только тѣ, которыя относятся собственно къ Халкопратійскому храму.

Къ сожалѣнію, эти извѣстія такъ скудны и неопредѣленны, что на основаніи ихъ трудно указать съ желательною точностью мѣсто знаменитаго нѣкогда Халкопратійскаго храма. Наиболѣе надежнымъ источникомъ какъ по качеству, такъ и по количеству данныхъ о мѣстоположеніи Халкопратійскаго храма является Придворный уставъ Константина Багрянороднаго; но эти данныя однимъ изслѣдователямъ не были извѣстны (Дюканжъ), а другими, позднѣйшими (Лабартъ и Паспати), были поняты невѣрно и перетолкованы, вслѣдствіе чего Халкопратійскій храмъ помѣщаютъ совсѣмъ не тамъ, гдѣ слѣдуетъ искать его слѣдовъ и остатковъ, если таковыя имѣются.

Принимая во вниманіе, что Халкопратіи и Халкопратійскій храмъ находились недалеко отъ Базилики и принимая эту Базилику за зданіе сената, построенное Константиномъ на Августеонѣ, на югѣ отъ св. Софіи, Дюканжъ полагалъ, что Халкопратіи находились близъ св. Софіи около этой Базилики, не опредѣляя, однако же, положенія Халкопратійскаго храма относительно св. Софіи болѣе точнымъ образомъ и не указывая ему опредѣленнаго мѣста среди зданій, окружавшихъ св. Софію.

Гораздо дальше Дюканжа въ этомъ ложномъ направленіи пошли Лабартъ и Паспати, которые, принявъ положеніе Дюканжа, что Базилика есть сенатъ на Августеонѣ, стараются, на основаніи обрядовъ Константина Багрянороднаго, указать точно и опредѣленно положеніе Халкопратійскаго храма относительно св. Софіи.

Лабартъ въ своей книгѣ объ Императорскомъ дворцѣ въ Константинополѣ съ обычною увѣренностью въ несомнѣнности своихъ мнѣній и доказательствъ относительно Халкопратійскаго храма говоритъ ¹⁾: «Эта капелла находилась между сепатомъ и св. Софіею, какъ показываетъ Дюканжъ ссылкой на Теофана. Этотъ фактъ подтверждается книгою Церемоній (т.-е. Придворнымъ уставомъ Константина Багрянороднаго), изъ которой видно, что императоръ, послѣ молитвы въ этой капеллѣ, поднимался по деревянной лѣстницѣ въ катихуменіи св. Софіи. Въ другомъ случаѣ, послѣ молитвы въ храмѣ св. Маріи (т.-е. въ томъ же Халкопратійскомъ храмѣ), онъ спускался по деревянной лѣстницѣ и садился на лошадь въ портикѣ Forim'a, чтобы возвратиться во дворецъ. Эта деревянная лѣстница должна быть вѣнъ храма, на одной изъ сторонъ капеллы св. Маріи Халкопратійской. Мы уже говорили о дере-

---

¹⁾ Labarte, Le Palais imperial de Constantinople, Paris, 1866, 40.

вянной лѣстницѣ, по которой императоръ изъ своего дворца проходилъ въ катихуменіи Великой церкви. Деревянная лѣстница, упомянутая въ обоихъ этихъ случаяхъ, должна быть одна и та же, а отсюда видно, что храмъ св. Маріи Халкопратійской примыкалъ и къ храму св. Софіи и къ стѣнамъ дворца».

Паспати, принимая и повторяя эти аргументы Лабарта, находитъ доказательство близости Халкопратійскаго храма къ св. Софіи въ томъ, что Халкопратійскій храмъ служилъ основаніемъ для упомянутой у Лабарта деревянной лѣстницы, соединявшей дворцовыя зданія съ катихуменіями св. Софіи, такъ что безъ Халкопратійскаго храма между дворцовыми зданіями и св. Софіею трудно представить себѣ лѣстницу въ 33 метра, которые, по придуманному самимъ Паспати плану дворцовыхъ зданій, отдѣляли отъ нихъ храмъ св. Софіи ¹⁾).

Всматриваясь въ аргументы Лабарта, не допускающія, повидимому, никакихъ возраженій и сомнѣній, мы, при ближайшемъ изученіи ихъ, найдемъ очень слабыя пункты. Прежде всего Лабартъ совершенно неправильно подкрѣпляетъ свое мнѣніе о положеніи Халкопратійскаго храма у юго-восточнаго угла св. Софіи ссылкой на авторитетъ Дюканжа. Хотя знаменитый авторъ «Христіанскаго Константинополя» и неправильно принималъ Базилику за сенатъ, лежавшій на югъ отъ св. Софіи, тѣмъ не менѣе онъ не помѣщалъ Халкопратійскаго храма между сенатомъ и св. Софіею и вообще не указывалъ для этого храма опредѣленнаго мѣста, а говорилъ только, что онъ находился близъ храма св. Софіи, основываясь на словахъ Хронографіи Теофана, приведенныхъ нами выше и не дающихъ основанія для помѣщенія Халкопратійскаго храма въ какомъ-либо точно опредѣленномъ мѣстѣ.

---

¹⁾ Πασπάτης, Ἀνάκτορα, 84 сл., ср. приложенный къ книгѣ планъ, гдѣ противъ юго-восточнаго угла св. Софіи поставлено три храма рядомъ. Это Халкопратійскій храмъ съ храмами св. Раки и апостола Іакова. При составленіи своей статьи о Халкопратійскомъ храмѣ, помѣщенной во 2-мъ выпускѣ Лѣтописи Историко-Филологическаго Общества при Новороссійскомъ университетѣ, я имѣлъ неосторожность обратить вниманіе въ книгѣ г. Паспати только на тотъ отдѣлъ ея, который носитъ заглавіе: „Богородица Халкопратій“ (стр. 84—85) и не просмотрѣлъ слѣд. отдѣла: „крытая лѣстница“. Такъ какъ въ первомъ изъ указанныхъ отдѣловъ Паспати не связываетъ Халкопратійскаго храма съ храмомъ св. Софіи, а говоритъ только о положеніи ея у юго-восточнаго угла св. Софіи, то я счелъ долгомъ похвалить Паспати за это отступленіе отъ Лабарта, тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что такіе случаи представлялись мнѣ рѣдко и мнѣ гораздо чаще приходилось, особенно въ I кн. Вузантина, опровергать Паспати, чѣмъ соглашаться съ нимъ. Къ сожалѣнію, случай былъ неудаченъ: въ слѣдующемъ отдѣлѣ Паспати не только повторяетъ ошибки и натяжки Лабарта, но и старается ихъ подкрѣпить новыми доказательствами, которыя однако жъ доказываютъ только, какъ мало Паспати понималъ обряды Придворнаго устава.

Эту ложную ссылку Лабартъ старается подкрѣпить указаніями Придворнаго устава и приводитъ нѣсколько «случаевъ», будто бы доказывающихъ ложное мнѣніе, что Халкопратійскій храмъ не только примыкалъ къ храму св. Софіи, но и соединялся съ нимъ деревянною лѣстницею. Къ сожалѣнію, эти «случаи» представляютъ результатъ чистаго недоразумѣнія и, говоря откровенно, непониманія тѣхъ обрядовъ, изъ которыхъ берутся случаи. Не понявъ обрядовъ, Лабартъ, ничтоже сумняся, дѣлаетъ отъ себя небольшія, но очень важныя добавленія къ цитируемымъ текстамъ, совершенно незамѣтныя для незнакомыхъ съ Придворнымъ уставомъ, но существенно измѣняющія смыслъ словъ текста.

Приведенные Лабартомъ «случаи» взяты изъ обрядовъ богомольныхъ выходовъ въ Благовѣщеніе въ Халкопратійскій храмъ и не только не доказываютъ мнѣнія Лабарта и Паспати о положеніи Халкопратійскаго храма, а, напротивъ, ясно говорятъ, что Халкопратійскій храмъ находился совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ, на западъ отъ св. Софіи, хотя и близко отъ нея.

Какъ читатель увидитъ ниже изъ подробнаго изложенія и описанія выходовъ въ Благовѣщеніе и Рождеству Богородицы, въ эти праздники цари дѣлали выходъ въ храмъ св. Софіи по типу среднихъ выходовъ ¹⁾, и изъ св. Софіи шли съ своимъ синклитомъ чрезъ западныя врата и дворъ св. Софіи къ Милію, находившемуся около юго-западнаго угла двора (ατρίυμ, λουτήρ) св. Софіи ²⁾, а отъ Милія по Средней или Большой улицѣ къ форуму (Forum, ὁ φόρος) св. Константина, на западѣ отъ св. Софіи. Войдя на площадку храма св. Константина у его колонны, царь дожидался прибытія патріарха съ духовенствомъ и крестнымъ ходомъ. По совершеніи браткаго молебствія въ храмъ св. Константина прибывшимъ патріархомъ, царь съ своимъ синклитомъ шелъ опять раньше патріарха чрезъ антифоръ въ портикъ близъ дома Лавза, а оттуда уходилъ въ храмъ Халкопратійской Богоматери (Сегім. I, 30, 165).

Если въ Благовѣщеніе бывала дурная погода, т.-е. шелъ дождь, то царь и синклитъ отъ Милія шли не по срединѣ Большой улицы, ведшей отъ площади Августеона къ форуму Константина, а по портику, т.-е. подъ его кровлею, и, дойдя до фора Константина, шли не къ порфировой колоннѣ Константина и его храму, а къ зданію сената, находившемуся на сѣверной сторонѣ фора; съ прибытіемъ патріарха здѣсь,

¹⁾ Объ этихъ выходахъ см. мои Byzantina, II, 220 слѣд.

²⁾ О Миліи, лутирѣ и западныхъ вратахъ св. Софіи, см. тамъ же, 91 сл., ср. Указатель къ II кн. Byzantina.

въ здаіи сената, онъ служилъ краткое молебствіе, послѣ котораго царь съ своимъ сипклитомъ опять спускался (*κατέρχεται*) по тому же портику изъ дома Лавза, и здѣсь повернувъ налѣво, уходилъ въ Халкопратійскій храмъ (Сегім. I, 30, 169).

Дойдя до Халкопратійскаго храма, царь дожидался опять патріарха въ паронкѣ, затѣмъ встрѣчалъ прибывшаго съ крестнымъ ходомъ патріарха и вмѣстѣ съ нимъ совершалъ входъ въ Халкопратійскій храмъ обычнымъ порядкомъ. Послѣ возложенія апокомвія на св. престолъ этого храма, царь съ патріархомъ чрезъ лѣвую сторону его входилъ въ предѣльные храмы св. Раки и св. апостола Іакова, гдѣ также возлагалъ апокомвій на св. престолахъ, послѣ чего въ болѣе древнее время царь, возвратившись съ патріархомъ въ Халкопратійскій храмъ, или, точнѣе, въ его гинэконить, прощался здѣсь съ патріархомъ, и поднимался по деревянной лѣстницѣ изъ женской или сѣверной части храма въ катихуменіи, гдѣ слушалъ литургію, приобщался св. таинъ, а по окончаніи литургіи, «спускался или сходилъ по той же деревянной лѣстницѣ гинэконита лѣвой стороны и, сойдя по ступенямъ конхи въ дидаскаліи, выходилъ къ двери, ведущей къ портику, садился здѣсь на лошадь» и ѣхалъ верхомъ до Милія, гдѣ происходила первая встрѣча Венетовъ ¹⁾. Отъ Милія царь ѣхалъ во дворецъ чрезъ Халку, причемъ поворачивалъ направо, немного не доѣзжая до двора храма св. Софіи. Такимъ порядкомъ совершался выходъ въ Халкопратійскій храмъ, вѣроятно, до Льва VI, при которомъ пребываніе царя въ храмѣ сокращено: царь оставался въ храмѣ только до ектеніи, слѣдующей за евангеліемъ и послѣ ектеніи проходилъ чрезъ женскую, т.-е. сѣверную половину храма къ выходу, ведущему къ портику, гдѣ и садился на лошадь.

Въ виду того, что, по новому порядку, царь всей литургіи не слушалъ и св. таинъ не приобщался въ Халкопратійскомъ храмѣ, онъ въ катихуменіи не поднимался, а слушалъ евангеліе и ектенію, стоя въ тропикѣ, т.-е. преддверіи или паперти храма св. Раки, который этою тропикою соединялся и примыкалъ къ сѣверной сторонѣ Халкопратійскаго храма ²⁾. Въ остальномъ обрядъ совершался такъ же, какъ и прежде.

Изъ этого краткаго очерка выходовъ въ Благовѣщеніе и Рождество Богородицы каждый непредубѣжденный читатель заключить, что царь

¹⁾ Сегім. I, 30, 169; ср. I, 35, 185.

²⁾ Объ этихъ измѣненіяхъ обряда богомольныхъ выходовъ въ Благовѣщеніе и Рождество Богородицы сказано ниже, гдѣ подробно изложена процедура выходовъ по старому и новому порядку.

и патриархъ шли отъ св. Софіи на западъ къ фору Константина, а оттуда возвращались опять назадъ, чтобы достигнуть Халкопратійскаго храма, по той же улицѣ, а въ дурную погоду по тому же портику, по которому шли раньше, причемъ, дойдя до дома Лавза, поворачивали налѣво, чтобы войти въ Халкопратійскій храмъ. Ясно, значитъ, что Халкопратійскій храмъ находился между св. Софіею и форомъ Константина, налѣво отъ Большой или Средней улицы, если идти съ фора Константина къ св. Софіи, площади Августеону и Большому дворцу, и направо, если идти отъ этихъ пунктовъ къ фору Константина. Такъ какъ царь поворачивалъ налѣво для входа въ храмъ у дома Лавза, а по выходѣ изъ храма, сѣвъ на лошадь въ портикѣ, очень скоро подъѣзжалъ къ Милію, то, при болѣе точномъ опредѣленіи мѣста Халкопратійскаго храма, мы можемъ сказать, что онъ находился между Лавзомъ и Миліемъ и почти примыкалъ къ портику, окаймлявшему Большую улицу съ сѣверной стороны, тому самому, по которому царь шель въ дурную погоду отъ св. Софіи на фортъ Константина и по которому онъ съ фора опять спускался къ Халкопратійскому храму, а по выходѣ оттуда ѣхалъ до Милія на пути въ дворець ¹⁾. Судя по тому, что царь и патриархъ отъ Милія къ фору поднимается (*ἀνέρχεται*), а на возвратномъ пути отъ фора Константина къ Халкопратійскому храму опять спускается (*κατέρχεται*), можно думать, что Халкопратійскій храмъ находился или въ долинѣ ²⁾, отдѣлявшей два холма, изъ которыхъ на одномъ стояла св. Софія съ площадью Августеонъ и дворцомъ, а на другомъ фортъ Константина, или въ началѣ подъема изъ этой долины къ фору.

Во всякомъ случаѣ Халкопратійскій храмъ стоялъ дѣйствительно близко къ храму св. Софіи, какъ гласитъ хроника Теофана, и въ него можно было попасть изъ св. Софіи, а равно и изъ дворца и, наоборотъ, не заходя на фортъ Константина, какъ возвращался царь изъ Халкопратійскаго храма прямо во дворець и какъ ходилъ иногда патриархъ прямо изъ св. Софіи въ Халкопратійскій храмъ ³⁾.

¹⁾ О положеніи фора Константина относительно площади Августеона и св. Софіи см. выше, 48, а о соединявшихъ эти топографическіе пункты портикахъ ср. Byzantina, II, стр. XX.

²⁾ Объ этой долинѣ и подъемѣ почвы отъ нея къ фору опредѣленнѣе другихъ говоритъ Жилль въ Topogr. Constant. lib. I, c. VIII (у Banduri въ Imperium Orientale, ed. Venet. p. 286): ex prima promontorii planitie, in qua dixi Sophiae templum et Hippodromum esse, molle dorsum secundi collis mille passibus leniter ascenditur usque ad Columnam Purpuream (т. е. Константина).

³⁾ Въ своей статьѣ о Халкопратійскомъ храмѣ, названной выше, я высказалъ предположеніе, что Халкопратійскій храмъ находился въ долинѣ; но въ рецензіи

Такимъ образомъ, по топографическимъ даннымъ Придворнаго устава Константина Багрянороднаго, Халкопратійскій храмъ находился не на юго-восточномъ углу св. Софїи, а, наоборотъ, былъ на западъ отъ нея и ея двора (atrium), около юго-западнаго угла котораго, по всей вѣроятности, стоялъ Милїй,—ближайшїй пунктъ на пути царя изъ Халкопратїйскаго храма во дворецъ. Такъ какъ о мѣстѣ Милїя (τὸ Μίλιον, Milliage), представлявшемъ собою пунктъ, отъ котораго, подобно римскому milliage, считались мили по всѣмъ дорогамъ, шедшимъ изъ Новаго Рима въ разныя области имперїи, я уже имѣлъ случай говорить довольно подробно при изложенїи шествїя царя изъ Большаго дворца въ св. Софїю во время большихъ праздничныхъ выходовъ, то говорить здѣсь еще разъ объ этомъ топографическомъ пунктѣ было бы излишне ¹⁾.

Что касается до дома Лавза, у котораго царь сворачивалъ налѣво, идя съ фора Константина назадъ по портику, чтобы войти въ Халкопратїйскій храмъ, то мѣсто его довольно ясно опредѣляется шествїемъ царя. Домъ Лавза, находился, очевидно, между форомъ Константина и площадью Августеономъ и примыкалъ къ сѣверному портику Средней или Большой улицы ²⁾. На смежность его съ портикомъ указываютъ

на изслѣдованіе проф. Красносельцева о Типикѣ св. Софїи, въ виду того, что патріархъ, идя прямо изъ св. Софїи въ Халкопратїю, тоже ἀνέρχεται, я допускалъ возможность отодвинуть нѣсколько храмъ Халкопратїйскаго и помѣстить его на подъемѣ къ фору. Въ виду этого проф. Красносельцевъ написалъ мнѣ, что эта поправка, основанная на данномъ имъ чтенїи ἀνέρχεται, не нужна, такъ какъ онъ не ручается за правильность чтенїя ἀνέρχεται, вмѣсто чего можно, по его словамъ, читать и ἀπέρχεται. О хожденїи патріарха прямо (εὐθύς) въ Халкопратїйскаго храма и ненадобности заходить на фортъ Константина, см. изслѣдованіе Н. Θ. Красносельцева о Типикѣ и ср. мою рецензію въ Ж. М. Н. Пр. 1892, ноябрь. Такъ какъ точно указать мѣсто Халкопратїйскаго храма нельзя, то нельзя и сказать, насколько онъ близокъ къ храму св. Софїи, но, если онъ даже находился на половинѣ пути отъ св. Софїи къ фору, то все-таки его можно считать близъ лежащимъ и такое его положеніе не будетъ противорѣчить словамъ Хронографїи Теофана, особенно если принять во вниманїе, что храмъ св. Ирины называется не только лежащимъ близко, но и ближайшимъ къ храму св. Софїи.

¹⁾ См. Byzantina, II, 92 сл.

²⁾ Свѣдѣнія, сообщенныя византїйскими писателями о домѣ Лавза, собраны Дюканжемъ въ Constantin. Christiana, lib. II, p. 105 ed. Venet. кромѣ, конечно, тѣхъ данныхъ, которыя находятся въ Придворномъ уставѣ Константина Багрянороднаго и которыя вполне подтверждаютъ заключенїя Дюканжа о близости дома Лавза къ фору Константина и Средней улицѣ. Къ сожалѣнїю, Дюканжъ, не знавшїй Придворнаго устава и потому имѣвшїй смутныя понятїя о частяхъ Большаго дворца, смѣшиваетъ домъ Лавза, стоявшїй на Средней улицѣ, съ триклиномъ или палатою Лавзіакомъ, входившимъ въ составъ Большаго дворца и лежащимъ между Хрисотриклиномъ и Юстинїановою палатою (см. указатель къ I кн. Byzantina). По словамъ Анонима-Кодина домъ или дворецъ Лавза (τὰ Λαύσου) получилъ свое названїе отъ важнаго савонника, патріарха и препозита времени Аркадія, но первоначально домъ былъ по-

извѣстія о бывшихъ въ Константинополѣ въ разное время пожарахъ. Такъ, во время пожара въ царствованіе Фоки, сгорѣла Средняя улица отъ Лавза и Преторія до арки, стоявшей противъ фора Константина. При Василискѣ, въ 476 г., пожаръ, начавшійся въ Халкопратіяхъ, опустошилъ всю окрестность, въ томъ числѣ оба портика и Лавзъ, и дошелъ до фора Константина. Въ числѣ сгорѣвшихъ здѣсь зданій была и Базилика съ 120,000 книгъ ¹⁾).

Изъ этого послѣдняго извѣстія видно, что и Базилика, которую Дюканжъ считалъ возможнымъ приписать за одно зданіе съ сенатомъ, стоявшемъ на площадѣ Августеонѣ и которая дѣйствительно была близка къ Халкопратійскому храму, находилась не на югъ отъ св. Софіи, а на западъ около Милія, или, по выраженію Кодина, сзади Милія. Такимъ образомъ, и мѣстоположеніе Базилики и ея сосѣдство съ Халкопратійскимъ храмомъ не только не говоритъ въ пользу помѣщенія Халкопратійскаго храма у юго-восточнаго угла св. Софіи, а, напротивъ, заставляетъ помѣщать его на западъ отъ этого храма, тѣмъ болѣе, что съ сенатомъ, лежавшимъ на югъ отъ св. Софіи, Базилика ничего общаго не имѣетъ и едва ли не съ самаго начала служила для помѣщенія огромной библіотеки и высшей риторической и философской школы, въ которой подвизались знаменитые риторы.

Если, такимъ образомъ, ни обряды Придворнаго устава, ни другія

строены Константиномъ Великимъ въ числѣ 12 домовъ, построенныхъ имъ для сенаторовъ, перебравшихъ въ Новый Римъ (Anon. Antiquit. pars V, p. 12 у Banduri = Codini de signis, p. 37 Bonn.). Домъ Лавза отличался великолѣпной отдѣлкой и обиліемъ украшавшихъ его предметовъ искусства.

¹⁾ Chron. Paschale, I, 695 Bonn. Ср. Cedreni Hist. I, 616, гдѣ, между прочимъ, объ этомъ пожарѣ сказано: ἐν μέσφ τῶν Χαλκοπρατείων ἀρξάμενος αὐτάς τε ἀνάλωσεν ἄμφω τὰς στοάς καὶ τὰ προσεχῆ πάντα τήν τε καλουμένην Βασιλικήν, ἐν ἣ ἀπέκειτο βιβλιοθήκη, ἔχουσα βιβλίους μυριάδας δώδεκα κτλ. Ср. приведенное у Du Cange's Const. Christ. lib. II, p. 119 изъ Зонары: οἶκος δ' ἦν ἐν τῇ καλουμένῃ Βασιλικῇ ἔγγιστα τῶν Χαλκοπρατείων βασιλείος, ἐν ᾧ καὶ βιβλίοι πολλοὶ ἐναποκεῖνται. Codini de signis, p. 89 Bonn.: ἐν αὐτῇ τῇ βασιλικῇ χρυσορόφφ ὀπίσω τοῦ Μιλίου κτλ.

Къ сожалѣнію, Дюканжъ въ главѣ о сенатѣ смѣшивалъ не только эту Базилику съ сенатомъ, но и оба зданія сената, изъ которыхъ одно находилось дѣйствительно на югѣ отъ св. Софіи, а другое на форѣ Константина, считалъ за одно и то же зданіе и даже утверждалъ, что зданіе сената на форѣ Константина не упоминается у средне-вѣковыхъ писателей. Но уже Бандурн справедливо замѣтилъ, что Дюканжъ въ этомъ случаѣ ошибается, и указалъ (Imper. Orientale, Comment. p. 473 Venet.), что уже въ древнемъ описаніи Константинополя по регионамъ (см. у Дюканжа въ Const. Christ. p. 56) Базилика помѣщается въ 4 регионѣ наряду съ Millium (Milliare augeum) и площадью Августеономъ, между тѣмъ какъ зданія сената перечисляются одно въ шестомъ, а другое во второмъ регионѣ. Не менѣе ошибочно и то, что сенатъ на форѣ Константина не упоминается у средне-вѣковыхъ писателей: онъ не только упоминается, но и прямо называется сенатомъ фора.

извѣстія и данныя относительно мѣста Халкопратійскаго храма не говорятъ въ пользу помѣщенія его у юго-восточнаго угла св. Софіи, то на какомъ же основаніи Лабартъ и Паспати помѣщали здѣсь этотъ храмъ? Они говорятъ съ такою увѣренностью въ справедливости своихъ соображеній, что безъ разбора ихъ основаній вышеизложенныя доказательства того, что Халкопратійскій храмъ находился на западъ, а не на востокъ отъ св. Софіи, будутъ не полны, и у читателя можетъ остаться сомнѣніе относительно несостоятельности доводовъ названныхъ ученыхъ, тѣмъ болѣе, что оба они пользуются заслуженною извѣстностію, а Паспати посвятилъ топографіи и археологіи средневѣковаго Константинополя нѣсколько изслѣдованій и считается однимъ изъ лучшихъ знатоковъ этого отдѣла византійской археологіи.

Въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ тѣми свойствами этихъ ученыхъ, на которыя я указывалъ во введеніи къ I кн. *Byzantina* и которыя доказалъ многими примѣрами при изложеніи топографіи Большаго дворца. Я разумѣю самоувѣренное и безцеремонное обращеніе съ источниками Лабарта и некритичность Паспати. Благодаря этимъ свойствамъ, сомнительное предположеніе Дюканжа о тождествѣ Базилики съ сенатомъ превратилось въ несомнѣнную истину и къ ней приспособлены показанія Придворнаго устава.

Дѣло въ томъ, что въ Придворномъ уставѣ два раза упоминается деревянная лѣстница, по которой царь, идя въ храмъ св. Софіи крытыми дворцовыми переходами, изъ этихъ переходовъ прямо поднимается въ катихуменіи св. Софіи ¹⁾. Въ Благовѣщенскомъ обрядѣ выходовъ въ Халкопратійскій храмъ также упоминается деревянная лѣстница, по которой царь, какъ мы видѣли, изъ сѣверной женской части храма поднимается въ катихуменіи. Лабартъ, а за нимъ Паспати, заключаютъ: 1) что деревянная лѣстница, ведшая изъ переходовъ дворца, и деревянная лѣстница Халкопратійскаго храма одна и та же; 2) что царь изъ Халкопратійскаго храма уходилъ по деревянной лѣстницѣ въ катихуменіи не Халкопратійскаго храма, а св. Софіи; потому Лабартъ безъ всякой оговорки и прибавилъ въ цитатѣ изъ Благовѣщенскаго обряда къ слову «катихуменіи» слова «св. Софіи», совершенно извращая, такимъ образомъ,

---

¹⁾ Объ этой лѣстницѣ, ведшей изъ верхнихъ переходовъ Магнавры въ катихуменіи св. Софіи, см. мои *Byzantina*, I, 121. Случай шествія царя въ храмъ по этой лѣстницѣ изъ дворца и обратно изложены въ *Byzantina*, II, 134, 238 и 245. Царь ходилъ по этой лѣстницѣ, когда шелъ въ храмъ св. Софіи „тайно“, т.-е. не парадно, кратчайшимъ путемъ въ сопровожденіи ближайшихъ чиновъ кувукліа и своей военной свиты.

смыслъ обряда, а Паспати, не сомнѣвающійся въ томъ, что царь уходилъ въ катихуменіи св. Софіи, видитъ подтвержденіе этого въ томъ, что царь стоялъ тамъ «во время совершенія литургіи», какъ будто царь не могъ стоять во время литургіи ни въ какомъ другомъ храмѣ, кромѣ св. Софіи, и какъ будто въ Халкопратійскомъ храмѣ нельзя было совершать литургію. Для того, чтобы показать тожество деревянной лѣстницы, ведшей изъ діаватика или переходовъ дворца въ катихуменіи св. Софіи, съ деревянною лѣстницею Халкопратійскаго храма, Паспати приводитъ цитаты изъ Благовѣщенскаго обряда, въ которыхъ говорится о катихуменіяхъ Халкопратійскаго храма, рядомъ съ цитатами изъ Крестовоздвиженскаго обряда и Недѣли Православія, въ которыхъ говорится дѣйствительно о деревянной лѣстницѣ, ведшей изъ дворцовыхъ переходовъ въ катихуменіи св. Софіи. Паспати, такимъ образомъ, подтасовкою цитатъ достигаетъ того, чего Лабартъ достигъ прибавкою нѣсколькихъ словъ. Для знакомаго съ цитуемыми обрядами и манерою Паспати валить въ одну кучу такой матеріалъ, который на самомъ дѣлѣ ничего не имѣетъ между собою общаго, такая подтасовка сразу очевидна и только убѣждаетъ еще лишній разъ, что Паспати частенько выписывалъ цитаты, не понимая тѣхъ обрядовъ, изъ которыхъ онъ ихъ бралъ. Но для мало знакомыхъ съ обрядами и склонныхъ вѣрить цитатамъ, которыя всѣ приведены подъ видомъ выписокъ изъ Благовѣщенскаго обряда, эти выписки могутъ показаться убѣдительными, какъ и самоувѣренныя прибавки Лабарта, тѣмъ болѣе, что эта подтасовка и прибавки дѣлаются безъ всякихъ оговорокъ и поясненій. Въ виду этого считаю долгомъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній.

1) Нѣтъ никакихъ резонныхъ основаній считать деревянную лѣстницу Халкопратійскаго храма за тожественную съ таковою же лѣстницею изъ переходовъ дворца въ катихуменіи св. Софіи. Если была деревянная лѣстница изъ дворцовыхъ переходовъ въ катихуменіи св. Софіи, то могла быть таковая же и въ другихъ общественныхъ и частныхъ зданіяхъ, и было бы нелѣпо думать, что во всѣхъ общественныхъ зданіяхъ средневѣковаго Константинополя деревянная лѣстница была только одна, изъ переходовъ дворца въ катихуменіи св. Софіи. Если въ обрядахъ Константина Багрянороднаго упоминаются только двѣ деревянные лѣстницы, то это совершенно случайно и происходитъ отъ того, что только эти двѣ деревянные лѣстницы играли роль въ дошедшихъ до насъ обрядахъ, какъ такія части зданій, по которымъ проходилъ царь. Если мы на основаніи матеріала или способа постройки лѣстницъ будемъ всѣ одинаковыя лѣстницы относить къ одному зданію, хотя бы

онѣ упоминались въ другихъ, то мы дойдемъ до совершенно невѣроятныхъ абсурдовъ.

2) Еще менѣе основаній думать, что царь, возложивши апокомвій въ Халкопратійскомъ храмѣ и его придѣлахъ, уходилъ для слушанія литургіи въ катихуменіи св. Софіи, какъ хотятъ убѣдить насъ Лабартъ и Паспати. Съ такимъ же точно правомъ и относительно другихъ многихъ храмовъ, городскихъ и пригородныхъ, въ которые царь дѣлалъ богомольные выходы и выѣзды, можно утверждать, что, по возложеніи на престолъ апокомвія, онъ уходилъ изъ нихъ въ катихуменіи св. Софіи, такъ какъ царь обыкновенно уходилъ для слушанія литургіи въ другихъ храмахъ, кромѣ св. Софіи, въ катихуменіи того храма, въ которомъ онъ находился. Но такъ какъ для всякаго, не лишеннаго смысла и не одержимаго предвзятыми мнѣніями, и безъ специальныхъ указаній ясно, что царь, возложивши апокомвій на престолъ того или другого храма, уходилъ въ катихуменіи именно этого храма, если это былъ храмъ, а не евктирій, то въ обрядахъ обыкновенно просто говорится, что царь уходилъ въ катихуменіи, безъ обозначенія или повторенія названія храма. Точно также сказано въ обрядѣ Благовѣщенскаго выхода и относительно катихуменій Халкопратійскаго храма безъ повторенія названія храма.

3) Лабартъ и Паспати смѣшиваютъ, какъ было уже сказано, форъ Константина съ площадью Августеонъ и помѣщаютъ колонну Константина на Августеонѣ, такъ что и самое шествіе царя и патріарха изъ св. Софіи въ Халкопратійскій храмъ представляютъ себѣ въ совершенно превратномъ видѣ.

4) Вся эта путаница произошла, очевидно, отъ того, что оба ученые брали свои цитаты безъ яснаго пониманія тѣхъ обрядовъ, къ которымъ эти цитаты относятся, вслѣдствіе чего для нихъ явилась возможнымъ сопоставлять такія мѣста, которыя между собою не имѣютъ ничего общаго, кромѣ деревянной лѣстницы. Ложные и совершенно превратные выводы обоихъ ученыхъ относительно мѣста Халкопратійскаго храма, какъ и фора Константина, еще одинъ разъ показали, какъ опасно изъ обрядовъ Придворнаго устава брать отдѣльныя мѣста, безъ предварительнаго изученія и сопоставленія однородныхъ обрядовъ. Какъ у Лабарта, такъ и у Паспати, особенно у послѣдняго, такія выписки изъ непонятыхъ обрядовъ были причиною множества явныхъ и неглыхъ ошибокъ. На первый взглядъ такія крупныя и очевидныя ошибки въ книгѣ археолога, спеціально занимавшагося и писавшаго по топографіи Константинополя, кажутся даже невѣроятными, и только частое повто-

реніе ихъ убѣждаетъ въ необходимости признать ихъ и въ то же время заставляетъ, вопреки желанію, произносить строгій приговоръ и говорить о непониманіи тѣхъ мѣстъ, на которые авторы ссылаются, какъ на несомнѣнныя доказательства своихъ положеній. Позволяю себѣ надѣяться, что и читатель, познакомившись съ нижеизложенными обрядами выходовъ въ Благовѣщеніе и Рождество Богородицы, придетъ къ такому же заключенію и извинитъ длинныя разсужденія о такихъ предметахъ, которыя были бы сами по себѣ ясны, если бы ихъ не затемнили неправильныя толкованія вышеназванныхъ ученыхъ.

Крестный ходъ, совершавшійся въ Рождество Богородицы и Благовѣщеніе изъ св. Софіи въ храмъ пресв. Богородицы Халкопратійской чрезъ форъ Константина, начинался выходомъ царя съ синклитомъ въ св. Софію. Выходъ этотъ совершался до Халки тѣмъ же путемъ, какъ въ большіе Господніе праздники, но отъ Халки царь шель не чрезъ большія ворота Халки, а чрезъ малыя желѣзныя ворота и Хитъ Халки, приводившій прямо къ св. Кладезю и южнымъ вратамъ храма св. Софіи. Путь въ св. Софію, такимъ образомъ, нѣсколько сокращался. Сокращалось сравнительно съ выходами въ большіе Господніе праздники и число встрѣчъ или приемовъ (*αἱ δοχαί*) какъ со стороны чиновъ синклита (не было отдѣльнаго ввода высшихъ чиновъ въ Золотую Руку), такъ и со стороны димовъ Инподрома ¹⁾). Приемы димовъ, кромѣ того, ограничивались чтеніемъ ямбовъ и не сопровождались пѣснопѣніями и славословіями въ обычныхъ мѣстахъ на пути шествія царя въ св. Софію. Царь, облачившись въ Октагонѣ въ хламиду, не надѣвалъ здѣсь короны (*στέρμα*), а шель до храма св. Софіи въ томъ головномъ уборѣ, въ которомъ выходилъ изъ Хрисотриклина, т.-е. въ шапкѣ. По всѣмъ этимъ признакамъ и отличительнымъ чертамъ выходовъ въ храмъ св. Софіи въ Рождество Богородицы и Благовѣщеніе мы отнесли ихъ къ среднимъ выходамъ и разсматривали, наряду съ подобными выходами въ другіе нѣкоторые праздники, какъ особый типъ царскихъ богомольныхъ выходовъ въ храмъ св. Софіи, причемъ были указаны и отмѣчены всѣ, извѣстныя намъ, отступленія и сокращенія сравнительно съ большими выходами ²⁾).

¹⁾ Къ сказанному въ Byzantina, II, 221—222 о томъ, что при среднихъ выходахъ приема высшихъ чиновъ въ Золотой Рукѣ не бывало, необходимо прибавить замѣтку, сдѣланную при составленіи и редакціи Устава, въ обрядѣ Крестопоклоннаго воскресенія (I, 29, 161: *ἤνικα κητέλαβεν ὁ χαῖρος, ἐξήρχοντο οἱ δεσπότες καὶ ἐδέχοντο αὐτοὺς οἱ πατρίκιοι εἰς τὸν Ὀνόποδα, οὐχὶ δὲ ἐνδὸν τοῦ πορτικῶδ* (Золотой Руки), *εἰς τὸν Αὐγουστέα*. Относительно портика Августея, называвшагося Золотой Рукою, см. мои Byzantina, I, 107.

²⁾ Byzantina, II, 221—224.

Такъ какъ, за исключеніемъ этихъ сокращеній и особенностей, средніе выходы до Халки совершались такъ же, какъ и большіе, подробно описанные во 2 и 3 гл. II кн. Byzantina, то я считаю излишнимъ излагать здѣсь выходъ царя съ синклитомъ въ св. Софію, чтобы не повторять сказаннаго въ указанныхъ главахъ II кн. Мы можемъ прямо начать съ того момента, когда кончается выходъ въ св. Софію и начинается крестный ходъ изъ храма св. Софіи въ храмъ Халкопратійскій, т.-е. съ выхода царя и патріарха изъ алтаря на солею, чтобы начать отсюда крестный ходъ.

Но прежде, нежели мы приступимъ къ изложенію обряда, необходимо замѣтить, что какъ царь, такъ и чины совершали выходъ въ св. Софію, а отсюда въ Халкопратійскій храмъ, въ парадныхъ облаченіяхъ, хотя и не самыхъ великолѣпныхъ. Судя по перечню парадныхъ выходныхъ облаченій въ гл. 37, I кн. Придворнаго устава, царь въ оба эти праздника облачался въ красные дивитисіи и соотвѣтствующія имъ хламиды (*διβητήσια πορφύρα καὶ τὰς τούτων χλαμύδας*). Въ виду такого облаченія царя можно было бы ожидать, что и чины въ оба праздника облачались въ одежды такого же цвѣта ¹⁾, но въ Благовѣщенскомъ обрядѣ (I, 30, 162) мы, напротивъ, находимъ замѣчаніе, что въ этотъ праздникъ, патріархи облачаются въ бѣлыя хламиды съ ярко-пурпурными нашивками (въ этотъ праздникъ хламидъ съ золотоканнми нашивками не носятъ) ²⁾. Точно также и весь синклитъ облачается въ бѣлыя хламиды, а препозиты съ чинами кувуклія облачаются такъ, какъ «установлено для нихъ». Весьма возможно, что эта разница въ цвѣтѣ обла-

¹⁾ Относительно цвѣта облаченій царя и чиновъ въ большіе Господніе и другіе праздники, ср. Byzantina, II, 42—43.

²⁾ Cerim. I, 30, 162: *ἀλλάσσοσι οἱ μὲν πατρίκοι χλαμίδια λευκά, ἔχοντα ταβλία ἀπὸ ὀξέων, (ἐν γὰρ ταύτῃ τῇ ἑορτῇ οὐ φοροῦσιν τὰ ὑπὸ χρυσοκλάβων ταβλίων χλαμίδια)*... Въ этомъ мѣстѣ мы имѣемъ интересную замѣтку относительно, такъ сказать, степени парадности облаченія чиновъ. Хотя въ Благовѣщеніе, какъ и въ большіе Господніе праздники, выходъ совершался въ парадныхъ облаченіяхъ, но, однако, не самыхъ роскошныхъ и дорогихъ, а нѣсколько болѣе простыхъ, чѣмъ въ большіе Господніе праздники. Оттѣнокъ парадности заключается въ томъ, что нашивки на хламидахъ, надѣвавшихся въ Благовѣщеніе, были не золотоканнныя, а простыя пурпурныя, не вышитыя золотомъ. Цвѣтъ нашивокъ выражается словомъ *ἀπὸ ὀξέων*. Къ сожалѣнію, точное значеніе этого слова опредѣлить трудно. Дюканжъ s. v. *ὀξύς* переводитъ этотъ терминъ посредствомъ лат. *violaceus*, но изъ приведенныхъ имъ мѣстъ не видно, что *ὀξύς* выражало именно этотъ оттѣнокъ пурпурнаго цвѣта. Такъ какъ *ὀξύς*, острый, въ цвѣтовомъ смыслѣ означаетъ: рѣзкій, яркій, блестящій, а въ соединеніи съ *πορφύροδς* рѣзко-ярко-пурпуровый, то, по выраженію Reiske (Comment. 555, ср. 228 и 753), *peragrium est dicere, quem colorem voce ὀξύς significant, rubrum ne an violaceum*. Можно только сказать, что *ὀξύς* означаетъ яркость, рѣзкость цвѣта или оттѣнка пурпура, но какого именно, сказать трудно: можетъ быть пурпурнаго, краснаго, а, б. м., фіолетоваго, такъ какъ пурпурный цвѣтъ имѣлъ разные оттѣнки.

ченія царя и чиновъ въ одинъ и тотъ же праздникъ только кажущаяся и должна быть объясняема тѣмъ, что показанія вышеуказанныхъ мѣстъ Придворнаго устава относятся къ разнымъ эпохамъ. Такъ какъ специальный Благовѣщенскій обрядъ, какъ мы увидимъ, принадлежитъ къ болѣе древнимъ обрядамъ, чѣмъ обрядъ Рождества Богородицы (I, 1, 26—33) и перечень облаченій (I, 37, 187 и слѣд.), то, быть можетъ, разницу въ показаніяхъ обрядовъ относительно цвѣта облаченій царя и чиновъ синклита слѣдуетъ объяснять разностью во времени и полагать, что во время составленія Благовѣщенскаго обряда всѣ облачались въ бѣлыя одежды, а потомъ стали облачаться въ красныя. Этотъ послѣдній обычай и отмѣченъ въ перечнѣ облаченій при обрядѣ Рождества Богородицы, вошедшемъ въ составъ общаго обряда, т.-е. 1 гл. I кн., при редакціи Придворнаго устава. Въ пользу такого именно толкованія указанной разности говоритъ и то обстоятельство, что въ концѣ обряда Крестопоклоннаго воскресенія (I, 29, 161), предшествующаго Благовѣщенскому обряду, замѣчено, что «въ древнія времена въ праздникъ Благовѣщенія сановники облачались въ консисторіи въ бѣлыя хламиды». Ясно, что во время написанія этой замѣтки чины облачались не въ бѣлыя облаченія, а въ красныя (*πορφύρα*), какъ видно изъ цвѣта царскаго облаченія ¹⁾.

Переходя затѣмъ къ описанію крестнаго хода изъ св. Софіи въ Халкопратійскій храмъ, совершавшагося въ Благовѣщеніе и Рождество Богородицы, считаю необходимымъ замѣтить, что какъ выходы въ эти

---

¹⁾ Замѣтка эта относительно облаченія въ Благовѣщеніе прибавлена къ обряду Крестопоклоннаго воскресенія и отнесена къ 29 главѣ, хотя, по содержанію своему, эта замѣтка принадлежитъ къ слѣдующей, 30, гл., въ которой трактуется о томъ, „что нужно соблюдать, если праздникъ Благовѣщенія пресв. Богородицы случится въ воскресенье средней недѣли“. Потому глава 30 должна начинаться раньше, съ начала этой замѣтки: *ἵστεον, ὅτι κτλ.* (I, 29, 161, строка 18), въ которой говорится о нѣкоторыхъ деталяхъ Благовѣщенскаго выхода, если Благовѣщеніе случится въ воскресенье вообще. За этой замѣткой слѣдуетъ другая замѣтка, начинающаяся также съ *ἵστεον* и служащая какъ бы введеніемъ къ самому обряду. Между этими двумя замѣтками помѣщено заглавіе 30 главы, содержащей описаніе выхода въ Благовѣщеніе, если оно случится въ Крестопоклонное воскресенье. Но такъ какъ обрядъ и начинается именно описаніемъ того дѣйствія, которое совершалось въ Благовѣщеніе, если оно приходилось въ Крестопоклонное воскресенье, то во второй (вводной) замѣткѣ и надобности вовсе не было: она только повторяетъ заглавіе 30 главы и вставлена, очевидно, какъ и первая замѣтка, при редакціи сборника специальныхъ обрядовъ. Это видно, какъ изъ характера этихъ замѣтокъ, такъ и изъ того, что Благовѣщенскій обрядъ въ своемъ прежнемъ видѣ начинается словами, которыми начинаются многіе другіе обряды: *προέρχονται ἅπαντες ἐννόμοι ἐν τῇ παλατίῳ καὶ ἀλλὰσσοσιν κτλ.* Ср. I, 10, 71; I, 11, 86; I, 14, 91; I, 15, 96; I, 16, 98; I, 18, 109; I, 19, 114; I, 22, 124; I, 23, 128; I, 26, 143; I, 29, 161; I, 32, 171; I, 38, 191; I, 61, 277 и др.

праздники изъ Дворца, точнѣе изъ Хрисотриклина въ св. Софію, такъ и шествіе изъ этого храма до храма св. Константина у колонны этого царя на форѣ, носившемъ его же имя, совершались совершенно такъ же, какъ выходы и крестные ходы въ храмъ св. Апостоловъ въ понедѣльникъ Пасхальной недѣли и другіе праздники, въ которые византійскіе цари дѣлали выходы въ храмъ св. Апостоловъ, пока эти выходы не замѣнены были выѣздами. Потому обрядъ понедѣльника Пасхальной недѣли (I, 10, 71 и слѣд.) до молебствія въ храмъ св. Константина включительно можетъ и долженъ приниматься во вниманіе при описаніи выхода въ Благовѣщеніе и Рождество Богородицы, какъ совершенно параллельный съ обрядами этихъ Богородичныхъ праздниковъ.

Такой же параллельный обрядъ мы имѣемъ въ II, 19, 607 и слѣд., гдѣ описать триумфъ царя надъ побѣжденными врагами, совершавшійся на форѣ Константина, для чего сначала дѣлался выходъ въ храмъ св. Софіи по типу среднихъ выходовъ, а изъ св. Софіи крестный ходъ на форѣ Константина, совершенно такой же, какъ въ Благовѣщеніе, Рождество Богородицы и понедѣльникъ Пасхальной недѣли, съ тою только разницею, что крестный ходъ доходилъ только до колонны Константина.

По всѣмъ этимъ четыремъ обрядамъ, цари съ синклитомъ, совершивъ выходъ въ св. Софію по типу среднихъ выходовъ, послѣ кажденія вокругъ св. престола, уходили не въ мутаторій, какъ въ большіе Господни праздники, а становились съ патріархомъ опять предъ св. престоломъ со стороны среднихъ св. вратъ алтарной преграды, и архиѳіаконъ возгласомъ начиналъ литію или молебствіе крестнаго хода, т.-е. возглашалъ: «Благослови, владыко!» Патріархъ, послѣ обычнаго: «Благословенъ Богъ нашъ», читалъ молитву. По окончаніи краткаго молебствія, царь съ патріархомъ выходили на солею, причемъ впереди ихъ несли крестъ и евангеліе ¹⁾. При выходѣ на солею, царь бралъ у препозита молебственную свѣчу (*κηρίον λιτανίον*), т.-е. свѣчу, приспособленную для крестныхъ ходовъ (*λιτή*) ²⁾. Подобныя же свѣчи брали и возжигали участвовавшіе въ крестномъ ходѣ чины царскаго синклита и, при пѣніи тро-

¹⁾ Этотъ моментъ, т.-е. начало крестнаго хода, послѣ кажденія св. престола, подробнѣе всего описанъ въ I, 1, 28, гдѣ сказано, что выходятъ изъ алтаря царь съ патріархомъ не только послѣ возгласа архиѳіакона и молитвы патріарха, но καὶ τὰ ἐξῆς τῆς ἐκκλησιαστικῆς καταστάσεως γενομένης πάσης. Въ I, 10, 74 и I, 30, 164 о пребываніи царя въ алтарѣ говорится очень кратко и о моленіи не упоминается.

²⁾ Относительно восковыхъ свѣчъ, снабженныхъ рукояткою и розеткою для того, чтобы во время шествія подъ открытымъ небомъ можно было удобно держать ихъ и чтобы воскъ не капалъ на руки и платье, см. моя Byzantina, II, 241, прим. 2.

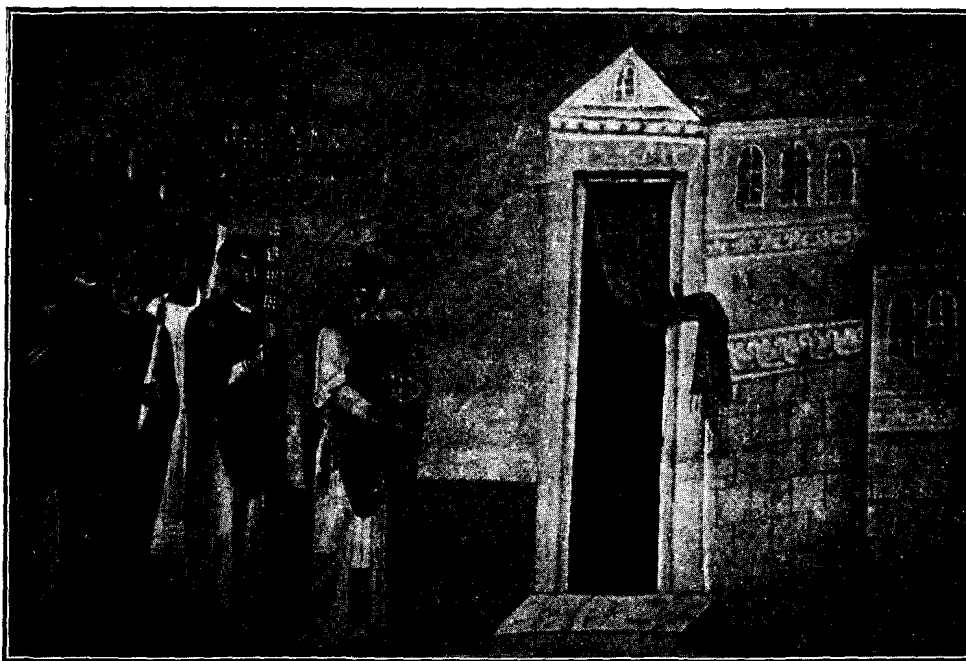

Рис. 19. Миниатюра Ватиканскаго минологія (26 окт.).

пара празднику пѣвчими, стоявшими на амвонѣ ¹⁾), направлялись впереди царя, въ іерархическомъ порядкѣ, къ выходу, т.-е. къ западнымъ вратамъ. За ними слѣдовали царь съ патриархомъ, предшествуемые крестомъ и евангелиемъ, изъ которыхъ первый несомъ былъ особымъ крестоносцемъ (*σταυροφόρος*), а второе архидиакономъ.

Пройдя по срединѣ храма за амвонъ, царь и патриархъ останавливались между амвономъ и западными вратами, оборачивались къ алтарю, патриархъ читалъ еще молитву и совершалось опять краткое молебствіе, причемъ крестъ и евангеліе ставились предъ царемъ и патриархомъ ²⁾).

¹⁾ Тропарь Благовѣщенія обозначенъ въ Благовѣщенскомъ обрядѣ (I, 30, 164) начальными словами: *Σήμερον τῆς σωτηρίας ἡμῶν τὸ κεφάλαιον...*, т.-е. Днесь спасенія нашего главизна... Тропарь, значитъ, пѣлся въ Благовѣщеніе тотъ самый, который и теперь поется. Тропарь на Рождество Богородицы не обозначенъ. Теперь въ Рождество Богородицы поется тропарь: Рождество Твое, Богородице Дѣво...

²⁾ Первые моменты крестнаго хода подробнѣе, нежели въ Благовѣщенскомъ обрядѣ (I, 30, 164), описаны въ обрядѣ Рождества Богородицы (I, 1, 28). Здѣсь упоминается второе краткое молебствіе между амвономъ и западнымъ вратами (*γίνεται καθεύε εὐχὴ κατὰ τὴν ἐκκλησιαστικὴν ἀκολουθίαν*), между тѣмъ какъ въ Благовѣщенскомъ обрядѣ (ср. I, 10, 74) сказано короче, что царь и патриархъ шли съ соеи прямо къ западнымъ или царскимъ вратамъ. Возможно, впрочемъ, что иногда дѣйствительно такъ и бывало. О пѣніи тропаря сказано въ Благовѣщенскомъ обрядѣ, а въ обрядѣ Пасхальнаго понедѣльника указано, что его начинаютъ пѣть пѣвчіе на амвонѣ (I, 10, 74, ср. II, 19, 609). Хотя въ обрядахъ не указано, кто несетъ крестъ, тѣмъ не менѣе можно сказать навѣрное, что крестъ несъ „крестоносецъ“, такъ какъ особыя церковно-

Рис. 20. Миниатюра Ватиканского минологія (26 янв.).

служители, называвшіеся крестоносцами и носившіе крестъ въ крестныхъ ходахъ, существовали въ западной и восточной церкви съ IV в., хотя въ западной церкви они назывались, подобно военнымъ знаменосцамъ, драконаріями (*dracoparii*, собственно носители знаменъ съ изображеніемъ драконовъ). Такой „крестоносець“ изображенъ въ минологіи Василія подъ 26 окт. (ed. Albanі, I, p. 145) и 26 янв. (*ibid.* II, p. 137), гдѣ изображены и кресты, которые носились въ процессіяхъ. Это—большіе, богато украшенные кресты съ длинной рукояткой, которую крестоносець держитъ въ обѣихъ рукахъ (Kraus, *Realencykl. d. christl. Alterthümer*, s. v. *Dracoparius* и *σταυροφόροι*). Въ Придворномъ уставѣ такіе процессуальные кресты называются *σταυροί λιτανικοί*, а носящіе ихъ служители иподіаконами (I, 20, 120; I, 21, 123). На миниатюрахъ подъ 26 окт. и 26 янв. (рис. 19. 20) представлены процессіи или крестные ходы, установленные въ воспоминаніе большихъ землетрясеній. Вѣдь, 26 окт. во главѣ процессіи идетъ патриархъ съ евангеліемъ и кадиломъ, за нимъ крестоносець и духовенство. Подъ 26 янв. патриархъ съ царемъ идетъ по срединѣ процессіи; впереди ихъ крестоносець и духовенство, а сзади чины царскаго синклита. Въ обоихъ случаяхъ патриархъ идетъ съ евангеліемъ и кадиломъ, что несогласно съ даннымъ въ текстѣ описаніемъ, по которому евангеліе несетъ впереди архидіаконъ. Не знаю, насколько точно передаютъ подробности крестнаго хода миниатюры минологія, но въ занимающихъ насъ обрядахъ Придворнаго устава прямо сказано, что царь и патриархъ идутъ съ соли къ западнымъ вратамъ, *προπορευομένων αὐτῶν τοῦ τε σταυροῦ καὶ τοῦ εὐαγγελίου* (I, 1, 28), а такъ какъ евангеліе носится предъ патриархомъ обыкновенно архидіакономъ, то и въ моемъ описаніи названъ архидіаконъ (ср. I, 1, 14: *цари προσκυνοῦσι τὸ ἅγιον εὐαγγέλιον βασταζόμενον ὑπὸ τοῦ ἀρχιδιακόνου*). Но въ дальнѣйшей процессіи евангеліе, вѣроятно, несетъ, хотя, б. м., и не все время, самъ патриархъ, когда онъ шель во главѣ духовенства, простившись съ царемъ, какъ это изображено на указанныхъ миниатюрахъ и какъ видно изъ того, что онъ входитъ въ храмъ св. Константина на форѣ съ евангеліемъ (*ὁ δὲ πατριάρχης μετὰ τοῦ εὐαγγελίου καὶ τῶν οἰκείων διακόνων καὶ ψαλτῶν ἀνέρχεται ἐν τῇ εὐκτηρίῳ... τοῦ ἁγίου Κωνσταντίνου*. I, 1, 30).

Послѣ этого царь и патріархъ шли къ западнымъ среднимъ или царскимъ дверямъ и чрезъ нихъ выходили въ нарѣикъ св. Софіи. Здѣсь царь кланялся патріарху, цѣловался съ нимъ и уходилъ въ мутаторій у красныхъ вратъ (*ἡ ὄραία πόλη*), т.-е. въ нишу съ завѣсою для надѣванія головного убора, царской шапки или короны ¹⁾.

Патріархъ, однако же, не уходилъ, а дожидался выхода царя изъ мутаторія, потому что, по выходѣ изъ-за завѣсы, царь снова прощался и цѣловался съ патріархомъ и, откланявшись ему, уходилъ впередъ съ своимъ синклитомъ, совершая крестный ходъ отдѣльно (*μετὰ τῆς οἰκείας λειτῆς* I, 1, 28). Царь выходилъ изъ св. Софіи, по обыкновению, чрезъ красныя врата, проходилъ чрезъ дворъ св. Софіи (*διὰ τοῦ λοιπῆρος* I, 10, 74; I, 30, 164), и, выйдя изъ него чрезъ большія ворота въ Аѳиръ, по ступенямъ Аѳира спускался къ Милію. Пройдя чрезъ него, царь выходилъ на Большую или Среднюю улицу, ведущую отъ площади Августеона къ форуму Константина между двумя портиками ²⁾, и шелъ по срединѣ ея съ своимъ синклитомъ къ колоннѣ св. Константина, причемъ царскій синклитъ пѣлъ тропари и другія священныя пѣсни; запѣвалой среди чиновъ синклита былъ церемоніарій (*ὁ τῆς καταστάσεως*) ³⁾.

¹⁾ О надѣваніи головного убора въ мутаторіи у красныхъ вратъ упомянуто въ сравнительно позднѣйшемъ обрядѣ Рождества Богородицы (I, 1, 28), вошедшемъ въ составъ 1 гл. I кн. Придворнаго устава. Ни въ обрядѣ понедѣльника Пасхальной недѣли, ни въ обрядѣ Благовѣщенія о надѣваніи шапки или короны въ мутаторіи ничего не говорится. Умолчаніе о надѣваніи короны въ двухъ послѣднихъ обрядахъ можно было бы объяснить краткостью изложенія сравнительно съ обрядомъ Рождества Богородицы, если бы такого же умолчанія о вѣнцахъ не было и въ перечнѣ царскихъ облаченій во время праздничныхъ выходовъ (I, 37). Въ этомъ перечнѣ мы находимъ указанія, въ какихъ одеждахъ (дивитисіи и хламидѣ) царь совершалъ крестный ходъ,—но о коронахъ ничего не сказано, между тѣмъ какъ при перечнѣ предметовъ облаченія, въ какихъ онъ возвращался изъ Халкопратійскаго храма во Дворецъ (р. 190 и 191), названы короны (*στέρματα*). Принимая во вниманіе это обстоятельство, можно думать, что во время написанія болѣе древнихъ обрядовъ для крестнаго хода царь, если и надѣвалъ какую-нибудь шапку, то, б. м., не корону въ тѣсномъ смыслѣ (*στέρμα*), а какой-нибудь другой головной уборъ, не столь нарядный, какъ *στέμμα*, вслѣдствіе чего, б. м., этотъ головной уборъ и не названъ въ обрядахъ и перечнѣ облаченій. Но такъ какъ эти царскія шапки (туфы, камилавки и т. п.) украшались подобно коронамъ и вслѣдствіи имѣли значеніе коронъ, то, повидимому, можно сказать, не рискуя сдѣлать большой ошибки, что цари совершали крестные ходы въ коронахъ или вѣнцахъ, по крайней мѣрѣ относительно X в., тѣмъ болѣе, что на рисункахъ Ватиканскаго минологія, относящагося къ этому времени, цари, участвующіе въ крестныхъ ходахъ, изображаются обыкновенно въ коронахъ или очень сходныхъ съ ними шапкахъ, на примѣръ, Θεодосίη Μладшій въ вышеназванномъ рисункѣ къ 26 янв.; тотъ же Θεодосίη въ миниатюрѣ къ 27 янв. (Menol. ed. Albani, II, 140) и Михаилъ III въ миниатюрѣ къ 24 февраля (*ibid.* 209).

²⁾ Относительно красныхъ вратъ св. Софіи, мутаторія около нихъ, двора св. Софіи, Аѳира, Милія и пр., см. *Byzantina*, II, гл. IV, а также указатель къ этой книгѣ.

³⁾ Хотя въ занимающихъ насъ обрядахъ не указано, что на пути отъ св. Софіи

Дойдя до порфировой колонны св. Константина, при которой былъ устроенъ маленькій храмъ въ честь этого равноапостольнаго царя, основателя христіанскаго царства съ христіанскою столицею, царь подходилъ къ храму и, отдавши препозиту свѣчу, съ которой онъ шелъ отъ св. Софіи, поднимался по ступенямъ лѣстницы, ведшей къ входнымъ дверямъ храма, и, войдя на верхнюю площадку предъ храмомъ, становился направо отъ лѣстницы, гдѣ и дожидался патріарха съ духовенствомъ и народомъ, опираясь на рѣшетку или балюстраду, ограждавшую площадку, на которой онъ стоялъ.

На ступеняхъ площадки этой, ниже царя, на правой же сторонѣ отъ лѣстницы, ведшей на площадку, становились чины кувуклія, а внизу, но внутри колоннады, окружавшей пьедесталь колонны Константина, опять — таки направо отъ лѣстницы, слѣдовательно, противъ царя, становились чины синклита: магистры, анеипаты, патрикіи и прочіе. За колоннами, на маленькихъ ступеняхъ, но съ той же стороны, т.-е. противъ царя, становились съ своими пѣвчими чины числа, царскіе гребцы и димы партій Ипподрома, такъ что вся правая сторона предъ площадкою храма св. Константина занималась царскою свитою. Далѣе за ними средину площади занимала царская военная свита: протоспафаріи, спафаріи и другіе, такъ называемые царскіе, и, наконецъ, чины гвардейскихъ отрядовъ. Какъ «царскіе», такъ и гвардейцы стояли не только съ правой стороны толпы, но и съ лѣвой ¹⁾, окружая и замыкая отъ напора зрителей

до фора Константина царскій синклитъ пѣлъ священныя гимны соответствующаго праздника, тѣмъ не менѣе можно предполагать, что и во время шествія отъ храма св. Софіи къ фору Константина, чины синклита пѣли гимны, какъ они обыкновенно пѣли ихъ во время такихъ шествій царя „съ собственнымъ молебствіемъ“ (μετὰ τῆς οἰκείας (или ἰδίως) λιτῆς), тѣмъ болѣе что въ числѣ сопровождавшихъ царя лицъ находились димы Ипподрома, чины числа и царскіе гребцы съ своими пѣвчими и залѣвалами, которые, какъ мы увидимъ, поютъ катавасію праздника и которые въ извѣстномъ смыслѣ могутъ быть сопоставляемы съ церковными пѣвчими, шедшими съ патріархомъ. Залѣваетъ во время царскихъ крестныхъ ходовъ обыкновенно церемоніарій, какъ руководитель и распорядитель процессіи. Ср. мои *Byzantina*, II, 246. Ниже мы встрѣтимъ нѣсколько такихъ случаевъ. Относительно пѣнія разныхъ пѣснопѣній и славословій не только димами Ипподрома, но и чинами числа (οἱ τοῦ ἀριθμοῦ), ср. *ibid.* 254.

¹⁾ Разстановка чиновъ царской свиты и гвардейскихъ отрядовъ (τῶν ταγματῶν) довольно подробно описана въ обрядѣ Рождества Богородицы (I, 1, 28--29), короче въ обрядѣ Пасхальнаго понедѣльника I, 10, 74 и Благовѣщенскомъ I, 30, 164; но въ нихъ зато имѣются указанія на такія дѣйствія, которыя не упомянуты въ обрядѣ Рождества Богородицы. Такъ, напримѣръ, въ Благовѣщенскомъ обрядѣ, послѣ описанія прибытія царя къ колоннѣ Константина, буквально тождественнаго съ обрядомъ Пасхальнаго понедѣльника (I, 10, 74), прибавлено замѣчаніе о разстановкѣ военной свиты царя и чиновъ гвардейскихъ отрядовъ, котораго нѣтъ въ обрядѣ Рождества Богородицы. Мѣсто, которое занимали димы Ипподрома, и по обряду Рождества Бо-

участвующихъ въ процессіи чиновъ царскаго синклита и димотовъ, стоявшихъ съ правой стороны, а въ то же время охраняя мѣсто предъ площадкою съ лѣвой стороны, гдѣ должны стать чины патриаршаго клира и представители города, имѣющіе прибыть съ патриархомъ.

Послѣ того, какъ чины царской свиты и синклита заняли свои мѣста около колонны св. Константина, подходилъ патриархъ съ своимъ крестнымъ ходомъ, т.-е. съ духовенствомъ и народомъ. Во главѣ процессіи шли «екдики» съ своими жезлами и первые входили въ ограду колонны (*κιοοστασία*) и, дойдя до первой ступени той лѣстницы, наверху которой направо стоялъ царь, опираясь на рѣшетку, останавливались.

Затѣмъ входили митрополиты, архіепископы и епископы, участвовавшіе въ крестномъ ходѣ, и, дойдя по лѣстницѣ до площадки, на которой стоялъ царь, совершали поклоненіе царю установленнымъ порядкомъ, подводимые царскимъ церемоніаріемъ и патриаршимъ референдаріемъ, подобно тому, какъ это дѣлалось предъ цѣлованіемъ любви въ храмѣ св. Софіи ¹⁾).

Послѣ поклоненія царю, высшіе духовные сановники становились на ступеняхъ базы колонны налѣво отъ лѣстницы, направо отъ которой соотвѣтствующія мѣста заняты были высшими чинами царскаго кувуклія.

Затѣмъ подходили участвовавшіе въ ходѣ чины клира и пѣвчіе и наконецъ, шествовалъ патриархъ съ евангеліемъ, предшествуемый крестноносцемъ и поддерживаемый первыми и ближайшими чинами своего клира.

Когда патриархъ подходилъ къ той лѣстницѣ, на верхней площадкѣ которой стоялъ царь, препозитъ подавалъ царю зажженную восковую свѣчу; царь, по обыкновенію, молился со свѣчею въ лѣвой рукѣ кресту, который держалъ крестносецъ - иподіаконъ, прикладывался къ нему, потомъ прикладывался къ евангелію и, раскланявшись съ патриархомъ,

---

городицы, подтверждается однимъ мѣстомъ обряда триумфа на Ипподромѣ (II, 19, 611), гдѣ, кромѣ того, прибавлено, что вмѣстѣ съ ними стояли чины числа (*οἱ τοῦ ἀριθμοῦ*), царскіе гребцы съ пѣвчими *κατὰ τὸν τόπον*, по установленному порядку, т.-е. какъ обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ, когда совершаются молебствія у колонны Константина. Во время триумфа всѣ они поютъ славословіе и многолѣтіе, какъ въ обрядахъ Богородичныхъ праздниковъ, насъ занимающихъ, поютъ катавасіи праздниковъ.

¹⁾ Относительно поклоненія царю высшихъ духовныхъ сановниковъ предъ цѣлованіемъ любви, см. мои *Byzantina*, II, 171—172. Въ обрядѣ Рождества Богородицы сказано (I, 1, 29): *εἰσερχονται οἱ μητροπολίται καὶ ἀρχιεπίσκοποι, καὶ τὴν κατὰ τὸν ἀποτελοῦσιν προσκύνουν, δηλονότι διὰ τοῦ τῆς κατατάσεως καὶ τοῦ ῥεφερενδάριου προσαγομένους οὖς καὶ τοὺς δεσπότης προσκυνούντας*. Уже первый издатель Лейхъ замѣтилъ ошибочность текста въ этомъ мѣстѣ и совершенно правильно читалъ *προσαγομένοι... καὶ προσκυνούντες* вмѣсто *προσαγομένους... καὶ προσκυνούντας*.

цѣловался съ нимъ, а свѣчу отдавалъ препозиту, который передавалъ ее церемоніарію, а тотъ ставилъ ее на одинъ изъ ручныхъ подсвѣчниковъ, носимыхъ во время крестнаго хода (*ἐν τοῖς τῆς λιτῆς μαρουαλίαις*). Крестъ между тѣмъ ставили на мраморную подставку, которая стояла наверху лѣстницы, на площадкѣ, предъ дверьми храма св. Константина. Царь возвращался на свое прежнее мѣсто, а патріархъ съ нѣкоторыми священно- и церковно-служителями и пѣвчими поднимался по лѣстницѣ и входилъ въ храмъ, между тѣмъ какъ остальной клиръ патріарха оставался внизу налѣво отъ лѣстницы, а пѣвчіе-сироты (*ὄρφανα*) становились около членовъ синклита. Тутъ же стоялъ и народъ, т.-е. городскіе жители, участвовавшіе въ крестномъ ходѣ, занимая ту сторону площади, которая прилежала къ зданію сената, находившемуся на форѣ Константина.

Когда патріархъ входилъ въ храмъ св. Константина, димы Ипподрома, по знаку препозита,* пѣли трижды катавасію праздника. Послѣ этого въ храмѣ св. Константина патріархъ совершалъ краткое молебствіе, причемъ діаконъ, читавшій ектенію, читалъ ее, стоя у оконъ лѣвой стороны храма св. Константина и смотрѣлъ въ окно, чтобы публика, стоявшая предъ храмомъ, могла ее слушать, такъ какъ храмъ этотъ (*εὐκτήριον*) былъ такъ малъ, что въ немъ могъ помѣститься только патріархъ съ незначительною и необходимою частью своего клира и пѣвчихъ, участвовавшихъ въ совершеніи молебствія. Не говоря уже о публикѣ, даже царь съ своею ближайшею свитою и высшее духовенство стоялъ внѣ этого маленькаго храма или молебни. Предъ началомъ этого молебствія царю подавалась препозитомъ зажженная восковая свѣча, съ которою онъ и стоялъ во время молебствія; по окончаніи молебствія препозитъ бралъ у царя свѣчу и отдавалъ ее церемоніарію, который ставилъ ее на ручной подсвѣчникъ.

Послѣ этого церемоніарій разстаниавливалъ чиновъ синклита и царской свиты въ томъ порядкѣ, въ которомъ они должны совершать дальнѣйшее шествіе, а царь прощался съ патріархомъ, который, вѣроятно, выходилъ изъ храма на площадку. Прощаніе состояло, по обыкновенію, во взаимныхъ поклонахъ и цѣлованіи ¹⁾).

---

¹⁾ Разстанонка духовныхъ чиновъ описана въ обрядѣ Рождества Богородицы (I, 1, 29—30), гдѣ подробнѣе говорится о прибытіи патріарха и дѣйствіяхъ его у колонны Константина. Короче все эти моменты описаны въ Благовѣщенскомъ (I, 30, 165) обрядѣ и обрядѣ Пасхальнаго понедѣльника (I, 10, 74—75), каковыя обряды и въ этой части буквально тождественны. По словамъ обряда Рождества Богородицы, γίνεται ἡ συνήθης ἐκτενὴ παρὰ τοῦ διακόνου, δηλονότι προκύπτουτος διὰ τῶν θυρίδων τοῦ εὐαγγέλιου μέρους τοῦ αὐτοῦ εὐκτηρίου.

Простившись съ патріархомъ, царь сходилъ съ площадки и при спускѣ бралъ у препозита молебственную свѣчу, съ которою онъ и шель, окруженный кувукліемъ и военною свитою и предшествуемый чинами сикклита и димами Ипподрома.

Во главѣ процессіи становился церемоніарій, который начиналъ пѣть тропарь праздника. Вся эта процессія со свѣчами въ рукахъ и пѣніемъ священныхъ гимновъ отъ колонны св. Константина шла назадъ, спускаясь по той же Средней улицѣ, по которой она поднялась отъ Милія къ форуму Константина.

Пройдя Антифоръ и нѣкоторую часть Средней улицы, около дома Лавза, процессія вступала въ портикъ, шедшій отъ Милія къ форуму Константина, и, поворотивъ налево, приближалась къ цѣли крестнаго хода, храму пресв. Богородицы Халкопратійской. Царь чрезъ красныя врата входилъ въ нарѣикъ, садился здѣсь и, окруженный ближайшими сановниками, высшими чинами кувуклія, хрисотриклитами и «царскими», дожидался прибытія патріарха съ своимъ крестнымъ ходомъ ¹⁾.

Когда тѣмъ же путемъ къ Халкопратійскому храму приближался патріархъ съ своимъ крестнымъ ходомъ, то прежде патріарха въ нарѣикъ входили еклики, митрополиты, архіепископы и епископы и, проходя мимо царя чрезъ нарѣикъ, кланялись ему установленнымъ порядкомъ, подводимые референдаріемъ и церемоніаріемъ, а затѣмъ входили въ самый храмъ чрезъ среднія или царскія врата, ведущія изъ нарѣика въ храмъ. За ними чрезъ царскія же врата входили пѣвчіе (τὰ ὄργανα), а остальной клиръ и міряне проходили въ храмъ правыми боковыми дверями. Наконецъ, шель патріархъ, предшествуемый крестомъ и окруженный главными діаконами и другими чинами клира св. Софіи.

Съ приближеніемъ патріарха, царь вставалъ, выходилъ навстрѣчу патріарху съ зажженною свѣчею въ рукѣ, прикладывался послѣ троекратнаго поклона къ кресту и евангелію, раскланивался и цѣловался съ патріархомъ, послѣ чего оба они направлялись къ царскимъ вратамъ для совершенія «малаго входа».

---

¹⁾ Путь царскаго крестнаго хода указанъ въ Благовѣщенскомъ обрядѣ, I, 30, 165: διέρχεται ὁ βασιλεὺς... διὰ τοῦ Ἀντιφόρου καὶ εἰσέρχεται ἐν τῷ ἐμβόλῳ πλησίον τοῦ Λαύσου, καὶ ἀπὸ τῶν ἐκεῖσε ἀπέρχεται ἐν τῷ ναφ̄ τῆς ὑπεραγίας Θεοτόκου τῶν Χалκοπρατείων. Въ концѣ того же обряда, гдѣ говорится объ особенностяхъ хода во время дурной погоды, сказано (р. 169), что царь, дойдя до Лавза, ἀριστερὸν ἐκκλινάς, ἀπέρχεται εἰς τὰ Χалκοπράτεια. Относительно окружающаго царя свиты замѣчено, I, 1, 30: царь дожидается патріарха въ нарѣикѣ, τῆς βασιλικῆς τάξεως ἐκεῖσε παραταμένης, ἡγούσ, τοῦ κουβουκλείου καὶ τῶν ἀσηκρητῶν χρυσотρικλινιτῶν τε καὶ βασιλικῶν ἀνθρώπων. Объ этихъ чинахъ, см. указатели къ I и II кн. моихъ Byzantina.

Малый входъ (*ἡ εἴσοδος μικρά*) царемъ и патриархомъ совершался совершенно такъ же, какъ и въ храмъ св. Софїи, во время большихъ выходовъ, когда царь приходилъ въ храмъ къ малому выходу. Царь и патриархъ шли чрезъ нарѣикъ къ царскимъ вратамъ, останавливались здѣсь; царю препозитъ подавалъ зажженную восковую свѣчу; патриархъ (послѣ возгласа архидiakона) читалъ входную молитву, во время которой царь молился, затѣмъ отдавалъ свѣчу препозиту, а тотъ церемоніарію. Царь еще разъ прикладывался къ кресту и евангелію, бралъ патриарха за руку и шелъ рядомъ съ нимъ (царь справа, патриархъ слѣва) чрезъ храмъ на солею къ среднимъ св. вратамъ алтарной преграды. Помолвившись предъ св. вратами со свѣчею въ рукѣ, царь входилъ въ алтарь, причѣмъ патриархъ или вошедшіе туда раньше митрополиты пододвигали царю одну изъ дверей для прикладыванія къ утвержденному на ней кресту ¹⁾).

Войдя въ алтарь Халкопратійскаго храма, царь, по обыкновенію, прикладывался къ покрову св. престола, бралъ у препозита предназначенный для этого храма апокомвїй, возлагалъ его на св. престолъ и кадилъ вокругъ св. престола со всѣхъ сторонъ.

Послѣ этого царь съ патриархомъ и немногими ближайшими чинами кувуклія шелъ чрезъ лѣвую сторону алтаря и храма въ смежный съ Халкопратійскимъ храмомъ храмъ св. Раки (*τῆς ἀγίας Σοροῦ*).

Такъ какъ этотъ послѣдній храмъ примыкалъ къ Халкопратійскому съ сѣверной стороны и входъ въ него былъ изъ сѣвернаго или женскаго корабля Халкопратійскаго храма, то царь съ патриархомъ проходили на пути къ храму св. Раки чрезъ гинэконить Халкопратійскаго храма, и здѣсь его привѣтствовали обычнымъ многолѣтіемъ собравшіеся тутъ и разставленные въ должномъ порядкѣ чины царскаго синклита обычнымъ многолѣтіемъ.

Войдя въ храмъ св. Раки, царь съ патриархомъ шелъ, какъ и въ Халкопратійскомъ храмѣ, на солею и останавливался для молитвы предъ св. вратами. Затѣмъ царь и патриархъ входили въ алтарь, царь бралъ у препозита апокомвїй и возлагалъ на св. престолъ, который потомъ кадилъ со всѣхъ сторонъ.

Отсюда царь и патриархъ шли въ придѣльный храмъ св. Іакова и царь точно также входилъ въ алтарь и возлагалъ апокомвїй.

Послѣ этого царь съ патриархомъ и ближними чинами кувуклія возвращался опять въ Халкопратійскій храмъ, точнѣе въ лѣвый корабль

---

¹⁾ О маломъ входѣ подробности ср. мои *Byzantina*, II, 153—154.

его или гинэконить и по деревянной лѣстницѣ, ведшей отсюда въ катихуменіи, поднимался наверхъ, распростившись и поцѣловавшись съ патриархомъ ¹⁾).

Въ катихуменіяхъ царь уходилъ въ особое закрытое помѣщеніе, мутаторій, и тамъ слушалъ литургію, а чины царскаго синклита и свиты стояли въ катихуменіяхъ.

Когда, по ходу службы, приближалось время приобщенія св. таинъ, церемоніарій докладывалъ препозиту, а тотъ царю о томъ, что пора посылать за патриархомъ. Царь дѣлалъ распоряженіе о приглашеніи патриарха съ св. дарами, препозитъ передавалъ приказаніе царя церемоніарію, а тотъ посылалъ за патриархомъ двухъ силенціаріевъ, которые и отправлялись въ алтарь пригласить патриарха для причащенія царя и чиновъ въ катихуменіяхъ. Патриархъ, послѣ причащенія высшихъ духовныхъ сановниковъ и священно-служителей, участвовавшихъ въ совершеніи литургіи, бралъ чашу съ св. дарами и, въ сопровожденіи силенціаріевъ и нѣсколькихъ діаконовъ, отправлялся въ катихуменіи, причемъ силенціаріи поддерживали его подъ руки.

Наверху лѣстницы патриарха встрѣчали высшіе чины царскаго кувуклія и, замѣнивши силенціаріевъ, вели его подъ руки въ катихуменіи, гдѣ на особомъ антиминосѣ ставились св. дары, а патриархъ стоялъ въ ожиданіи выхода царя изъ того помѣщенія, въ которомъ онъ слушалъ литургію. Царю докладывалъ препозитъ съ высшими чинами кувуклія о прибытіи патриарха съ св. дарами; царь, слушавшій литургію безъ хламиды, облачался въ хламиду и выходилъ къ патриарху, раскланивался съ нимъ, цѣловался и затѣмъ приобщался св. таинъ, т.-е. тѣла и крови Христовой подъ обоими видами отдѣльно.

Послѣ приобщенія св. таинъ, царь, раскланявшись съ патриархомъ, уходилъ въ свой мутаторій и сидѣлъ тамъ, пока патриархъ изъ собственныхъ рукъ приобщалъ высшихъ чиновъ синклита: патрикіевъ, стратиговъ, доместиковъ и вообще сановниковъ, занимавшихъ высшія должности. Послѣ приобщенія царя, по приказанію препозита, они приглашались для этого въ должномъ іерархическомъ порядкѣ церемоніаріемъ. Когда всѣ чины приобщились, царь, извѣщенный препозитомъ, выходилъ изъ своего мутаторія и прощался съ патриархомъ, который уходилъ, изъ катихуменій доканчивать литургію сопровождаемый и поддерживаемый сначала высшими чинами кувуклія, а потомъ силенціаріями ²⁾).

¹⁾ Относительно деревянной лѣстницы Халкопратійскаго храма и мутаторія, см. выше. О мутаторіяхъ вообще, ср. мои *Byzantina*, II, 128 сл. и 133 сл.

²⁾ Хотя порядокъ приглашенія патриарха и приобщенія изложенъ здѣсь под-

Пока патріархъ доканчивалъ литургію, царь съ чинами переоблачался въ катихуменіяхъ для параднаго отъѣзда въ Большой дворець. Такъ какъ имъ предстояло теперь ѣхать верхомъ, то чины синклита, совершавшіе крестный ходъ въ тяжелыхъ хламидахъ, надѣвали болѣе легкіе и удобные для верховой ѣзды пурпурные плащи, а царь, кромѣ того, вмѣсто дивитисія или далматики, надѣвалъ подъ плащъ обшитый золотою каймою скарамангій и опоясывалъ укаренный жемчугомъ и драгоценными камнями мечъ ¹⁾).

Патріархъ между тѣмъ кончалъ литургію и снова поднимался въ катихуменіи, чтобы проводить царя до выхода изъ Халкопратійскаго храма и возложить на него при выходѣ корону. Поздоровавшись съ царемъ, патріархъ давалъ ему просфору, а царь давалъ патріарху апокомвій и получалъ сосудъ съ благовоннымъ св. масломъ (*ἀλεπτά*).

Затѣмъ предъ спускомъ изъ катихуменій [патріархъ] возлагалъ на царя подаваемую препозитомъ корону въ особомъ закрытомъ помѣщеніи и прощался съ царемъ ²⁾, который спускался по деревянной лѣстницѣ, по которой онъ поднялся въ началѣ литургіи, но, не дойдя до конца ея, поворачивалъ въ дидаскалій и, спустившись по лѣстницѣ въ дидаскалій, выходилъ къ двери храма, ведшей къ портику, шедшему отъ Миліа къ Лавзу и далѣе къ фору Константина.

Здѣсь, въ портикѣ, царь садился на лошадь верхомъ, то же дѣлали чины синклита и кувукліа и ѣхали къ Милію, причемъ церемоніарій, предшествуемый четырьмя остіаріями, державшими въ рукахъ золотые, украшенные драгоценными камнями, жезлы, шель пѣшкомъ впереди, одѣ-

---

робнѣе, нежели въ Благовѣщенскомъ обрядѣ (I, 30, 166—167), но эти подробности имѣются въ другихъ обрядахъ, въ которыхъ излагается такой же приходъ патріарха въ катихуменіи для приобщенія царей и высшихъ чиновъ. Сюда принадлежатъ обряды, которые будутъ описаны ниже, а именно: понедѣльника Пасхальной недѣли (I, 10, 78), Вознесенія (I, 18, 112—113). Ср. Срѣтвскій обрядъ (I, 27, 151), гдѣ указано, какіе сановники въ подобныхъ случаяхъ послѣ царя приобщаются изъ рукъ патріарха.

¹⁾ [О скарамангій см. статью Д. Θ. Бѣляева „Облаченіе императора на Керченскомъ щитѣ“. Журн. Мин. Нар. Просв. 1893, октябрь].

Для выѣзда верхомъ, какъ мы увидимъ ниже при изложеніи другихъ богомольныхъ выходовъ и выѣздовъ, царь обыкновенно переоблачался въ скарамангій и плащъ, а чины, бывшіе въ скарамангіяхъ, надѣвали вмѣсто хламидъ плащи. Ср. *Byzantina*, II, 7—8, прим. 4. Въ обрядѣ Благовѣщенія скарамангій названъ обшитымъ золотою каймою (*σκαραμάγγιον χρυσόκλαβον*). Въ перечнѣ облачений сказано (I, 37, 191), что цари для выхода надѣваютъ (*τὰ πορφυρᾷ χρυσᾷ σκαραμάγγια*). Такъ какъ чины облачаются въ одежды такого же цвѣта, то они, по замѣчанію Благовѣщенскаго обряда, надѣваютъ *σαγία ἀληθινὰ πορφυρᾷ* (ср. мои *Byzantina*, I, 91).

²⁾ Относительно обычнаго прощанія царя съ патріархомъ, апокомвіяхъ, просфорахъ и благовонномъ маслѣ, см. мои *Byzantina*, II, 180—184.

тый, какъ и остіаріи, въ красный плащъ. Когда царь и вся его свита тихо подѣзжала къ Милію, ихъ встрѣчалъ пѣснопѣніями и славословіями бѣлый димъ, стоявшій подъ аркою Милія съ димархомъ венетовъ во главѣ. Пѣвчіе или запѣвалы дима пѣли соотвѣтствующія празднику пѣснопѣнія, славословія и многолѣтія, а димархъ, подводимый церемоніаріемъ, подходилъ къ царю, цѣловалъ его въ погу и подавалъ ему ливелларій, который царь бралъ и передавалъ шедшему возлѣ него начальнику конюшеннаго вѣдомства (τῷ κόμητι τοῦ στάβλου). Димархъ отходилъ назадъ и, ставъ на свое обычное мѣсто впереди дима, осѣнялъ царя крестнымъ знаменемъ, пока димоты пѣли пѣснопѣнія и многолѣтія, а органы играли соотвѣтствующія празднику пьесы.

Когда царь проѣзжалъ чрезъ Милій, его встрѣчалъ и привѣтствовалъ красный димъ съ димархомъ прасиновъ во главѣ, который также подносилъ ливелларій и крестилъ царя во время пѣснопѣній и славословій димотовъ.

Третій пріемъ происходилъ на площади Августеонѣ предъ большими воротами Халки. Принималъ и славословилъ царя загородный димъ съ димократомъ прасиновъ, т.-е. начальниковъ экскуваторовъ или экскувитомъ во главѣ, который дѣлалъ то же самое, что и димархи въ двухъ первыхъ пріемахъ ¹⁾.

---

¹⁾ О пріемахъ димотовъ, см. I, 1, 32 и I, 30, 168. Оба эти обряда согласны относительно 1 и 4 пріема, нѣсколько разнорѣчатъ относительно 2 и 3. Между тѣмъ какъ по I, 1, 32, т.-е. по обряду Рождества Богородицы 2-й пріемъ совершаетъ красный димъ съ димархомъ во главѣ, по Благовѣщенскому обряду 2-й пріемъ совершался загороднымъ димомъ прасиновъ съ димократомъ во главѣ, а относительно 3-го сказано кратко, что его совершаютъ οἱ τοῦ μέρου τοῦ πρασίων безъ указанія ихъ представителя. Такъ какъ димократъ прасиновъ совершалъ съ загороднымъ димомъ прасиновъ 2-й пріемъ, то подъ οἱ τοῦ μέρου τῶν πρασίων можно разумѣть только красный димъ прасиновъ съ димархомъ прасиновъ во главѣ. Если въ Благовѣщенскомъ обрядѣ нѣтъ ошибки въ порядкѣ пріемовъ, какъ можно предполагать на основаніи другихъ подобныхъ пріемовъ, о которыхъ будетъ рѣчь ниже, то, значитъ, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ маленькимъ измѣненіемъ въ порядкѣ пріемовъ, происшедшемъ послѣ написанія Благовѣщенскаго обряда. Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ мѣсто 3-го пріема въ рукописи и изданіяхъ читается невѣрно: I, 30, 168, строка 9 вмѣсто δέχονται αὐτὸν εἰς τὸν Αὐγουστέα нужно читать δέχονται αὐτὸν εἰς τὸν Αὐγουστέωνα, такъ какъ здѣсь рѣчь идетъ не о тронной залѣ во дворцѣ Дафны, называвшейся Августеемъ (ὁ Αὐγουστεός), а о площади между Халкою и св. Софіею (ὁ Αὐγουστέων). Эта ошибка легко объясняется большимъ сходствомъ въ названіи площади и тронной залы. Какъ здѣсь площадь Августеонъ названа именемъ залы, Августеемъ, такъ I, 1, 33 зала, Августей, два раза названа Августеономъ, на что указано было въ Byzantina, I, 100, прим. 2, и II, 225, прим. 1. Въ обоихъ случаяхъ ошибочность написанія очевидна для всякаго, кто обратитъ вниманіе на положеніе площади и залы и приметъ въ соображеніе, гдѣ долженъ находиться въ данномъ случаѣ царь, въ залѣ ли дворца Дафны или на площади предъ входомъ въ Большой дворецъ.

Четвертый и послѣдній пріемъ совершали уже по вѣздѣ царя во дворъ Халки; у рѣшетки, ведшей къ большимъ бронзовымъ воротамъ Халки, стоялъ загородный димъ венетовъ съ димократомъ венетовъ, и начальникомъ (доместикомъ) гвардейскихъ школъ во главѣ. Пріемъ совершался совершенно такимъ же порядкомъ, какъ и три предыдущіе, причемъ димократъ венетовъ, послѣ подачи ливелларія, крестилъ царя, а органы димовъ играли соотвѣтствующія пьесы.

Когда царь подъѣзжалъ къ рѣшеткѣ Халки и димъ начиналъ свои славословія, всѣ сопровождавшіе царя верхомъ чиновники синклита и кувуклія сходили съ лошадей и послѣ славословія по переднимъ частямъ дворца шли уже пѣшкомъ. На лошади оставался только одинъ царь, который ѣхалъ верхомъ чрезъ Халку, палату школъ и помѣщенія для отдѣльныхъ школъ, причемъ проѣзжалъ чрезъ куртины и доѣзжалъ до лѣстницы или крыльца съ лѣстницею, ведшею въ палату экскувитовъ и кандидатовъ.

Такъ какъ по лѣстницѣ верхомъ нельзя ѣхать, то царь здѣсь сходилъ съ лошади и чрезъ палаты экскувитовъ и кандидатовъ шелъ пѣшкомъ до храма Господа мимо Консistoriи ¹⁾).

Средніе и низшіе чины синклита, синклитики собственно, во время большихъ выходовъ въ храмъ св. Софіи, встрѣчавшіе царя и привѣтствовавшіе въ Консistoriи, становились, при возвращеніи царя чрезъ храмъ Господа, а не чрезъ Консistoriю, у дверей Консistoriи, выходящихъ въ палату кандидатовъ, и привѣтствовали царя, когда онъ проходилъ по палатѣ кандидатовъ мимо ихъ къ западнымъ дверямъ храма Господа, гдѣ становились шедшіе впереди царя высшіе чины синклита: магистры, аноипаты, патрикіи и стратиги, чтобы откланяться царю и привѣтствовать его обычнымъ многолѣтіемъ: «на многіе и добрыя годы да продлитъ Богъ царство твое» ²⁾).

Когда царь съ чинами кувуклія входилъ чрезъ среднюю бронзовую

---

¹⁾ О Халкѣ, большихъ воротахъ ея, выводившихъ на Августеонъ, и рѣшеткѣ (τὸ κίγκυλλον), ведшей къ бронзовой двери Халки, см. мои Byzantina, I, 131—132. Путь отъ Халки до Консistoriи описанъ тамъ же, только въ обратномъ порядкѣ, 123 — 130. О храмѣ Господа и его положеніи относительно Консistoriи и палаты кандидатовъ см. тамъ же, 122. Ср. приложенный къ I кн. планъ Лабарта.

²⁾ Путь царя и чиновъ чрезъ Халку и храмъ Господа, какъ весь вообще обрядъ обратнаго шествія изъ Халкопратійскаго храма, какъ въ Благовѣщенскомъ обрядѣ, такъ и въ обрядѣ Рождества Богородицы (I, 1, 32 и I, 30, 168) описанъ кратко. Привѣтствіе синклитиковъ у Консistoriи соотвѣтствуетъ привѣтствію ихъ въ Консistoriи при возвращеніи царя изъ храма св. Софіи въ большіе Господніе праздники, а привѣтствіе высшихъ чиновъ синклита у храма Господа такому же привѣтствію ихъ въ Золотой Рукѣ Августея (см. мои Byzantina, II, 193—194.

дверь въ нарѣикъ храма Господа, двери эти немедленно запирались чинами кувуклія, которые, въ свою очередь, привѣтствовали здѣсь царя обычнымъ многолѣтіемъ. Къ царю подходилъ препозитъ, снималъ съ него корону, и царь входилъ въ храмъ и становился предъ св. вратами, гдѣ, взявши у препозита зажженную свѣчу, молился и послѣ молитвы возвращалъ препозиту свѣчу. Изъ храма Господа царь шель по переходамъ (діаватикамъ), ведшимъ отъ этого храма ко дворцу собственно, въ полукругъ Триконха, а изъ него по переходамъ 40 мучениковъ входилъ, въ сопровожденіи чиновъ кувуклія, въ Хрисотриклинь, гдѣ чины кувуклія въ послѣдній разъ привѣтствовали его многолѣтіемъ ¹⁾.

Царь, помолившись иконѣ Спасителя, находившейся въ тронной конхѣ Хрисотриклина, уходилъ въ свой покой, откуда снова выходилъ къ парадному обѣду, который въ этотъ день совершался въ Юстиніановой палатѣ ²⁾.

Чины синклита, откланявшись царю, проходили, вѣроятно, чрезъ Консистоцію въ Апсиду, а оттуда чрезъ переходы Триконха и однополотенную дверь Идика въ Лавзіакъ, палату, находившуюся между Хрисотриклиномъ и Юстиніановой палатой.

Въ Лавзіакѣ, вѣроятно, совершалось приглашеніе чиновъ синклита къ царскому столу порядкомъ, подобнымъ тому, который практиковался въ воскресные дни и который описанъ мною въ 1 гл. II кн. *Byzantina*. Приглашенные чины оставались въ ожиданіи обѣда, а прочіе расходились по домамъ. Предъ обѣдомъ царь, какъ и чины, облачались въ скарамангіи, а чины кувуклія въ пурпурныхъ плащахъ стояли во время обѣда въ два ряда.

Вышеизложеннымъ порядкомъ выходы въ Халкопратійскій храмъ совершались въ IX в. и началѣ X, но потомъ, до составленія Придворнаго устава изъ отдѣльныхъ обрядовъ и небольшихъ сборниковъ, порядокъ выходовъ этихъ былъ видоизмѣненъ и упрощенъ или сокращенъ.

---

¹⁾ О переходахъ храма Господа, Триконхъ и переходахъ Сорока мучениковъ, см. мои *Byzantina*, I, 90, стр. 43.

Шествіе чрезъ храмъ Господа и упомянутые переходы кратко описано I, 1, 32 и I, 30, 168—169. Подробнѣе этотъ путь описанъ I, 10, 84; I, 17, 107.

²⁾ Мѣсто обѣдовъ въ Благовѣщеніе и Рождество Богородицы, облаченіе чиновъ и составъ приглашенныхъ указанъ въ клиторологіи Филоея (II, 52, 762 и 782, стр. I, 30, 169). Въ I, 30, 169 не указано, гдѣ совершался обѣдъ, а сказано только, что чины синклита проходили въ Лавзіакъ. Полагаю, что они собирались тутъ для приглашенія, подобно протоспааріямъ въ воскресные дни (см. *Byzantina*, II, 30), тѣмъ болѣе, что въ Лавзіакѣ обѣдовъ не происходило. Относительно Лавзіака, однополотенной двери изъ него въ Идикъ и др. топографическихъ пунктовъ, см. указатель къ I кн. моихъ *Byzantina*. Ср. приложенный къ ней планъ Лабарта.

Старый порядокъ изложенъ въ Благовѣщенскомъ обрядѣ, а новый въ обрядѣ Рождества Богородицы, вошедшемъ въ составъ 1 гл. 1 кн., въ которой изложены типическіе обряды разныхъ выходовъ¹⁾. Такъ какъ выходъ въ Рождество Богородицы совершался совершенно такимъ же порядкомъ, какъ и въ Благовѣщеніе, какъ объ этомъ прямо замѣчено въ концѣ обряда Рождества Богородицы (I, 1, 33), то, очевидно, и этотъ послѣдній обрядъ былъ въ своемъ первоначальномъ видѣ сходенъ вполне съ Благовѣщенскимъ и видоизмѣненъ, согласно съ новыми порядками, при редакціи 1 гл. 1 кн. и составленіи Придворнаго устава, а Благовѣщенскій обрядъ внесенъ въ Придворный уставъ въ прежнемъ, неизмѣненномъ видѣ. Чтобы объяснить разногласіе между старымъ Благовѣщенскимъ обрядомъ и новымъ обрядомъ Рождества Богородицы, которые, по замѣчанію составителя устава, должны совершаться совершенно одинаково, въ концѣ Благовѣщенскаго обряда составитель сдѣлалъ замѣчаніе (I, 30, 169—170), что и теперь все совершается согласно съ этимъ обрядомъ, за исключеніемъ того, что «нынѣ царь не поднимается въ катихуменіи, но, стоя на паперти св. Раки, тутъ слушаетъ литургію, а, возвратившись во дворецъ, садится за столъ не въ парадномъ облаченіи, но въ иматіи, да и кувуклій не стоитъ во время обѣда».

Обращаясь къ видоизмѣненному, согласно съ новыми порядками, обряду Рождества Богородицы, мы дѣйствительно находимъ отмѣченную составителемъ разницу относительно дѣйствій царя въ Халкопратійскомъ храмѣ (I, 1, 31). Послѣ возложенія апокомвія въ лѣвомъ придѣлѣ св. Раки, т. е. въ храмѣ св. Іакова, по обряду Рождества Богородицы, царь не идетъ чрезъ гинэконить по деревянной лѣстницѣ въ катихуменіи, а, дойдя до паперти храма св. Раки, чрезъ которую онъ входилъ съ патріархомъ въ этотъ храмъ, царь здѣсь прощается съ патріархомъ. Патріархъ уходитъ въ алтарь Халкопратійскаго храма для продолженія литургіи, совершеніе которой, во время хожденія патріарха съ царемъ, пріостанавливалось, а царь переоблачался: вмѣсто хламиды и дивитисія, царь облачался въ скарамангій въ виду предстоящей ему ѣзды верхомъ и затѣмъ слушалъ евангеліе и слѣдующую за тѣмъ ектенію²⁾. По

---

¹⁾ О составѣ 1 гл. 1 кн. см. Предисловіе къ *Byzantina*, II, стр. XXXVII—XL. Ср. стр. 37—38.

²⁾ Когда царь не пріобщался св. таинъ въ томъ или другомъ храмѣ, куда онъ дѣлалъ богомольный выходъ или выѣздъ, то онъ обыкновенно слушалъ только евангеліе и ектенію, а затѣмъ уходилъ изъ храма. Такіе случаи указаны уже при изложеніи выходовъ въ храмъ св. Софіи. Мы тамъ видѣли, что въ Недѣлю Православія, по новому порядку, царь не пріобщался св. таинъ, а слушалъ литургію въ катихуменіяхъ только до евангелія, а затѣмъ уже распоряжался насчетъ приглашенія чи-

окончани ея, патриархъ выходилъ изъ алтаря и приходилъ къ царю для прощанія съ нимъ, которое, по обыкновенію, состояло въ томъ, что патриархъ надѣвалъ на царя корону, давалъ ему просфоры и освященное масло, а отъ него получалъ апокомвій и уходилъ доканчивать литургію. Царь съ чинами кувуклія выходилъ въ притворъ женской или сѣверной стороны храма, гдѣ его привѣтствовали чины синклита обычнымъ многолѣтіемъ; послѣ возгласа пренозита: «повелите!» чины синклита выходили въ портикъ, гдѣ царь и чины, какъ и прежде, садились на лошадей и ѣхали во дворець, какъ было уже описано.

Когда же произошла эта перемѣна или сокращеніе выхода?

Къ сожалѣнію, прямо и положительно отвѣтить на этотъ вопросъ, за неимѣніемъ точныхъ указаній, довольно трудно, но можно предполагать, что эта перемѣна произошла, какъ и многія другія, при Львѣ VI. Дѣло въ томъ, что въ гл. 37, т.-е. въ перечнѣ парадныхъ облаченій во время богомольныхъ выходовъ, говорится, что въ Рождество Богородицы и Благовѣщеніе царь уходилъ изъ Халкопратійскаго храма послѣ евангелія (*ἀπὸ τοῦ εὐαγγελίου ὑποστρέφουσι ἑφιπποὶ οἱ δεσπῆται*, I, 37, 190 и 191). Глава эта написана послѣ измѣненій въ обрядахъ выходовъ въ понедѣльникъ Пасхальной недѣли и Антипасху, сдѣланныхъ, какъ мы видѣли уже, несомнѣнно, Львомъ VI¹⁾, но еще до отмѣны выхода или, точнѣе, выѣзда въ храмъ св. Мокія, который былъ отмѣненъ въ 902 году, но который упоминается еще въ перечнѣ облаченій. Эти обстоятельства позволяютъ заключать, что и перемѣны въ обрядахъ богомольныхъ выходовъ въ занимающіе насъ Богородичные праздники произошли при Львѣ VI и притомъ до 902 г. А такъ какъ нововведенія Льва VI относительно Пасхальнаго понедѣльника и Антипасхи приняты уже во вниманіе и занесены въ клиторологій Филооея, составленный въ 900 году, то можно думать, что измѣненія въ обрядахъ какъ этихъ, такъ и выходовъ въ Халкопратійскій храмъ, произошли еще раньше, уже до 900 года, т.-е. въ первую половину царствованія Льва, быть можетъ, въ самомъ началѣ, вскорѣ по смерти Василя I Македонянина²⁾.

новъ къ обѣду и уходилъ въ патриаршія палаты (Byzantina, II, 247). Такие случаи мы встрѣтимъ еще нѣсколько ниже при изложеніи выходовъ въ городскіе и дворцовые храмы.

¹⁾ Объ этихъ видоизмѣненіяхъ и сокращеніяхъ, сдѣланныхъ Львомъ VI въ обрядахъ богомольныхъ выходовъ въ Антипасху и Пасхальный понедѣльникъ, см. Byzantina, II, 220 слѣд. и 230--233.

²⁾ Левъ Мудрый вообще произвелъ много измѣненій, какъ въ обрядахъ выходовъ въ храмы, сокращая и упрощая ихъ, такъ и въ придворныхъ порядкахъ и обычаяхъ, урегулировать и видоизмѣнить нѣкоторые изъ нихъ. См. Byzantina, II, 182.

Кромѣ этихъ видоизмѣненій, произведенныхъ Львомъ Мудрымъ, Благовѣщенскій обрядъ нѣсколько видоизмѣнялся, смотря по тому, въ какой день приходилось Благовѣщеніе. Если Благовѣщеніе приходилось въ какой-нибудь праздникъ, въ который и безъ того совершался выходъ, то или совершались одинъ за другимъ два обряда, если это было возможно, въ послѣдовательномъ порядкѣ, или одинъ совершался вполнѣ, а другой только отчасти, причемъ преобладаніе было, понятно, на сторонѣ того праздника, который считался важнѣе. Въ Придворномъ уставѣ указано нѣсколько такихъ случаевъ совпаденія Благовѣщенія съ другими праздниками.

1. Если Благовѣщеніе случалось въ Крестопоклонное воскресенье, то сначала происходило поклоненіе св. кресту, а потомъ уже совершался выходъ Благовѣщенскій ¹⁾. Для поклоненія «честному и животворящему древу св. креста», которое совершалось въ храмѣ пресв. Богородицы Фара, возлѣ Хрисотриклина, чины синклита собирались ночью (ἐνύχιοι) въ скарамангіяхъ, а высшіе чины, кромѣ того, въ плащахъ во дворецъ и, пройдя чрезъ Юстиніановъ триклинь, Лавзіакъ и Золотую палату, входили въ храмъ Фара и поклонялись тамъ, вѣроятно, во время утрени, животворящему древу ²⁾, выходили изъ храма и, если царю угодно было дѣлать по случаю Благовѣщенія выходъ, получали приказаніе перейти въ тѣ помѣщенія дворца (δέδοται μεταστάσιμον), въ которыхъ они должны были привѣтствовать царя во время шествія въ храмъ св. Софїи и присоединиться къ свитѣ царя. Такъ какъ для Благовѣщенскаго выхода, если онъ не былъ заранѣе объявленъ и если чины не приходили въ Благовѣщенскомъ облаченіи, нужно было перемѣнить облаченіе, то чины

---

¹⁾ Дошедшій до насъ спеціальныи Благовѣщенскій обрядъ (I, 30) носитъ даже, какъ мы замѣтили выше, заглавіе, указывающее, что онъ первоначально былъ написанъ или записанъ по случаю Благовѣщенія, бывшаго въ Крестопоклонное воскресенье. Въ первоначальной своей формѣ онъ начинается именно съ описанія поклоненія чиновъ животворящему древу, но такъ какъ особенность выхода ограничивалась только этимъ поклоненіемъ, то со словъ μεσοῦσης τῆς δευτέρας ὥρας (р. 162, строка 20) начинается уже общій для всѣхъ дней Благовѣщенскій обрядъ, который въ великосубботнемъ обрядѣ (I, 35, 186) называется прямо общимъ Благовѣщенскимъ выходомъ (ἡ καθόλου προέλευσις τοῦ εὐαγγελισμοῦ).

²⁾ Въ Крестопоклонное воскресенье чины поклонялись „честному и животворящему древу“ (τὸ τίμιον καὶ ζωοποιῶν ξύλον τοῦ σταυροῦ, τὰ τίμια ξύλα, I, 29, 161; I, 30, 162), каковымъ именемъ назывался крестъ, сдѣланный изъ найденнаго св. Еленою подлиннаго креста, на которомъ былъ распятъ Иисусъ Христосъ (Ср. мои Byzantina, II, 237 сл.). Но это, очевидно, былъ не тотъ самый крестъ, который находился въ храмѣ св. Софїи и которому цари поклонялись въ Крестовоздвиженіе, а другой, принадлежащій дворцу, какъ мы увидимъ ниже. Относительно упомянутыхъ здѣсь частей и зданій дворца, см. указатель къ I кн. моихъ Byzantina.

синклита отправлялись сначала въ Консисторію и тамъ переоблачались (I, 29, 161).

Съ наступленіемъ времени для выхода во второмъ часу дня (8-й утра), царь выходилъ изъ своего покоя въ Хрисотриклинъ и продолжалъ шествіе въ храмъ св. Софіи, а затѣмъ на форъ Константина въ Халкопратійскій храмъ обычнымъ порядкомъ выходоу въ Благовѣщеніе и Рождество Богородицы.

2. Если Благовѣщеніе случалось въ Великую субботу, когда царь ходилъ въ храмъ св. Софіи для участія въ перемѣнѣ покрововъ св. престола, то царь совершалъ выходъ въ св. Софію и производилъ всѣ тѣ дѣйствія, которыя полагались по обряду Великой субботы, т. е. принималъ участіе въ перемѣнѣ покрововъ, выходилъ въ Сосудохранильницу, для каждаго хранящихся тамъ сосудовъ и святынь, выходилъ чрезъ дѣвятики св. Николая къ св. Кладезю ¹⁾, но изъ него не выходилъ на площадь и не шелъ во дворець, а чрезъ ту дверь, которая вела изъ св. Кладезя въ триклинъ царскаго мутаторія, и, стоя въ которой царь раздавалъ апокомвѣи священно- и церковно-служителямъ предъ выходомъ изъ храма св. Софіи въ большіе Господніе праздники ²⁾, царь входилъ въ триклинъ мутаторія, а изъ триклина въ мутаторію собственно, т. е. въ ту комнату, которая назначалась для переоблаченія, снималъ здѣсь при помощи состоящихъ при облаченіи чиновъ облаченіе Великой субботы и надѣвалъ облаченіе Благовѣщенія. Переоблачившись такимъ образомъ для Благовѣщенскаго выхода, царь опять входилъ въ храмъ, доходилъ до св. вратъ алтаря, молился и входилъ въ алтарь, снова поклонялся св. престолу, кадилъ его вокругъ и, когда выходилъ изъ алтаря на солею, бралъ у препозита молебственную свѣчу, а пѣвчіе начинали пѣть тропарь Благовѣщенія. Словомъ, обрядъ Благовѣщенскаго выхода совершался весь вышеописаннымъ новымъ порядкомъ, безъ всякихъ отличій и отступленій, т.-е. царь шелъ сначала на форъ Константина, потомъ возвращался къ Халкопратійскому храму, гдѣ, послѣ возложенія апокомвѣевъ, слушалъ, стоя на паперти храма св. Раки, евангеліе и ектенію, а потомъ возвращался верхомъ во дворець.

---

¹⁾ Обрядъ выхода въ Великую субботу изложенъ въ *Byzantina*, II, 224—229, потому я не считаю нужнымъ излагать его, хотя онъ вкратцѣ повторенъ въ прибавкѣ къ обряду Великой субботы (I, 35, 184—5), на основаніи которой излагаются тѣ особенности Благовѣщенскаго выхода, если Благовѣщеніе приходилось въ Великую субботу.

²⁾ О мутаторіи и ея частяхъ, см. *Byzantina*, II, 131. Относительно двери изъ св. Кладезя въ триклинъ мутаторія и раздачи здѣсь кошелевковъ съ деньгами, см. *ibid.* 181.

Но въ болѣе древнее время, когда цари обыкновенно въ Благовѣщеніе слушали литургію и стояли въ катихуменіяхъ, выходъ въ Благовѣщеніе, если оно случалось въ Великую субботу, отличался тѣмъ, что царь, хотя и поднимался въ катихуменіи Халкопратійскаго храма, но стоялъ тамъ не всю литургію, а слушалъ только евангеліе и ектенію (I, 35, 187), послѣ которыхъ спускался по деревянной лѣстницѣ, выходилъ въ портикъ и садился на лошадь ¹⁾.

Хотя въ этой замѣткѣ ничего не сказано объ участи въ крестномъ ходѣ вмѣстѣ съ царемъ патріарха, но, принимая во вниманіе, съ одной стороны, краткость подобныхъ замѣтокъ, а съ другой стороны, то обстоятельство, что въ концѣ замѣтки сказано, что обрядъ Благовѣщенскаго выхода въ Великую субботу совершается такъ, «какъ мы изложили выше обстоятельно въ общемъ выходѣ Благовѣщенія» (I, 35, 186) ²⁾, можно и было бы должно думать, что патріархъ, проводивъ царя до выхода изъ храма св. Софіи, шелъ вслѣдъ за нимъ съ духовенствомъ чрезъ форъ Константина, какъ описано выше, если бы въ открытомъ недавно уставѣ Великой церкви IX в. не было прямого замѣчанія, что, если Благовѣщеніе случится въ Великую субботу, то крестный ходъ идетъ въ Халкопратійскій храмъ не чрезъ форъ Константина, а прямо поднимается въ Халкопратіи (*ἐξερχομένης τῆς λιτῆς ἐκ τῆς Μεγάλης Ἐκκλησίας εὐθὺς ἀνέρχεται εἰς τὰ Χαλκοπρατεῖα*) ³⁾. Здѣсь разумѣется, конечно, церковный крестный ходъ съ патріархомъ и духовенствомъ. О царѣ не упоминается, и принималъ ли онъ участіе въ этомъ ходѣ, неизвѣстно. Но

---

¹⁾ Это замѣчаніе, сдѣланное въ концѣ обряда Великой субботы, написано, очевидно, еще тогда, когда цари ходили въ Халкопратійскомъ храмѣ въ катихуменіи, слѣдовательно до нововведенія, сдѣланнаго Львомъ VI (?). А такъ какъ замѣтка прибавлена къ обряду Великой субботы, то ясно, что и весь этотъ обрядъ написанъ раньше этого нововведенія и принадлежалъ къ сборнику старыхъ специальныхъ обрядовъ, вошедшихъ вмѣстѣ съ другими специальными обрядами въ Придворный уставъ, въ видѣ цѣлаго сборника, какъ объ этомъ было сказано въ предисловіи ко II кн. Byzantina, стр. XXXVI слѣд. Ср. *ibid.* 229 и 235.

²⁾ I, 35, 186, равно какъ, и I, 32, 176, слова текста ἐπι λεπτοῖ ἐξεδέμεθα переведены на латинскій языкъ неправильно посредствомъ: breviter explicuimus. Ἐπι λεπτοῖ значитъ, напротивъ, подробно, обстоятельно, въ деталяхъ, какъ дѣйствительно и описанъ выходъ въ Благовѣщенскомъ обрядѣ сравнительно съ краткою замѣткою I, 35, 184—5.

³⁾ Этотъ уставъ описанъ проф. Н. Θ. Красносельцевымъ въ II вып. Лѣтописи Историко-Филологическаго Общества при Новороссійскомъ университетѣ, Одесса, 1892 въ статьѣ подъ заглавіемъ: Типикъ церкви св. Софіи въ Константинополѣ. Статья эта издана и отдѣльнымъ оттискомъ и была предметомъ моей рецензіи, помѣщенной въ октябрьской книжкѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1892 г. О богомольяхъ (ἡ λιτή) или крестныхъ ходахъ изъ храма св. Софіи въ Халкопратійскій храмъ по уставу Великой церкви въ IX в. проф. Красносельцевъ говоритъ на стр. 51 отдѣльнаго оттиска.

въ новооткрытомъ древнѣйшемъ уставѣ Великой церкви объ участіи царя въ церковныхъ праздникахъ вообще не упоминается, за исключеніемъ переоблаченія покрыва св. престола въ Великую субботу, потому и заключать изъ умолчанія о царѣ, что царь не участвовалъ, еще нельзя, тѣмъ болѣе, что участіе царя въ крестномъ ходѣ въ Благовѣщеніе, какъ и въ другіе праздники, далеко не было такъ обязательно и постоянно, какъ участіе патріарха. Отъ воли царя зависѣло принять или не принять участіе въ томъ или другомъ церковномъ торжествѣ¹⁾. Потому, быть можетъ, о царѣ въ церковномъ уставѣ и не упоминается, хотя онъ и участвовалъ обыкновенно во многихъ церковныхъ празднествахъ, т. е. дѣлалъ парадные выходы и совершалъ крестные ходы. Какъ бы, однако же, ни было, все-таки между Придворнымъ и Церковнымъ уставомъ относительно крестнаго хода въ Благовѣщеніе, случившееся въ Великую субботу, является разногласіе, которое примирить можно только предположительно. Возможны, мнѣ кажется, два предположенія; или царь съ своимъ синклитомъ совершалъ крестный ходъ чрезъ фортъ Константина, а патріархъ съ духовенствомъ шелъ прямо въ Халкопратійскій храмъ, или во время написанія Церковнаго устава и царь и патріархъ ходили прямо въ Халкопратійскій храмъ, если Благовѣщеніе приходилось въ субботу на страстной недѣлѣ.

Кромѣ Великой субботы въ извлеченіяхъ изъ типика Великой церкви IX в., сдѣланныхъ проф. Н. Θ. Красносельцевымъ, указанъ порядокъ службы и крестнаго хода, если Благовѣщеніе случится въ Великій четвергъ. Въ этомъ случаѣ «послѣ окончанія часовъ (въ Великой церкви, т. е. св. Софїи) и омовенія св. престола, выходитъ крестный ходъ и поднимается на фортъ (Константина), а оттуда возвращается въ Халкопратію»²⁾.

---

¹⁾ Потому препозиторъ обыкновенно спрашивалъ наканунѣ праздника, угодно ли царю совершить богомольный выходъ (см. мои *Byzantina*, II, 22 и 40).

²⁾ Въ II кн. *Byzantina*, при изложеніи выхода въ Великую субботу для переоблаченія св. престола въ храмъ св. Софїи, я соединилъ обрядъ облаченія съ обрядомъ омовенія (стр. 224 сл.), которое, по позднѣйшимъ церковнымъ обрядамъ, совершалось въ Великій четвергъ. Такъ какъ омовеніе дѣйствительно соединялось съ переоблаченіемъ, то я предположилъ, что въ IX—X вв. омовеніе совершалось въ субботу и что участіе царя въ облаченіи св. престола въ субботу представляетъ собою только часть этого обряда. Но изданныя недавно проф. Н. Θ. Красносельцевымъ извлеченія изъ древняго устава Великой церкви (см. вышеназванную статью, 93) показываютъ, что обрядъ омовенія и въ IX в., слѣдовательно издавна, совершался въ четвергъ, а въ субботу, независимо отъ омовенія, происходило облаченіе св. престола (*ibid.* 96). Въ первомъ царь не участвовалъ, а во второмъ участвовалъ. Къ сожалѣнію, въ извлеченіяхъ проф. Красносельцева „омовеніе“ выражено непонятнымъ словомъ *κατάλασις*, и не сразу можно догадаться, что разумѣется въ уставѣ

Хотя объ участіи царя въ этомъ крестномъ ходѣ ничего не говоритъ ни Церковный уставъ, ни обрядъ Великаго четверга, который находится въ Придворномъ уставѣ и который будетъ изложенъ ниже, тѣмъ не менѣе можно думать, что царь точно такъ же, какъ и въ другіе дни, принималъ участіе въ крестномъ ходѣ въ Халкопратійскій храмъ по Благовѣщенскому обряду, если Благовѣщеніе приходилось въ Великій четвергъ, совершая по возможности и то, что полагалось дѣлать въ этотъ четвергъ, независимо отъ Благовѣщенія.

3. Если Благовѣщеніе случалось въ Вербное воскресенье, когда совершался крестный ходъ по дворцовымъ храмамъ, изъ храма пресв. Богородицы Фара въ храмъ св. Стефана въ Дафнѣ и обратно, то царь, совершивъ крестный ходъ въ храмъ св. Стефана, не шелъ назадъ вслѣдъ за духовенствомъ, а входилъ въ смежный съ храмомъ св. Стефана китонъ (покой) Дафны, снявши въ Октагонѣ хламиду, и въ одномъ дивитисіи дожидался въ китонѣ извѣстія отъ патріарха. Чины синклита между тѣмъ шли въ разныя части дворца и становились въ тѣхъ палатахъ и помѣщеніяхъ, въ которыхъ они должны были, по Благовѣщенскому обряду, привѣтствовать царя во время шествія въ храмъ св. Софіи. Съ получениемъ извѣстія отъ патріарха о томъ, что пора начинать выходъ, царь выходилъ въ Октагонъ, облачался при помощи веститоровъ въ хламиду и совершалъ выходъ въ св. Софію по Благовѣщенскому обряду, т. е. по

подъ *κατάπαυσις τῆς ἁγίας τραπέζης*. Такъ, на стр. 51 трактата проф. Красносельцева приведенное у меня въ текстѣ мѣсто относительно крестнаго хода въ Великій четвергъ, если оно случится въ Благовѣщеніе, гласитъ такъ: *μετὰ τὴν ἀπόλοισιν τῆς τριδέκτης καὶ τὴν κατάπαυσιν τῆς ἁγίας τραπέζης ἐξέρχεται ἢ λιτῇ καὶ ἀνέρχεται ἐν τῷ φόρῳ καὶ ὑποστρέφει εἰς τὰ Χалκοπρατεῖα*. То же самое мы находимъ въ извлеченіи изъ Типика на Великій четвергъ (*ibid.* 93): *μετὰ τὴν ἀπόλοισιν τῆς τριδέκτης γίνεται κατάπαυσις τῆς ἁγίας τραπέζης*. Но въ чемъ состояло это *κατάπαυσις*, не сказано ни въ Типикѣ, ни въ объясненіяхъ Н. Θ. Красносельцева. Принимая во вниманіе, что въ позднѣйшее время въ Великій четвергъ происходило омовеніе св. престола св. Софіи, которое называется въ обрядѣ омовенія *ἐκπλοισις τῆς ἁγίας τραπέζης* (G o a r, Eucholog. 2-е изд., 497 сл.), нельзя сомнѣваться, что въ обоихъ вышеприведенныхъ мѣстахъ вмѣсто *κατάπαυσις* слѣдуетъ читать *κατάπλοισις* омовеніе, тѣмъ болѣе что λ при извѣстныхъ написаніяхъ можно очень легко принять за α. Съ восстановленіемъ этого правильнаго и единственно возможнаго чтенія, становится несомнѣннымъ, что омовеніе издавна происходило въ четвергъ, а въ субботу, независимо отъ этого, было омовеніе и облаченіе св. престола, непосредственно послѣ омовенія безъ участія царя. Къ сожалѣнію, при разборѣ трактата Н. Θ. Красносельцева о Типикѣ св. Софіи IX в., я не обратилъ надлежащаго вниманія на эти темныя мѣста, которыя для меня стали ясны только при изложеніи Благовѣщенскихъ выходовъ, послѣ болѣе внимательнаго разсмотрѣнія вышеприведенныхъ мѣстъ Типика св. Софіи, до изданія моей II кн. *Byzantina* отдѣльнымъ оттискомъ, такъ что въ послѣднихъ листахъ II кн. я еще могъ замѣтить вкратцѣ относительно этихъ мѣстъ и поправить свою ошибку.

типу средних выходовъ въ храмъ св. Софіи, а затѣмъ совершалъ крестный ходъ въ Халкопратійскій храмъ чрезъ форъ Константина ¹⁾).

4. Если Благовѣщеніе случалось въ понедѣльникъ Пасхальной недѣли, когда совершался торжественный крестный ходъ (впослѣдствіе выѣздъ) въ храмъ св. Апостоловъ, то царь, совершивши въ Благовѣщенскомъ облаченіи выходъ въ храмъ св. Софіи по типу средних выходовъ, одинаковому какъ для Благовѣщенія, такъ и для понедѣльника Пасхальной недѣли, шелъ оттуда съ своимъ крестнымъ ходомъ на форъ Константина, слушалъ тамъ краткое молебствіе и затѣмъ при пѣніи Благовѣщенскаго тропаря: «Днесъ спасенія нашего главизна», который, по обыкновенію, запѣвалъ церемоніарій, шелъ съ своимъ крестнымъ ходомъ не назадъ къ Халкопратійскому храму, а далѣе на западъ, по Средней улицѣ, до храма пресв. Богородицы Діакониссы, входилъ въ храмъ и слушалъ здѣсь прокимень, апостоль, евангеліе и ектенію; послѣ ектеніи царь переоблачался и вмѣсто Благовѣщенскаго облаченія надѣвалъ облаченіе понедѣльника Пасхальной недѣли. Переоблачившись такимъ образомъ, царь съ синклитомъ, также переоблачившимся по пасхальному, при пѣніи пѣвчими на амвонѣ пасхальнаго тропаря: «Христосъ воскресе», выходилъ изъ храма Богородицы Діакониссы и шелъ далѣе по той же Средней улицѣ до поворота къ храму св. Апостоловъ, а потомъ, повернувъ направо, направлялся съ своимъ крестнымъ ходомъ къ храму св. Апостоловъ. Во время шествія отъ храма Діакониссы чины царской свиты пѣли уже не Благовѣщенскій, а Пасхальный тропарь, который, по выходѣ изъ храма Діакониссы, начиналъ церемоніарій. Другими словами, въ храмѣ Діакониссы кончался Благовѣщенскій выходъ и начинался выходъ Пасхальнаго понедѣльника ²⁾).

Принимался ли во вниманіе праздникъ Благовѣщенія на возвратномъ пути, т. е. пѣлись ли пѣснопѣнія Благовѣщенія димами наряду съ пѣснопѣніями Пасхальнаго понедѣльника, неизвѣстно. Можно только поэтому предполагать, что пѣлись, по крайней мѣрѣ, отчасти, такъ какъ для этого требовалось только больше времени. Другихъ какихъ-либо препятствій, повидимому, не было.

---

¹⁾ Относительно совершенія Благовѣщенскаго выхода въ Вербное воскресенье, см. прибавку, сдѣланную въ концѣ обряда Вербнаго воскресенья, I, 32, 176. Обрядъ крестнаго хода въ этомъ праздникѣ будетъ изложенъ ниже, въ числѣ выходовъ въ дворцовые храмы. Средніе выходы описаны въ II кн. *Byzantina*, 220 сл. Въ остальной части выходъ совершался, какъ описано выше.

²⁾ Замѣтка объ особенностяхъ Благовѣщенскаго выхода въ понедѣльникъ Пасхальной недѣли помѣщена въ концѣ обряда выхода въ этотъ послѣдній праздникъ, I, 10, 85. Выходъ въ храмъ св. Апостоловъ будетъ изложенъ ниже.

5. По аналогіи съ вышеприведенными случаями совпаденія Благовѣщенія съ другими церковными празднествами можно судить о совершеніи Благовѣщенскаго выхода и въ другіе дни, т. е. можно думать, что по возможности совершалось все, что время позволяло исполнить. Но спеціальныхъ указаній относительно другихъ дней въ Придворномъ уставѣ не дано. Замѣчено только, что на возвратномъ пути актологіи совершаются только въ томъ случаѣ, если Благовѣщеніе придется въ субботу или въ воскресенье. Если же Благовѣщеніе случится въ другой день, то, хотя партіи или димы Ипподрома и стоятъ на своихъ мѣстахъ въ вышеописанномъ порядкѣ и послѣдовательности, но актологіи не поютъ, а только привѣтствуютъ царя многолѣтіями, когда онъ подходилъ къ мѣсту встрѣчи, и осѣняютъ его крестнымъ знаменемъ, когда онъ проѣхалъ ¹⁾).

Отсутствіе славословіи и пѣсногбній при встрѣчахъ, кромѣ субботы и воскресенія, слѣдуетъ, по всей вѣроятности, объяснять тѣмъ, что въ прочіе дни Великаго поста, а тѣмъ болѣе страстной недѣли, праздничныя пѣсногбнія, соединенныя съ прославленіемъ царей, считались не соответствующими тому покаянному и благоговѣйному настроенію, въ которомъ христіанинъ долженъ проводить Великій постъ, особенно страстную недѣлю.

6. Такъ какъ 25-го марта не только у насъ, но и на югѣ Европы бывають нерѣдко дожди и сильныя, холодныя вѣтры и совершать въ такую погоду крестный ходъ по улицѣ, совершать молебствіе на площади Константина на открытомъ воздухѣ было неудобно, то въ такомъ случаѣ крестный ходъ какъ царя съ его синклитомъ, такъ и патриарха съ духовенствомъ, отъ Миліа шелъ не по срединѣ улицы, а по портику, шедшему отъ Миліа къ фору Константина и окаймлявшему Среднюю улицу съ сѣверной стороны; т. е. съ правой, если идти отъ св. Софіи и Миліа къ фору Константина. Шествуя подъ кровлею портика, участники крестнаго хода доходили до самаго фора Константина, не подвергаясь дѣйствию дождя, но, дойдя до фора, шли не къ колоннѣ Константина, къ которой примыкалъ маленькій храмъ св. Константина, а, не выходя изъ-подъ кровли портика, достигали зданія сената, стоявшаго на форѣ Константина. Здѣсь въ сенатѣ фора ставился антиминосъ, т. е. переносный церковный столикъ ²⁾, который въ данномъ случаѣ замѣнялъ престолъ храма св. Константина. Около этого антиминоса становился царь съ своею ближайшею свитою, а сзади чины синклита въ

¹⁾ Замѣтка объ этомъ сдѣлана послѣ изложенія обряда Рождества Богородицы, I, 1, 33.

²⁾ О подобныхъ антиминосахъ, см. *Byzantina*, II, 173 сл.

порядкѣ, подобномъ тому, въ которомъ они располагались предъ колонною Константина. Сюда же приходилъ вслѣдъ за царемъ и патріархъ съ духовенствомъ и народомъ и совершалъ здѣсь краткое молебствіе, которое во время хорошей погоды совершалось въ храмѣ св. Константина. Послѣ этого молебствія, какъ царь съ своимъ синклитомъ, такъ и вслѣдъ за царемъ патріархъ съ духовенствомъ шли назадъ по тому же портику, по которому пришли въ сенать фора, до дома Лавза и, пройдя чрезъ него, повертывали налево въ Халкопратійскій храмъ ¹⁾, все время или почти все время шествуя подъ кровлею портика и колоннъ тѣхъ зданій, которыя примыкали къ портику и возлѣ которыхъ приходилось идти царю и патріарху съ ихъ спутниками.

По выходѣ изъ Халкопратійскаго храма, царь также могъ ѣхать назадъ подъ кровлею того же портика и такимъ образомъ доѣхать почти до самой Халки, не подвергаясь дѣйствию дождя.

Г л а в а IV.

Богомольные выходы и выѣзды въ храмъ св. Апостоловъ.

Храмъ св. Апостоловъ [τῶν ἁγίων Ἀποστόλων] построенъ былъ Константиномъ Великимъ и назначался для погребенія его самого и его наслѣдниковъ, христіанскихъ императоровъ, ихъ женъ и дѣтей ²⁾. Въ него перенесены были мощи св. Апостоловъ: Андрея, Тимофея и Луки при сынѣ и наслѣдникѣ Константина, Констанціи, при которомъ храмъ и освященъ во имя св. Апостоловъ, безъ всякаго сомнѣнія, согласно съ намѣреніемъ

---

¹⁾ О шествіи царя въ дурную погоду, см. I, 30, 169.

²⁾ Постройку храма св. Апостоловъ всѣ древнѣйшіе историки и хронисты, а въ томъ числѣ и современникъ Константина Евсевій, приписываютъ самому Константину [см. сопоставленіе свидѣтельствъ у J. P. Richter'a, Quellen d. byz. Kunstgeschichte, 101 сл.]. Хотя извѣстіе, находящееся въ Жизни Константина Евсевія, о томъ, что храмъ св. Апостоловъ построенъ между Пасхою и Троицынымъ днемъ въ годъ кончины Константина, весьма сомнительно и представляетъ, по всей вѣроятности, позднѣйшую вставку или искаженіе, какъ замѣтилъ Валезій (nota ad lib. IV, cap. 58 Vitae Const.), тѣмъ не менѣе, сомнѣваться въ постройкѣ этого храма Константиномъ гораздо раньше года его смерти нѣтъ оснований, такъ какъ, кромѣ свидѣтельства другихъ писателей, у самого Евсевія въ слѣдующей главѣ (59) прямо сказано, что Константинъ задолго до смерти обдумалъ вопросъ о мѣстѣ своего погребенія (ἀλλ' ὁ μὲν ἐκ μακροῦ καὶ πρόβαλοι τῷ λογισμῷ τοῦτο προταγευόμενος, ἀφιέρου τοῖς Ἀποστόλοις τὸν νεών). По словамъ хронографіи Теофана (р. 27 de Boog), первою погребена въ этомъ храмѣ св. Елена, мать Константина, которая скончалась за 12 лѣтъ до смерти своего царственного сына.

и волею самого Константина ¹⁾). Историкъ и панегиристъ св. Константина прямо говорить, что этотъ первый христіанскій императоръ предугадывалъ ту честь, которая ему будетъ оказана церковью, т.-е. предвидя, что онъ, за свои великія услуги, будетъ признанъ равноапостольнымъ (*ισαπόστολος*), приказалъ порфировую гробницу, предназначавшуюся для его собственнаго праха, поставить такъ, чтобы она стояла посреди двухъ рядовъ гробницъ съ именами 12 Апостоловъ ²⁾). Хотя въ этихъ гробницахъ мощей св. Апостоловъ не было, но уже самое положеніе среди нихъ Константина должно было указывать на великое значеніе перваго христіанскаго императора для Христовой церкви. Какъ христіанинъ, Константинъ Великій не могъ быть причисленъ, подобно своимъ предшественникамъ, къ богамъ, но зато онъ поставленъ и приравненъ былъ къ такимъ святымъ христіанской церкви, которые наиболѣе близки были къ Богочеловѣку и, по близости къ Божеству, занимаютъ первое мѣсто, послѣ Богоматери.

Въ какой части храма поставлена была гробница св. Константина, мы не можемъ сказать. Извѣстно только, что она стояла не въ самомъ храмѣ, а въ пристройкѣ къ нему (*ἐν ταῖς προθύροις*) ³⁾). Относительно

¹⁾ Хотя храмъ еще при постройкѣ посвященъ былъ св. Апостоламъ и строился въ честь ихъ, тѣмъ не менѣ торжественное освященіе (*ἐγκαινία*) его произошло, по видимому, только при наслѣдникѣ Константина, Констанціи, послѣ перенесенія туда мощей св. Апостоловъ сперва Тимофея, а потомъ Андрѣя и Луки, которыя, несомнѣнно, перенесены были при дѣтяхъ Константина Великаго, какъ можно заключить вмѣстѣ съ Дюк а н ж е мъ изъ словъ Филосторгія (*Const. Christ. lib. IV, p. 72 ed. Venet.*), который прямо говорить, что храмъ св. Апостоловъ освященъ Констанціемъ. Можетъ быть также, что храмъ былъ и освященъ при Константинѣ Великомъ, но Констанціемъ снова освященъ послѣ передѣлокъ и какихъ-нибудь новыхъ пристроекъ, вызвавшихъ новое и окончательное освященіе храма во имя св. Апостоловъ.

²⁾ Euseb. Vita Const. VI, 59: τῆς τῶν ἀποστόλων κοινῶν τὸ ἑαυτοῦ σκήνος μετὰ θάνατον προνοῶν ὑπερβαλλούσῃ πίστει προθυμῶς γεγενῆσθαι, ὡς ἂν καὶ μετὰ τελευτὴν ἀξιώτο τῶν ἐνταυθοῖ μελλουσῶν τῶν ἐπὶ τιμῇ τῶν Ἀποστόλων συντελεῖσθαι εὐχῶν. Δώδεκα δ' οὖν αὐτόθι θήσας, ὡσαυτεὶ στήλας ἱεράς, ἐπὶ τιμῇ καὶ μνήμῃ τοῦ τῶν ἀποστόλων ἐγείρας χοροῦ, μέσσην ἐτίθει τὴν ἑαυτοῦ αὐτὸς λάρνακα, ἧς ἑκατέρωθεν ἀνὰ ἕξ διέκειντο πρόθυροι. Я нарочно выписалъ это интересное свидѣтельство современника св. Константина, потому что оно очень ясно характеризуетъ взглядъ самого Константина на его заслуги и значеніе для христіанской церкви. Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что въ гробницы предполагалось постепенно перевести и мощи св. Апостоловъ, такъ что св. Константинъ оказался бы дѣйствительно среди Апостоловъ. Гдѣ положены были мощи вышеназванныхъ 3 Апостоловъ, по перенесеніи ихъ въ храмъ, неизвѣстно; быть можетъ, именно въ трехъ изъ 12 гробницъ. Впослѣдствіи, однако же, мощи трехъ Апостоловъ положены были подъ алтаремъ, гдѣ и найдены были при Юстиніанѣ, когда, для постройки новаго болѣе великолѣпнаго храма, полъ храма, построеннаго Константиномъ былъ снятъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ Прокопій Кесарійскій (см. ниже извѣстіе Прокопія о постройкѣ Юстиніаномъ новаго храма на мѣстѣ Константинова).

³⁾ Что прахъ Константина покоился не въ самомъ храмѣ, а близъ него, въ примыкающей къ нему какой-нибудь специально для того назначенной пристройкѣ,

устройства первоначального храма св. Апостоловъ мы знаемъ сравнительно очень немного. Известно, между прочимъ, что онъ по своему плану представлялъ форму креста и отдѣланъ былъ съ роскошью и великолѣпнѣмъ, достойными строителя и соответствующими назначенію храма быть усыпальницею для императорскихъ фамилій ¹⁾).

Храмъ стоялъ среди обширнаго двора, окруженнаго великолѣпными портиками со всѣхъ сторонъ. Близъ него былъ устроенъ дворецъ съ царскими покоями, бани, мѣста для отдохновенія и помѣщенія для стражи, которая должна была постоянно жить здѣсь и охранять мѣсто вѣчнаго упокоенія римскихъ самодержцевъ отъ покушеній святотатственной руки ²⁾).

Устроенный такимъ образомъ храмъ со всѣми окружающими его постройками существовалъ около двухъ вѣковъ, принимая въ свои нѣдра бранные остатки смѣнявшихся за это время римскихъ владыкъ, ихъ супругъ и ближайшихъ родственниковъ. Несмотря на заботливость, съ которою большинство императоровъ относились къ мѣсту погребенія своихъ предшественниковъ и родственниковъ, храмъ св. Апостоловъ ко времени царствованія Юстиніана, какъ и большинство другихъ построекъ Константина, пришелъ въ ветхость и требовалъ коренной передѣлки.

Великій царь-строитель, передѣлавшій значительную часть римскихъ построекъ Константина на византійскій ладъ, создавшій вмѣсто

это видно изъ словъ Іоанна Златоустаго, который говоритъ, что прахъ Константина находился *ἐν ταῖς προθύραις*. Дюканжъ (Const. Christ. 70), который приводитъ это мѣсто, переводитъ это слово посредствомъ *vestibulum*. Такой переводъ можетъ подать поводъ къ недоразумѣнію и заставить думать, что Константинова гробница находилась въ одномъ изъ нарѣнковъ, окружавшихъ храмъ. Іоаннъ Златоустъ подъ τὰ πρόθυρα разумѣетъ, по всей вѣроятности, особый, нарочно устроенный Констанціемъ портикъ для помѣщенія гробницы Константина, какъ объ этомъ ясно говоритъ Зонара (*ἐν τῇ ἰδιόρρυθμῳ στοῶν, ἣν ἐπὶ τῇ τᾶφῳ τοῦ πατρὸς αὐτοῦ (ὁ Κωνσταντῖνος) φηλοῦρησεν* XIII, 13). Этотъ портикъ, конечно закрытый, безъ сомнѣнія, примыкалъ къ какой-нибудь части храма, какъ впоследствии въ храмѣ Юстиніана, какъ мы увидимъ, евктирій или ἱρῶν Константина примыкалъ къ восточной части храма. Очень можетъ быть, что первоначально прахъ Константина былъ поставленъ въ самомъ храмѣ, а затѣмъ, послѣ постройки спеціальнаго помѣщенія, перевесенъ былъ въ него.

¹⁾ О крестообразной формѣ плана первоначального храма говоритъ Григорій Назіанзинъ, который называетъ его *πλευραῖς σταυροτόποις τέτραχα τεμνόμενον* (Du Cange, Const. Christ. 71), но какимъ образомъ образованъ былъ крестъ, неизвѣстно.

²⁾ Eusebii Vita Constantini, IV, 59: *οἰκοὶ τε βασιλέων ταῖς στοαῖς λουτρά τε καὶ ἀνακλιτήρια παρεξέτεινεντο κτλ.* Упоминаніе всѣхъ этихъ пристроекъ важно въ томъ отношеніи, что храмъ св. Апостоловъ и впоследствии, какъ при Константинѣ и Евсевіи, представлялъ не единичное зданіе, а цѣлый комплексъ зданій, большихъ и малыхъ храмовъ и жилищъ, цѣлый городокъ, занимавшій довольно значительный кварталъ.

болѣе или менѣе скромной базилики въ честь Премудрости Божіей, одинъ изъ величайшихъ храмовъ, и на мѣстѣ Константиновскаго храма св. Апостоловъ построилъ совершенно новый храмъ, имѣвшій, подобно св. Софіи, огромное значеніе въ исторіи архитектуры христіанскихъ церквей. Великій Юстиніанъ, затмившій Константина Великаго богатствомъ и роскошью своихъ построекъ, новизною и оригинальностью стили, и храму св. Апостоловъ далъ совершенно новый видъ и создалъ образецъ, который воспроизводился и воспроизводится безчисленное множество разъ съ разнымъ успѣхомъ.

Храмъ Константина Юстиніанъ приказалъ срыть до основанія и построилъ храмъ по новому плану и въ другомъ масштабѣ, но удержалъ въ новомъ планѣ крестообразную форму прежняго храма ¹⁾. Какъ было уже замѣчено, мы не имѣемъ подробныхъ свѣдѣній о планѣ Константиновскаго храма и не знаемъ, какими линіями и какой крестъ изображалъ планъ этого зданія. Къ счастью, относительно храма св. Апостоловъ, построеннаго Юстиніаномъ, мы имѣемъ болѣе подробныя свѣдѣнія. Кромѣ довольно обстоятельнаго описанія Прокопія, до насъ дошло нѣсколько, хотя очень несовершенныхъ, изображеній этого знаменитаго храма въ Минологіи Василія Болгаробойцы.

По словамъ Прокопія, храмъ св. Апостоловъ, построенный Юстиніаномъ, состоялъ изъ двухъ ограниченныхъ внѣшними стѣнами перекрещивающихся параллелограммовъ, изъ которыхъ одинъ распростирался съ запада на востокъ, а другой съ юга на сѣверъ. Первый параллелограммъ былъ длиннѣе второго, который пересѣкалъ первый не въ срединѣ его, а ближе къ восточному концу, такъ что планъ храма представлялъ собою форму креста не равноконечнаго (греческаго), а съ длиннымъ западнымъ концомъ (латинскій крестъ). Внутри концы имѣли по два ряда колоннъ въ два этажа и представляли родъ базиликъ въ три

---

¹⁾ Е. Е. Голубинскій, Исторія Русской Церкви, I, 2, стр. 66 сл. [2 изд. (Москва, 1904), 76 сл.] говорить, что Юстиніанъ приложилъ куполь уже къ готовой формѣ не купольнаго низа. Ср. стр. 67. [2 изд. 77] На этотъ готовый низъ, заимствованный отъ базилики, Юстиніанъ поставилъ купола и пр. Это мнѣніе не согласно съ прямымъ свидѣтельствомъ Прокопія de aedific. I, 4, которое цитруется Е. Е. Голубинскимъ; изъ свидѣтельства Прокопія видно, что прежній храмъ былъ для постройки новаго срытъ до основанія (τοῦτον (τὸν ναὸν) Ἰουστινιανὸς βασιλεὺς ἔλεον οὐκ ἔσσαν ἀναγεώσασθαι διὰ σπουδῆς ἔσχευεν, ἀλλὰ καὶ μεγέθους καὶ κάλλους περὶ ἀξιώτερον καταστήσασθαι). Да едва ли и возможно было съ архитектурной точки зрѣнія на стѣнахъ и фундаментѣ, поставленныхъ для базилики, каковою въ сущности былъ храмъ, построенный Константиномъ, поставить пять куполовъ, изъ которыхъ средній довольно великъ и, насколько можно вѣрить рисункамъ въ Минологіи Василія, утвержденъ притомъ на довольно высокомъ барабанѣ, который вдвое, если не больше, увеличивалъ тяжесть купола.

корабля, изъ которыхъ каждая вела къ центру зданія, т.-е. къ перекрестью параллелограммовъ, въ которомъ была устроена на возвышенномъ полу солея алтаря. Надъ алтаремъ, покрывая перекрестье, какъ на воздухѣ, висѣлъ полусферическій куполь, устроенный, по словамъ Прокопія, совершенно такъ же, какъ въ св. Софіи, только въ меньшихъ размѣрахъ, т.-е. куполь посредствомъ барабана, прорѣзаннаго окнами, опиравшійся на четыре арки и столько же столбовъ. Такіе же купола были поставлены надъ каждымъ изъ четырехъ концовъ креста. По словамъ историка, по величинѣ эти боковые купола были равны центральному и отличались отъ этого послѣдняго только тѣмъ, что нижняя часть купола не была прорѣзана окнами.

Обращаясь къ изображеніямъ храма св. Апостоловъ въ Минологіи Василія ¹⁾, мы, дѣйствительно, видимъ (рис. 21) пятикупольную церковь, въ которой центральный куполь значительно выше остальныхъ, хотя по величинѣ своего діаметра, повидимому, равенъ имъ. Высокій барабанъ центрального купола прорѣзанъ частыми окнами, между тѣмъ сравнительно низкіе барабаны другихъ куполовъ вмѣсто оконъ имѣютъ только узкія продольныя отверстія, за исключеніемъ одного праваго купола, въ которомъ, кромѣ такихъ отверстій, имѣется широкое окно.

Рисунки Минологія, такимъ образомъ, подтверждаютъ и дополняютъ свѣдѣнія, сообщенныя Проконіемъ, въ томъ отношеніи, что представляютъ купола не равной высоты, какъ и слѣдовало ожидать съ архитектурной точки зрѣнія. Но едва ли не еще важнѣе то обстоятельство, что, судя по рисункамъ Минологія, купола храма св. Апостоловъ поставлены на высокихъ барабанахъ (*τὸ χαλκωτέρως* Прокопія), особенно центральный, между тѣмъ какъ куполь св. Софіи барабана почти не имѣетъ, а представляетъ собою полусферу, положенную почти прямо на аркахъ, съ окнами въ этой полусферѣ. Такимъ образомъ, если рисунки Минологія точны, въ храмѣ св. Апостоловъ, построенномъ при Юстиніанѣ, мы имѣемъ образецъ: 1) куполовъ на высокихъ барабанахъ, 2) соединенія въ одномъ храмѣ 5 куполовъ, т.-е. пятикупольной церкви. И то и другое, какъ извѣстно, сдѣлалось до того распространеннымъ, что стало типичнымъ отличіемъ большихъ соборныхъ храмовъ, построенныхъ въ византійскомъ стилѣ, какъ на западѣ, такъ и на востокѣ, особенно у насъ.

---

¹⁾ Храмъ св. Апостоловъ изображенъ подъ 27 января, ed. Albani, t. II, p. 140 (перенесеніе мощей св. Іоанна Златоуста въ храмъ св. Апостоловъ) и 18 октября, ed. Albani, t. I, p. 125 (память св. Евангелиста Луки, изображено положеніе его мощей въ храмѣ св. Апостоловъ).

Наиболѣе извѣстнымъ образцомъ пятикупольнаго храма на западѣ является соборъ св. Марка въ Венеціи, а у насъ такихъ церквей съ давнихъ временъ было великое множество, и до того [тѣмъ этотъ] считается излюбленнымъ, что за невозможностію устроить пять куполовъ, ихъ замѣняютъ, по крайней мѣрѣ, пятью главами, поставленными на столбикахъ, замѣняющихъ барабаны, какъ главы замѣняютъ куполь ¹⁾. Въ виду этого храмъ св. Апостоловъ является однимъ изъ самыхъ важныхъ и замѣчательныхъ храмовъ Константинополя не только по своему религиозному

Рис. 21. Миниатюра Ватиканскаго мѣнолѳіа (18 окт.).

значенію, по которому онъ занималъ первое мѣсто послѣ св. Софіи, но и по своему громадному вліянію на архитектуру храмовъ, которое продолжается и до сихъ поръ, несмотря на то, что этотъ прототипъ пятикупольныхъ и пятиглавыхъ церквей и соборовъ давно исчезъ и замѣненъ построенною на его мѣстѣ мечетью.

Какъ въ храмѣ, построенномъ Константиномъ для погребенія царей и царицъ, гробницы ихъ, не исключая и самого равноапостольнаго строителя, не стояли [въ самомъ храмѣ], а помѣщались въ пристройкахъ,

---

¹⁾ О распространеніи крестообразной формы церквей у насъ, особенно въ позднѣйшее время, см. Е. Е. Голубинскій, Исторія Русской Церкви, I, 2, стр. 69 сл. [2 изд. 80 сл.].

такъ и въ храмѣ, воздвигнутомъ Юстиніаномъ, гробницъ съ тѣлами усопшихъ царей и членовъ ихъ семействъ не помѣщали. Для этой цѣли были при самой постройкѣ сдѣланы особыя помѣщенія, портики и маленькіе храмы, примыкавшіе къ большому храму и составлявшіе съ нимъ одно цѣлое. Такъ, по крайней мѣрѣ, нужно заключать какъ изъ обрядовъ Придворнаго устава, такъ и изъ перечня похороненныхъ при храмѣ св. Апостоловъ царей и царицъ съ ихъ ближайшими родственниками и родственницами.

Дѣло въ томъ, что въ этихъ спискахъ гробницы царей и царицъ распределяются на четыре отдѣльныхъ помѣщенія: два ἡρῶα и два портика (στοαί), сѣверный и южный. Но при этомъ, къ сожалѣнію, не указывается, гдѣ собственно эти помѣщенія находились и въ какомъ отношеніи они находились къ храму св. Апостоловъ, т.-е. находились ли они внѣ или внутри его, такъ что вопросъ этотъ приходится рѣшать на основаніи другихъ данныхъ и косвенныхъ указаній, которыхъ также очень мало, да и тѣ не настолько ясны, чтобы дать точный и обстоятельный отвѣтъ ¹⁾.

Въ названныхъ перечняхъ одинъ ἡρῶον называется Константиновымъ, а другой—Юстиніановымъ, потому что въ первомъ изъ нихъ во главѣ погребенныхъ тамъ находится Константинъ и Елена, а въ другомъ—Юстиніанъ Великій, строитель новаго храма св. Апостоловъ, существоваваго до взятія Константинополя турками.

Въ языческомъ мірѣ τὰ ἡρῶα назывались храмы и капеллы въ честь героевъ, гдѣ совершался культъ ихъ. Въ христіанскомъ мірѣ, сколько мнѣ извѣстно, храмы и капеллы (εὐχτήρια) въ честь святыхъ не назывались ἡρῶα и въ Gl. Gr. Дюканжа s. v. τὸ ἡρῶον указывается только на вышеназванныя ἡρῶα Константина и Юстиніана, которыя Дюканжъ почему-то называетъ портиками ²⁾. Если Дюканжъ въ этомъ случаѣ руководствовался тѣмъ обстоятельствомъ, что два другихъ помѣщенія для погребенія царей называются въ перечняхъ портиками (στοαί), то въ этомъ случаѣ съ Дюканжемъ едва ли можно согласиться.

Какъ видно изъ нижеизложенныхъ обрядовъ богомольныхъ выхо-

---

¹⁾ Н. П. Кондаковъ въ своемъ прекрасномъ очеркѣ исторіи константинопольскихъ церквей ставитъ этотъ вопросъ, но не рѣшаетъ его (Византійскіе церкви и памятники Константинополя, Одесса, 1886, 42). [О храмѣ св. Апостоловъ ср. статью О. Ѳ. Вульфъа „Семь чудесъ Византіи и храмъ св. Апостоловъ“. Изв. Русск. Археол. Инст. въ Константинополѣ, I (1896), 35 сл.]

²⁾ Въ словарѣ Дюканжъ за доказательствами отсылаетъ въ Constantin. Christiana, 108—9 Парижскаго = 74 Венеціанск. изданія, но и тутъ доказательствъ того, что занимающія насъ ἡρῶα были именно портики, не приводится.

довъ въ храмъ св. Апостоловъ, въ ἡρῶν'ѣ Константина былъ алтарь (τὸ βῆμα) и притомъ въ честь св. Константина, такъ какъ этотъ ἡρῶν называется иногда просто «св. Константиномъ», т.-е. храмомъ св. Константина, какъ обыкновенно храмы въ честь святыхъ называются именами этихъ святыхъ безъ прибавленія слова «храмъ»¹⁾. А если ἡρῶν Константина былъ храмъ или, точнѣе, евктирій, то его едва ли можно назвать портикомъ, какъ дѣлаетъ Дюканжъ, который не могъ имѣть въ виду указаній Придворнаго устава. Подобнымъ же евктиріемъ былъ, по всей вѣроятности, и ἡρῶν Юстиніана, но былъ ли тамъ алтарь въ честь Юстиніана или какого другого святого, неизвѣстно, по крайней мѣрѣ, мнѣ. Оба эти ἡρῶα построены, по всей вѣроятности, Юстиніаномъ при постройкѣ храма св. Апостоловъ, и Юстиніанъ, поставивши въ одномъ во главѣ гробницъ гробницу свв. Константина и Елены, другой такой же построилъ для себя и своихъ наслѣдниковъ и завѣщалъ на первомъ мѣстѣ положить свой прахъ, почему этотъ ἡρῶν и названъ его именемъ²⁾.

Если эти два ἡρῶα были такимъ образомъ евктиріями или небольшими храмами, вродѣ Равеннскаго евктирія, въ которомъ погребена Галла Плакидія съ семьєю, то уже изъ этого можно заключать, что ἡρῶα св. Константина и Юстиніана находились не въ самомъ храмѣ, а были отдѣльными помѣщеніями, придѣльными храмами, находившимися не въ предѣлахъ храма св. Апостоловъ въ строгомъ смыслѣ, а внѣ его. Въ пользу этого говорятъ и нѣкоторыя мѣста нижеизложенныхъ обрядовъ.

Такъ въ обрядѣ празднованія памяти св. Константина сказано, что цари, помолвившись въ алтарѣ храма св. Апостоловъ, «поворачиваютъ налѣво къ востоку этого алтаря и уходятъ къ гробницамъ, т.-е. въ храмъ св. Константина, а тамъ въ ведущей туда двери встрѣчаютъ ихъ патріархъ». Изъ этого мѣста видно, что храмъ св. Константина или ἡρῶν его отдѣлялся отъ алтаря, къ сѣверо-восточной сторонѣ котораго онъ примыкалъ, стѣною и дверью. Но изъ этого мѣста еще нельзя

---

¹⁾ Cerim. II, 6, 533: послѣ молитвы въ алтарѣ храма св. Апостоловъ, цари ἐκτεύουσιν ἀριστερᾷ πρὸς ἀνατολὴν τοῦ αὐτοῦ βήματος (т.-е. храма св. Апостоловъ) καὶ ἀπέρχονται πρὸς τοὺς τάφους, ἤγουν εἰς τὸν ἅγιον Κωνσταντῖνον καὶ ἐκεῖθεν ἔνδον τῆς εἰσαγωγῆς πύλης δέχεται τοὺτους ὁ πατριάρχης καὶ πάλιν ἐν τῷ ἐκείσε βήματι ἀπευχαριστοῦσι τῷ Θεῷ... καὶ θυμιᾷ (ὁ πρῶτος βασιλεὺς) εἰς τὸ ἅγιον βῆμα καὶ τὸν τάφον τοῦ Λέοντος κтл. Изложеніе этого мѣста см. ниже въ концѣ этой главы, гдѣ излагается вся эта глава [устава].

²⁾ Юстиніанъ не только построилъ для себя ἡρῶν, но и приготовилъ великолѣпную гробницу, которая, по словамъ Коринпа, была сдѣлана изъ чистаго золота (primo auro, Coripp. de Iustini Laudib. 111). Кординъ прямо приписываетъ постройку того помѣщенія, въ которомъ былъ погребенъ Юстинъ и Θεодора, Юстиніану, причемъ называетъ его τὸ ἔξω μνημοθέσιον. Оба мѣста ср. также у Дюканжа, Const. Christ. lib. IV, p. 74.

заключать, что храмъ св. Константина составлялъ отдѣльную пристройку, а не входилъ въ составъ храма, т.-е. не находился въ его стѣнахъ. Обрядъ выхода въ недѣлю всѣхъ Святыхъ позволяетъ, кажется, сдѣлать и это заключеніе. Въ концѣ его сказано, что «царь, выслушавъ евангеліе, уходитъ изъ евкиріа св. Теофаніи и проходитъ черезъ дверь и деревянную лѣстницу, которая, выводя наружу изъ храма св. Константина, ведетъ въ то же время въ катихуменіи св. Апостоловъ». Такую лѣстницу можно представлять себѣ разнo. Во всякомъ случаѣ, она въ нижней своей части выводила на дворъ (ἐξάερον) изъ храма св. Константина, а продолженіе ея вверхъ, примыкавшее къ стѣнѣ этого храма, вело въ катихуменіи св. Апостоловъ, т.-е. во второй этажъ этого храма. Если бы храмъ св. Константина былъ въ стѣнахъ храма св. Апостоловъ, а не составлялъ отдѣльной пристройки, то едва ли было бы сказано, что лѣстница вела изъ храма св. Константина, скорѣе можно было бы ожидать названіе простой деревянной лѣстницы, ведущей въ катихуменіи св. Апостоловъ безъ упоминанія храма св. Константина, если бы онъ не составлялъ отдѣльной пристройки, быть можетъ, подобной той, которая изображена въ Митологіи Василія (ed. Albani, II, p. 182, рис. 22) возлѣ храма св. Апостоловъ, если только здѣсь мы имѣемъ изображеніе этого именно храма, какъ полагаетъ проф. Е. Е. Голубинскій. Подобную же пристройку, но съ другой стороны представлялъ собою, вѣроятно, ἱερόν Юстиніана.

Въ храмѣ св. Константина изъ древнихъ царей, кромѣ самого Константина, который погребенъ въ порфировомъ саркофагѣ вмѣстѣ съ матерью своею св. Еленою въ восточной сторонѣ, погребены тѣла сына его Констанція, Θεодосія Великаго, его дочь Пульхерія съ мужемъ Маркіаномъ, Левъ Великій, Зинонъ и Анастасій Дикоръ съ Ариадною. Кромѣ этихъ древнихъ царей, здѣсь погребены цари Македонской династіи Василій, Левъ VI, Константинъ VII и Василій II, ихъ жены и отчасти дѣти, вѣроятно, по распоряженію Василія, который сдѣлалъ въ храмѣ св. Апостоловъ и пристройкахъ къ нему значительныя поправки. Послѣднимъ изъ погребенныхъ здѣсь царей значится Василій II Болгаробойца. Цари-узурпаторы, возлагавшіе на себя царскую корону во время малолѣтства Константина Багрянороднаго и его внуковъ въ спискѣ не значатся и, кромѣ Никифора Фоки, погребены здѣсь не были. Зато сюда былъ поставленъ во главѣ Македонской династіи Михаилъ III, по распоряженію Льва Мудраго, который считалъ себя, повидимому, сыномъ Михаила, а не Василія Македонянина.

Въ виду того, что позднѣйшіе обряды богомольныхъ выходовъ въ

храмъ св. Апостоловъ составлялись и редактировались при царяхъ Македонской династїи, въ нихъ упоминаются гробницы Василїя Македонянина и Льва Мудраго и его первой жены св. Теофанѣ наряду съ гробницею св. Константина, потому что цари (по всей вѣроятности, Константинъ Багрянородный и Романъ II) имъ поклонялись и кадили.

Какъ при храмѣ, построенномъ Константиномъ Великимъ, были разныя зданїя и небольшой дворецъ, такъ и при храмѣ, вновь выстроенномъ Юстиніаномъ, былъ дворецъ, который непосредственно при-

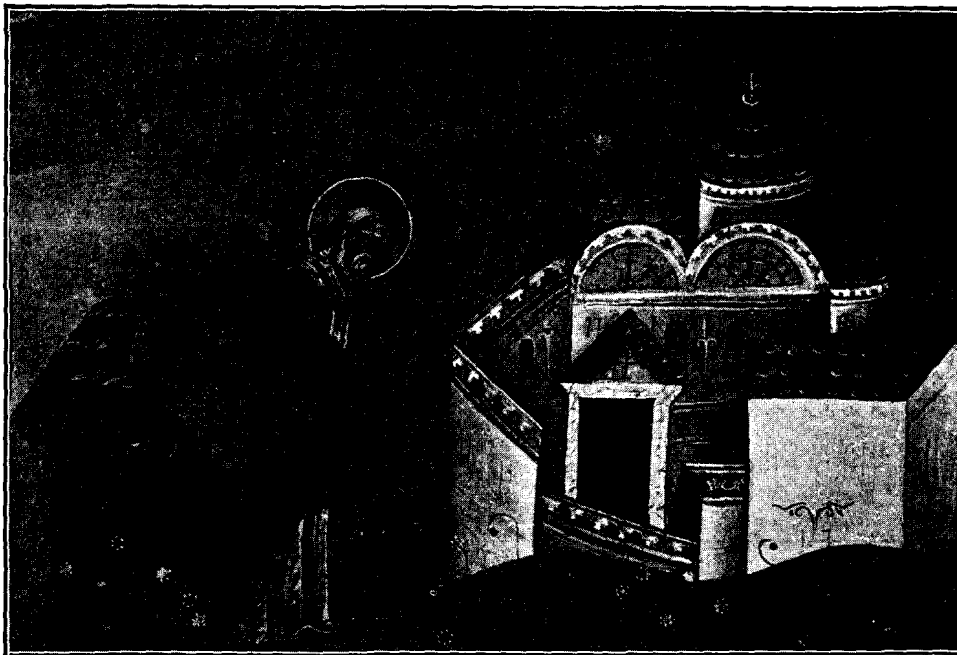

Рис. 22. Миниатюра Ватиканскаго минологїя (12 февр.).

мыкалъ къ храму и въ который можно было пройти посредствомъ внутреннихъ переходовъ изъ катихуменїи западной стороны. Объ устройствѣ и величинѣ этого дворца мы ничего не знаемъ. Изъ обрядовъ Константина Багрянороднаго видно только, что во дворцѣ была «большая палата» для парадныхъ царскихъ обѣдовъ во дни выходовъ въ храмъ св. Апостоловъ и Всѣхъ Святыхъ. Къ этой большой палатѣ, вмѣщавшей въ себѣ большое количество столовъ для духовныхъ и свѣтскихъ чиновъ, примыкалъ китонъ или покой для отдохновенїя, переоблаченїя и пребыванїя царя въ ожиданїи патріарха ¹⁾.

¹⁾ Относительно этой палаты см. *Serim*, I, 10, 79—80. Ср. перечень парадныхъ праздничныхъ обѣдовъ атриклина Филовея, II, 52, 769 (*ἐν τῇ μεγάλῃ τρικλίνῃ τῶν παλατίων*), 773. Ср. II, 7, 538.

Кромѣ этого дворца, къ храму св. Апостоловъ если не прилегалъ, то стоялъ очень близко храмъ Всѣхъ Святыхъ съ своими придѣльными храмами или евктиріями. По единогласному свидѣтельству византійскихъ, хотя и сравнительно позднѣйшихъ писателей, храмъ этотъ былъ построенъ Львомъ VI Мудрымъ, который для его постройки воспользовался матеріаломъ отъ старой развалившейся церкви св. Стефана. Храмъ этотъ существовалъ сравнительно недолго и, разрушенный временемъ и землетрясеніями, въ свою очередь, послужилъ матеріаломъ для укрѣпленія Кикловія и Золотыхъ воротъ при Іоаннѣ Палеологѣ ¹⁾).

Съ какой стороны храма св. Апостоловъ былъ расположенъ храмъ Всѣхъ Святыхъ, въ точности неизвѣстно. Объ этомъ можно только догадываться почти исключительно на основаніи обрядовъ Придворнаго устава. Мордтманнъ въ своемъ новомъ «Очеркѣ средневѣкового Константинополя» высказываетъ предположеніе, что храмъ Всѣхъ Святыхъ примыкалъ къ храму св. Апостоловъ съ сѣверной стороны, но, къ сожалѣнію, не указываетъ основаній своего предположенія. Мнѣ также кажется, что храмъ Всѣхъ Святыхъ былъ съ сѣверной стороны. Основаніемъ для этого предположенія служитъ то обстоятельство, что царь, по выходѣ изъ нарѣика придѣльнаго храма св. Ипатія, который примыкалъ къ алтарю храма Всѣхъ Святыхъ, поднимается въ катихуменіи св. Апостоловъ по деревянной лѣстницѣ, прилегавшей къ ἡρῶν св. Константина, который примыкалъ къ храму св. Апостоловъ съ лѣвой (сѣ-

---

¹⁾ Свидѣтельства средневѣковыхъ писателей объ этомъ храмѣ приведены Дюканжемъ, Const. Christ. lib. IV, p. 90—91 ed. Venet. [J. P. Richter, Quellen d. byz. Kunstgesch. 228]. Придворный уставъ Константина Багрянороднаго, не говоря ничего противъ этихъ свидѣтельствъ, до нѣкоторой степени, хотя и косвенно, подтверждаетъ эти свидѣтельства. Въ I кн., которая начинается сборникомъ богомольныхъ выходовъ, обряда выходовъ въ недѣлю Всѣхъ Святыхъ не имѣется, но онъ вошелъ въ составъ начала II книги, гдѣ помѣщены не вошедшіе въ составъ I книги, частью болѣе поздніе обряды, а въ томъ числѣ и обрядъ выхода въ храмъ Всѣхъ Святыхъ, въ которомъ уже упоминается евктірій св. Теофанъ, жены Льва VI, построенный тѣмъ же Львомъ, вѣроятно, вмѣстѣ съ храмомъ Всѣхъ Святыхъ или вскорѣ послѣ него (Сегим. II, 7, 537). Кромѣ этого, умолчаніе о выгздѣ въ храмъ Всѣхъ Святыхъ въ перечнѣ обѣдовъ Филоея, составленномъ въ 900 году, можетъ быть принято за косвенное свидѣтельство того, что храмъ этотъ построенъ послѣ 900 года, во вторую половину царствованія Льва.

Въ виду всего этого для меня не совѣмъ понятно заявленіе Дюканжа (l. c.), что храмъ Всѣхъ Святыхъ longe ante Leonem stetit, тѣмъ болѣе, что въ доказательство этого мнѣнія, противорѣчащаго прямымъ свидѣтельствамъ писателей, приводится только рассказъ о перенесеніи въ 962 г. Никифоромъ Фокою крови Христовой и другихъ реликвій, привезенныхъ Никифоромъ изъ Сиріи, въ храмъ Всѣхъ Святыхъ. Хотя чудесное истеченіе крови и воды изъ распятія случилось гораздо раньше Льва VI, при Константинѣ Копронимѣ, но перенесеніе этой крови въ храмъ Всѣхъ святыхъ произошло уже при внукахъ Льва VI, потому не можетъ говорить въ пользу болѣе ранняго построенія этого храма.

верной) стороны, причемъ царь проходилъ чрезъ дворикъ (*ἑξάερον*), лежавшій между восточными концами двухъ храмовъ ¹⁾). Царь такимъ образомъ шелъ отъ правой (южной) стороны храма Всѣхъ Святыхъ къ лѣвой (сѣверной) сторонѣ храма св. Апостоловъ, безъ сомнѣнiя, ближайшимъ и прямѣйшимъ путемъ, не огибая одного изъ этихъ храмовъ. А если такъ, то, значить, правая сторона храма Всѣхъ Святыхъ была обращена къ лѣвой храма св. Апостоловъ.

Какъ къ храму св. Апостоловъ примыкали помѣщенiя для погребенiя царей, такъ къ храму Всѣхъ Святыхъ прилегали евктирiи въ память разныхъ святыхъ. Къ алтарной конхѣ его, между прочимъ, примыкала евктирiя въ честь св. Теофанѣ или Теофанiи, первой супруги Льва VI, которая за свои христіанскiя добродѣтели вскорѣ послѣ смерти была причислена къ лику святыхъ. Въ память ея Левъ и построилъ евктирiю, быть можетъ, въ одно время съ храмомъ Всѣхъ Святыхъ ²⁾).

¹⁾ *Сегіи*, II, 7, 538. Ср. ниже изложеніе обряда выхода въ пещлю Всѣхъ Святыхъ.

²⁾ У продолжателя Теофана просто сказано, что Левъ возлѣ храма св. Апостоловъ построилъ храмъ въ честь Теофанѣ (*de Leone*, с. 18, р. 364 *Вопн.*). У Симеона Магистра о постройкѣ храма въ честь Теофанѣ говорится послѣ разказа о смерти Зои Зауца и погребенiи ея въ храмѣ св. Зои, построенномъ Львомъ нарочито для погребенiя своей второй супруги, и замѣчено, что, построивъ храмъ во имя Теофанѣ, и ее похоронилъ или положилъ ея гробъ въ этомъ храмѣ, какъ Зою похоронилъ въ храмѣ св. Зои (р. 703). Въ хроникѣ Георгiя Монаха такъ же, какъ и у продолжателя Теофана, ничего не сказано о погребенiи Теофанѣ въ храмѣ ея имени, а говорится только о постройкѣ храма возлѣ св. Апостоловъ (р. 860 *Вопн.*; ср. *ed. Muralt*, р. 780). Почти буквально тожественно съ тѣмъ, что сказано объ этомъ у Кедрина-Скилицы (р. 260). Наконецъ, Зонара, какъ и продолжатель Теофана, говоритъ, что въ евктирiи св. Теофанѣ было положено тѣло ея; слѣдуя въ этомъ случаѣ продолжателю Теофана, Зонара, какъ писатель позднѣйшій, особеннаго значенiя не имѣетъ. Изъ ближайшихъ же ко времени Льва хронистовъ только продолжатель Теофана говоритъ то, что Дюканжъ приписываетъ всѣмъ имъ (*Const. Christ. I. IV*, р. 113 *ed. Venet.*), не отдѣляя свидѣтельства о погребенiи Теофанѣ отъ свидѣтельства о постройкѣ храма. Замѣчательно, что всѣ эти хронисты, какъ и Кодинъ (см. у Дюканжа I. с.) говорятъ, что евктирiя во имя св. Теофанѣ былъ построенъ возлѣ (*πλησίον*) св. Апостоловъ, а не Всѣхъ Святыхъ. Такое обозначенiе указываетъ на несравненно болѣе известность храма св. Апостоловъ, какъ самаго важнаго, послѣ св. Софiи, городского храма, а быть можетъ, и на то обстоятельство, что во время постройки евктирiи во имя св. Теофанѣ храма Всѣхъ Святыхъ еще не было. По свидѣтельству хроникъ, евктирiя св. Теофанѣ былъ построенъ до 900 года. И дѣйствительно, въ перечнѣ праздничныхъ обѣдовъ Филоея, составленномъ въ 900 году, выѣзда въ храмъ Всѣхъ Святыхъ, когда также бывалъ обѣдъ во дворцѣ при храмѣ св. Апостоловъ, не упоминается, между тѣмъ какъ въ перечнѣ царскихъ облаченій (I, 37) этотъ выѣздъ упоминается. Изъ этихъ обстоятельствъ съ нѣкоторымъ основанiемъ можно заключить: 1) что храмъ св. Апостоловъ былъ построенъ послѣ 900 года, 2) что перечень царскихъ облаченій написанъ послѣ постройки храма Всѣхъ Святыхъ, слѣдовательно также послѣ 900 года. [О храмѣ св. Теофанѣ см. *J. P. Richter, Quellen d. byz. Kunstgesch.* 229 сл.]

Память блаженной царицы Теофанiи православною церковью празднуется 16 декабря. Изображенiе Теофанiи находится въ *Минологiи* Василія подъ этимъ числомъ, *ed. Albani*, t. II, р. 34, рис. 23.

Нѣкоторые византійскіе хронисты говорятъ, а за ними повторяютъ и нѣкоторые новѣйшіе ученые, что Левъ VI Мудрый построилъ этотъ евктирій для погребенія въ немъ своей супруги Теофанѣ, которая и была, по ихъ словамъ, тамъ погребена. Между тѣмъ, какъ мы увидимъ изъ нижеизложенныхъ обрядовъ, св. Теофанѣ была погребена въ евктиріи св. Константина и тамъ цари поклоняются ея гробу послѣ Льва VI, который, очевидно, былъ погребенъ рядомъ съ нею. По перенесеніи царскихъ гробницъ Теофанѣ была погребена въ евктиріи св. Константина даже не одна, а съ своею дочерью Евдокією. Отсутствіе мощей св. Теофаніи въ евктиріи ея имени подтверждается и тѣмъ обстоятельствомъ, что цари во время выходовъ въ храмъ Всѣхъ Святыхъ входятъ въ этотъ евктирій чрезъ синтронъ евктиріи св. Льва (*διὰ τοῦ ἔνδον τοῦ βήματος κυκλίου*) не для поклоненія мощамъ св. царицы, а для того, чтобы тамъ переоблачиться и сидѣть въ ожиданіи чтенія евангелія, которое потомъ цари слушали, стоя у закрытой завѣсою двери, ведшей изъ алтаря Всѣхъ Святыхъ въ евктирій ¹⁾.

Кромѣ евктиріи св. Теофаніи къ алтарю храма Всѣхъ Святыхъ примыкалъ такой же евктирій въ честь мученика Льва, изъ алтаря котораго (точнѣе, изъ синтрона) былъ ходъ въ евктирій св. Теофаніи. Въ него царь входитъ послѣ поклоненія св. престолу въ храмѣ Всѣхъ Святыхъ, поклоняется въ этомъ евктиріи св. престолу и, простившись съ патриархомъ, уходитъ чрезъ синтронъ въ евктирій св. Теофаніи. Положеніе его относительно храма Всѣхъ Святыхъ опредѣляется тѣмъ, что цари входятъ въ него чрезъ восточную сторону алтаря Всѣхъ Святыхъ, изъ чего можно заключать, что онъ, какъ и евктирій Теофаніи, примыкалъ къ алтарю съ восточной стороны ²⁾.

Въ тѣсной связи съ этими двумя евктиріями, построенными Львомъ, находился третій въ честь св. Ипатія, чрезъ нарѣикъ котораго

---

¹⁾ Наши паломники видѣли и поклонялись мощамъ св. царицы Теофаніи. Стефанъ Новгородскій (1342 г.) въ женскомъ монастырѣ св. Константина, а іеродиаконъ Зосима (1420 г.) въ монастырѣ Филострата. По словамъ Никодима мощи св. Теофаніи покоятся до настоящаго времени въ Константинопольской патриархіи (Сергіѣй, Полный Мѣсяцесловъ Востока, II, 390 [= 2 изд. (Владиміръ, 1901), 508]).

²⁾ Въ память какого мученика Льва былъ построенъ этотъ евктирій, сказать не берусь. Въ Православномъ календарѣ значатся два Льва: Левъ Великій, римскій папа, и Левъ, епископъ Катанскій (въ Сициліи), но ни тотъ, ни другой мучениками не были, а скончались въ мирѣ (см. Сергіѣй, Полный Мѣсяцесловъ Востока подъ 18 и 20 февраля [2 изд. II, 76.77]. Ср. Минологіи Василія подъ тѣми же числами). Въ перечнѣ константинопольскихъ храмовъ въ Const. Christ. Дюканжа евктирій во имя Льва, мученика или епископа, не значится, такъ какъ онъ извѣстенъ только изъ Придворнаго устава, который Дюканжу не былъ извѣстенъ.

цари проходили на пути изъ евктирія св. Теофанія въ храмъ св. Апостоловъ ¹⁾).

Въ ἡρῶν'ѣ Юстиніана на первомъ мѣстѣ, къ востоку, у самой алтарной конхи, стояла гробница съ прахомъ Юстиніана, затѣмъ слѣдовали гробницы Теодоры и ближайшихъ наслѣдниковъ Юстиніана. Кромѣ семейства Юстиніана въ его ἡρῶн'ѣ покоились Ираклиды, начиная съ самаго Ираклія, и цари-иконоборцы, начиная со Льва Исавра и кончая послѣднимъ иконоборцемъ Теофиломъ. Здѣсь же

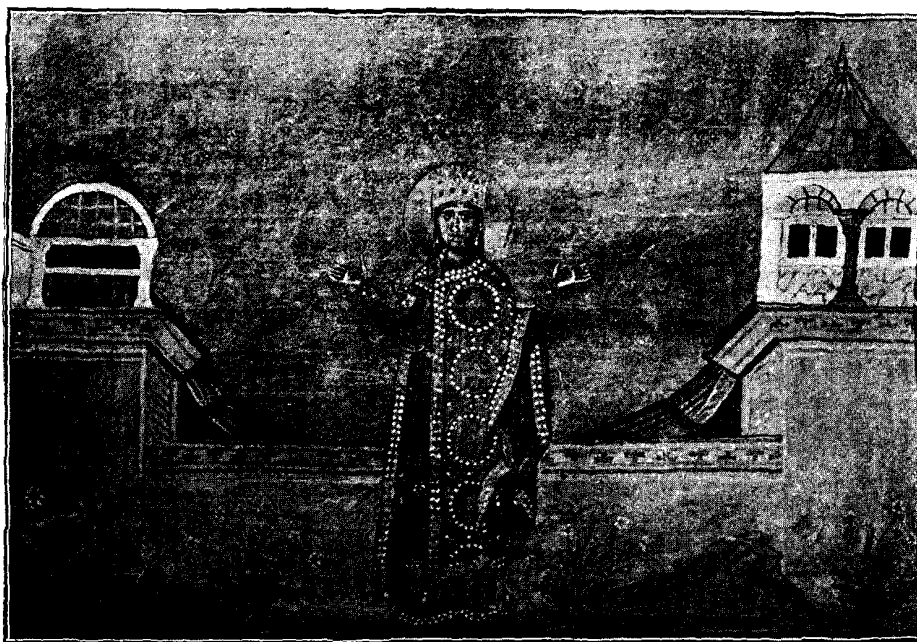

Рис. 23. Миниатюра Ватиканскаго минологія (16 дек.).

погребено было тѣло самаго упорнаго и рѣзкаго иконоборца Константина Каваллина или Копровима. Михаилъ III счелъ нужнымъ не только лишить Константина Каваллина чести быть погребеннымъ вмѣстѣ съ другими царями, но и сжегъ его «несчастное тѣло», а гробницу его приказалъ разбить и употребить на подѣлки при перестройкѣ Фара ¹⁾).

¹⁾ Св. Ипатіевъ православная церковь чтитъ нѣсколько; во имя какого изъ нихъ построенъ былъ и кѣмъ евктирій возлѣ храма Всѣхъ Святыхъ и св. Апостоловъ, мнѣ, по крайней мѣрѣ, неизвѣстно. Въ перечнѣ Дюканжа онъ также не упоминается.

²⁾ Въ латинскомъ переводѣ слово *ὁ φᾶρος* почему-то два раза переведено посредствомъ *forum*, хотя *forum ὁ φᾶρος* и *ὁ φᾶρος*; не имѣютъ между собою ничего общаго, кромѣ сходства въ написаніи. Переводчикъ, быть можетъ, держался написанія рукописи Кодина, гдѣ вмѣсто *φᾶρος* стоитъ *φῶρος*, хотя и тамъ слѣдуетъ скорѣе читать *φᾶρος*, чѣмъ *φῶρος* въ виду упоминаемаго выше *palatium*.

Въ портикахъ, изъ которыхъ одинъ былъ на сѣверной, другой—на южной сторонѣ храма, помѣщались гробницы немногихъ царей: въ южномъ находились гробницы Аркадія, его жены Евдокіи и сына ихъ Θεодосія Младшаго, а въ сѣверномъ — «несчастное и преподанное (παμφίαρρον) тѣло отступника Юліана» и царствовавшего непосредственно послѣ него очень короткое время Іовіана.

Въ рукописи Кодина относительно южнаго портика замѣчено, что онъ развалился и стоитъ безъ крыши (*κατελύθη καὶ ἔστιν ἀσχεπής*). Изъ этого замѣчанія, относящагося ко времени написанія перечней, можно заключить, что портики эти находились не въ храмѣ, а внѣ его, и составляли болѣе или менѣе самостоятельныя постройки или пристройки. Кромѣ того, «несчастное тѣло» Юліана едва ли долго оставалось въ храмѣ, если бы и было когда-нибудь положено. Все это, вмѣстѣ взятое, ясно говоритъ въ пользу того, что цари и царицы погребались не въ храмѣ собственно, а внѣ его, въ прилегающихъ къ нему пристройкахъ.

Хотя, по свидѣтельству Евсевія, храмъ св. Апостоловъ назначался для погребенія при немъ царей и царицъ, однако же съ давнихъ временъ тамъ же погребались и Константинопольскіе епископы-патріархи, такъ что уже въ 360 году храмъ св. Апостоловъ называется обычнымъ мѣстомъ погребенія ихъ. Къ сожалѣнію, о томъ, гдѣ именно погребались епископы, мы можемъ, сколько мнѣ извѣстно, сказать еще менѣе, нежели относительно царей. Возможно, что нѣкоторые изъ патріарховъ, признанные святыми, погребались въ самомъ храмѣ, а мощи Іоанна Златоуста и Григорія Богослова были, несомнѣнно, положены даже въ алтарѣ храма св. Апостоловъ, и цари, когда входили въ этотъ алтарь для поклоненія св. престолу, поклонялись въ то же время и мощамъ этихъ великихъ святителей и учителей церкви.

Другіе два святителя, патріархи Никифоръ и Меѳодій, чтимые церковью за борьбу противъ иконокластовъ, погребены были въ какомъ-то помѣщеніи возлѣ храма св. Константина, повидимому, также въ отдѣльномъ помѣщеніи, а не въ самомъ храмѣ, во всякомъ случаѣ, не въ алтарѣ. Судя по тому, что царь въ мѣсто погребенія послѣднихъ патріарховъ проходитъ чрезъ храмъ св. Константина и чрезъ него же возвращается назадъ въ храмъ, можно думать, что относительно храма мѣсто погребенія патріарховъ (*οἱ τάφοι τῶν πατριάρχων*) находилось дальше храма св. Константина (I, 10, 77).

Обычай хоронить патріарховъ и царей возлѣ храма св. Апосто-

ловъ не исключаль, конечно, возможности погребенія и тѣхъ и другихъ въ иныхъ храмахъ и монастыряхъ, но это не мѣшало быть храму св. Апостоловъ обычною и постоянною усыпальницею царей и патриарховъ.

Изъ всего вышеизложеннаго относительно храма св. Апостоловъ и примыкающихъ къ нему построекъ видно, что храмъ этотъ окруженъ былъ множествомъ большихъ и малыхъ зданій и представлялъ собою, подъ однимъ названіемъ, цѣлый комплексъ большихъ и малыхъ храмовъ и дворцовыхъ построекъ. Не менѣе ясно также, что въ постройкахъ и храмахъ, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ храма св. Апостоловъ, хранилось множество драгоценныхъ реликвій, религіозныхъ и политическихъ. Кромѣ мощей св. Апостоловъ, св. царей, царицъ и патриарховъ, въ гробницахъ царей, вмѣстѣ съ ихъ земными останками, находились огромныя богатства земныя въ видѣ царскихъ облаченій, вѣнцовъ, золотыхъ украшеній, драгоценныхъ камней, жемчуга и т. п.

Эти богатства и сокровища привлекали вниманіе разныхъ лицъ отъ самыхъ низкихъ слоевъ населенія до императоровъ: первые видѣли въ этихъ сокровищахъ очень выгодный предметъ добычи, а вторые въ крайнихъ случаяхъ, когда не было никакихъ другихъ средствъ для удовлетворенія существенныхъ и неотложныхъ нуждъ государства, позволяли себѣ пользоваться этими сокровищами для государственныхъ цѣлей, какъ пользовались иногда церковными сокровищами и богатствами.

Но болѣе всего, повидимому, пострадали религіозныя сокровища храма св. Апостоловъ и земныя богатства его во время латинскаго плѣна, когда производилось систематическое и продолжительное ограбленіе храма св. Апостоловъ, какъ и другихъ храмовъ и дворцовъ, независимо и послѣ единовременнаго и сплошнаго разграбленія Константинополя, послѣдовавшаго непосредственно за взятіемъ второго Рима благочестивыми крестоносцами въ 1204 г.

Послѣ латинскаго плѣна Михаилъ Палеологъ, много заботившійся о возстановленіи разграбленнаго и опустѣвшаго царствующаго града, обратилъ свое вниманіе и на храмъ св. Апостоловъ, который, какъ усыпальница царей, сохранялъ свое прежнее значеніе въ ряду константинопольскихъ храмовъ. Для поддержанія въ немъ постояннаго служенія, Михаилъ установилъ штатъ священно- и церковно-служителей, а возлѣ него поставилъ колонну со статуею своего патрона архангела Михаила и колѣнопреклонною предъ архангеломъ своею собственною статуею, которая и обозначается на дошедшихъ до насъ позднѣйшихъ планахъ Константинополя.

Все возрастающая бѣдность и разстройство византійскаго царства не позволяли, однако же, царямъ поддерживать всѣ многочисленныя храмы и монастыри, приходившіе въ ветхость. Мы видѣли, что и храмъ Всѣхъ Святыхъ, прилегавшій къ храму св. Апостоловъ, не избѣжалъ участи многихъ другихъ храмовъ и дворцовъ и, какъ развалившійся, былъ употребленъ на постройку укрѣпленій около Золотыхъ воротъ.

Весьма вѣроятно, что такой же участи подверглись и евкитірія, примыкавшіе къ храму св. Апостоловъ, и нѣкоторыя другія пристройки, окружавшія храмъ св. Апостоловъ.

Тѣмъ не менѣе до самаго взятія Константинополя турками, храмъ св. Апостоловъ сохранилъ свое значеніе первой послѣ св. Софіи церкви Константинополя, а около него сохранилось еще довольно много построекъ и пристроекъ, вслѣдствіе чего, съ обращеніемъ св. Софіи въ мечеть, патріархъ съ своимъ клиромъ и синклитомъ, какъ извѣстно, переселился въ храмъ св. Апостоловъ, который сталъ, такимъ образомъ, резиденціею патріарха, самымъ важнымъ, первенствующимъ соборомъ христіанскаго Константинополя.

Но недолго былъ храмъ св. Апостоловъ резиденціею патріарха. Убийство какого-то турка въ оградѣ храма было причиною того, что тогдашній патріархъ, переселившійся въ храмъ св. Апостоловъ съ позволенія грознаго завоевателя Константинополя, самъ напелъ за лучшее оставить храмъ св. Апостоловъ и со всѣмъ своимъ управленіемъ переселился въ монастырь Всеблаженнаго (*Πατριάρχιστον*), въ Фанарѣ, гдѣ и до сихъ поръ находится резиденція патріарха вселенскаго.

Такъ какъ переселеніе патріарха было добровольное, и, по всей вѣроятности, не спѣшное, то можно предположить, что патріархъ вывезъ изъ храма св. Апостоловъ не мало святынь и мощей, уцѣлѣвшихъ отъ латинскаго разграбленія. Къ сожалѣнію, объ этихъ святыняхъ мы знаемъ очень мало, какъ и о другихъ драгоценностяхъ и святыняхъ, которыя греки успѣли спасти отъ грабежа, послѣдовавшаго за взятіемъ Константинополя турками. Трудно допустить, чтобы греки не позаботились о спасеніи того, что можно еще было спасти и, сложа руки, ожидали взятія и разграбленія города, которое съ каждымъ днемъ, къ концу осады, становилось все болѣе и болѣе вѣроятнымъ и неизбѣжнымъ.

Покинутый патріархомъ, храмъ св. Апостоловъ нѣсколько лѣтъ стоялъ заброшеннымъ и пустымъ, пока Магометъ II не приказалъ его совсѣмъ разрушить и на его мѣстѣ, изъ матеріала этого храма и другихъ запустѣвшихъ и необращенныхъ въ мечети храмовъ, построить мечеть, которая должна была принять и хранить прахъ завоевателя ви-

зантійской столицы, превратившаго ее изъ христіанской въ мусульманскую. На мѣстѣ упокоенія перваго христіанскаго римскаго императора, преобразовавшаго небольшой греческій городокъ въ столицу христіанской имперіи, водворенъ былъ, такимъ образомъ, прахъ завоевателя этой столицы, болѣе 1000 лѣтъ бывшей хранительницею языческихъ сокровищъ и христіанскихъ святынь и павшей окончательно, при громѣ пушекъ, на зарѣ новой исторіи.

Недалеко отъ храма св. Апостоловъ и окружавшихъ его построекъ находился царскій дворецъ Вона (τοῦ Βόνου, palatium Boni), называвшійся такъ по имени очень важнаго сановника Вона (Bonus), жившаго при Иракліи и въ томъ кварталѣ, въ которомъ потомъ построенъ былъ дворецъ, имѣвшаго свой домъ. Такъ какъ этотъ Вонъ или Бонъ былъ однимъ изъ самыхъ видныхъ чиновъ византійскаго царства, былъ даже намѣстникомъ или регентомъ имперіи во время походовъ Ираклія, то неудивительно, что кварталъ, въ которомъ такой замѣчательный сановникъ жилъ, сталъ называться его именемъ, тѣмъ болѣе, что этотъ Бонъ построилъ большую и роскошную цистерну, которая также называлась его именемъ ¹⁾).

Къ сожалѣнію, мѣсто какъ дворца Вона, такъ и его цистерны опредѣлить трудно съ желательною точностью и опредѣленностью. Изъ обрядовъ Константинова Придворнаго устава видно только, что путь къ дворцу Вона отъ храма св. Апостоловъ шель чрезъ Ксиропипій, но и мѣсто Ксиропипія неизвѣстно.

Постройку дворца Вона приписываютъ разнымъ царямъ: Роману I Лакапину, Константину Багрянородному и Роману II. Обрядъ Придворнаго устава, который заставляетъ насъ говорить объ этомъ дворцѣ и который изложенъ ниже, позволяетъ предполагать, что дворецъ Вона построенъ Константиномъ. Этотъ царь установилъ и выходъ или крестный ходъ изъ храма св. Апостоловъ во дворецъ Вона 21 мая, т.-е. въ день памяти своего патрона Константина Великаго и матери его св. Елены, въ честь которыхъ во дворцѣ Вона были построены евктиріи и водружены были большіе и великолѣпные кресты. Къ сожалѣнію, никакихъ подробностей объ устройствѣ этого дворца и мѣстѣ евктиріевъ во дворцѣ мы не знаемъ. Извѣстно только изъ обряда 21 мая, что въ евктиріи св. Константина былъ серебряный киворій надъ алтаремъ, что въ храмы свв. Константина и Елены входъ былъ со двора дворца и что евктирій

---

¹⁾ Codin. de signis, p. 52 и de aedific. p. 99 Bonn.; ср. Anonymi antiquit. у Banduri p. 44.

св. Константина примыкалъ къ какимъ-то ступенямъ, на которыхъ водружены были кресты.

Что обрядъ крестнаго хода въ день освященія свѣтирѣвъ и, быть можетъ, двора 21 мая былъ установленъ Константиномъ Багрянороднымъ, можно заключать изъ того обстоятельства, что въ этотъ день царь прѣѣзжалъ въ храмъ св. Апостоловъ для поклоненія мощамъ св. Константина и вмѣстѣ съ тѣмъ поклонялся праху своихъ ближайшихъ предковъ Льва VI и Василя Македонянина. Безъ всякаго сомнѣнія, если бы храмы были построены и обрядъ крестнаго хода въ память освященія ихъ (*ἐγκαινία*) былъ установленъ Романомъ II, сыномъ Константина, то царь совершалъ бы поклоненіе и праху своего отца, т.-е. Константина Багрянороднаго. Приписывать установленіе обряда съ поклоненіемъ первыхъ царей Македонской династіи Роману Лакапину также едва ли возможно, такъ какъ царь этотъ, желавшій, очевидно, на мѣсто Македонской поставить свою собственную династію, едва ли сталъ бы устанавливать обрядъ, въ которомъ первые цари Македонской династіи воспоминаются наравнѣ съ св. Константиномъ.

Выходы въ храмъ св. Апостоловъ, до замѣны ихъ при Левѣ VI Мудромъ выѣздами, начинались совершенно такъ же, какъ и выходы въ Халкопратійскій храмъ, т.-е. цари шли сначала по типу среднихъ выходовъ въ храмъ св. Софіи, откуда, послѣ поклоненія св. престолу въ алтарѣ, выходили чрезъ царскія двери и красныя врата и совершали крестный ходъ съ чинами своего синклита чрезъ Милій по Средней или Большой улицѣ до колонны и храма св. Константина на его форѣ. Съ прибытіемъ патріарха здѣсь совершалось краткое молебствіе, какъ и въ Богородичные праздники. Разница состояла только въ томъ, что тропари пѣлись другіе, соответствующіе празднику, въ который совершался выходъ. Такъ, въ понедѣльникъ Пасхальной недѣли, при выходѣ царя изъ алтаря храма св. Софіи и далѣе во время шествія его по улицамъ и площадямъ пѣлся тропарь: «Христосъ воскресе» и пр. (I, 10, 74).

Точно также и въ другіе праздники, понятно, во время крестнаго хода чинами царскаго синклита и пѣвчими патріарха пѣлся тропарь, а равно и другія пѣснопѣнія, соответствующія празднику.

Кромѣ того, выходы въ храмъ св. Апостоловъ уже въ первой своей стадіи отличались отъ выходовъ въ вышеописанные Богородичные праздники цвѣтомъ облаченій царя и чиновъ, а равно и духовенства. Между тѣмъ какъ въ Богородичные праздники царь облачался въ пурпурный дивитисій и такую же хламиду, въ понедѣльникъ Пасхальной недѣли

для выхода въ храмъ св. Апостоловъ онъ облачался въ бѣлые златотканые дивитисій и хламиду, соотвѣтствующіе свѣтлому празднику ¹⁾).

Подобно царю и чины синклита собирались для выхода въ понедѣльникъ Пасхальной недѣли въ бѣлыхъ облаченіяхъ, причемъ высшіе чины какъ синклита, такъ и кувуклія облачались въ хламиды съ златоткаными нашивками (*χλαμίδια χρυσόταβλα* I, 10, 71).

Въ недѣлю Всѣхъ Святыхъ, а равно и въ праздникъ св. Апостоловъ царь ѣздилъ въ храмъ св. Апостоловъ въ золотистомъ скарамангіи, когда выходы были уже замѣнены выѣздами, но какого цвѣта были дивитисій и хламида, въ которые онъ облачался въ храмъ, объ этомъ въ обрядахъ не сказано. Можно думать только, что эти одежды были не бѣлаго цвѣта, какъ въ нѣкоторые большіе Господніе праздники, а какого-нибудь оттѣнка пурпурнаго, какъ въ другіе второстепенные праздники (I, 37, 189).

Въ пурпурныхъ же дивитисіяхъ и хламидахъ цари, по всей вѣроятности, совершали и крестные ходы чрезъ св. Софію и площадь св. Константина до замѣны выходовъ выѣздами. При этомъ необходимо имѣть въ виду, что цвѣтъ или оттѣнокъ пурпура дивитисія и хламиды были болѣе или менѣе различны, такъ что они ясно отличаются другъ отъ друга, какъ можно судить по цвѣтнымъ изображеніямъ царскихъ одеждъ на миниатюрахъ и иконахъ.

Не отличаясь, такимъ образомъ, отъ выходовъ въ Халкопратійскій храмъ ничѣмъ, кромѣ пѣснопѣній и цвѣта облаченій, до колонны и храма св. Константина, крестный ходъ отъ колонны и фора Константина получалъ совершенно другое направленіе. Между тѣмъ какъ въ Благовѣщеніе и Рождество Богородицы, царь съ своимъ синклитомъ, а

¹⁾ Относительно цвѣта облаченій въ разные праздники ср. мои *Byzantina*, II, 43 прим. Облаченія въ Богородичные праздники см. *Scrim.* I, 37, 189 и 191. Облаченіе для выхода въ понедѣльникъ Пасхальной недѣли I, 10, 72, гдѣ сказано, что во дворцѣ Дафны, т.-е. въ Октагонѣ, близъ Августея, царь облачается веститорами въ *χλαμίδια χρυσοφεγγῆ λευκήν*. Въ обрядѣ этомъ не только о цвѣтѣ дивитисія ничего не говорится, но и самый дивитисій вовсе не упоминается; но изъ этого еще не слѣдуетъ, что царь совершалъ выходъ безъ дивитисія, въ одной хламидѣ. Какъ всѣ подобныя выходы совершались царемъ въ парадномъ облаченіи, т.-е. въ дивитисіи и хламидѣ, такъ и выходъ въ храмъ св. Апостоловъ чрезъ св. Софію царь, безъ сомнѣнія, дѣлалъ въ этихъ парадныхъ облаченіяхъ, которыя онъ обыкновенно надѣвалъ во дворцѣ Дафны, дивитисій (вмѣсто скарамангія) въ китонѣ, а хламиду (вмѣсто плаща), въ Октагонѣ, см. мои *Byzantina*, II, 51 и 61. Дивитисій и хламида бывали обыкновенно парные, т.-е. бѣлые или цвѣтные, пурпурные, хотя и разныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ, но въ известной опредѣленной комбинаціи, соотвѣтствующей празднику. Относительно парности этихъ одеждъ см. особенно *Scrim.* I, 37, 189 слѣд., гдѣ постоянно упоминаются того или другого цвѣта *δίδυτάκια καὶ αἱ τοῦτων χλαμίδες*, т.-е. соотвѣтствующія, парныя хламиды.

затѣмъ и патриархъ шли назадъ до дворца Лавза, во время выходовъ въ храмъ св. Апостоловъ они шли отъ фора Константина далѣе по Средней или Большой улицѣ, т.-е. продолжали идти на западъ по направлению къ Золотымъ воротамъ, но далеко не доходили до нихъ, такъ какъ на полпути поворачивали вправо, направляясь къ храму св. Апостоловъ, лежавшему вправо отъ Большой улицы, если идти по ней съ востока на западъ, отъ храма св. Софїи къ Золотымъ воротамъ.

Разставивши чиновъ синклита на форѣ Константина въ томъ порядкѣ, въ какомъ они должны были идти, церемоніарїи съ зажженной свѣчей въ рукѣ, какъ и всѣ чины синклита, становился впереди и запѣвалъ тропарь праздника, который затѣмъ подхватывалъ и пѣлъ весь синклитъ. Царь, окруженный чинами кувуклія и своей военной свиты, шель съ молебственной свѣчей (τὸ λιτανίσιον) въ рукѣ за синклитомъ. Вся эта масса чиновъ, военныхъ и гражданскихъ, въ своихъ парадныхъ облаченіяхъ, медленно двигалась по Большой улицѣ, устланной благовонною зеленью и цвѣтами, мимо зданій, украшенныхъ дорогими матерїями и коврами, проходила чрезъ Хлѣбный рынокъ и площадь Тавра и достигала безъ остановки до храма пресв. Богородицы Дїакониссы, находившагося, какъ мы видѣли, между площадью Тавра и Филадельфіемъ.

Дойдя до этого храма, царь отдавалъ свою процессіональную свѣчу препозиту, бралъ у него, вѣроятно, малотаенную свѣчу и, быть можетъ, помолвившись предъ храмомъ, бралъ опять процессіональную свѣчу ¹⁾, и вся

---

¹⁾ Текстъ I, 10, 75, стрк. 20—23, очевидно, испорченъ пропусками и требуетъ исправленія. § 4 гл. 10, въ которомъ идетъ рѣчь о шествїи царя отъ колонны Константина до храма св. Апостоловъ, начинается такъ: Κάκειθεν περιγερόμενος ὑπὸ τῶν προεργημένων, διέρχεται (ὁ βασιλεὺς) τὴν μέσην λιτανέων, τὸ δὲ τροπάριον ἐν τῇ τῆς λιτῆς περιόδῳ ἄρχεται ὁ τῆς καταστάσεως. Καὶ ἀνθ' ὧν (ἀνθ' ὧν Reiske) τὴν μέσην διέρχεται διὰ τε τῶν Ἀρτοπωλέων καὶ τοῦ Ταύρου, καταλαβὼν τὸν ναὸν τῆς παναγίας Θεοτόκου τῆς Διακονίσσης, ἐπιδίδωσι ὁ βασιλεὺς τὸ λιτανίσιον καὶ μέχρι τοῦ Φιλαδέλφϊου διελθὼν, ἐκκλίνει τὸ δεξιὸν μέρος καὶ διέρχεται διὰ τοῦ Ὀλιβρίου καὶ τῶν Κωνσταντινιανῶν μέχρι τοῦ ἁγίου Πολυεύκτου, ὁ παλλάξας δὲ κάκεισε κηρίον καὶ λαβὼν ἕτερον κηρίον... διέρχεται τὴν μέσην τῶν ἁγίων Ἀποστόλων κτλ. Какъ Лейха, такъ и Reiske затрудняло слово ἀνθ' ὧν и слѣдующія, потому какъ тотъ, такъ и другой старались исправить это мѣсто частью измѣненіемъ интерпункціи, частью замѣною чтенія ἀνθ' ὧν посредствомъ ἀνθ' ὧν въ смыслѣ propterea, quando. Но эти поправки, на мой взглядъ, не только не выяснили мѣста, а напротивъ еще болѣе затемнили его, особенно интерпункція, которая принята въ изданіяхъ. Кромѣ этого мѣста, далѣе слова: ἐπιδίδωσι ὁ βασιλεὺς τὸ λιτανίσιον указываютъ на пропускъ нѣсколькихъ словъ, такъ какъ, если царь отдаетъ свѣчу процессіонную, то, очевидно, дѣлаетъ это для чего-нибудь. Далѣе слѣдующее указаніе, что царь и у храма св. Полиевкта перемѣняетъ свѣчу (ὁπαλλάξας κάκεισε) позволяетъ заключать, что и раньше онъ перемѣнялъ свѣчу, а гдѣ это было, на это указываетъ недоконченный періодъ ἐπιδίδωσι ὁ βασιλεὺς τὸ λιτανίσιον. Такъ какъ перемѣна свѣчи и отдаваніе свѣчи, конечно препозиту, происходило предъ храмами, то можно думать, что царь дѣлалъ эту перемѣну свѣчи не потому,

процессія двигалась дальше до Филадельфія, откуда она сворачивала направо и мимо Оливрія и Константиніанъ доходила до храма св. Поліевкта. Помолвившись здѣсь и перемѣнивши опять свѣчу, царь шествовалъ по срединѣ улицы до храма св. Апостоловъ, входилъ чрезъ луги въ нарѣикъ и садился тамъ на принесенное сюда царское кресло, дожидаясь прибытія патріарха съ духовенствомъ и народомъ, участвовавшимъ въ крестномъ ходѣ съ патріархомъ, который шелъ тѣмъ же, очевидно, путемъ, немного спустя послѣ царя и его синклита, какъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ.

Чрезъ нѣсколько времени подходилъ къ храму св. Апостоловъ и патріархъ съ крестнымъ ходомъ. Впереди патріарха шли пѣвчіе, низшій клиръ, горожане, участвовавшіе въ крестномъ ходѣ, затѣмъ высшіе духовные сановники и, наконецъ, самъ патріархъ съ ближайшими къ нему чинами клира. Публика и низшій клиръ проходили дверьми боковыми, направо отъ среднихъ, большихъ или царскихъ, въ храмъ, а пѣвчіе и высшіе духовные сановники: митрополиты, архіепископы и епископы входили въ храмъ средними или царскими дверьми. Проходя мимо царя, высшіе духовные сановники кланялись царю въ Пасхальную недѣлю и въ воскресные дни до колѣнъ, не падая ницъ, а въ другіе дни кланялись въ землю, причемъ царь сидѣлъ въ своемъ креслѣ и не вставалъ до приближенія самого патріарха съ евангеліемъ и несомымъ предъ нимъ крестомъ.

Съ приближеніемъ патріарха царь вставалъ, здоровался съ нимъ

что одна свѣча у него на пути сгорала и онъ бралъ другую, а потому, что ему нужно было вмѣсто процессіональной свѣчи (τὸ λειτουργικόν) взять свѣчу молитвенную, т.-е. такую, съ которой цари молились. Такой обмѣнъ свѣчъ встрѣчался у насъ уже не разъ и потому не долженъ удивлять насъ. Мы видѣли, что царь, дойдя со свѣчею до колонны Константина съ процессіональною свѣчею, для молебствія бралъ молитвенную свѣчу, которую онъ, послѣ молебствія опять отдавалъ, чтобы снова взять процессіональную свѣчу и продолжать съ нею крестный ходъ. То же было и во время выхода въ св. Софію въ Крестовоздвиженіе, когда царь сопровождалъ Честное Древо изъ патріаршихъ палатъ въ храмъ съ процессіональною свѣчею, а потомъ бралъ молитвенную свѣчу (ср. Byzantina, II, 241, гдѣ показана разница въ употребленіи этихъ сортовъ свѣчъ и приведенныхъ названій). Принимая во вниманіе, что цари во время богомольныхъ выходоу, проходя мимо храмовъ, обыкновенно молились въ нихъ или передъ ними, примѣровъ чего можно найти довольно въ выходахъ царей въ св. Софію, изложенныхъ во II кв. Byzantina, можно предполагать, что и во время выхода въ храмъ св. Апостоловъ цари молились въ попутныхъ храмахъ или предъ ними, какъ царь молился въ Школахъ предъ храмомъ св. Апостоловъ, тамъ находившимся. Если это соображеніе вѣрно, то, значитъ, послѣ словъ ἐπιβίβασι ὁ β. τὸ λ. выпало довольно много словъ, въ которыхъ говорилось, что царь, отдавъ свѣчу препозиту, бралъ у него другую, молился, а потомъ, отдавъ молитвенную свѣчу, бралъ у него вновь процессіональную свѣчу, съ которой и шелъ далѣе.

и, послѣ обычнаго цѣлованія, шель съ правой стороны къ царскимъ дверямъ и затѣмъ совершался обычнымъ порядкомъ малый входъ, причемъ царь и патріархъ молились и проходили въ алтарь совершенно такъ, какъ въ св. Софіи и другихъ храмахъ. Такъ какъ мы имѣли уже случай познакомиться съ подробностями этого акта литургіи, то мы и не станемъ повторять ихъ еще разъ, а перейдемъ прямо къ тому, что слѣдовало за обычными дѣйствіями малаго входа ¹⁾).

Какъ мы видѣли, послѣ возложенія на св. престоль апокомвія, который, понятно, приносился и въ храмъ св. Апостоловъ, царь кадилъ вокругъ св. престола и уходилъ изъ алтаря. Въ храмѣ св. Апостоловъ, до выхода изъ алтаря, царь сперва молился у гроба св. константинопольскихъ патріарховъ Іоанна Златоустаго и Григорія Богослова, мощи которыхъ находились въ алтарѣ храма св. Апостоловъ. Затѣмъ царь и патріархъ чрезъ лѣвую сторону алтаря выходили изъ него и шли въ восточный конецъ храма къ гробницѣ св. Константина и Елены. Помолвившись здѣсь съ зажженными свѣчами въ рукахъ, они подходили къ мощамъ св. константинопольскихъ патріарховъ, боровшихся за иконопочитаніе, т.-е. Никифора и Меѳодія, гдѣ также зажигали свѣчи и молились. Наконецъ, царь и патріархъ подходили къ гробницамъ царей и царицъ, погребенныхъ здѣсь, и, зажегши свѣчи, молились у гробницъ царей, ближайшихъ предшественниковъ, предковъ или родственниковъ царствующаго императора, какъ это мы увидимъ ниже изъ обряда 21 мая.

Помолвившись такимъ образомъ у гробницъ знаменитыхъ царей и патріарховъ, царь съ патріархомъ выходилъ изъ восточнаго конца храма, въ которомъ покоились всѣ эти мощи и который назывался именемъ св. Константина, и по лѣвой сторонѣ храма, т.-е. по гинэкониту, проходили назадъ по направленію къ западной сторонѣ храма. Дойдя до середины, царь и патріархъ останавливались противъ алтаря, раскланивались и расходились въ разныя стороны: патріархъ уходилъ въ алтарь совершать литургію, а царь проходилъ далѣе по гинэкониту къ нарѣику и, выйдя чрезъ него въ лутиръ, повертывалъ налѣво, чтобы по лѣвой витой лѣстницѣ подняться въ катихуменіи. У дверей, ведущихъ къ этой лѣстницѣ изъ лутира, стояли высшіе чины синклита, церемоніарій съ силенціаріями и привѣтствовали царя обычнымъ многолѣтіемъ. Царь, предшествуемый и сопровождаемый высшими чинами кувуклія, спааро-кандидатами, маглавитами и другими чинами своей свиты поднимался

---

¹⁾ Ср. Byzantina, II, 153 сл.

въ катихуменіи, причемъ завѣсы, висѣвшія въ катихуменіяхъ, поднимали силенціаріи. Царь проходилъ чрезъ западныя, находившіяся надъ нарѣйкомъ, катихуменіи съ лѣваго, т.-е. сѣвернаго ихъ конца на правый и становился въ правой, т.-е. южной галлерей катихуменій, въ закрытомъ помѣщеніи, въ которомъ онъ всегда стоялъ, когда слушалъ литургію въ храмѣ св. Апостоловъ и которое представляло собою родъ мутаторія или параклитика.

Послѣ царя поднимались по той же витой лѣстницѣ въ катихуменіи высшіе чины синклита, привѣтствовавшіе царя у входа на лѣстницу, и становились въ западной галлерей катихуменій, гдѣ, противъ алтаря, т.-е. на срединѣ этой галлерей стоялъ царскій антиминосъ, на который ставились св. Дары, для причащенія царя и высшихъ чиновъ.

Когда по ходу литургіи приближалось время приобщенія св. таинъ, за патріархомъ посылались два силенціарія и патріархъ поднимался въ катихуменіи со св. Дарами, а затѣмъ приобщалъ царя и высшихъ сановниковъ и уходилъ съ катихуменій доканчивать литургію совершенно тѣмъ же порядкомъ, какъ было описано выше, при изложеніи выхода въ Халкопратійскій храмъ. Такъ какъ процедура приглашенія патріарха и приобщенія была вездѣ одинакова, то мы повторять ее не будемъ ни здѣсь, ни въ слѣдующихъ обрядахъ, хотя въ Придворномъ уставѣ она описана во всѣхъ обрядахъ съ бѣльшимъ или меньшимъ количествомъ подробностей ¹⁾.

Царь, простившись съ патріархомъ, послѣ приобщенія чиновъ, уходилъ въ свое мѣсто и достаивалъ литургію. Въ это же время, вѣроятно, устанавливался и утверждался царемъ списокъ чиновниковъ и сановниковъ, которые въ этотъ день приглашались обѣдать съ царемъ и патріархомъ ²⁾. По окончаніи литургіи царь выходилъ, въ

¹⁾ Ср. выше, 124.

²⁾ Когда царь слушалъ только евангеліе и слѣдующую затѣмъ ектенію въ храмѣ, въ который дѣлался богомольный выходъ или выѣздъ, списокъ приглашаемыхъ для завтрака или для обѣда съ царемъ представлялся для утвержденія царю главнымъ столыникомъ (*ὁ ἐπὶ τῆς τραπέζης*) и дежурнымъ атриклиномъ въ то время, когда царь, прослушавъ ектенію, сидѣлъ въ мутаторіи и дожидался окончанія литургіи. Такъ было, какъ мы видѣли, въ недѣлю Православія (*Byzantina*, II, 247). То же самое отмѣчено въ обрядахъ I, 19, 118 и I, 20, 121 (*μετὰ δὲ τὴν ἀπόλυσιν τῆς ἐκτενοῦς κεδέζονται (οἱ δεσπότες) καὶ εἰσάγει ὁ τῆς τραπέζης μετὰ καὶ τῶν ἀτρικλινῶν τὸ κλητώριον καὶ σταθεῖ αὐτὸ ὁ μέγας βασιλεὺς*, т.-е. послѣ окончанія ектеніи, цари садятся и столыникъ съ атриклинами приноситъ пригласительный списокъ, а царь утверждаетъ его). Составлялись списки съ соблюденіемъ ранга и очереди чиновъ атриклинами, что составляло, вмѣстѣ съ введеніемъ, съ размѣщиваніемъ и выводомъ чиновъ, одну изъ главныхъ обязанностей ихъ, какъ говоритъ объ этомъ самъ атриклинь Филовей въ своемъ клиторологіи (II, 52, 703, 740 слѣд. Ср. мои *Byzantina*, II, 181).

Когда царь въ томъ или другомъ храмѣ слушалъ всю литургію и приобщался,

сопровожденіи чиновъ кувуклія и своей военной свиты, чрезъ западную галлерею изъ катихуменій храма св. Апостоловъ внутренними переходами во дворець, находившійся близъ этого храма, и здѣсь въ китонѣ (покоѣ), соотвѣтствующемъ китонамъ Большого Дворца, дожидался прибытія патріарха, за которымъ посылались опять силенціаріи. Предъ входомъ во дворцовыя комнаты его встрѣчали высшіе чины кувуклія и доводили до того помѣщенія, въ которомъ онъ долженъ былъ дожидаться выхода царя. Когда патріархъ, приходившій сюда въ полномъ архіерейскомъ облаченіи съ нѣкоторыми чинами клира, посидитъ немного и отдохнетъ, препозитъ отправлялся къ царю и докладывалъ ему о прибытіи патріарха. Царь, приказавъ пригласить патріарха въ большую залу, гдѣ приготовленъ былъ столъ для царя съ патріархомъ и приглашенныхъ чиновъ и, накинувъ, при помощи бывшихъ при немъ чиновъ кувуклія, плащъ, выходилъ въ столовую, привѣтствовалъ его и цѣловался съ нимъ. Затѣмъ приглашались прибывшіе съ патріархомъ іереи, которые совершали предобѣденныя молитвы и цѣли соотвѣтствующія гѣснопѣнія, послѣ чего патріархъ благословлялъ трапезу и снималъ свой омофоръ, который и уносили іереи въ одну изъ ближайшихъ комнатъ. Царь, въ свою очередь, снималъ съ себя плащъ и садился съ патріархомъ за столъ, а чины кувуклія становились вокругъ стола. Царь и патріархъ выпивали по одной чашѣ, сидя за столомъ одни въ присутствіи только чиновъ кувуклія, до входа не только «друзей», т.-е. приглашенныхъ къ обѣду сановниковъ, но и стольниковъ, т.-е. чиновъ, завѣдующихъ царскими обѣдами и прислуживавшихъ за столомъ.

Послѣ этого, по знаку царя и распоряженію препозита, сначала вводились чины, завѣдывавшіе царскимъ столомъ и прислуживавшіе за царскими обѣдами и завтраками ¹⁾. Когда они занимали свои мѣста и

то утвержденіе и установленіе списка едва ли могло происходить послѣ евангелія, такъ какъ царь долженъ былъ слушать предъ причащеніемъ всю литургію, а всего удобнѣе могло быть послѣ приобщенія св. таинъ, когда царь дожидался, пока патріархъ приобщалъ чиновъ синклита, или, по уходѣ патріарха съ св. дарами, до окончанія литургіи, если приглашеніе не производилось до обѣдни, когда цари, прибывъ въ извѣстный храмъ, сидѣли въ храмѣ въ ожиданіи прибытія патріарха.

¹⁾ Не входя въ подробности ввода чиновъ и порядковъ, соблюдавшихся при царскихъ обѣдахъ и завтракахъ, что потребовало бы много времени и мѣста, я считаю необходимымъ изложить здѣсь эти порядки въ томъ только объемѣ, въ которомъ они обыкновенно описываются въ обрядахъ богомольныхъ выходовъ. Кромѣ занимающаго насъ обряда выхода въ храмъ св. Апостоловъ (I, 10, 79), изложенный въ текстѣ порядкомъ съ опущеніемъ или упоминаніемъ тѣхъ или другихъ подробностей описывается въ Вознесенскомъ обрядѣ I, 18, 113 (кратко), въ обрядѣ Преполовенія

разстановивались въ соответствующемъ порядкѣ, по новому знаку царя, установленнымъ порядкомъ вводились «друзья», т.-е. сановники и чиновники, заранее приглашенные къ столу по утвержденному царемъ списку.

Вводъ чиновъ производился подобно тому, какъ вводились сановники и чиновники всего синклита для торжественныхъ засѣданій и пріемовъ, но при вводѣ въ столовую для завтраковъ и обѣдовъ фигурировали столъники. Въмѣсто остіарія, ходившаго за разными отдѣлами чиновъ для ввода въ Золотую руку во время большихъ выходовъ въ храмъ св. Софіи, здѣсь фигурируетъ столъникъ (*ὁ τῆς τραπέζης*), который, подобно остіарію, когда чины дойдутъ до завѣсы входной двери, становится предъ завѣсою и, по знаку царя и препозита, толкаетъ ее рукою, давая этимъ знать енгистіаріямъ (или силенціаріямъ), стоявшимъ за завѣсою, что пора поднять или раздвинуть завѣсу и впустить «друзей» или тотъ или другой отдѣлъ чиновъ въ залу, гдѣ были приготовлены столы и гдѣ сидѣлъ царь съ патріархомъ ¹⁾.

Когда друзья входили и занимали свои мѣста за столами, по указанію атриклиновъ, руководствовавшихся рангомъ должностей и чиновъ, начинался обѣдъ съ соблюденіемъ принятаго чина и порядка. По окончаніи обѣда, «друзья» выводились такимъ же порядкомъ, какъ и входили, причемъ шли къ выходнымъ дверямъ задомъ, лицомъ къ

(I, 17, 104), въ Срѣтенскомъ (I, 27, 153), въ обрядѣ недѣли Православія (I, 28, 160). А такъ какъ въ этихъ случаяхъ соблюдались такіе же порядки, какъ и вообще при завтракахъ и обѣдахъ съ участіемъ патріарха, то для уясненія нѣкоторыхъ подробностей сюда могутъ быть привлечены обряды царскихъ обѣдовъ съ патріархомъ въ Хрисотриклинѣ и палатѣ XIX аккувитовъ, дававшихся патріарху и духовенству въ Крещеніе и четвергъ Пасхальной недѣли (I, 14, 95 и I, 26, 146—147). По всѣмъ этимъ обрядамъ, до ввода чиновъ, завѣдывавшихъ царскимъ столомъ (*οἱ τῆς ὑποβρῆτας*), когда въ столовой находились только цари съ патріархомъ, окруженные чинами кувуклія, стоявшими вокругъ стола, кувукляріи вносили двѣ чаши или бокала, изъ которыхъ цари пили по разу (*εἰσενεγκάντων δὲ τῶν κουβικουλαρίων τὰ κουκουμάρια, πίνουσι πρὸς ἅπαξ, τῇ γὰρ τάξει ταύτῃ εἰσέρχονται τὰ κουκουμάρια διὰ τῶν κουβικουλαρίων, ἡνίκα ὁ βασιλεὺς μετὰ τοῦ πατριάρχου ἀριστῆ. I, 14, 95*). Бокалы или чаши называются *κουκουμάρια* отъ *сисума*, котель, каковое названіе указываетъ на форму ихъ, т.-е. что они походили на маленькіе котелки или низкіе стаканчики съ закругленнымъ дномъ. Ср. Reiske, Comment. ad Cerim. p. 201.

¹⁾ Относительно ввода чиновъ по βῆλα см. мои Byzantina, II, 202 сл. Вводъ въ столовую подробнѣе всего описанъ I, 14, 95 и I, 10, 70. Для завтраковъ въ храмахъ за завѣсами стоятъ чины, состоявшіе при царскомъ столѣ, такъ называемые енгистіаріи (*οἱ ἐγγιστάρια*), а въ Хрисотриклинѣ въ теченіе всей Пасхальной недѣли поднимали завѣсу силенціаріи. Порядокъ ввода чиновъ, обѣда и вывода чиновъ указанъ также атриклиномъ Филовеемъ въ его кляторологіи (Cerim. II, 52, 742 слѣд., 766 слѣд.). Относительно обѣда въ понедѣльникъ Пасхальной недѣли въ большой залѣ дворца у храма св. Апостоловъ см. II, 52, 769, гдѣ перечислены чины, приглашавшіеся въ этотъ день къ обѣду. Ср. 773.

царю. Царь и патриархъ оставались съ кувукліемъ и чинами стола; по знаку препозита, бравшаго знакъ отъ царя, чины стола выходили, и въ столовой оставались только чины кувуклія съ царемъ, какъ предъ обѣдомъ. Царь и патриархъ снова пили по разу изъ чашъ и вставляли изъ-за стола. Царю подавали и накидывали плащъ, а патриарху іереи приносили омофоръ и, надѣвши его на патриарха, совершали молитву. Патриархъ, по обыкновенію, давалъ царю просфоры и флакончики съ освященнымъ благовонымъ масломъ. Іереи, приглашенные для надѣванія омофора и совершенія послѣобѣденной молитвы, выходили, и патриархъ, раскланявшись съ царемъ и поцѣловавшись, уходилъ тѣмъ же путемъ, какимъ пришелъ въ обѣденную залу, въ катихуменіи, а оттуда спускался въ храмъ. При этомъ возвращеніи его до катихуменій сопровождаютъ его и поддерживаютъ высшіе чины кувуклія, а дальше до самага храма силенціаріи, которые ходили его приглашать и сопровождали его на пути къ царю.

Царь, простившись съ патриархомъ, уходилъ въ китонъ, отдыхалъ немного, потомъ переоблачался для возвратнаго пути въ Большой дворецъ. Такъ какъ возвращался царь уже не пѣшкомъ съ крестнымъ ходомъ, а верхомъ на парадно убранной лошади въ сопровожденіи чиновъ и партій Ипподрома, словомъ, съ полнымъ парадомъ (ἐμπραττος), то онъ переоблачался также въ парадныя одежды, но такія, въ которыхъ онъ обыкновенно совершалъ торжественныя выѣзды и въѣзды. Все торжественное шествіе отъ дворца Дафны, гдѣ, предъ выходомъ въ св. Софію, царь облачался въ дивитисій и хламиду, онъ совершалъ въ этихъ длинныхъ и неудобныхъ для верховой ѣзды одеждахъ. Послѣ обѣдни въ китонѣ или, быть можетъ, въ параклитикѣ, онъ снималъ хламиду и для переходовъ изъ параклитика въ китонъ, а изъ него въ столовую накидывалъ только плащъ, оставаясь, однако же, все время въ дивитисіи ¹⁾. Такъ какъ дивитисій, длинный и довольно

---

¹⁾ Шелъ ли царь изъ того помѣщенія, въ которомъ онъ слушалъ литургію, въ столовую въ хламидѣ или плащѣ, въ обрядѣ Пасхальнаго понедѣльника не указано. На основаніи другихъ обрядовъ сказать точно и опредѣленно также нельзя, такъ какъ это зависѣло отъ того, проходилъ ли царь какими-нибудь переходами, невидимо для чиновъ синклита, стоявшихъ въ катихуменіяхъ, или шелъ мимо ихъ. Если онъ проходилъ скрытыми переходами, какъ это часто бывало въ Большомъ Дворцѣ, предъ и послѣ выходовъ и пріемовъ, то онъ обыкновенно довольствовался плащемъ; если же ему нужно было проходить открытыми путями, мимо чиновъ синклита и среди ихъ, то онъ шелъ въ полной парадной формѣ (ἠλλυμένος), т.-е. въ хламидѣ и дивитисіи до китона предъ столовой залой или до этой залы, гдѣ уже и снималъ хламиду, оставаясь въ одномъ дивитисіи до прибытія патриарха, для встрѣчи котораго на царя обыкновенно накидывали плащъ, снимавшійся обыкновенно предъ

узкій въ подолѣ безполый хитонъ, сдѣланный изъ разшитой роскошной и тяжелой матеріи, для ѣзды верхомъ былъ совсѣмъ неудобенъ, то царь замѣнялъ его болѣе удобнымъ, какъ по своему покрою, такъ и по матеріи, хотя также роскошно отдѣланнымъ и украшеннымъ скарамангіемъ, въ которомъ обыкновенно совершались выѣзды царя въ городъ и который, смотря по торжественности случая, былъ различно отдѣланъ и украшенъ. вмѣсто скарамангія царь надѣвалъ иногда для выѣздовъ и въѣздовъ верхомъ и другіе хитоны. Въ понедѣльникъ Пасхальной недѣли, какъ отмѣчено въ обрядѣ, для возвращенія верхомъ, вмѣсто дивитисія, онъ надѣвалъ пурпурный коловій, т.-е. хитонъ съ короткими рукавами, разшитый золотыми трубочками или валиками, а по краямъ обшитый жемчугомъ и драгоценными камнями. Коловій этотъ назывался «гроздомъ» (*βότρος*)¹⁾.

Сверхъ коловія на царя надѣвали поясной мечъ, обдѣланный въ золото и украшенный драгоценными камнями и жемчугомъ въ такихъ же ножнахъ. Такого рода мечи (*σπαθία*) довольно часто встрѣчаются на памятникахъ искусства, на которыхъ изображаются или императоры въ военныхъ костюмахъ и съ мечами, или царскіе тѣлохранители, оруженосцы, несущіе парадные царскіе мечи за царемъ. Царское облаченіе для параднаго отъѣзда довершалъ препозитъ, возлагавшій на честную главу царя тиару, которая называется также туфою или даже тогою и отличается какъ отъ діадимы собственно, такъ и отъ парадной царской короны въ тѣсномъ смыслѣ, хотя и представляетъ собою также парадный головной покровъ²⁾. Насколько можно су-

---

обдѣломъ, какъ изложено у меня въ текстѣ. Объ этихъ переоблаченіяхъ я имѣлъ случай говорить въ статьѣ „Облаченіе императора на Керченскомъ щитѣ“, помѣщенной въ Журн. Мин. Нар. Просв., 1893, октябрь и отдѣльно изданной (Спб. 1893, 30 слѣд.), гдѣ указаны и относящіяся сюда мѣста изъ Придворнаго устава. Въ дальнѣйшемъ изложеніи выходовъ мы встрѣтимъ еще и отмѣтимъ подобные случаи.

¹⁾ Относительно надѣванія скарамангія, вмѣсто дивитисія, для ѣзды верхомъ сказано въ сейчасъ названной статьѣ моей „Облаченіе императора на Керченскомъ щитѣ“, 26 слѣд. Такъ какъ при изложеніи обрядовъ выходовъ и въѣздовъ въ храмы мы встрѣтимся не разъ съ подобными фактами переоблаченія въ скарамангію для ѣзды верхомъ, то приводить эти факты вѣтъ необходимости. Ср. мои *Byzantina*, II, 7—8 примѣч. Употребленіе въ понедѣльникъ Пасхальной недѣли для отъѣзда во дворецъ именно коловія отмѣчено, какъ въ обрядѣ этого праздника (I, 10, 80: *κολώβιον τριβλάτιον χρυσοσοληνοκέντητον, διὰ λίθων καὶ μαργάρων ἡμφιεσμένον, ὃ καὶ βότρος καλεῖται*), такъ и въ перечнѣ парадныхъ царскихъ облаченій, употреблявшихся во время праздниковъ (I, 37, 188: *τὰ κολώβια ἤγουν τοὺς κριούς*).

²⁾ Тиара, какъ извѣстно, означаетъ головную повязку, которая дѣлалась, какъ изъ мягкой, такъ и твердой матеріи; въ послѣднемъ случаѣ она могла быть довольно высокая и походила на высокую шапку, расширяющуюся къ верху или прямую. По-

дить по обрядамъ Придворнаго устава, памятникамъ и свидѣтельствамъ средневѣковыхъ писателей, тіара или туфа надѣвалась царями для торжественныхъ въѣздовъ послѣ одержанныхъ надъ непріателемъ побѣдъ, а потомъ и вообще для парадныхъ выѣздовъ верхомъ по городу, которые по облаченію царя и обстановкѣ всего поѣзда походили на торжественные въѣзды.

Въ такомъ нарядѣ царь изъ покоевъ дворца, прилегавшаго къ храму св. Апостоловъ, выходилъ въ сопровожденіи чиновъ кувуклія въ катихуменіи надъ нароикомъ, причемъ находившіяся тутъ завѣсы поднимали кувукуляріи, и направлялся къ лѣвой витой лѣстницѣ, той самой, по которой онъ предъ литургіею поднялся въ катихуменіи. Когда царь спускался по этой лѣстницѣ и выходилъ въ лутирь или дворъ храма св. Апостоловъ, его привѣтствовали собравшіеся у входа на лѣстницу (*ὁ κοιλίας*) чины синклита обычнымъ многолѣтіемъ: «на многіе и добрые годы да продлитъ Богъ святое (или твое) царство-

---

томъ тіарами стали называться именно такія шапки, по своей формѣ походившія на персидскія и затѣмъ турецкія. Украшенныя плюмажемъ или султаномъ (*τόγυ* или *τοῦφα* отъ перс. *tog* или *tug*), такія шапки назывались тогами или туфами. Образцомъ такой шапки можетъ служить шапка конной статуи Юстиніана I, поставленной имъ на площади Августеонѣ, въ память побѣдъ надъ персами и описанная много разъ, въ томъ числѣ и у Прокопія Кесарійскаго. По случаю паденія этой шапки при Теофилѣ, говоря о ней, хронисты называютъ ее именно туфою (*Sin. Mag.* въ *Theoph. contin.* p. 645 ed. Bonn. и *Georg. Mon.* p. 808) и такимъ образомъ даютъ понять, какія шапки назывались туфами или тогами. Съ этимъ совершенно согласны описанія туфы или тіары, которыя мы находимъ у Зонары и Цецы. По свидѣтельству перваго (*lib. XVII, c. IX, ed. Dindorf vol. IV, p. 123*), Василій II Болгаробойца, послѣ покоренія Болгаріи, совершилъ триумфальный въѣздъ въ Константинополь, увѣнчанный высокою тіарою которую простой народъ называетъ туфою (*τιάρα ταινωθεῖς ὀρθία, ἣν τοῦραν καλεῖ ὁ δημόσιος καὶ πολλοὶ ἄνθρωποι*). Цеца (*Chil. 8, 184*) говоритъ, что тіара, персидскій головной уборъ, возлагалась на голову византійскими царями послѣ побѣдъ (т.е. во время триумфальныхъ въѣздовъ) и называлась также туфою, причемъ, какъ на образецъ ея, указываетъ на головной уборъ Юстиніановой статуи. Подтверженіемъ этого свидѣтельства Цецы, кромѣ сейчасъ указаннаго примѣра, т.е. въѣзда Василія II, можетъ служить обрядъ триумфальнаго въѣзда царя Теофила послѣ побѣдоноснаго похода на сарацинъ (*Cerim. append. ad libr. I, 505*). Теофилъ совершилъ въѣздъ, также *βαλὼν τὴν τιάραν ἐπὶ τῆς κεφαλῆς αὐτοῦ*. Хотя статуя Юстиніана и колонна, на которой она стояла, давно уничтожены, но по счастливой случайности сохранился рисунокъ этой статуи, сдѣланный въ 1340 году, найденный Детьеромъ (*Déthier*) въ библиотекѣ Серала въ 1864 г. и сообщенный Эллинскому филологическому обществу въ Константинополь (см. труды этого общества, II, 103). Послѣ этого рисунокъ былъ воспроизведенъ нѣсколько разъ и между прочимъ въ № 8 „Материаловъ по археологій Россіи, издаваемыхъ Императорскою Археологическою Коммиссіею въ изслѣдованіи проф. Покровскаго о Керченскомъ цитѣ. Еще лучше рисунокъ воспроизведенъ въ *Esquisse topographique de Constantinople Mordtmann's, Lille, 1892, 65* (см. у насъ рис. 24). Относительно *τοῦφα* или *τιάρα* см. *Ducange, Gloss. Gr. et. lat. s. v. Reiske, Comment. ad Cerim. p. 591.*

ваніе!», какъ привѣтствовали они его здѣсь, когда царь поднимался въ катихуменіи предъ литургіею. Но теперь высшіе чины синклита были

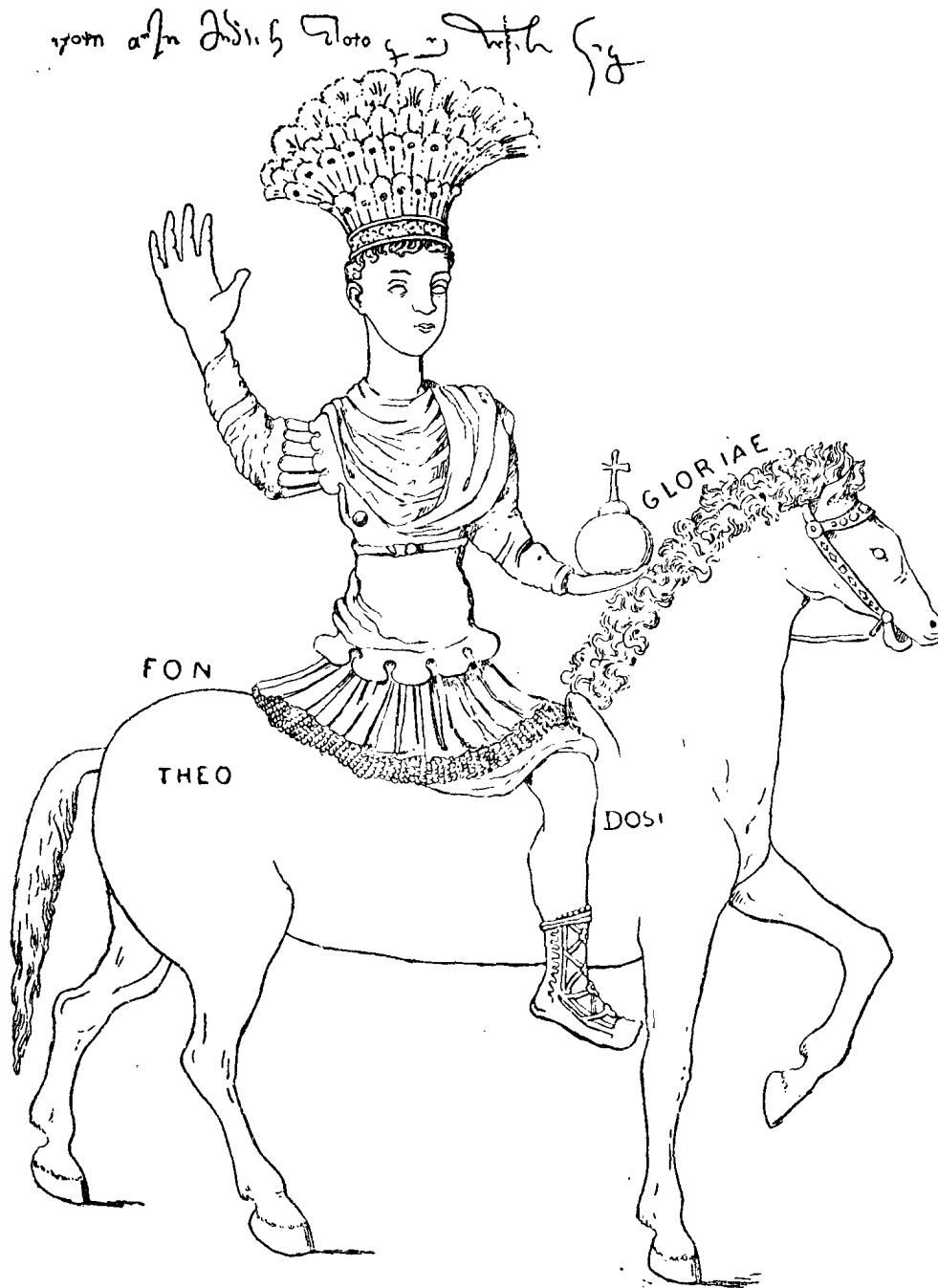

Рис. 24. Конная статуя Юстиніана по рисунку XIV в.

уже не въ хламидахъ, въ которыхъ они совершали крестный ходъ и слушали литургію, а въ пурпурныхъ плащахъ, какъ высшіе чины ку-

вуклія и нѣкоторые другіе чиновники, которымъ предстояло сопровождать царя верхомъ и пѣшкомъ. Въ то время, когда переоблачался царь, переодѣвались и чины въ свои пурпурные плащи ¹⁾).

Окруженный чинами кувуклія, синклитомъ и тѣлохранителями царь, сойдя съ лѣстницы, проходилъ чрезъ дворъ или лутиръ къ двери со двора храма на улицу, гдѣ стояли верховыя лошади въ парадной сбруѣ для царя и сопровождавшихъ его верхами чиновъ. Верховой конь царя, какъ обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ, былъ, по всей вѣроятности, бѣлой масти. Вся сбруя коня, т.-е. узда, сѣдло, и служащія частью для укрѣпленія сѣдла, частью для украшенія коня, ремни, между прочимъ, шейные, унизаны были жемчугомъ, драгоценными камнями и золотыми и эмалевыми бляхами ²⁾). На хвостъ и на ноги коня, кромѣ того, надѣвались перевязи изъ широкой ленты или ремни съ висящими концами. Словомъ, царскій конь для торжественнаго отъѣзда убирался такъ, какъ убраны кони на дошедшихъ до насъ, хоть и немногочисленныхъ памятникахъ, византійскаго искусства, на которыхъ изображаются торжественные, парадные выѣзды и триумфальные въѣзды

¹⁾ Плащи эти называются *σαῦρα ἀληθινά* (I, 10, 88—89), т.-е. пурпурные (см. *Du Cange Gloss. gr. s. v.* и *Gloss. latin. s. v. Alithinus*). 'Αληθινός собственно значить истинный, настоящий=лат. *verus*, каковое слово также употребляется въ значеніи „настоящаго пурпурнаго“. Такъ какъ *πορφύρα ἀληθινή* противопоставляется τῇ ἐξίτηλῃ, *pallidae*, то, по словамъ *Reiske* (*Comment ad Cerim.* p. 189), *apparet hinc ἀληθινόν, et verum proprie splendidum, splendore ardens et oculos feriens notare*. Если это соображеніе вѣрно, то чины надѣвали въ поведѣльникъ Пасхальной недѣли свѣтло-красные плащи, что подходитъ къ свѣтлому празднику, когда облачались вообще въ свѣтлыя одежды.

²⁾ Относительно убранства коня царскаго, см. I, 10, 80—81: ὁ δὲ ἵππος ἐστρωτα: σελλοχαλίνον χρυσοῦν διαλίθον, ἡμφιεσμένον ἀπὸ μαργάρων, ἐν δὲ τῇ οὐρᾷ τοῦ αὐτοῦ ἵππου καὶ τοῖς τέσσαρσι ποσὶν ἀποκρέμανται πέτασοι πράνδιοι. Ср. I, 17, 99 и 105: ἵππεύει δὲ βασιλεὺς ἐφ' ἵππου ἐστρωμένου ἀπὸ σελλοχαλίνοῦ χρυσοῦ διαλίθου χειρευτοῦ, ἡμφιεσμένου ἀπὸ μαργάρων. Ἐν δὲ τοῖς τέσσαρσι ποσὶ τοῦ αὐτοῦ ἵππου καὶ τῇ οὐρᾷ πράνδιοι πέτασοι ἀποκρέμανται. Такая парадная сбруя называется τὸ χιῶμα, мн. ч. τὰ χιῶματα и потому въ обрядахъ Придворнаго устава для краткости иногда говорится, что цари ѣдутъ ἐν ἵπποις ἐστρωμένοις χιῶμασι διαλίθοις или σὺν χιῶματι διαλίθῳ (*append. ad Cerim. libr. I, p. 500 и 505. Ср. I, 37, 188 190 и 191; I, 43, 268*). По словамъ Кодина, *de offic. c. XVII, p. 97* χιῶματα назывались ремни или ленты, унизанныя жемчугомъ и драгоценными камнями и надѣвавшіяся коню на шею и на спину сзади сѣдла. Дальнѣйшія подробности о χιῶμα, см. въ моей статьѣ: „Облаченіе императора на Керченскомъ щитѣ“, 20—24, гдѣ приведены мнѣнія Рейске и Дюканжа объ этомъ предметѣ.

Πράνδιον (у Константина Багрянороднаго въ Придворномъ уставѣ *πράνδιος*)=*brandeum, fascia, vitta*=лента, а *πέτασος*, означаетъ въ классич. языкѣ съ широкими полями шляпу, а затѣмъ широкую крышку вообще, но въ нашемъ мѣстѣ *πέτασος*, очевидно, употребляется уже въ качествѣ прилагательнаго и означаетъ „широкій“. Дѣйствительно эти ленты довольно широки, такъ что до нѣкоторой степени походили на короткіе чулки или гамашы и потому во время Кодина назывались *τοῦβια*=*tibialia*, собств. *tubae*.

царей. Сюда, между прочимъ, принадлежит золотая булла Балдина II, на которую Дюканжъ указываетъ, какъ на образецъ изображенія парадно убраннаго царскаго коня (рис. 25). Еще лучшимъ образцомъ и, притомъ, болѣе близкимъ ко времени составленія Придворнаго устава можетъ служить бамбергская ткань (рис. 26), на которой изображенъ побѣдоносный царь на конѣ, убранномъ согласно съ вышеприведеннымъ описаніемъ парадной сбруи, въ моментъ въѣзда въ городъ послѣ удачнаго похода противъ непріятеля ¹⁾.

Верховыя лошади, назначенныя для высшихъ чиновъ кувуклія и синклита, были также не въ простой обычной сбруѣ, а накрыты парадными попонами ²⁾.

Сѣвши за воротами двора св. Апостоловъ на убранныхъ такимъ образомъ коней, чины синклита въ обычномъ порядкѣ, т. - е. младшіе впереди, выстраивались, по всей вѣроятности, въ два ряда и ѣхали впереди царя; за ними слѣдовали высшіе чины кувуклія также верхами, а за ними уже самъ царь. По сторонамъ и спереди эту процессію окружала конная и пѣшая гвардія: съ той и другой стороны чиновъ синклита ѣхали также на парадно убранныхъ въ попоны коняхъ спааріи и спаарокандидаты, препоясанные мечами, съ сѣкирами и щитами въ рукахъ, причемъ спаарокандидаты, какъ одѣтые въ полную

---

¹⁾ Золотая булла Балдуина II воспроизведена Дюканжемъ въ началѣ I т. его Gloss. Gr. и въ *Familiae Byzantinae*, p. 176 ed. Venet. [Нашъ рисунокъ взятъ у Sabatier, *Iconographie de cinq mille médailles*, St. Pétersbourg, 1847, pl. XXIV, 15 *supplémentaire*]. Рисунокъ бамбергской ткани данъ Шлумбергеромъ въ его богато иллюстрированной книгѣ о Никифорѣ Фокѣ (*Un empereur Byzantin*, Paris, 1890, 365). [Нашъ рисунокъ, какъ и рисунокъ въ книгѣ Шлумбергера, взятъ у Cahier et Martin, *Mélanges d'archéologie*, II (Paris, 1851), табл. XXXIV]. Сюда же можно отнести и Керченскій щитъ, найденный въ 1891 г., роскошный хромофотографированный рисунокъ котораго приложенъ къ изслѣдованіямъ о немъ Стржиговскаго и Н. В. Покровскаго въ № 8 *Матеріаловъ по археологіи Россіи*. Съ него сдѣланъ литографированный снимокъ, приложенный къ отдѣльнымъ отти-скамъ моей вышеназванной статьи [нашъ рис. 27 исполненъ по специально исполненному для настоящаго изданія фотографическому снимку съ оригинала, хранящагося въ средневѣковомъ отдѣленіи Императорскаго Эрмитажа].

²⁾ Коня чиновъ кувуклія и синклита называются *ἐστολισμένοι ὑπὸ καταφράκτων*. *Κατάφρακτος*; уже у древнихъ писателей означаетъ покрытый панцыремъ (ἢ κατάφρακτος ἵππος конница въ панцыряхъ); у средневѣковыхъ писателей *τὸ κατάφρακτον* означаетъ панцырь для людей и лошадей (*Di Cange*, Gl. Gr. s. v.). Какого рода панцырные покрывки или попоны надѣвались на коней для праздничныхъ выѣздовъ чиновъ, сказать опредѣленно, за неимѣніемъ болѣе обстоятельныхъ описаній, трудно; но можно думать, что эти панцырные покрывки были болѣе или менѣе похожи на тѣ, которыя мы видимъ на коняхъ, на которыхъ ѣдутъ всадники при триумфальномъ въѣздѣ Θεодосія въ Константинополь послѣ побѣдоносныхъ походовъ на скивовъ (*Vanduri*, tab. VI и X).

парадную форму, имѣли на себѣ цѣпи или гривны. Чиновъ кувуклія окружали съ обѣихъ сторонъ также конные спаѳарокувикуляріи въ присвоенныхъ имъ хитонахъ съ мечами и сѣкирами въ рукахъ. Кромѣ того, съ той и другой стороны шли пѣшкомъ въ соответствующемъ порядкѣ разные чины гвардіи въ парадной формѣ: кандидаты, скривоны, царскіе мандиторы, курсоры, деканы и другіе.

Рядомъ съ царемъ шли пѣшкомъ съ одной стороны протостраторъ, а съ другой—конюшенный комить (*κόμης τοῦ σταύλου*), а рядомъ съ ними, съ той и другой стороны, шли страторы, со щитами, держа въ рукахъ пальмовыя вѣтви.

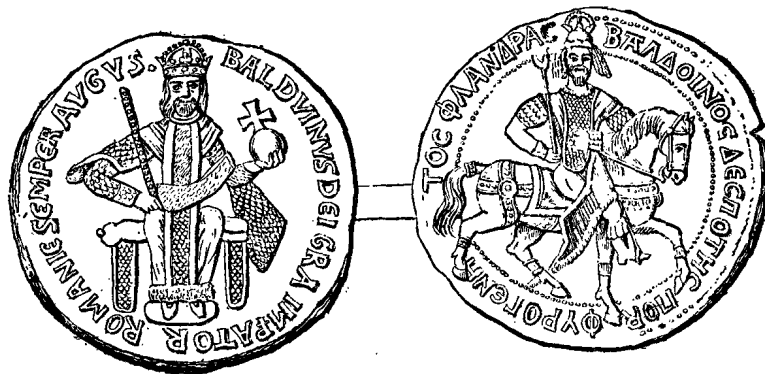

Рис. 25. Золотая булла Балдуина II.

Сзади царя ѣхали на парадно убранныхъ коняхъ въ парадной формѣ, препоясанные мечами и съ сѣкирами на плечахъ (*σπαδοβάκλια*) протоспаѳаріи евнухи, которые обыкновенно въ торжественныхъ выходахъ стоятъ позади царя. За ними ѣхалъ въ пурпурномъ плащѣ на парадномъ конѣ логоѳетъ дрома, за которымъ слѣдовали протоспаѳаріи бородатые, одѣтые и вооруженные такъ же, какъ и протоспаѳаріи евнухи, и конные кувукляріи.

Поѣздъ замыкали друнгаріи виглы или числа и подчиненные ему офицеры числа и гвардейскихъ отрядовъ, а равно и не шедшіе впереди царя маглавиты и другіе чины царской военной свиты. Всѣ эти чины ѣхали на нѣкоторомъ разстояніи отъ кувукляріевъ и протоспаѳаріевъ, ѣхавшихъ за царемъ. Сзади всѣхъ ѣхалъ намѣстникъ числа и сдерживалъ толпу, шедшую за царскимъ поѣздомъ, чтобы она шла на нѣкоторомъ разстояніи отъ поѣзда и не смѣшивалась съ нимъ ¹⁾.

¹⁾ Описание царскаго поѣзда, данное въ текстѣ, основано, главнымъ образомъ, на обрядѣ Пасхальнаго понедѣльника (I, 10, 81—82); но такъ какъ всѣ подобныя выѣзды дѣлались по одному установленному порядку, то нѣкоторыя подробности

Всю эту массу чиновъ, военныхъ и гражданскихъ, разстановивалъ и затѣмъ руководилъ всѣмъ поѣздомъ церемоніарій, который становился и шель во главѣ процессіи въ пурпурномъ плащѣ, предшествуемый четырьмя силенціаріями, державшими въ рукахъ золотыя жезлы.

Направляемый церемоніаріемъ торжественный царскій поѣздъ медленно двигался, сопровождаемый народомъ, по тѣмъ самымъ улицамъ и площадямъ, по которымъ царь шель съ крестнымъ ходомъ предъ литургіею и которыя были убраны и усѣяны душистою зеленью и цвѣтами, по распоряженію ипарха.

Рис. 26. Бамбергская ткань.

Торжественность и великолѣпіе царскаго поѣзда въ значительной степени увеличивались еще тѣмъ, что чрезъ извѣстныя промежутки на всемъ пути его встрѣчали димы Ипподрома, привѣтствовали и сопро-

---

взяты изъ другихъ обрядовъ, особенно I, 17, 99, гдѣ, хотя перечень короче, указаны нѣкоторыя подробности, опущенныя въ I, 10, 81. Ср. также I, 30, 167.

Въ качествѣ участниковъ поѣзда мною названы только тѣ военные и гражданскіе чины, которые упомянуты въ обрядѣ I, 10, но, конечно, этотъ перечень далеко не полонъ. Въ поѣздѣ, безъ сомнѣнія, участвовали всѣ наличные чины синклита, царской военной свиты, кувуклія и гвардейскихъ отрядовъ, такъ что полный перечень ихъ, насколько названія ихъ намъ извѣстны изъ одного клиторологія Филовея, занялъ бы цѣлыя страницы.

вождали своими пѣснопѣніями и славословіями, такъ что и на возвратномъ пути улицы и площади, по которымъ двигался поѣздъ, оглашались праздничными пѣснопѣніями, многолѣтіями и возгласами, подобно тому, какъ крестный ходъ предъ литургіей сопровождался пѣніемъ соотвѣтствующихъ церковныхъ пѣснопѣній и тропарей.

Первая встрѣча происходила у мраморныхъ львовъ. Здѣсь стоялъ зарѣчный димъ венетовъ съ своими пѣвчими и начальниками, во главѣ которыхъ находился димократъ венетовъ, т.-е. domestikъ школь. Когда царскій поѣздъ приближался къ мѣсту первой встрѣчи, церемоніарій бралъ domestика школь за руку и подводилъ къ подъѣзжавшему царю, который, доѣхавъ до мѣста пріема, останавливался. Доместикъ, поклонившись и поцѣловавъ ногу царя, подавалъ ему, обернувъ, конечно, руку хламидою, книжечку или свитокъ съ поздравительными и хвалебными стихами, по своему содержанію соотвѣтствующими тому празднику, въ который совершался выѣздъ.

Царь принималъ ливелларій и передавалъ его комиту ставла, а димократъ венетовъ, т.-е. domestikъ школь, отойдя на свое прежнее мѣсто къ своему диму, осѣнялъ царя крестнымъ знаменіемъ въ то время, какъ димъ пѣлъ славословія царю и возглашалъ привѣтствія, которыя, какъ и весь пріемъ, были почти тождественны съ таковыми же дѣйствіями димократа и дима при встрѣчахъ царя на пути въ храмъ св. Софіи и обратно.

Какъ при первой встрѣчѣ на пути въ храмъ св. Софіи, димократъ венетовъ подавалъ, послѣ поклоненія, царю ливелларій, такъ и здѣсь, при первой же встрѣчѣ, онъ тѣмъ же порядкомъ дѣлалъ это. Только тамъ царь отдавалъ ливелларій препозиту, а здѣсь, во время верховой ѣзды, онъ отдавалъ его шедшему рядомъ комиту ставла ¹⁾).

Привѣтствія димовъ при возвращеніи верхомъ изъ храма св. Апостоловъ, какъ и изъ другихъ храмовъ, бывали почти такіе же, какъ при возвращеніи изъ храма св. Софіи. Какъ тамъ венеты привѣтствовали царей словами: «добро пожаловали», такъ и здѣсь у мраморныхъ львовъ запѣвалы загородняго дима венетовъ возглашали: «добро пожаловало божественное царство», а народъ восклицалъ трижды: «добро пожаловаль» (или пожаловали, смотря по тому, сколько было царей, одинъ или нѣсколько) ²⁾. Затѣмъ слѣдовали обычные славословія и многолѣтія, по-

¹⁾ О дѣйствіяхъ димократа венетовъ при первой встрѣчѣ, см. *Byzantina*, II, 79 сл., гдѣ въ прим. 2 къ стр. 79 указана ошибочность рукописнаго чтенія мѣста I, 10, 82 относительно первой встрѣчи и сдѣлана его поправка,

²⁾ Ср. *Byzantina*, II, 185 и 80.

вторявшіяся при каждой встрѣчѣ димовъ и состоявшія въ томъ, что запѣвалы или пѣвчіе дима возглашали многолѣтіе (многая лѣта или времена) съ прибавленіемъ извѣстныхъ хвалебныхъ эпитетовъ царямъ (божественное царство, самодержцы римлянъ), а народъ трижды повторялъ многолѣтіе и заканчивалъ другою формою многолѣтія: «долголѣтнимъ содѣетъ Богъ святое царство твое (или ваше)!»

Рис. 27. Керченскій щитъ.

Выслушавъ эти славословія у мраморныхъ львовъ, для чего вся процессія останавливалась, царь двигался со всѣмъ поѣздомъ далѣе. Димъ венетовъ, дѣлавшій первую встрѣчу, съ domestikомъ школь во главѣ, также шелъ вмѣстѣ съ другими впереди царя и на ходу говорилъ дромики (*τὰ δρομικά*); а если царь прикажетъ, то пѣлись апелатики

(ἀπελατικά) ¹⁾. Къ сожалѣнію, пѣснопѣнія и стихотворенія, пѣвшіяся во время выѣздовъ, изложены гораздо короче, чѣмъ пѣснопѣнія димовъ во время большихъ выходовъ, описанныхъ во II кн. *Byzantina*. Такъ, при описаніи перваго же приѣма венетовъ приведены только дромики, а апелатиковъ не приведено ни одного, между тѣмъ какъ при изложеніи славословій и пѣснопѣній въ другіе подобные праздники приводятся нѣкоторые апелатики, но не указаны дромики. Такъ какъ относительно дромиковъ, приведенныхъ въ «актахъ» понедѣльника Пасхальной недѣли, сказано, что они поются и въ другихъ случаяхъ, то можно думать, что они приведены здѣсь всѣ, чтобы не приводить ихъ при изложеніи «актовъ» въ другіе праздники. Весьма возможно, что приведенные тамъ апелатики, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ нихъ пѣлись и въ понедѣльникъ Пасхальной недѣли, какъ дромики пѣлись въ другіе праздники и при всякомъ приѣмѣ повторялись одни и тѣ же славословія. Съ этими апелатиками мы познакомимся въ тѣхъ обрядахъ, въ которыхъ они приводятся въ Придворномъ уставѣ, а теперь мы должны довольствоваться дромиками, приведенными въ «актахъ» понедѣльника Пасхальной недѣли при описаніи первой встрѣчи венетовъ. Вотъ эти дромики:

1) «Радуйся, державнѣйшій самодержецъ, радость вселенной, служитель Бога, счастье римлянъ, гордость венетовъ, веселіе и украшеніе, да соизволитъ божество, чтобы ты управлялъ своимъ государствомъ сто годовъ».

2) «Вотъ радость днесъ, тишина и милость великая! Ибо владыки (цари), облекшись радостью, какъ зарницы, блещутъ державою, и міру посылаются счастье, ибо наша радость та же, что и восхищеніе міра (т.-е. цари)».

3) «Силу создала десница Бога нашего, владыки! Міръ сталъ господствовать въ собственномъ царствѣ и въ вѣрѣ возвысилъ его къ благоволенію ²⁾. Радуйтесь небесныя воинства! Сорадуйся, войско римлянъ! Возрадуйтесь, всѣ христіане, и празднуйте Господу!».

---

¹⁾ Славословія и привѣтствія димовъ изложены въ I, 5, 49 и слѣд., перечень приемовъ и описаніе дѣйствій димократовъ и димарховъ даны въ I, 10, 82—3. А такъ какъ въ „актахъ“, т.-е. изложеніи встрѣчъ и славословій другихъ праздниковъ, въ которые царь возвращался по той же дорогѣ, неоднократно замѣчено, что встрѣчи димовъ во время ихъ совершаются такъ же, какъ въ понедѣльникъ Пасхальной недѣли, то и эти обряды съ ихъ „актами“ необходимо имѣть въ виду для сравненія и повѣрки. О нихъ судеть рѣчь ниже. „Апелатикъ“ въ *Byzantina* II, 83, я передалъ посредствомъ „отходный“, а „дромикъ“ можно перевести словомъ „походный или маршевой“.

²⁾ Въ греческомъ текстѣ, очевидно, имѣются недочеты и поврежденія, которыя дѣлаютъ его мало понятнымъ. Чтобы получить хотя какой-нибудь смыслъ при переводѣ, я читалъ, вмѣсто *ἐν αὐτῷ αὐτῷ*, т.-е. *πολιτεῖαν*.

Сопровождаемый этими славословіями, царь и весь поѣздъ достигали храма св. Поліевкта, предъ прибытіемъ къ которому венеты останавливались и, прекративъ свое пѣніе, отставали отъ поѣзда, потому что у храма св. Поліевкта происходилъ второй приѣмъ. Здѣсь поджидалъ царя бѣлый димъ венетовъ съ димархомъ во главѣ. Его точно такъ же, какъ и димократа, подводилъ къ царю церемоніарій, димархъ кланялся, цѣловалъ ногу и подносилъ ливелларіи остановившемуся царю, послѣ чего отходилъ къ своему диму и, ставши впереди его, предъ царемъ, осѣнялъ его крестнымъ знаменіемъ, когда народъ пѣлъ многолѣтія и славословія и держалъ руки подъ хламидою, когда пѣли занѣвалы или пѣвчіе.

А пѣвчіе и димоты возглашали совершенно тѣ же самыя привѣтствія и многолѣтія, какъ и при первой встрѣчѣ, а затѣмъ, когда царь и весь поѣздъ двигался далѣе, пѣли дромикъ или апелатикъ, сопровождая царя пѣніемъ до церкви св. Евфиміи Оливріа.

У этой церкви царь опять останавливался для третьяго приѣма, который дѣлался загороднымъ димомъ прасиновъ съ своимъ димократомъ, т.-е. начальникомъ экскуваторовъ во главѣ. Послѣ обычныхъ дѣйствій, поднесенія ливелларія, славословія и многолѣтій, когда царь и вся процессія двигалась далѣе, загородный димъ прасиновъ пѣлъ въ качествѣ дромига на гласъ первый пѣснь, которая пѣлась обыкновенно прасинами же при пятомъ приѣмѣ на пути царя въ св. Софію въ первый день Пасхи, т.-е. «Безвременно (до начала временъ) Отцу соцарствующій въ послѣднія времена временно съ людьми жилъ и, на крестѣ адъ и смерть плѣнивши и тридневнымъ воскресеніемъ своимъ мертвымъ воскресеніе обновивши, Самъ возвыситъ рогъ Вашъ, владыки, побѣдами надъ варварами» ¹⁾).

Съ пѣніемъ этого стиха прасины шли впереди царя до Филадельфія, гдѣ царя встрѣчали опять димократъ венетовъ съ загороднымъ димомъ и гдѣ совершалось то же, что и при первой встрѣчѣ, за исключеніемъ поднесенія ливелларія. Этого поднесенія уже не бывало ни на этотъ разъ, ни въ слѣдующіе разы, когда опять приходилось дѣлать пріѣмъ димократу венетовъ, такъ какъ поднесеніе ливелларія совершалось только одинъ разъ во время выѣзда или выхода каждымъ изъ четырехъ представителей четырехъ партій или димовъ ипподрома, а при второмъ и слѣдующихъ приѣмахъ, если таковые были, ливелларіи тѣмъ же лицомъ не подносились ²⁾).

¹⁾ Относительно приѣма, когда пѣли этотъ стихъ въ первый день Пасхи, см. *Vuzantina*, II, 85.

²⁾ Порядокъ поднесенія ливелларіевъ точно указанъ I, 10, 83, гдѣ сказано, что димократы и димархи венетовъ и прасиновъ только „при первомъ приѣмѣ подаютъ ливелларій, а при прочихъ не подаютъ, потому что это дѣлается только одинъ разъ“.

Димократъ съ загороднымъ димомъ венетовъ, встрѣтивъ царя у Филадельфія, провожалъ его до Тавра, гдѣ его встрѣчалъ и привѣтствовалъ красный димъ прасиновъ съ димархомъ во главѣ. Димархъ прасиновъ, какъ представлявшійся царю съ своимъ димомъ въ первый разъ во время возвратнаго поѣзда, подносилъ царю ливелларій, а затѣмъ осѣнялъ царя крестнымъ знаменіемъ, пока народъ пѣлъ обычныя многолѣтія и славословія. Послѣ этой встрѣчи, которая, по общему счету приемовъ, была пятою, красный или городской димъ прасиновъ шелъ впереди царя съ пѣснопѣціями до арки Хлѣбнаго базара, гдѣ димархъ оборачивался назадъ, чтобы сдѣлать здѣсь шестой приемъ, во время котораго дѣлалось и пѣлось то же, что и въ другихъ; только димархъ прасиновъ не подносилъ ливелларія во второй разъ. Отъ Хлѣбнаго базара красный димъ прасиновъ шелъ впереди царя до фора Константина, на которомъ происходилъ седьмой приемъ. Поѣздъ снова останавливался и царь принималъ и затѣмъ слушалъ многолѣтія и славословія городского дима прасиновъ съ димократомъ ихъ, т.-е. начальникомъ экскувировъ, во главѣ. Прасины, послѣ встрѣчи, шли впереди царя по Средней улицѣ до Преторія, у котораго привѣтствовалъ царя бѣлый или городской димъ венетовъ съ своимъ димархомъ во главѣ. При этомъ, по счету восьмомъ, приемъ, въ концѣ обычныхъ многолѣтій и славословій запѣвалы венетовъ восклицали: «добро пожаловало истребленіе сыновъ Агари (т.-е. добро пожаловало истребитель или сокрушитель, побѣдитель сыновъ Агари, арабовъ, мусульманъ) ¹⁾. А народъ закапчивалъ славословія обычнымъ многолѣтіемъ: «долголѣтнимъ содѣетъ Богъ святое царство твое на многія лѣта».

Послѣ славословій загородный димъ венетовъ шелъ впереди царя до Милія; дойдя до Милія, димархъ съ димомъ возвращался назадъ и подъ аркою Милія совершалъ девятый приемъ. Отсюда поѣздъ въ сопровожденіи городского дима венетовъ двигался къ банямъ Зевксиппа, гдѣ происходилъ десятый приемъ, который дѣлался городскимъ димомъ прасиновъ съ ихъ димократомъ во главѣ, сопровождавшимъ царя до рѣшетки Халки, у которой происходилъ послѣдній приемъ. Этотъ приемъ,

---

¹⁾ Въ изложеніи приемовъ (I, 5, 51) такой конецъ славословій при восьмомъ приемѣ отмѣченъ особо, какъ нѣчто отличное отъ другихъ приемовъ; но вся особенность этого приема заключается собственно только въ словахъ ἡ ἀναίρεσις τῶν τῆς Ἄγαρ, такъ какъ привѣтствіе: καλῶς ἤλθεν съ какимъ-нибудь величаніемъ говорилось въ концѣ славословій и при другихъ приемахъ на возвратномъ пути, какъ мы видѣли выше.

одиннадцатый по счету, дѣлалъ, по обыкновению, димократъ венетовъ съ загороднымъ ихъ димомъ ¹⁾).

¹⁾ При изложеніи числа и мѣста приемовъ мы держались „актовъ“ понедѣльника Пасхальной недѣли, такъ какъ въ нихъ приемы изложены полнѣе и точнѣе. Этотъ перечень нѣсколько разнится отъ того, который имѣется въ обрядѣ понедѣльника (I, 10, 83). Эта разность состоитъ частью въ мѣстахъ встрѣчь, частью въ чередованіи димовъ. Такъ, второй приемъ по актамъ происходилъ у св. Полиевкта, а по обряду I, 10, 83 у св. Христофора; по актамъ у Модія приѣма не было, а по обряду между Филадельфіемъ и Тавромъ былъ приемъ у Модія, гдѣ принималъ красный или городской димъ прасиновъ. Зато по обряду не производилось приѣма у Преторія, гдѣ по актамъ происходилъ восьмой приемъ. Мѣсто десятаго приѣма въ актахъ не указано, а сказано только, что онъ происходитъ немного спустя послѣ приѣма въ аркъ Милія. Но въ обрядѣ понедѣльника мѣстомъ предпоследняго приѣма названы бани Зевксиппа; на основаніи этого замѣчанія я и приурочилъ десятый приемъ къ этому мѣсту, но могло быть также, что предпоследній приемъ происходилъ у воротъ Мелеты, противъ такъ называемаго Ахилла, т.-е. статуи Юстиніана, какъ въ Вознесеніе (I, 8, 56). Въ общемъ по актамъ и обряду при возвращеніи изъ храма св. Апостоловъ дѣлалось по 11 приемовъ. Кромѣ разницы въ мѣстѣ нѣкоторыхъ приемовъ (*δοχαί*), акты отличаются отъ обряда и чередованіемъ димовъ или партій (*δημα* или *μέρη*) ипподрома. Пять первыхъ приемовъ совершаются въ одинаковомъ порядкѣ; разница начинается съ шестого: по актамъ шестого, приемъ дѣлаетъ красный или городской димъ прасиновъ, по обряду бѣлый или городской димъ венетовъ седьмой приемъ по обряду дѣлаетъ у Хлѣбнаго базара красный димъ прасиновъ, по актамъ красный или городской димъ прасиновъ на форѣ; восьмой приемъ по обряду дѣлается на форѣ, по всей вѣроятности, бѣлымъ или городскимъ димомъ венетовъ, а по актамъ имъ же у Преторія; девятый приемъ по обряду загороднымъ димомъ прасиновъ у Милія, а по актамъ здѣсь же бѣлымъ димомъ венетовъ; десятый по обряду городскимъ или краснымъ димомъ прасиновъ у банъ Зевксиппа, по актамъ загороднымъ димомъ прасиновъ, вѣроятно, тамъ же; одиннадцатый по актамъ и обряду у рѣшетки Халки. Эта разница происходитъ отъ того, что обрядъ написанъ въ другое время, по всей вѣроятности, раньше актовъ и констатируетъ порядокъ существовавшій во время написанія обряда, по всей вѣроятности до Льва VI, а въ актахъ показанъ порядокъ, установившійся при Львѣ и, быть можетъ, существовавшій во время составленія Придворнаго устава или, по крайней мѣрѣ, сборника актовъ. Къ сожалѣнію въ обрядѣ перечень приемовъ къ концу (р. 84, стрк. 3—8) изложенъ слишкомъ кратко и неясно, а потому, быть можетъ, испорченъ переписчикомъ, сдѣлавшимъ пропуски и поставившимъ невѣрную интерпункцію. Благодаря пропуску въ строкѣ 45, выпало названіе дима, дѣлавшаго приемъ на форѣ. На основаніи счета приемовъ и очередей, можно думать, что на форѣ принималъ бѣлый или городской димъ венетовъ. Принимая во вниманіе это предположеніе, а равно и способъ обозначенія приемовъ при краткомъ ихъ изложеніи въ обрядѣ Преполовенія (I, 17, 106), способъ, очень близкій къ тому, который употребленъ въ занимающемъ насъ мѣстѣ, вышеуказанныя строки, по моему мнѣнію нужно дополнить и читать слѣдующимъ образомъ:... καὶ διασώζουσιν (οἱ τῆς πολιτικῆς τ. μέρους τ. Βενέτων) ἕως τῶν Ἀρτοπωλέων τῆς πολιτικῆς τοῦ μέρους τῶν Πρασίνων καὶ δέχονται τὸν βασιλέα ἐν τῷ φουρνικῷ τῶν ἀρτοπωλῶν. Τῆς πολιτικῆς τοῦ μέρους τ. Βενέτων δέχονται τ. βασιλέα ἐν τῷ φόρῳ. Τῶν περατικῶν Πρασίνων δέχονται ἐν τῷ πλακωτῷ τοῦ Μιλίου. Τῆς πολιτικῆς μέρους τ. Πρασίνων δέχονται τὸν βασιλέα ἐν τῷ Ζευξίπφ. Τῶν περατικῶν μερῶν Βενέτων δέχονται τὸν βασιλέα ἐν τῇ Χαλκῇ. Легко можно возстановить этотъ конецъ перечня и въ болѣе подробномъ видѣ и даже въ самой подробной формѣ, но краткость обозначенія трехъ послѣднихъ приемовъ заставляють довольствоваться вставкою тѣхъ словъ, которые напечатаны у насъ разрядкою и которыя необходимы для возстановленія смысла и

Здѣсь у желѣзной рѣшетки Халки всѣ сановники и чиновники, ѣхавшіе верхомъ, сходили съ лошадей и по переднимъ портикамъ дворца, предназначеннымъ для гвардейскихъ карауловъ, сопровождаютъ царя пѣшкомъ, между тѣмъ, какъ онъ одинъ ѣхалъ верхомъ чрезъ Халку и Школы до большихъ воротъ, ведшихъ изъ Школъ въ палату экскувировъ. Эти ворота, или двери, стояли на высокомъ порогѣ (пультитѣ) въ нѣсколько ступеней, и ѣхать верхомъ далѣе было невозможно. Царь, поэтому, обыкновенно сходилъ съ лошади, когда въѣзжалъ во дворецъ чрезъ Халку и Школы. Здѣсь же онъ и садился на лошадь, когда въѣзжалъ изъ дворца чрезъ Халку. Такъ какъ во время выходовъ въ большіе Господніе праздники, стоя на порогѣ этой двери, царь производилъ иногда скривоновъ, то въ обрядѣ эта дверь иногда называется «большою дверью экскувитовъ, гдѣ бываетъ производство скривоновъ»¹⁾.

полноты перечня. Для того, чтобы все вышесказанное было ясно и наглядно, я позволю себѣ представить перечни пріемовъ по актамъ и обрядамъ въ видѣ таблички, тѣмъ болѣе что въ этихъ перечняхъ мы имѣемъ весьма важныя и несомнѣнныя указанія топографическихъ пунктовъ отъ храма св. Апостоловъ до дворца.

По обряду (I, 10, 83—84)	По „актамъ“ (I, 5, 50—51).
1. У Мраморныхъ львовъ	Тамъ же.
Загородные венеты	Тѣ же.
2. У св. Христофора	У св. Полиевкта.
Городскіе (бѣлые) венеты	Тѣ же.
3. У св. Евфиміи Оливрія	Тамъ же.
Загородные прасины	Тѣ же.
4. У Филадельфія	Тамъ же.
Загородные венеты	Тѣ же.
5. У Модія	У Тавра.
Городскіе (красные) прасины	Тѣ же.
6. У Тавра	На Хлѣбномъ базарѣ.
Городскіе (бѣлые) венеты	Городскіе (красные) прасины.
7. На Хлѣбномъ базарѣ	На форѣ Константина.
Городскіе (красные) прасины	Загородные прасины.
8. На форѣ Константина	У Преторія.
Городскіе (бѣлые) венеты	Они же.
9. У Милія	Тамъ же.
Загородные прасины	Городскіе (бѣлые) венеты.
10. У бань Зевксиппа	Тамъ же (?).
Городскіе (красные) прасины	Загородные прасины.
11. У рѣшетки Халки	Тамъ же.
Загородные венеты	Они же.

Подведя итоги пріемамъ, мы найдемъ, что изъ 11 разъ царя встрѣчали венеты шесть; а прасины пять, что начинается и заканчиваетъ пріемы самый главный димъ загородныхъ венетовъ съ однимъ изъ важнѣйшихъ военныхъ сановниковъ, domestikomъ школъ, во главѣ.

¹⁾ Объ этой двери и производствѣ въ ней скривоновъ, см. мои Byzantina, I, 124 — 129, гдѣ показано, почему у этой именно двери царь сходилъ съ лошади и садился на нее.

Сойдя съ лошади у двери палаты экскувитовъ царь, предшествуемый чинами синклита и сопровождаемый кувукліемъ, проходилъ чрезъ эту палату, а затѣмъ чрезъ палату кандидатовъ мимо дверей, ведущихъ отсюда въ Консисторію. Здѣсь предъ дверьми Консисторіи чины синклита собственно, которые, при возвращеніи царя изъ храма св. Софіи въ большіе Господніе праздники, привѣтствуютъ царя въ послѣдній разъ многолѣтіемъ и откланиваются ему въ Консисторіи, выстраивались въ должномъ порядкѣ, говорили ему обычное многолѣтіе и оставались здѣсь, а затѣмъ расходились по домамъ ¹⁾).

Впередѣ царя шли далѣе только высшіе чины синклита и вмѣстѣ съ чинами кувуклія сопровождали царя до дверей храма Господа. Въ среднихъ или красныхъ вратахъ этого храма они также привѣтствовали царя многолѣтіемъ и откланивались ему, не входя въ храмъ, а царь въ сопровожденіи чиновъ кувуклія входилъ чрезъ среднюю бронзовую дверь въ храмъ Господа, послѣ того, какъ препозитъ спималъ съ него при входѣ въ храмъ туфу или тогу. Въ храмѣ Господа привѣтствовали царя многолѣтіемъ вошедшіе сюда раньше царя и ставшіе здѣсь въ два ряда чины кувуклія, которые послѣ этого немедленно запирали двери храма Господа, между тѣмъ, какъ царь шелъ чрезъ храмъ на солею и молился предъ святыми вратами со свѣчею въ рукѣ, поданною ему препозитомъ.

Помолившись здѣсь, царь съ чинами кувуклія выходилъ изъ храма и по переходамъ (*διαβατῆα*), связывавшимъ храмъ Господа съ дворцомъ Триконха и называвшимся потому «переходами Господа», шелъ сначала въ полукругъ Триконха, а изъ этого дворца переходами сорока мучениковъ въ Хрисотриклинь. Здѣсь чины кувуклія становились раѣе прибытія царя и послѣдніе еще разъ привѣтствовали его многолѣтіемъ: «на многіе и добрые годы да продлитъ Богъ святое царство твое».

Царь проходилъ въ китонъ Хрисотриклина, т.-е. въ собственные жилые покои, а чины кувуклія, не обязанные дежурить во дворцѣ, уходили и расходились по домамъ. Словомъ, царь шелъ по палатамъ дворца совершенно такъ же, какъ въ Богородичные праздники, по возвращеніи изъ Халкопратійскаго храма.

Читатель, знакомый съ выходами въ большіе Господніе праздники, не можетъ не замѣтить, что главные моменты возвращенія царя отъ палаты экскувитовъ до Хрисотриклина сходны съ обратнымъ шествіемъ царя по дворцовымъ зданіямъ послѣ большихъ выходовъ въ храмъ

¹⁾ О палатахъ экскувитовъ и кандидатовъ и входныхъ дверяхъ Консисторіи см. *Byzantina*, I, 121 слѣд. О чинахъ синклита, откланивающихся царю въ Консисторіи, см. *Byzantina*, II, 193.

св. Софіи. Какъ тамъ высшіе чины синклита откланиваются царю въ Оноподѣ и Золотой Рукѣ, такъ здѣсь въ дверяхъ храма Господа, который, въ занимающемъ насъ обрядѣ, по своему положенію на пути царя, соотвѣтствуетъ Августею и также запирается по входѣ туда царя.

Изъ Августея царь идетъ по переходамъ дворца Дафны къ Триконху, а здѣсь онъ идетъ туда же изъ храма Господа по переходамъ Господа, а, начиная съ полукруга или сигмы Триконха, путь былъ совершенно одинаковъ.

На возвратномъ пути послѣ поѣздки верхомъ только не происходило переоблаченія изъ хламиды въ плащъ, потому что царь ѣхалъ верхомъ въ коловіи или скарамангій, въ которомъ онъ шелъ до своихъ покоевъ при Хрисотриклинѣ и тамъ же разоблачался и одѣвался въ свое домашнее платье. Но туда церемоніалы не проникаютъ, потому и мы должны остановиться на Хрисотриклинѣ и здѣсь покинуть царя ¹⁾.

Вышеизложеннымъ порядкомъ выходы въ храмъ св. Апостоловъ совершались до Льва VI Мудраго, который замѣнилъ выходъ выѣздомъ ²⁾. Нововведеніе Льва состояло въ томъ, что царь не дѣлалъ изъ дворца выхода въ св. Софію и не шелъ оттуда съ крестнымъ ходомъ пѣшкомъ въ полномъ парадномъ облаченіи до храма св. Апостоловъ, а, выйдя изъ дворца въ верховомъ костюмѣ чрезъ дваватки и храмъ Господа, садился на лошадь у большой двери палаты экскувитовъ и ѣхалъ, окруженный чинами, частью верховыми, частью пѣшими, до храма св. Апостоловъ.

По прибытіи туда, царь переоблачался въ парадное облаченіе и дожидался прибытія патріарха съ крестнымъ ходомъ. Съ прибытіемъ патріарха, царь встрѣчалъ его и затѣмъ дѣлалъ съ нимъ малый входъ, послѣ чего царь и патріархъ исполняли все то, что полагалось по прежнему порядку и что нами выше изложено. Подробнѣе выѣздъ царя изъ дворца мы опишемъ при изложеніи выѣзда въ храмъ св. Мокія въ

---

¹⁾ Относительно возвращенія царя чрезъ Оноподѣ, Золотую Руку и Августей, переходы Дафны и Триконхъ, см. мои Byzantina, II, 193 и слѣд. Относительно храма и переходовъ Господа, Триконха и переходовъ 40 мучениковъ, см. Byzantina, I, 123, 88 слѣд., 120.

²⁾ Какъ уже было указано, объ этомъ имѣется замѣтка въ концѣ обряда понедѣльника Пасхальной недѣли (I, 10, 86): „Нужно знать, что при Левѣ блаженной памяти введенъ былъ такой порядокъ: царь въ златоткапомъ скарамангій и вѣицѣ садится на лошадь и такимъ образомъ отправляется въ храмъ св. Апостоловъ, а возвращаясь назадъ верхомъ, надѣваетъ коловій, называемый гроздомъ, а на голову бѣлый вѣнецъ и такимъ образомъ возвращается. Такъ совершается этотъ выѣздъ до сегодняшняго дня“. Ср. Byzantina, II 221 и 230.

Преполовене, такъ какъ въ храмъ св. Мокія цари издавна ѣздили верхомъ и потому въ старомъ обрядѣ этого праздника выѣздъ описанъ довольно подробно. По готовому типу этого выѣзда совершался выѣздъ и въ храмъ св. Апостоловъ, когда выходъ и крестный ходъ были замѣнены выѣздомъ.

Съ замѣною выходовъ выѣздами въ понедѣльникъ Пасхальной недѣли, такіе же выѣзды стали совершаться и въ другіе праздники, когда цари отправлялись въ храмъ св. Апостоловъ, т.-е. въ Антипасху, праздникъ св. Апостоловъ, въ день смерти Василія Македонянина, въ недѣлю Всѣхъ Святыхъ.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ выѣзды совершались одинаково; измѣнялись только облаченія по цвѣту, да, быть можетъ, пѣлись различныя апелатики. Но въ недѣлю Всѣхъ Святыхъ богомольный выѣздъ значительно отличался тѣмъ, что литургію царь не слушалъ въ храмѣ св. Апостоловъ, а доѣхавъ, какъ и въ другіе сейчасъ названные праздники до храма св. Апостоловъ верхомъ по новому порядку, царь сходилъ съ лошади у двери лутира, ведущей къ орологій храма св. Апостоловъ¹⁾. Войдя чрезъ эту дверь въ лутирь, предшествуемый чинами синклита и сопровождаемый чинами кувуклія и военной свиты, царь поворачивалъ направо, входилъ въ нароекъ храма Всѣхъ Святыхъ, изъ него поднимался въ катихуменіи этого храма и входилъ тамъ въ отдѣленіе катихуменій, закрытое завѣсами. Въ виду предстоящаго входа въ храмъ св. Апостоловъ и затѣмъ въ храмъ Всѣхъ Святыхъ вмѣстѣ съ патріархомъ, царь, какъ и всѣ чины, переоблачался: царь снималъ золотой скарамангій, въ которомъ онъ ѣхалъ, и надѣвалъ дивитисій, а высшіе чины синклита, вмѣсто красныхъ плащей, въ которыхъ они ѣхали верхомъ, накидывали хламиды.

Когда патріархъ съ крестнымъ ходомъ, прибывъ къ храму св. Апо-

---

¹⁾ Въ I кн. Придворнаго устава нѣтъ обрядовъ выѣздовъ въ Антипасху, въ праздникъ св. Апостоловъ и въ день смерти Василія, такъ какъ эти выѣзды тоже-ственны съ выѣздомъ въ понедѣльникъ Пасхальной недѣли. По этой причинѣ и при составленіи II кн., въ которую вошли, въ качествѣ дополненія къ I кн., многіе обряды, не бывшіе въ сборникахъ, вошедшихъ въ I кн., не записаны обряды выѣздовъ въ эти дни, но обрядъ выѣзда въ недѣлю Всѣхъ Святыхъ записанъ и составляетъ гл. 7 II кн., р. 535—538. А такъ какъ поѣздка изъ дворца до храма св. Апостоловъ и обратно совершалась по чину понедѣльника Пасхальной недѣли и Антипасхи, то въ обрядѣ излагаются только такія дѣйствія царя и патріарха, которыя составляютъ отличіе этого выхода, а относительно остальныхъ въ обрядѣ замѣчается, что они совершаются по чину другихъ выѣздовъ въ храмъ св. Апостоловъ и въ другіе храмы. Возстановить эти подробности можно легко по другимъ обрядамъ, безъ всякаго риска сдѣлать ошибку. Но для избѣжанія повторенія, я прибавляю изъ другихъ обрядовъ только то, что необходимо для связи и пониманія дальнѣйшаго изложенія.

столовъ, входилъ въ него, препозитъ, получивъ объ этомъ извѣстіе отъ церемоніарія, докладывалъ царю и приглашалъ веститоровъ для облаченія царя въ хламиду. Веститоры входили и накидывали на царя соответствующую празднику хламиду¹⁾. Въ дивитисіи и хламидѣ царь, сопровождаемый чинами кувуклія, выходилъ въ открытое отдѣленіе катихуменій, гдѣ стояли въ іерархическомъ порядкѣ чины синклита. При выходѣ царя изъ - за завѣсы, они падали ницъ, затѣмъ вставали и, послѣ возгласа: «повелите!», сдѣланнаго церемоніаріемъ по знаку препозита, восклицали хоромъ обычное многолѣтіе и въ томъ же порядкѣ шли къ витой лѣстницѣ, по которой поднялись и которая вела изъ катихуменій въ пароникъ храма Всѣхъ Святыхъ. За ними слѣдовалъ царь съ чинами кувуклія и своей военной свиты. Спустившись въ пароникъ храма Всѣхъ Святыхъ, вся процессія проходила чрезъ него въ смежный пароникъ храма св. Апостоловъ, а изъ него въ лутирь храма св. Апостоловъ.

Здѣсь ожидали царя димы ипнодрома и, какъ только царь выходилъ изъ пароника на дворъ, царя встрѣчалъ загородный димъ венетовъ съ своимъ димократомъ, т.-е. domestикомъ школъ, который и подносилъ царю букетъ изъ розъ. Немного спустя, предъ входомъ въ орологіи, еще во дворѣ то же самое дѣлалъ димархъ венетовъ съ бѣлымъ димомъ венетовъ. Когда цари уже входили въ дверь орологія, царя встрѣчалъ и подносилъ ему букетъ изъ розъ димократъ прасиновъ, т.-е. domestикъ экскувиторовъ, съ загороднымъ димомъ прасиновъ. При входѣ въ гинэконитъ храма св. Апостоловъ то же самое дѣлалъ, наконецъ, красный или городской димъ прасиновъ съ своимъ димархомъ.

Когда, послѣ этихъ пріемовъ, царь чрезъ гинэконитъ или сѣверную сторону храма входилъ въ храмъ, направляясь къ алтарю, его встрѣчалъ внѣ алтаря патріархъ, который, въ ожиданіи царя, по прибытіи съ крестнымъ ходомъ, стоялъ предъ св. вратами алтаря, а затѣмъ вмѣстѣ съ царемъ входилъ въ алтарь, гдѣ царь прикладывался къ св. покрову и евангелію, подносимымъ патріархомъ. Послѣ обычнаго кажденія вокругъ престола, царь и патріархъ открывали крестный ходъ, выходя

---

¹⁾ Въ обрядѣ (II, 7, 535) о переоблаченіи не говорится, а сказано только, что царь въ катихуменіяхъ, по прибытіи въ храмъ предъ литургією, совершаетъ и слѣдующія дѣйствія, какъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ. А эти дѣйствія и состоятъ въ томъ, что царь и чины переоблачаются въ парадную форму для участія во входѣ въ храмъ съ патріархомъ, такъ какъ въ верховомъ костюмѣ, въ которомъ они прибыли въ храмъ, этого дѣлать не полагалось. Такіе именно случаи переоблаченія до прибытія патріарха имѣли мѣсто въ храмѣ св. Мокія (I, 17) и храмѣ пресв. Богородицы Источника (I, 18), какъ мы увидимъ ниже.

изъ алтаря храма св. Апостоловъ, при пѣніи пѣвчими: «Слава Тебѣ, Христе Боже...»

Когда царь выходилъ изъ алтаря съ патриархомъ, препозитъ подавалъ царю процессіональную свѣчу, съ которой царь и шель, рядомъ съ патриархомъ, изъ храма св. Апостоловъ въ храмъ Всѣхъ Святыхъ. Подойдя къ этому храму съ крестнымъ ходомъ, патриархъ совершалъ обрядъ открытія храма и, когда двери храма при пѣніи стиховъ псалма «Возьмите врата, князи, ваша», открывались, патриархъ совершалъ съ царемъ малый входъ въ храмъ Всѣхъ Святыхъ и, по обыкновенію, чрезъ солею и среднія св. врата входилъ съ царемъ въ алтарь, гдѣ царь прикладывался къ покрову св. престола, кадилъ его вокругъ и затѣмъ вмѣстѣ съ патриархомъ шель чрезъ правую сторону алтаря въ прилегавшій къ нему съ этой стороны евктирій съ алтаремъ въ честь св. мученика Льва. Здѣсь царь, по обыкновенію, молился предъ алтаремъ со свѣчею въ рукѣ, а затѣмъ прощался съ патриархомъ. Патриархъ уходилъ въ храмъ Всѣхъ Святыхъ совершать литургію, а царь чрезъ синтропъ алтаря уходилъ въ смежный съ нимъ евктирій въ честь святой царицы Теофанѣ, жены Льва Мудраго.

Здѣсь царь снималъ хламиду и садился въ ожиданіи чтенія евангелія. Когда приближалось время чтенія евангелія, царь изъ евктирія св. Теофаніи и (быть можетъ, въ евктиріи св. Льва, который примыкалъ къ алтарю храма Всѣхъ Святыхъ) становился у входа въ алтарь, закрытый завѣсою, и слушалъ евангеліе и ектенію, за нимъ слѣдующую. Выслушавъ евангеліе, царь возвращался опять въ евктирій св. Теофаніи, садился тамъ, утверждалъ списки приглашенныхъ на этотъ день къ обѣду чиновниковъ и сановниковъ, потомъ облакался въ обшитый золотою каймою плащъ и чрезъ нарѣикъ евктирія св. Ипатія выходилъ на прилегавшій къ восточной сторонѣ храма Всѣхъ Святыхъ и вышеозначеннымъ евктиріямъ дворикъ (*ἐξἄερον*), а оттуда поднимался по деревянной лѣстницѣ, ведшей изъ евктирія св. Константина, что въ храмѣ св. Апостоловъ, въ катихуменіи этого храма. Черезъ нихъ царь съ чинами кувуклія проходилъ во дворецъ, прилегавшій къ храму св. Апостоловъ. Въ большой палатѣ этого дворца, по окончаніи литургіи, давался обѣдъ духовнымъ, военнымъ и гражданскимъ сановникамъ по чину понедѣльника Пасхальной недѣли, описанному выше.

Изъ того обстоятельства, что царь съ патриархомъ входятъ въ храмъ Всѣхъ Святыхъ послѣ «открытія» церковныхъ вратъ при пѣніи: «Возьмите, врата князи, ваша и пр.» видно, что выѣздъ въ этотъ

храмъ соединялся съ праздникомъ обновленія или освященія храма Всѣхъ Святыхъ. Такія празднованія для освященія храмовъ были очень распространены въ Константинополѣ и въ недавно открытомъ древнѣйшемъ уставѣ Великой церкви ¹⁾ имѣется довольно много указаній на эти ежегодные праздники освященія, которыя состояли въ важнѣйшихъ храмахъ въ томъ, что изъ св. Софіи или другой церкви дѣлался крестный ходъ, иногда съ патриархомъ во главѣ, а по приходѣ въ празднующей годовщину своего освященія храмъ совершалось послѣдованіе «открытія», причемъ, при пѣніи вышеупомянутыхъ стиховъ псалма, открывались церковныя врата и совершался малый входъ.

Въ данномъ случаѣ, въ день празднованія освященія храма Всѣхъ Святыхъ, которое, очевидно, совершалось въ недѣлю Всѣхъ Святыхъ, крестный ходъ совершался патриархомъ изъ храма св. Софіи съ духовенствомъ и народомъ безъ участія царя, который прѣѣзжалъ верхомъ съ своимъ синклитомъ раньше патриарха и съ нимъ совершалъ крестный ходъ только изъ храма св. Апостоловъ, стоявшаго рядомъ.

Подобнаго же рода праздникъ, соединенный съ выѣздомъ царя въ храмъ св. Апостоловъ, совершался 21 мая, день празднованія памяти св. Константина и Елены и освященія небольшихъ храмовъ или евктіріевъ въ честь ихъ, построенныхъ при дворцѣ Вона или Новомъ дворцѣ близъ храма св. Апостоловъ. Для празднованія этого дня за нѣсколько дней царь вышеописаннымъ порядкомъ торжественно переѣзжалъ изъ Большого дворца въ Новый, гдѣ передъ святыми и честными крестами служилась всенощная частнымъ образомъ, т.-е. безъ наряднаго выхода и присутствія чиновъ синклита (*οἰκειαρχῶς*).

Въ день праздника, 21 мая, царь около 2 часовъ дня, т.-е. около 8 часовъ утра по нашему времячисленію, облачался въ пурпурный скарамангій, препоясывался мечемъ и отправлялся верхомъ въ сопровожденіи чиновъ синклита и кувуклія изъ дворца Вона въ храмъ св. Апостоловъ по дорогѣ, ведущей къ храму св. Іоанна въ Ксиропиніи. Доѣхавъ

¹⁾ О празднованіи дня освященія церковей въ Константинополѣ, см. статью Н. Θ. Красносельцева „Типикъ церкви св. Софіи въ Константинополѣ IX в.“, помещенную во II выпускѣ Лѣтописи историко-филологическаго Общества при Новороссійскомъ университетѣ, стр. 207 и слѣд. (Статья эта вышла также отдѣльнымъ оттискомъ). Здѣсь проф. Красносельцевъ разбираетъ и ~~чинъ или послѣдованіе~~ „обновленія“, какъ оно совершалось въ IX в. Въ главныхъ моментахъ, которые отмѣчены въ Придворномъ уставѣ, чинъ „открытія“ или „отверженія“ (*ἀνοίξεως*), согласенъ съ церковнымъ чиномъ, какъ онъ указанъ для праздника освященія или обновленія (*ἐγκαίνια*) Халкопратійскаго храма, и состоялъ изъ всенощной наканунѣ, потомъ въ день праздника крестнаго хода въ Халкопратійскій храмъ, гдѣ, по „отверженіи“ дверей, совершалась литургія.

до храма св. Апостоловъ, царь входилъ чрезъ большую дверь лутира во дворъ, а оттуда въ нарѣикъ, гдѣ налѣво отъ входныхъ дверей въ восточной сторонѣ были поставлены въ особомъ помѣщеніи, отдѣленномъ отъ остального нарѣика завѣсою, для царя кресла царскія и куда заранѣе принесены были предметы царскаго параднаго облаченія: дивитисій и хламида.

Царь, войдя въ это помѣщеніе, снималъ свой военный верховой костюмъ и облачался въ дивитисій и хламиду. Въ парадномъ облаченіи царь входилъ чрезъ царскія двери изъ нарѣика въ храмъ собственно и шелъ къ св. вратамъ алтаря, предъ которыми и совершалъ обычную молитву со свѣчею въ рукѣ. Послѣ молитвы царь входилъ въ алтарь и, повернувъ налѣво, направлялся къ сѣверной сторонѣ алтаря, гдѣ былъ входъ въ придѣльный храмъ св. Константина. Въ дверяхъ, ведущихъ въ этотъ храмъ изъ алтаря храма св. Апостоловъ, стоялъ въ ожиданіи царя патріархъ и встрѣчалъ его. Раскланявшись и поцѣловавшись обычнымъ порядкомъ, царь и патріархъ шли къ святымъ вратамъ устроеннаго тамъ алтаря въ честь св. Константина, помолившись предъ ними, входили въ алтарь, гдѣ царь, безъ сомнѣнія, прикладывался, по обыкновенію, къ св. престолу и затѣмъ, взявъ у патріарха кадило, кадилъ вокругъ св. престола, потомъ подходилъ съ кадиломъ къ гробамъ Льва VI, Василя Македонянина, царицы Теофаніи, жены Льва, и, наконецъ, къ гробницѣ св. Константины и Елены и кадилъ предъ ними. Совершивъ, такимъ образомъ, поклоненіе праху своихъ предковъ и мощамъ святыхъ, память которыхъ въ этотъ день праздновалась, царь при пѣніи пѣвчими тропаря: «Креста Твоего образъ на небеси видѣвши», выходилъ, сопровождаемый своимъ синклитомъ, изъ храма св. Константина и чрезъ дворикъ (ἔξἄερον), прилегавшій къ алтарной конхѣ храма Всѣхъ Святыхъ, выходилъ на улицу, ведущую ко дворцу Вона, причемъ во время шествія, до самаго дворца, чины синклита, по обыкновенію, пѣли вышеприведенный тропарь, а когда входили во дворъ дворца, начинали пѣть: «Слава Тебѣ, Христе Боже, апостоловъ похвала», пѣснопѣніе, приличествующее празднику освященія храма. Во дворѣ дворца Вона царь садился на принесенное сюда пажами (ἀρχοντογενήματα)¹⁾ кресло и дожидался прибытія патріарха съ литією. Когда приходилъ патріархъ съ крестнымъ ходомъ и приближался къ тому мѣсту, гдѣ сидѣлъ царь, послѣдній вставалъ, раскланивался и цѣловался съ патріар-

¹⁾ Ἀρχοντογενήματα встрѣчаются, сколько мнѣ помнится, единственный разъ въ Придворномъ уставѣ только въ этомъ позднѣйшемъ сравнительно обрядѣ и соответствуютъ, очевидно, позднѣйшимъ архонтопуламъ (Ср. Reiske, Comment. p. 616).

хомъ, приложившись сначала къ кресту и евангелію, а затѣмъ оба они шли впереди всѣхъ и подходили къ дверямъ евктирія св. Константина, гдѣ совершался чинъ «отверзенія». По открытіи дверей при пѣніи: «возьмите врата, князи, вапа» и пр., царь и патріархъ входили въ алтарь св. Константина, молились тамъ предъ престоломъ и кадили вокругъ него, а потомъ царь выходилъ изъ алтаря налѣво и, поднявшись на ступени, становился противъ большого креста св. Константина, въ ожиданіи евангелія, а патріархъ продолжалъ литургію.

Царь слушалъ литургію только до евангелія и слѣдующей за нимъ ектеніи, какъ обыкновенно онъ дѣлалъ, когда въ храмѣ не пріобщался. По окончаніи ектеніи, царь уходилъ или, точнѣе, поднимался во дворецъ Вона, утверждалъ тамъ списокъ приглашенныхъ чиновъ, затѣмъ ожидалъ прибытія патріарха съ высшимъ духовенствомъ, по окончаніи литургіи. Съ прибытіемъ ихъ, царь съ патріархомъ, высшимъ духовенствомъ и чинами синклита, приглашенными въ этотъ день, обѣдалъ по чину подобныхъ праздничныхъ обѣдовъ, главные моменты котораго были указаны въ изложеніи обряда понедѣльника Пасхальной недѣли.

Д. Бѣляевъ.

УКАЗАТЕЛЬ.

- Августеонъ см. Форъ.
Аврамитовъ монастырь 66.
Алуси, предмѣстье Евдома 92.
Апелатикъ 174 сл., 181.
Апокомвій 123 сл., 129 сл., 130 сл.
Арка Θεодосія I 21 сл.
Артополій (хлѣбный базаръ) 158, 176.
Ἀρχοντογενήματα 185.
Атриклинъ 163.
Аэиръ 118.
Василія I Македонянина въѣздъ 54, 66 сл.
Веститоры 182.
Влахерны, кварталъ 14, 68 сл. 73, 75, 80, 86.
Ворота Адрианопольскія (Харисія) 31, 70;
Золотыя 16 сл., 66, 68 сл., 73, 158; Источника 50; Θεодосіевыхъ стѣнъ 16, 25.
Дворецъ Влахернскій 69; Вона 155, 184 сл.;
Дафны 164; Лавза 104 сл., 107 сл.,
138, 158.
Дивитисіи 113, 118, 125, 129, 135, 156 сл.,
164, 185.
Дидаскалій 125.
Димы Ипподрома 121, 126 сл., 171 сл.
Дромики 174 сл.
Друнгарій виглы 170.
Діаватики 128; дворца Дафны 180; св. Николая 132; Сорока мучениковъ 128;
Храма Господа 179.
Доместикъ гвардейскихъ школъ 127.
Евдомъ 54, 57; сл.; дворецъ 84, 88 сл.
Консисторія 73 сл., 89; трибуналъ 89 сл.
Евктирій Ипатія 148, 150, 183; Константина 115, 118 сл., 121, 137, 140, 144 сл.
160, 183, 186; Льва 150, 183; Юстиніана 144 сл., 151; Θεοφάνη 146, 149 сл., 183.
Egnatia via 67, 70, 85.
Екдики 120.
Ексакіоній 33 сл.
Енгистіаріи 163 сл.
Зевксиппа банн 176.
Золотая рука 180.
Идикъ 128.
Іерія 17, 66, 69.
Капитолій 41 сл.
Катихуменіи св. Софій 124 сл., 129, 133,
146 сл., 161 сл., 182 сл.
Кикловій 78 сл.
Кладезъ св. 112, 132.
Клидійскій монастырь 81 сл.
Коловій 165.
Колонна Аркадія 35 сл.; Константина 7,
45 сл.; Θεодосія 42 сл.; цикалларіевъ 7
Кони чиновъ кувуклія 169.
Консисторія 127 сл., 132, 179.
Константиніаны 159.
Конюшенный комитъ 170.
Коровы 118, 125, 128, 130.
Крестоносецъ 116, 120.
Кресты процессуальные 116.
Ксиролофъ 34 сл.
Кувикуляріи конные 170.
Кукумаріи 163.
Лавзіакъ 128, 131.
Ливелларій 172 сл.
Логоетъ дрома 170.
Льва I въѣздъ 55; провозглашеніе 65 сл.
Магнавра 74, 78 сл., 84.
Макри-кѣй 67 сл., 75, 87.
Маманта св. монастырь 69.
Марсово поле 65 сл., 73 сл., 86.
Масалма 83.
Мечи 165 сл.
Милій 85 сл., 104 сл., 118, 126 сл., 156, 176.
Мугаторій 115, 118, 124 сл., 132.
Никифора Фоки въѣздъ 17 сл.
Октагонъ 112, 135.
Оливрій 159.
Омовенія обрядъ 134.

- Опоподо 180.
 Орологій 182 сл.
 Остіаріи 125 сл., 163.
 Подсвѣчники ручные 121.
 Пристань Влахернская 70; источникъ 18.
 Протоспааріи евнухи 170.
 Референдарій 120 сл.
 Ригій 70.
 Свѣча процессіональная 118, 122, 158, сл., 183.
 Сигма (портякъ) 32 сл., 54, 180.
 Силенціаріи 124, 163 сл.
 Синклитики 127.
 Скарамангій 125, 128 сл., 131, 157, 165, 184.
 Спааріи 169.
 Спаарокандидаты 169.
 Спаарокувикуляріи 170.
 Средняя улица 30 сл., 48 сл., 66, 73, 104, 118, 136, 156, 176.
 Статуя Вигилія 28; Феодосія Вел. и Младшаго 28.
 Стольникъ 163.
 Стѣны Византіи 6 сл.; Иракліевы 10, 15, 68; Львовская 16; Феодосіевы 9 сл., 14, 68.
 Сулейманъ 80 сл.
 Текфуръ-Сарай 62, 68 сл., 71, 74 сл., 84, 89.
 Тропика 96 сл.
 Туфа (тіара, тога) 165 сл., 179.
 Форъ (площадь) Августеонъ 48 сл., 102, 126; Амастрійскій 40 сл.; Аркадія 35 сл.; Константина 44 сл., 48, 73, 104, 132 сл., 157 сл. Тавра (Феодосія) 35, 42 сл., 158.
 Филадельфій 41 сл.
 Халка 105, 112 сл., 126 сл., 176.
 Халкопратіи (Мѣдные Ряды) 93 сл.
 Хламиды 113 сл., 118, 124 сл., 129, 135, 156 сл., 164, 182 сл.
 Храмъ св. Апостоловъ 70, 136, 138 сл., 162; * Богоматери Аврамитовъ 66; Богоматери Агіосоритиссы=Халкопратійскій; Богоматери Діакониссы 131, 158; Богоматери въ небесахъ 99 сл.; Богоматери Фара 136, 135; Богоматери на форѣ Константина 48; Всѣхъ святыхъ 148 сл., 181 сл.; Господа 127 сл.; св. Евфиміи Оливрія 175; св. Зои 149; ап. Іакова брата Господня 96 сл., 123, 129; еванг. Іоанна Богослова 73, 91 сл.; Іоанна Предтечи 61, 65, 70, 74, 84, 91 сл.; св. Мокія 54, 130, 181; Отроковъ 70 сл.; св. Поліевкта 158; св. Раки 96, 123, 129, 132; св. Стефана въ Дафнѣ 135; Халкопратійскій 92 сл.
 Хрисотриклинь 115, 128, 131 сл., 163, 179.
 Церемоніарій 118 сл.
 Чины числа 119 сл.
 Школы 178.
 Юстиніана въѣздъ 69.
 Эскувитовъ палата 126 сл.
 Теофила въѣздъ 55 сл., 69 сл.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Отъ редакціи	I
ГЛАВА I. Средневѣковый Константинополь и Средняя улица въ немъ . . .	1
ГЛАВА II. Евдомъ	57
ГЛАВА III. Выходы въ храмъ Халкопратійскій	92
ГЛАВА IV. Богомольные выходы и выѣзды въ храмъ св. Апостоловъ . . .	138
Указатель	187
